

Патриарх ТИХОН

И

ИСТОРИЯ

Русской Церковной смуты

КНИГА I

*****

Составитель и автор комментариев
М.Е. Губонин

САТИСЪ
Санкт-Петербург
1994

По благословению Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

Святейший Патриарх
Московский и всея Руси
ТИХОН

МОЛИТВА

СВЯТИТЕЛЮ ТИХОНУ, ПАТРИАРХУ ВСЕРОССИЙСКОМУ

О, священная Главо, святителю отче наш Тихоне! Избранниче и исповедниче Христов, кротостию снискавый духовный плод мира и радости о Духе Святом. Царицы Небесной возлюбленный служи́те – лю, пастырю дивный, любовию озаривый души и сердца словесного стада Христова, со умилением прекло́ньша колена и припадая к раце твоей, мо – лим: ты: принеси молитву нашу ко вся содержащему и спасающему человеколюбцу Господу. Ему же ны – не с лики ангелов и со всеми святыми предстоиши, да утвердит во святей Своей Православной Церкви живый дух правыя веры и благочестия, пастырем же ея да даст святу́ю ревность о спасении вверен – ных им людей.

Умоли Господа Славы да укрепит, умудрит и со – хранит народы наши от злаго насилия, обстояний и обмана. Поставленным для управления и суда ни – спошлет усердие, мудрость и нелицеприятие, да – тако поживем тихое и безмолвное житие.

О, святителю Тихоне, веруем бо, яко ты, на небе – сех живый, любиши ны тою же любовию, ею же вся ближния твоя возлюбил еси, внегда пребывати тебе на земли. Испроси у Всемилостивого Господа всем нам подати дар коемуждо благопотребен и вся яже

к животу временному и вечному полезная, миру –
умирение, градов утверждение, земле плодоносие,
от глада и пагубы избавление, от нашествия ино –
племенных сохранение, скорбящим утешение, не –
дугующим исцеление, падшим возстание,
заблуждающим на путь истины возвращение, по –
дви– заючимся в делах благих укрепление, благо –
делающим преспеяние, родителем благословение,
чадом в страхе Господнем воспитание и научение,
наставником ведение и благочестие, неведущим
вразумление; сирым, неимущим и убогим помощь
и заступление; отходящим от сего временного жи –
тия к вечному благое уготовление и напутствование,
отшедшим блаженное упокоение.

О, святче Тихоне, не остави нас твоими молитва –
ми. Даруй нам спасительно пожити в вещи сем и
прославити великолепое имя Отца и Сына и Свята –
го Духа во веки веков. Аминь.

**СОВРЕМЕННОКИ
О ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

“...Миф и легенда часто гораздо глубже воплощают в себе дух истории, чем самые исторические факты. К их голосу надо прислушиваться всякому, кто хочет проникнуть в судьбы прошлого...” (“Беседы с собственным сердцем”. Архиеп. Анастасий Грибановский. Белград. 1935).

“...Мемуары особенно ценны вскрытием закулисных подробностей. В официальных актах, как всегда, много условной фальши...” (“Очерки по истории Русской Церкви”. Карташев А. В. проф. Д. А. в Париже. Т. П. ИМКА-ПРЕСС. Париж).

“...Историки обычно излагают биографии больших исторических деятелей, уделяя главное внимание основным событиям их жизни, не обращая особого внимания на детали. Между тем, иной раз детали больше характеризуют человека, чем его служебная биография...” (“Очерки обновл. движ. Р. П. Ц.” Краснов. Рукопись. Москва. 1960).

Сто лет тому назад, 19.01. (01.2) 1865, в занесенном снежными метелями заштатном городке Псковской губернии Торопце, в семье рядового приходского священника Спасо-Преображенской церкви, о. Ивана Белавина, родился человек, которому впоследствии суждено было не только возглавить величайшую Русскую Православную Церковь, но и сохранить Ее в самую тяжелую и смутную пору жизни в возможном для дальнейшего существования виде. Более того: он предназначен был не только к этому сверхчеловеческому подвигу, но и к тому, чтобы своим внутренним духовным обликом явить православным русским людям своего времени поучительный пример непоколебимой веры в Бога, нелицемерной любви к Церкви и беззаветной преданности вековым устоям

родной страны. И, наконец, он призван был к тому, чтобы показать всей своей внутренней духовной сущностью прекрасный образец личной святости, безупречной чистоты и негибкой твердости и непоколебимости своих религиозных и национальных убеждений, которые, являясь вечными ценностями, не подлежат никаким колебаниям и изменениям и не обмениваются ни на какие чечевичные похлебки.

Речь наша идет о приснопамятном Святейшем Тихоне, Патриархе Московском и всея России.

В более или менее отдаленном будущем, Православные историки, несомненно, тщательно соберут и добросовестно изучат все материалы, оставшиеся после небывалой, величественной и трагической эпохи — времени управления им Церковью; его церковно-административной и национально-патриотической деятельности; воссоздадут и оценят его непререкаемо-чистый, украшенный всеми высокими дарами национального гения, обаятельный духовный облик...

И думаем, что на пути собирания и накапливания потребных материалов, наибольший пробел будет обнаружен в области его личного быта; в области “будней” его жизни, неизвестных и незримых широким кругам верующих русских людей. Свидетелями и участниками этих будней обычно являются лишь келейники, швейцары, кучера и дворники, — лица из числа самой ближайшей повседневной obsługi, а также те немногие наблюдательные люди из многочисленного потока посетителей, которые понимают истинную цену для историка и бытописателя всевозможных бытовых “пустяков”, тем более когда эти последние являются фоном для личности большого духовного значения и широкого исторического звучания и смысла, как для своего времени, а также (если не более) и для грядущих дней. Но, к сожалению, Иванушка Шушерин — келейник и мемуарист Патриарха Тихона, как равно и помянутые выше “наблюдательные люди”, — редчайшее исключение. Большинство же обычно “смотрят и не видят”, не говоря уже о целом

ряде трудно объяснимых психологических и исторических моментов, мешающих людям сразу же правильно усваивать и должным образом оценивать все происходящее непосредственно перед их умственным и физическим взором.

К личности и деятельности Святейшего Патриарха Тихона, как к явлению внезапному и огромному по своей историко-моральной значимости все это относится в самой большой степени. Поэтому совершенно прав сказавший, что "...трудно быть современником великих исторических событий и людей. Необходимо стоять на некотором расстоянии, чтобы видеть величие того, что действительно велико; нужно иметь возможность оглянуться, чтобы видеть вершину горы; и то, что мы легко можем рассмотреть издали, не охватывается зрением, если находится непосредственно перед нашими глазами. Кроме того, чтобы познать великое, необходима еще некоторая общность духа с ним, — нужно, чтобы душевные силы были одного с ним порядка и находились на должной высоте. Дело и страдания Патриарха Тихона столь огромны, столь единственны в своем роде, что ускользают от холодного и равнодушного взгляда. Сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая..." (Булгаков С. Н.).

И не зря сказал — на другой же день после интронизации Святейшего Патриарха Тихона — митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий; доктор церковной истории), что "...восстановление патриаршества есть великое историческое событие, значения которого мы, быть может, теперь ясно не сознаем, а оценят его наши потомки, для которых раскроется весь смысл происходящего в настоящий момент, подобного которому навряд ли что было в нашей истории..."

И вот, может быть, именно поэтому, — в силу нашего недопонимания, в силу невозможности для нас достойного восприятия и осмысления всего происходящего перед нами, многое ускользнуло и безвозв-

ратно исчезло из того, что в действительности должно было быть сберегаемо и тщательно, с любовью, сохранено, как высочайшие реликвии духа ушедшего Первосвятытеля...

И чего, к сожалению, не сделано по тем или иным причинам.

Но если этот печальный вывод вполне приложим ко многим сторонам вещественного и духовного наследия Патриарха Тихона, то что же в таком случае остается сказать о тех ушедших “пустяках” его быта, его повседневной жизни, о которых мы упомянули выше, и о своевременной фиксации которых, конечно, ни у кого не было и помысла, к тому же и вся обстановка той эпохи всемерно способствовала образованию этого, крайне досадного пробела в сумме материалов, оставленных им потомству.

К великому огорчению нашему, ничего другого, кроме тягостной русской поговорки, сказать по этому поводу нечего... Воистину — “что имеем не храним, потерявши — плачем”!

Все вышеприведенные безрадостные рассуждения наши ведут к тому, чтобы читателю стали ясны те побудительные причины, в силу которых возникла и — после долгих и настойчивых усилий — была осуществлена предлагаемая здесь работа.

В нашем Сборнике, озаглавленном “Современники о Патриархе Тихоне”, собраны, по возможности, те “мелочи патриаршей жизни”, которые, по-видимому, не могут претендовать на внимание и место в официальной биографии почившего Святейшего Патриарха Тихона или солидном исследовании о его жизни и деятельности, именно в силу этой своей кажущейся маловажности.

Между тем, благоговейное почитание памяти сего Великого Святителя внушило нам мысль о самом тщательном собирании и бережном хранении этих биографических бытовых крох, так как думается, что при всей своей — повторяем — кажущейся незначительности, приведенные штрихи нередко носят на се-

бе печать большой исторической правды и обнаруживают ту интимную сторону жизни, следы которой тщетно мы стали бы искать в официальных источниках.

Поэтому, пренебрегать подобными “мелочами” — значит, по нашему разумению, сознательно закрывать глаза на уяснение себе многих психологических и бытовых особенностей, присущих его облику и деятельности.

А то обстоятельство, что среди всего собранного материала оказалось немало разного рода “мусора”, а то и заведомой лжи, нисколько не повлияло на нашу решимость внести все это в один свод, наряду с другими, объективными и правдивыми сообщениями. Наоборот: для вдумчивого читателя на темном фоне фантастики и инсинуаций, еще ярче подчеркнется все то высокое и светлое, что было столь присуще нашему Первому — из современных — Святейшему Патриарху.

Кроме того, здесь, без сомнения, также отразился непередаваемый словами дух времени; дух злобы, коварства и неприязни... И его не следует отмечать. Нужно лишь спокойно и объективно отделить плеве-лы от пшеницы (чтый, да разумеет).

Являясь подлинным и крупнейшим общенародным деятелем своей небывалой исторической эпохи, в самом широком и благородном смысле этого слова, Святейший Патриарх Тихон и по высокому положению своему и по чувству неиссякаемой деятельной любви к людям вообще (без деления их на какие-либо категории, как это теперь принято), изо дня в день соприкасался так или иначе с огромным количеством представителей народа, самого различного настроения и положения и, являясь в силу особенностей своего духа и характера, личностью далеко не обычного порядка, — оставил множество воспоминаний о себе в сердцах и памяти лиц, не только любивших и чтивших его, но и совсем иного — противоположного направления.

И казалось, что собрав воедино все, этого рода, духовное наследие приснопамятного Великого нашего Первосвятителя, мы имели бы в своих руках прекрасный памятник величия духа, смиренномудрия и нелицемерной святости его, — памятник полезный не только для воспоминания и утешения, но, наипаче — для поучения и назидания многих из нас.

К сожалению, однако, по целому ряду уважительных причин, останавливаться на которых подробнее, здесь нет надобности и смысла, — своевременно сделать это не представлялось возможным, а позже, когда эта возможность, наконец, явилась, пришлось с сожалением констатировать, что “...иных уж нет, а те — далече...”

Посему, как нам кажется, остается утешать себя хотя бы тем, что и то, что удалось собрать здесь путем выписок из различных изданий, не всегда и не всем доступных, или тщательных расспросов из достоверных уст людей правдивых и (хотя бы относительно) внушающих доверие, в свое время более или менее близких к ушедшему Первосвятителю, восполнит, до некоторой степени этот, крайне досадный пробел в общей массе материалов к биографии Святейшего, тем более, что для нас совершенно очевидно (и с каждым днем подтверждается все более и более), что “...значение судеб Православия в России и значение почившего Патриарха не замыкается в границах российской равнины...”, как справедливо выразился почтенный варшавский протопресвитер (в свое время бывший членом Собора 1917—1918 гг.), о. Терентий Теодорович.

А то, что в почившем Первоиерархе нашем “...идея патриаршества нашла свое лучшее оправдание и подтверждение...” (“Жизнеописание Тихона, Патриарха Московск. и всея России”. Рукоп.), кажется, уже становится очевидным и для многих “слепых”.

Отсюда — надеемся, что не “всуе трудимся”.

“Поминайте наставники ваши” — заповедано всем нам... (Евр. 13, 7).

Святейший же Патриарх Тихон был не только живым и чистым сердцем Русской Церкви, но и в смирении своем, светозарным вождем всех церковных героев духа современности. И когда же уместнее всего вспомнить о нем и воздать должное его светлой и святой памяти, как не в день столетия его рождения в этот мир, который принес ему столько страданий и — наоборот — столько радости и бодрости его пасомым, его современникам и — верим — нашим Православно-верующим потомкам.*

К этому именно дню и приурочен наш посильный труд, за неизбежные недостатки которого просим снисхождения и прощения.

К сказанному желательно добавить лишь то, что действительную историко-бытовую и духовную, так сказать, ценность, или значимость приводимых далее сообщений предоставляется, конечно, прочувствовать и оценить каждому, кто потрудится прочитать их. Следует иметь в виду лишь то, что литературная обработка устных сведений произведена лицом случайным в этой области, что несомненно, до некоторой степени, не могло не повлиять отрицательно на форму, в которую облечены эти “рассказы современников о Патриархе Тихоне”.

В “Примечаниях и дополнениях” по возможности приводятся некоторые сведения разъяснительного характера и дополнительные данные, отсутствующие в рассказах. Они не всегда достаточно полны. Покорнейше просим отнести это обстоятельство не к нашему нерадению, а к отсутствию возможности представить их с желательной полнотой.

Бранденбург, апрель 1945 г.

Москва, ноябрь 1964 г.

Составитель.

---

* Говорят, что премудрый император древнего мира Марк Аврелий, как-то сказал: “...Когда ты родился, ты плакал, а другие радовались; живи так, чтобы, когда ты будешь умирать, ты радовался, а другие плакали...” (“Миссионерский Сборник”. Рязань, 1910). Как известно, Святейший Патриарх Тихон в полной мере выполнил и это глубокое изречение античной философии: последними, радостно-хвалебными словами его на земле, были: “...Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!...” А вся Русская Церковь плакала...

1. ШАВЕЛЬСКИЙ Г. И., ПРОТОПРЕСВИТЕР ^{1.1}

АРХИЕПИСКОП ВИЛЕНСКИЙ И ЛИТОВСКИЙ ТИХОН В СИНОДЕ

...Я впервые увидел митрополита Питирима (Окнова) ^{1.2} в Синоде на заседании, приблизительно через неделю после его назначения...

Одним из первых дел, которым занялся Синод при участии нового митрополита, было Тобольско-Варнавинское. ^{1.3} Тут сразу определился курс Питирима (Окнова).

Как уже говорилось, резолюцией государя предлагалось новой зимней сессии Синода пересмотреть уже состоявшееся решение Св. Синода по Тобольскому делу. Чтобы заняться исключительно этим делом, назначили особое заседание вечером — в кабинете обер-прокурора. Это было во второй половине ноября (1915 г. *Сост.*). Председательствовал митрополит Владимир (Богоявленский). ^{1.4} Кроме членов Синода, присутствовали: обер-прокурор ^{1.5} А. Н. Волжин, директор его канцелярии В. И. Яцкевич, управляющий канцелярией Синода П. В. Гурьев, его помощник С. Г. Рункевич и секретарь Синода Н. В. Нумеров ^{1.6}. Всегда неровный и нервный, митрополит Владимир (Богоявленский) теперь особенно нервничал, ибо он принципиально не сочувствовал пересмотру Варнавинского дела; теперь же он, кроме того, переживал остроту нанесенной ему обиды из-за этого дела.

— Это у нас будет частное совещание? — обратился он к обер-прокурору, оглядывая его кабинет и его костюм: обер-прокурор был в простом сюртуке, а не в мундире, как он обычно бывал на заседаниях Св. Синода.

— Нет, зачем же совещание. Будет настоящее заседание Синода ^{1.7} — ответил обер-прокурор.

— Тогда почему же не там? — заметил недовольным тоном митрополит, указывая по направлению к синодальной палате.

Уселись за стол. Ober-прокурор сел против митрополита Владимира (Богоявленского). Секретарь изложил сущность дела. Была прочитана царская резолюция. Началось обсуждение дела. Митрополит Владимир (Богоявленский) нервно и резко обвинил Варнаву (Накропина), доказывая справедливость прежнего синодального решения. С большой горячностью против епископа Варнавы (Накропина) говорил Тверской архиепископ Серафим (Чичагов). Он тогда переживал свою досаду. Энергично поддерживая связи с двором, не брезгуя знакомством с Распутиным, он крепко рассчитывал попасть в митрополиты. В конце ноября этого года, полк. Д. Н. Ломан, ктитор Федоровского собора, близкий к архиепископу Серафиму (Чичагову) и Распутину, как-то откровенничал передо мною: “Почему Питирима (Окнова), а не Серафима (Чичагова) назначили Петроградским митрополитом?” — возмущался Ломан. — Я уже говорил Григорию: “Что же ты не постарался для Серафима (Чичагова)?” — Утешает: “Пусть обождет. Вот, помрет Московский (митрополит Макарий Невский. Сост.), — тогда Серафиму (Чичагову) дадим”. Но Московский был живуч, и перспектива ожидания его смерти Серафиму (Чичагову) не улыбалась. Да Петроградская кафедра и манила его больше Московской. Серафим (Чичагов) сразу стал в раду противников перепрыгнувшего его Питирима (Окнова).

Как бывший гвардейский полковник и столбовой дворянин, архиепископ Серафим (Чичагов) вообще свысока, если не с презрением, относился к мужику и неучу епископу Варнаве (Накропину). Теперь же он не мог стать его защитником еще и потому, что последний был другом и наперсником Распутина, так жестоко обманувшего его радужные надежды. Несмотря, однако, на такие мотивы, которые, по моему убеждению, оказывали влияние на образ действий архиепископа Серафима (Чичагова), я должен сказать, что обвинительная его речь, — иначе не могу назвать ее, — против Варнавы (Накропина) была и смела, и

серьезна. Протопр. А. А. Дернов, как всегда, прямолинейно и резко обвинял Варнаву (Накропина). Я, соглашаясь с наличием несомненного преступления Варнавы (Накропина) и необходимостью наказать его, считал, однако, что нельзя не принять во внимание резолюцию государя, который просит Синод о смягчении наказания виновному епископу. Вместе с этим я находил совсем недопустимым, как могущее вызвать большой соблазн, синодальное послание к пастве о недействительности произведенного Варнавою (Накропиным) прославления (святителя Тобольского Иоанна Максимовича. *Сост.*). Митрополиты Питирим (Окнов) и Макарий (Невский) Московский в течение всего заседания не проронили ни одного слова. Прочие члены Синода говорили в примиряющем тоне. Началось голосование. Митрополит Питирим (Окнов) воздержался от подачи голоса. Говорили, что раньше в Синоде такого рода воздержание не практиковалось. Решение Синода было таково: прославление считать недействительным; для нового освидетельствования мощей и проверки сведений о чудесах командировать в Тобольск Литовского архиепископа Тихона; епископу Варнаве (Накропину) сделать внушение. Митрополит Питирим (Окнов) не заявил протеста против такого решения. Обер-прокурор приказал спешно заготовить протокол настоящего заседания для скорейшей подписи.

Следующее заседание состоялось чуть ли не на другой день. Когда члены Синода заняли свои места, был подан заготовленный протокол вчерашнего заседания по Тобольскому делу. Но митрополит Питирим (Окнов) заявил, что он не может подписать протокола, так как с решением Синода не согласен и просит выслушать его мнение. Митрополит Владимир (Богоявленский) совершенно резонно, но очень резко стал доказывать, что дело решено, что митрополит Питирим (Окнов) вчера на заседании мог высказать свое мнение, а не молчать и, при несогласии с решением всех, вчера же должен был заявить о своем желании

подать особое мнение и пр. Учитывая, что отказ митрополиту Питириму (Окнову) в его желании сейчас высказаться будет в Царском Селе ложно истолкован как пристрастное отношение и к епископу Варнаве (Накропину), и к митрополиту Питириму (Окнову), некоторые члены решительно высказались за то, чтобы позволено было митрополиту Питириму (Окнову) изложить свое мнение. Митрополит Владимир (Богоявленский) в конце концов уступил. Митрополиту Питириму (Окнову) было предоставлено слово. Питирим (Окнов) говорил долго, опустив глаза вниз, ни на кого не глядя. Это была речь не судьи, а адвоката и притом адвоката бездарного, который чтобы оправдать своего клиента, обвиняемого, скажем, в воровстве, силится доказать, что его клиент не хромым и не слепой, не отказывает своей семье в куске хлеба и не убивает среди бела дня на улице людей. Течение мыслей и речи митрополита Питирима (Окнова) была таково: епископу Варнаве (Накропину) объявляется внушение, прощение. Есть ли за что наказывать епископа Варнаву (Накропина)? Блудник ли он? Нет. Корыстолюбив? Тоже нет. Не учителен? Он проповедует, как умеет. Если его проповеди простые, не ученые, он не виноват: когда его ставили в епископы, знали, что он не образован и т. д. Защитники упорно обходили факт, лежавший в основе обвинения епископа Варнавы (Накропина) и решения Св. Синода, что епископ Варнава (Накропин) превысил данную ему власть, нарушил церковный закон и даже не исполнил царского указания. Несомненно митрополит Питирим (Окнов) не настолько был глуп, чтобы после целого заседания, посвященного обвинению епископа Варнавы (Накропина), он не понял, за что же нападают на этого святителя, и чтобы теперь он не чувствовал фальши своих доводов, своей защиты, но ему надо было одного добиться, чтобы в Царском Селе узнали, что и новая сессия сурово отнеслась к епископу Варнаве (Накропину), а он один защищал его.

Митр. Питириму (Окнову) возражали: митр. Владимир (Богоявленский), архиепископ Серафим (Чичагов), протопр. А. А. Дернов и я. Протопр. Дернов обвинял Питирима (Окнова) в неискренности, скрыто — в недобросовестности. Я спокойно разобрал всю его нелепую апологию, показав ее несерьезность и нелогичность.

Началось голосование. Митрополит Макарий (Невский), и на этом заседании не проронивший ни слова, заявил, что он не расслышал всего, что говорилось на заседании и поэтому не может высказать своего мнения. Прочие члены согласились лишь смягчить некоторые выражения в заготовленном протоколе, оставив прежний смысл. Митрополит Питирим (Окнов) примирился на этом.

Обыкновенно протоколы заседания подписывались на следующем заседании. Но чтобы митрополит за два дня не составил еще какого-либо мнения, обер-прокурор приказал приготовить протокол к концу заседания. Скоро новый протокол был подан к подписи. Подписали митрополиты Владимир (Богоявленский) и Макарий (Невский). Протокол передвинули к митрополиту Питириму (Окнову).

— Я потом подпишу, — сказал он, отстраняя бумагу. Члены Синода переглянулись.

— Мы должны после вас подписывать, — обратился к нему один из членов. — Может быть, будете добры не задерживать нас.

— Нет, я не могу сейчас, — перья здесь плохие, — ответил Питирим (Окнов). Тогда архиепископ Тихон вставил новое перо в одну из ручек и подал ее Питириму (Окнову).

— Вот это новое, хорошее перо.

— Нет, нет! Я такими перьями не пишу, — был ответ Питирима (Окнова).

Подписались без Питирима (Окнова) и начали разъезжаться. Исполнявший тогда должность товарища обер-прокурора В. И. Яцкевич, прощаясь со мной, сказал:

— Сегодня беспримерный день в Синоде: один из митрополитов на время слушания дела оглох, а другого высекли протопресвитеры... На другой день мы узнали, что протокол подписан митрополитом Питиримом (Окновым).

Поведение митрополита Питирима (Окнова) в Варнавинском деле раскрыло членам Синода, с кем в лице нового митрополита они будут иметь дело. Зато в Царском Селе его защита епископа Варнавы (Накропина) окончательно утвердила за ним репутацию верного и надежного царского слуги. Митрополит Питирим (Окнов) избрал для того времени верный, хоть для будущего и опасный, путь. Что ему теперь значило мнение о нем Синода, когда им были пленены царские сердца! О далеком будущем он не задумывался, ближайшее было в его руках..."

("Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота". Т. 1. О. Георгий Шавельский. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк 1954.)

“...Кажется, 11-го (24) и 12-го (25) сентября (1915 г. Сост.) я провел в Вильне, где, после посещения находившихся там военных госпиталей, был гостем архиепископа Тихона,* с которым сначала в городе, а потом на его чудной даче в Тринополе провел в приятной беседе около семи часов...

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ СОБОР В СТАВРОПОЛЕ И АРХИЕПИСКОП АГАФОДОР (ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ)

“...Я хорошо знал архиепископа Агафодора (Преображенского) по Московскому Собору (1917—1918 гг. Сост.). Тогда он поражал своею беспомощностью: его водили, ему подсказывали, за него решали...

...Предупрежденный моей телеграммой о цели нашего приезда, архиеп. Агафодор (Преображенский) принял нас как милый, гостеприимный хозяин: для встречи нас выслал на вокзал своего викария, еп. Михаила (Космодемьянского), и эконома иеромонаха Серафима, угощал по-архиерейски. Ужинать с ним было легко и приятно, беседовать же о деле куда труднее. Когда мы изложили ему свою просьбу, он запротестовал: нельзя открывать Собор, не снесшись с Патриархом, — надо сначала с ним снестись. Мы объяснили ему, что потому-то Собор и открывается, что нельзя сноситься с Патриархом, что Патриарх ничего не будет иметь против этого доброго и необходимого дела. В конце концов он согласился. Чтобы старец не передумал или не переубедили его, мы сейчас же принялись за писание бумаг Главнокомандующему и архиереям, с целью тут же немедленно заставить старца подписать их и отсюда же их разослать. Положиться на слово старца нельзя было: после Московского Со-

* Впоследствии — Патриарх Тихон...
(“Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота”. Т. 1. О. Георгий Шавельский. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк 1954.)

бора он еще более одряхлел, — плохо соображал, все путал, забывал. Сидя за чаем, он серьезно спросил меня:

— А К. П. Победоносцев^{1.8} помер?

— Умер, владыка, умер, давно умер! — ответил я.

— А-а, помер!... Хороший был человек. Царство ему небесное! — перекрестился архиепископ.

Когда на следующий день я стал читать архиеп. Агафодору (Преображенскому) написанные бумаги, он с удивлением начал спрашивать меня:

— Разве надо собирать Собор? А как же без благословения Патриарха? и т. п. — словом, за ночь все было забыто или перепутано. Пришлось убеждать снова...

...Приближенные Агафодора (Преображенского), как архим. Антоний... внушили ему, что созыв Собора вызовет гнев Патриарха, что можно обойтись и без Собора и т. п.

* * *

...19-го (5—1.6.1919 г. в Ставрополе Кавказском. *Сост.*) открылся Собор.^{1.9} Торжество началось совершением литургии. Служили: архиепископы — Агафодор (Преображенский), Митрофан (Симашкевич) и Димитрий (Абашидзе), епископы — Макарий (Павлов) и Гермоген (Максимов) со множеством духовенства... Агафодор (Преображенский) еле двигался, возгласы произносил по подсказке, вообще участие его в богослужении придавало последнему более похоронный, чем торжественный характер. Причастившись, Агафодор (Преображенский) сел в кресло. К нему подошел Кубанский еп. Иоанн (Левицкий), 12-й год состоящий его викарием.

— А вы кто такой? — спросил его Агафодор (Преображенский).

— Разве не узнаете меня? — с удивлением спросил Иоанн (Левицкий).

— Нет, нет, не узнаю!

— Я же викарий ваш, Кубанский еп. Иоанн (Левицкий).

Агафодор (Преображенский) внимательно посмотрел на Иоанна (Левицкого):

— Да, да! Похожи, похожи! Здравствуйте!...

* * *

...Переживший самого себя, совершенно одряхлевший, все забывающий, ни к какой работе не способный, архиеп. Агафодор (Преображенский) был характерной фигурой в нашей церковной жизни старого времени. Когда-то он был очень работоспособен, деятелен, в известном отношении талантлив, но теперь он все перезабыл, все перепутал, не в силах был разобраться в самых простых вещах...

* * *

...Номинальному инициатору этого Собора, архиеп. Агафодору (Преображенскому) Собор принес много огорчений. На Соборе оформилось отделение Кубанской Епархии от Ставропольской — событие, которого уже давно боялся престарелый, бессознательно цеплявшийся за власть архиепископ. Когда ему сообщили о соборном решении, он упал в обморок и при падении сильно ушиб голову и руку. Два дня после этого он почти без движения пролежал в постели. За этим последовали другие огорчения. Он мечтал, что собор поднесет ему белый клобук. Собор ограничился адресом, а вопрос о белом клобуке отложил до восстановления связи с Патриархом. Не дождавшись от Собора милости, старец впал в страх, как бы Собор или учрежденное им В. В. Ц. У. не отстранили его, по старости, от кафедры. Под этим страхом, постоянно мучившим его, он жил все время до самой своей кончины, 18/31 июля 1919 г., возможно ускоренной пережитыми на Соборе волнениями.

Присутствовавший при кончине архиепископа Агафодора (Преображенского) прот. Кирилл (Окинше-

вич) рассказывал мне, что старец умирал спокойно, в полном сознании. Около него в момент смерти находились еп. Михаил (Космодемьянский) и прот. Окиншевич. Последний, видя, что старец начинает дышать все тяжелее, обратился к еп. Михаилу (Космодемьянскому):

— Надо читать отходную. Владыка умирает.

Умиравший открыл глаза и, уставившись на Окиншевича, спросил его:

— А вам кто это сказал?

Потом снова закрыл глаза, начал еще тяжелее дышать и через несколько минут скончался.

Таким образом, старец — архиепископ, может быть, сокращением дней своих заплатил за то дело, которое, совершившись помимо его воли, вопреки его желаниям, вне его сознания, вплетет его имя в церковную историю. Историк должен будет отметить, что архиепископ Агафодор (Преображенский) созвал Южно-русский Собор, давший краю высшую церковную власть, которая отсутствовала после перерыва сношений с Патриархом, и которая затем церковно объединила разрозненные части разоренной русской земли. Историк скажет, что архиепископ Агафодор (Преображенский) молитвою и речью открыл Собор и “почетно” возглавлял его. Иного, по всей вероятности, он и не сможет сказать, ибо все, происходившее до созыва Собора и вызвавшее этот Собор, сводилось к разговорам отдельных лиц и частных групп, к кабинетным докладам Главнокомандующему и не зафиксировано на бумаге. Эра же соборная начинается приглашениями за подписью архиеп. Агафодора (Преображенского), обращенными к архиепископам, епископам и атаманам и пр. Таким образом, архиеп. Агафодор (Преображенский) в пору полного своего одряхления, невзначай, но прочно и почетно попал в историю...”

(“Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота”. Т. II. О. Георгий Шавельский. Издательство им. Чехова. Нью-Йорк 1954.)

1.1. Протопресвитер военного и морского духовенства о. Георгий Иванович Шавельский род. 6(18).1.1871 г. в селе Дубокрай Витебской губ., в семье дьячка, "...который тяжким крестьянским трудом добывал кусок хлеба для своей многочисленной семьи...."

В детстве он окончил духовное училище, а затем духовную семинарию. С 1891 — псаломщик в одном из приходов Витебской еп. и сельский учитель; с 1895 — священник. Овдовев, оканчивает СПб Духовную Академию; настоятель Суворовской церкви. Во время русско-японской войны — полковой священник, дивизионный благочинный и, затем, главный священник Манчжурской армии; протоиерей. По окончании войны возвращается к своей прежней деятельности. Кроме того: законоучитель Смольного института, профессор богословия в Историко-филологическом институте; 1910 — член духовного правления военного и морского протопресвитера; 1911 — протопресвитер военного и морского духовенства Российской Империи (преемник протопресвитера Е. П. Аквилонова). После революции эмигрирует в Болгарию. Здесь — преподаватель Софийского университета; профессор богословского факультета Софийского университета и, наконец, директор и законоучитель русской гимназии.

† 19.9(?) (2.10) 1951 г. в Болгарии.

1.2. Последний при царском режиме, недолговременный Петроградский митрополит Питирим (Окнов) плачевно окончил свою жизнь: сейчас же, как только произошла революция и осуществилось свержение монархии, 7(20).3.1917 года он, без особых церемоний был удален с кафедры и, как "распутинский ставленник", арестован. Однако, за неимением состава преступления тут же был освобожден и, пробыв некоторое время в лаврской больнице, согласно предписания новой гражданской власти в лице "револю-

ционного” обер-прокурора В. Н. Львова, удален на Кавказ (в монастырь на горе Бештау).

“...В 1918—1919 гг. Жевахов (товарищ обер-прокурора Святейшего Синода при Н. П. Раеве) с митрополитом Питиримом (Окновым) жили в Пятигорске, а в самом начале января 1920 г. они переехали в Екатеринодар и поселились у митрополита Антония (Храповицкого), тогда управлявшего Кубанской епархией...” (“Воспоминания...” о. Г. Шавельский. Т. I, т. II. Нью-Йорк 1954).

Произошло это таким образом. Разбушевавшаяся за эти годы тяжелая и кровопролитная гражданская война поделила русских людей и Россию на два непримиримых лагеря. Бежавший — по примеру других иерархов — из Москвы митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий) оказался в стане белогвардейцев на юге России, занятом “добрармией” генерала Деникина. Митрополит и ряд других иерархов проживали тогда в Екатеринодаре и представляли собою некое местное автономное церковное самоуправление, отрезанное линией фронта от Главы Церкви — Святейшего Патриарха Тихона.

Касаясь этого периода в своих воспоминаниях о екатеринодарской жизни в 1920 году, митрополит Евгений (Георгиевский) впоследствии писал так:

“...Однажды зашел я в архиерейский дом, сидим мы, раздумываем о положении дел (церковных и междуусобных. *Сост.*), — и вдруг входит старик, в мешанской чуйке, в шапке, изнуренный, измученный, по виду странник — и мы в изумлении узнали в нем б. Петербургского митрополита Питирима (Окнова). Оказывается, он был сослан в Успенский монастырь на Кавказе, на горе Бештау. Когда началась эвакуация (белогвардейцев. *Сост.*), он бросился к нам. И теперь, дрожа от волнения, психически потрясенный, он униженно молил нас о помощи: “не оставляйте, не бросайте меня...” — “Не беспокойтесь, не волнуйтесь, мы не оставим вас...” — сказал я. “Отдохните у меня...” — предложил митрополит Антоний (Храповиц-

кий). Неожиданной встречей я был потрясен. Помню митрополита Питирима (Окнова) в митрополичьих покаях... Как он домогался этого высокого поста! Как старался снискать расположение Распутина, несомненно, в душе его презирая!..." ("Путь моей жизни". Митрополит Евлогий Георгиевский. Париж 1947).

Несколько позже, в связи с военным поражением генерала Деникина, все множество белогвардейцев, находившихся на занятой им территории, срочно эвакуируются за границу Черным морем. Некоторые русские архиереи, покидающие вместе с ними Родину, оставляют здесь, в Екатеринодаре, злосчастного старца-митрополита.

"...Митрополита Питирима (Окнова) взять с собой не удалось: он заболел, ехать с нами доктор ему не разрешил. Мы оставили его на попечение митрополита Антония (Храповицкого), которому власти обеспечивали в случае опасности своевременную эвакуацию. Митрополит Питирим (Окнов) проболел с месяц и умер..." (Там же.)

Отпет и погребен митрополитом Антонием (Храповицким).

Или — как сообщает другой мемуарист — "...митрополит Питирим (Окнов) заболел и 20 января (2.2) 1920 г. скончался, а Жевахов за несколько дней до смерти митрополита Питирима (Окнова) куда-то уехал..." (предварительно обобрав умирающего!). ("Воспоминания..." Г. Шавельский. Т. I, т. II. Нью-Йорк 1954.)

Так в безвестности, среди скорбей и лишений, больной, опороченный и всеми оставленный закончил свою жизнь этот старец, бывший некогда довольно видным (и, по-своему, совсем не плохим) представителем русской иерархии.

Вместе с ним ушла в Историю и тень Распутина, так или иначе витавшая над Русской Церковью в последние дни царизма.

1.3. Суть варнавинского дела (или "Тобольского скандала", как выражалась тогда левая печать) вкратце заключалась в следующем.

Началось это “дело” в Тобольске, 27.8 (9.9) 1915 г.

Получив в ответ на свой запрос телеграмму императора Николая II о разрешении пропеть величание над мощами местночтимого Святителя Тобольского Иоанна (Максимовича), но запрещающую его прославление, епископ Тобольский Варнава (Накропин) в 11 часов вечера того же дня колокольным звоном собирает в собор массу богомольцев, где совершается молебен с пением тропаря св. Иоанну Златоусту (небесному покровителю митрополита Тобольского Иоанна Максимовича) и припевов просто: “Святителю отче Иоанне...” с сознательным неупоминанием титула!

В заключение молебна поется величание Святителю Иоанну (Максимовичу) Тобольскому, что исключалось содержанием царской телеграммы.

В последующие дни “...служили так, что можно было, если грянет гром и начнется следствие, свалить с Иоанна Тобольского (Максимовича) на Иоанна Златоустого. Поэтому старались умалчивать о “Тобольском” и поминали просто Святителя Иоанна...”

Невзирая на эти недостойные уловки весть о полулегальном прославлении Святителя Иоанна (Максимовича) достигает Петрограда и епископ Варнава (Накропин) вызывается к допросу в Святейший Синод. Виновным себя епископ Варнава (Накропин) не признает.

“...На какой-то вопрос обер-прокурора Самарина, сидевшего за своим столом когда Варнава (Накропин), стоя перед синодальным столом, давал ответ Синоду, он резко заметил:

— А ты кто такой здесь будешь? Прокурор, что ли? Коли прокурор — твое дело писать, а не судить архиерея!...

А потом добавил:

— Когда архиерей стоит, мирянам не полагается сидеть...” (“Воспоминания...” Г. Шавельский. Т. I, т. II. Нью-Йорк 1954.)

Как бы то ни было, но из этого, не очень значительного внутрицерковного инцидента, распоясавшаяся предреволюционная “прогрессивная” печать, ради целей известных одной ей и в угоду некоторым определенным кругам, раздула невероятный “скандал”, а отсюда, под предлогом распутинского засилья, очередной замаскированный удар направлялся, конечно, опять по адресу Церкви, “попов” и клерикалов.

11 (24) 12.1915 г., присутствующий в Синоде архиепископ Виленский и Литовский Тихон, командирован в Тобольск, для расследования возникшего “дела”.

Ему выдаются соответствующие документы и прогоны.

На следующий день, 12(25).12.1915 г. архиепископ Тихон прибыл к месту назначения, и вскоре оберпрокурор Волжин (уже!) получает от него документы, реабилитирующие до некоторой степени Тобольского епископа.

Свистопляска, поднятая “либеральной” печатью в связи с “делом” Варнавы (Накропина) несколько затихает.

“...Полученными от Тихона материалами Волжин остался вполне доволен...” (“Последний Святой”. Горев М. Госиздат 1928.)

По возвращении из командировки архиепископ Тихон продолжает присутствовать в Синоде.

Получение архиепископом Тихоном 6(19).5.1916 г. (день Ангела императора Николая II) бриллиантового Креста для ношения на клобуке (“Церковные Ведомости” № 18-19 1916), впоследствии будет истолковано тем же М. Горевым как компенсация за удачное замазывание “Тобольского скандала”. (Там же.)

Однако, вскоре же, невзирая ни на какие истерики “прогрессивной” печати происходит давно ожидавшееся народом (особенно сибиряками) прославление Святителя Тобольского Иоанна (Максимовича); причтение его к лику святых. Торжество это состоялось в Тобольске 9(22).6. 1916 года, его возглавил митропо-

лит Московский и Коломенский Макарий (Невский) с сонмом иерархов, съехавшихся из разных мест России. Несмотря на трудности и лишения военного времени тысячи богомольцев съезжаются на торжество прославления.

(О Святителе Тобольском и всея Сибири Иоанне Максимовиче, бывшем архиепископе Черниговском, см.: “Душеполезное Чтение” март месяц 1873 г., статью свящ. С. Путинцева: “Святыня Сибири”; “Странник” за 1863 г. т. II и 1864 г. т. I, статью Н. Абрамова и прот. Александра Сулоцкого и др.).

Потомки Святителя Иоанна (Максимовича) — генерал Максимович с семьей, после революции эмигрировали в Константинополь, а отсюда в 1924 г. переехали в Лион (Франция). “...Семья религиозная, церковная...” (“Путь моей жизни”. Митрополит Евлогий Георгиевский. Париж 1947.)

Бывший поп-распутинец, переметнувшийся впоследствии в так называемые “научные атеисты” — Михаил Галкин (Горев) — в 1928 году неплохо, кажется, заработал на Святителе Иоанне (Максимовиче), посвятив истории его прославления свой пасквиль “Последний Святой”, тогда же изданный ничем не брезгующим Государственным издательством.

Заканчивая свой “научный” бред, поп Галкин сообщает своим наивным читателям, что в последнее время “...Варнава (Накропин) терся (!! *Сост.*) в Москве, в качестве одного из ближайших агентов Патриарха Тихона. Когда же последнему стали указывать, что своей близостью к Варнаве (Накропину) он только компрометирует себя, Патриарх ”с горечью” решил расстаться с Варнавой (Накропиным) и выслал (? *Сост.*) его в один из провинциальных городов.

Тогда (продолжает врать поп Галкин-Горев. *Сост.*) оскорбленный Варнава (Накропин) решил порвать с Тихоном...” (“Последний Святой”. Горев М. Госиздат 1928.)

Заметим здесь, что, как и всегда у наших “научных атеистов”, стремящихся выдавать желаемое ими за

действительное, получилась “осечка” у Галкина-Горева и на этот раз.

“Последний Святой” — Святитель Иоанн (Максимович) оказался отнюдь не последним святым Русской Церкви и смеем заверить Галкиных и тутти кванти, отечественных святых будет немало и впредь, так что “литературные” заработки им вполне обеспечены.

Что же касается Преосвященного Варнавы (Накропина), то он до самой своей кончины прекрасно проживал в Москве.

Скончался он в 1922 году, незадолго до ареста Святейшего Патриарха Тихона.

Так, в субботу, 9(22).4.1922 г., после совершения литургии в своем крестовом Сергиевском храме Троицкого подворья, Святейший Патриарх Тихон отбыл в храм Покрова Божией Матери, что на Филях, где в сослужении сонма духовенства, при многочисленном стечении молящихся, возглавил чин отпевания тела скончавшегося б. Тобольского архиепископа Варнавы (Накропина), или “Суслика” — как в свое время титуловал его Распутин.

Тело архиепископа Варнавы (Накропина) погребено внутри ограды Покровского же храма, впоследствии закрытого.

К сказанному остается добавить, что почивший святитель среди некоторой части церковного общества пользовался глубоким почитанием и слыл за прозорливого старца-подвижника. В прошлом он был известен как незаурядный проповедник-народник и прекрасный хозяйственник-администратор.

В связи с его кончиной распространился слух о предсказании им, незадолго до кончины, что в скором времени Москва сильно пострадает от огня. Об этом вспоминали в войну 1941—1945 гг.

1.4. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея Руси, позднее так говорил о деятельности в Святейшем Синоде митрополита Владимира: “Мне Господь судил (...) заседать с Высокопреосвященным митрополитом Владимиром в Святейшем Синоде. Невольно

бросалась в глаза его великая ревность, которая снедала его о слове Божиим, о Доме Божиим, о пользе Святой Церкви. Особенно эта ревность его пылала, когда он сделался первенствующим членом Св. Синода. Он был верен канонам Святой Православной Церкви, преданиям отеческим и безбоязненно и смело, честно и благородно исповедывал эту снедающую его ревность пред всеми, какими бы последствиями это не сопровождалось. Может быть, некоторым из тех, кои любят сообразоваться с веком, казалось это отсталостью, косностью, неподвижностью, но все истинные сыны Царства Божия оценят эту ревность и верность канонам и преданиям отеческим в Бозе почившего митрополита, Господь за эту ревность увенчал его мученической кончиною и на нем исполнилось слово Святого Апостола Павла, который говорит: "Вам дано не только веровать во Христа, но и пострадать за Него". В Бозе почивший митрополит не только имел горячую веру и исповедывал ее, но и мученической кончиною запечатлел эту веру во Христа" ("Прибавления к Церковным ведомостям", 1918, NN 9-10, 6(25) марта 1918 г. с. 343—365).

Патриарх Тихон так сказал о мученической смерти митрополита Владимира: "Конечно, судя по человечески, ужасною кажется эта кончина, но нет ничего напрасного в путях Промысла Божия, и мы глубоко верим, (...) что эта мученическая кончина Владыки Владимира была не только очищением вольных и невольных грехов его, которые неизбежны у каждого, плоть носящего, но и жертвою благовонною во очищение грехов великой матушки — России" (Там же, с. 343—365).

1.5. С 60-х гг. прошлого, XIX века и до восстановления Патриаршества в Русской Церкви в 1917 году сменилось тринадцать гражданских "начальников" церковных, приставленных к Церкви для государственного контроля над Ней и удержания Ее в той извращенной внешней форме существования, которую изобрел кощунник Петр Первый, сломав в угоду идее

самодержавия исконные канонические рамки Ее бытия, сложившиеся от лет древних согласно 34-му Апостольскому правилу.

И хотя обер-прокуроры Святейшего Правительствующего Синода последнего предреволюционного пятидесятилетия представляли собой людей весьма разнообразных по своему духовному облику, но в большинстве своем это, все же, были люди Православно-русские, в той или иной степени болеющие интересами Церкви. Научно-общественный ценз их неизменно был велик (за единичными исключениями), хотя иногда и мало отвечал специфическим церковным требованиям.

Наименее удачными из галереи последних обер-прокуроров следует признать двоих: Н. П. Раева и В. Н. Львова.

И безусловно крупнейшим во всех отношениях — К. П. Победоносцева.

Таким образом, за время жизни Святейшего Патриарха Тихона перед его глазами прошел довольно разнообразный контингент этих пресловутых царских “добрых офицеров”, с которыми у него, как правило, складывались и поддерживались достаточно хорошие служебные взаимоотношения.

И действительно, как свидетельствуют ставшие теперь уже историческими факты “...не было ни одного из...” обер-прокуроров, кто бы относился недоброжелательно к архиепископу Тихону, “...кто бы не отдавал дани уважения его широким и глубоким познаниям, его такту, архипастырской опытности, отзывчивости и особенно его высокому христианскому настроению и никем непререкаемой чистоте и высоте его архипастырского служения...” (“Православный Календарь на 1918 год”.)

За указанный период времени обер-прокуроры Синода чередовались в следующем порядке:

Ахматов А. П. (1862—1865).

Толстой Д. А., граф (1865—4.1880).

Победоносцев К. П. (14—26.4.1880 — 19.10—31.11.1905).

Оболенский А. Д., князь (1905—4.1906).

Ширинский-Шихматов А. А., князь (26.4—9.5.1906 — 9—22.7.1906).

Извольский П. П. (27.7—9.8.1906 — 5—18.2.1909).

Лукьянов С. М. (5—18.2.1909 — 2—15.5.1911).

Саблер (Десятковский) В. К. (2—15.5.1911—1913).

Самарин А. Д. (1913 — 29.9—12.10.1915).

Волжин А. Н. (30.9—13.10.1915 — 7-20.8.1916).

Раев Н. П. (8.1916 — 3.1917).

Львов В. Н. (3—16.3.1917 — 7.1917).

Карташев А. В. (24.7—6.8.1917 — 5—18.8.1917).

5(18).5.1917 года обер-прокуратура ликвидируется и Временным Правительством учреждается Министерство Исповеданий. Первым и последним Министром Исповеданий является

Карташев А. В. (5—18.8.1917 — 10—23.9.1917).

После этой исторической даты Церковь наша освобождается от государственной опеки до середины 1927 года.

Ниже помещаем некоторые биографические данные о большинстве из упомянутых выше обер-прокуроров Святейшего Правительствующего Синода, собранные нами из различных источников с неодинаковой полнотой.

Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — уроженец г. Москвы, сын профессора университета, внук священника Звенигородского у., Московской епархии. Окончил СПб Училище Правоведения и с 1846 г. поступает на службу в сенатскую канцелярию. С 1859 по 1865 занимает кафедру гражданского права Московского Университета (автор “Курса гражданского права”). Как выдающийся юрист в 1861 г. приглашается преподавать законоведение умершему вскоре цесаревичу Николаю Александровичу. Затем преподает тот же предмет великому князю (позже императору) Александру (III) Александровичу и сыну

его, будущему императору Николаю II. С 1868 — сенатор. С 1872 — член Государственного Совета и с 14(27).4.1880 — обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода, каковую должность занимал в течение трех царствований, до 19(31).10.1905 г., т. е. свыше 25-ти лет.

“...Все, что сделано в церковной области за это время, так или иначе носит печать его влияния, его таланта, его инициативы. Выдающийся юрист, церковный писатель, публицист — он все свои силы, всю свою преданность Церкви, все свое уважение к Ней, посвятил на служение Ее благу, на служение Православному народу русскому, как он понимал это благо, — и работал искренне, усердно, не покладая рук...

...Церковно-приходская школа, поставившая просвещение народа под сень Церкви Христовой — в полном смысле слова детище К. П....

...За последнюю четверть века не было более известного во всех классах и слоях русского общества государственного человека... причем и почитатели и враги его одинаково сходились в признании, что это был человек просвещеннейший, великого ума, колоссальных знаний, неподкупной честности и изумительного трудолюбия...” (“Церковные Ведомости”, № 11, 1917.)

Автор многих трудов из области богословия, права, публицистики.

Другой современник пишет о К. П. Победоносцеве:

“...К. П. Победоносцев был оригинальной личностью, не замечавшей своих противоречий.

Выдающийся ученый-юрист, человек огромного государственного ума, необыкновенной эрудиции и убийственного анализа, создавших ему славу всеразрушающего оппонента и в Совете Министров, и в Государственном Совете, К. П. Победоносцев своим острым умом сразу проникал в глубь явления, замечал его слабые стороны, прозревал могущие произойти от него последствия. Но чтобы решительной рукой остановить оказавшееся негодным и опасным и вместо

него создать новое лучшее, — для этого у него не доставало творческого синтеза или воли, — вернее того и другого. И он примирялся со злом и даже своей пассивностью попустительствовал тому, что сам отрицал..." ("Воспоминания..." Г. Шавельский. Т. I, т. II. Нью-Йорк 1954.)

В самом начале двадцатого столетия, когда началось брожение революционных страстей и многие крупные государственные деятели последнего царствования были убиваемы из-за угла, при помощи бомб, револьверов и адских машин, — не был обойден в этом отношении и такой необычайный государственный деятель, каким был К. П. Победоносцев.

9(22).3.1901 года, в начале 1-го часа ночи, приехавший специально из Самары "...сын титулярного советника Николай Константинов Лаговский... ..подойдя к дому обер-прокурора святейшего Синода на Литейном проспекте, к освещенным в нижнем этаже окнам кабинета, в котором в это время занимался действительный тайный советник Победоносцев, произвел по направлению к письменному столу два выстрела..." Стрелявший промахнулся. ("Церковные ведомости" № 11, 1901.)

Наконец, приведем и "научно-атеистическую" характеристику К. П. Побеносцева.

"...Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — злейший реакционер и мракобес, обер-прокурор Синода в 1880—1905. По образованию юрист. Был идейным защитником неогранич. самодержавия, вдохновлял реакц. политику царизма. Целью своей жизни считал борьбу с рев. движением (?! *Сост.*), гл. опору в этой борьбе видел в религии. Организовывал строительство церквей, особенно в рабочих районах, вел наступление воинств. Церкви на просвещение народа под видом внедрения церк.-приходских школ, стремился искоренить светскую школу и подчинить Церкви все нар. образование. Через цензурное ведомство преследовал прогрессивную печать, вел войну с

материалистич. наукой (? *Сост.*). С именем П. связана травля Л. Н. Толстого и отлучение его от Церкви, а также массовое преследование сектантов..." ("Краткий научно-атеистический словарь". Изд-во "Наука". Москва 1964).

Обер-прокурор Извольский Петр Петрович. После революции эмигрировал за границу и окончил жизнь свою священником.

В Париже, на рю-Дарю, он явился к управляющему западноевропейскими русскими приходами, митрополиту Евлогию (Георгиевскому) и выразил желание принять священный сан.

Митрополит рукополагает его во священника и назначает настоятелем русской церкви в Брюсселе (Бельгия) на место умершего протоиерея о. Александра Смирнопуло.

"...О. Петр Извольский... был замечательным, образцовым священником. В нем сочетались смирение и кротость, столь трогательные в бывшем важном сановнике, со стойкостью, с умением стать авторитетным в глазах прихожан. К своему служению он относился с ревностью неопита, вложил в него все свои дарования. Прихожане его единодушно почитали, а для меня о. Петр был утешением. Очень к нему был расположен знаменитый кардинал Мерсье (примас Бельгии. *Сост.*)..." ("Путь моей жизни". Митрополит Евлогий Георгиевский. Париж 1947.)

Обер-прокурор Лукьянов Сергей Михайлович. Член Государственного Совета, сенатор, тайный советник, назначается обер-прокурором с оставлением его членом Государственного Совета и сенатором.

Доктор медицины С. М. Лукьянов, род. в Москве в 1855 г. Окончил гимназию с золотой медалью. Окончил Военно-Медицинскую Академию со званием лекаря, с отличием и с награждением премией Иванова. По конкурсу оставлен на 3 года при Академии для подготовки к профессорскому званию. В это время работал при клинике проф. С. П. Боткина. В загра-

ничной командировке занимался в Страсбурге в лабораториях профессоров Гольтца и Гоппе-Зейлера. В 1883 г. — доктор медицины. Далее работает в Лейпциге, Геттингене и пр.

В СПб, по возвращении из заграницы, удостоен звания приват-доцента по кафедре общей патологии. С 1886 — экстраординарный профессор Варшавского Университета.

В 1894 г. — директор Института Экспериментальной Медицины в СПб. С 1897 — совещательный член Медицинского Совета Министерства Внутренних Дел. С 1898 — преподаватель училища правоведения по кафедре судебной медицины. В 1900 — член Комиссии по вопросу о реформе средней общеобразовательной школы.

С. М. Лукьянову принадлежит до 50-ти научных трудов (в том числе 3 тома “Оснований общей патологии”). Под его руководством опубликовано до 110 научных сообщений.

С. М. Лукьянов состоит членом-корреспондентом флорентийской медико-физической Академии; почетным членом медицинского общества в Генте; почетным членом Кавказского медицинского общества; председателем биологического отделения русского общества охраны народного здравия и мн. др. научно-медицинских обществ.

С 1904 — член Государственного Совета.

2(15).5.1911 года С. М. Лукьянов уступает свой пост новому обер-прокурору, В. К. Саблеру — в прошлом товарищу обер-прокурора К. П. Победоносцева.

В связи с этим, 18(31).5.1911 года, в 2 часа, после окончания очередного заседания, члены Святейшего Правительствующего Синода приглашают в залу присутствия приехавшего для прощания с Синодом б. обер-прокурора, члена Государственного Совета, сенатора, тайного советника С. М. Лукьянова.

Временно-первенствующий в Синоде митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявлен-

ский) после теплой, приветственной речи “подносит” С. М. Лукьянову и благословляет его образом Спасителя.

Выразив свою благодарность б. обер-прокурор, принимает благословение и трижды лобызается с каждым из архипастырей. (“Церковные Ведомости” № 21, 1911.)

Обер-прокурор Саблер Владимир Карлович. Родился в 1845 (по другим данным в 1847) г. Сын штаб-лекаря и дворянки Тульской губ. Алексеевой. Окончил Московский университет.

“...Получил очень серьезное юридическое образование и после недолговременной профессорской деятельности в Московском университете был привлечен К. П. Победоносцевым к службе по духовному ведомству...” в должности юрисконсультанта.

Женат на аристократке Заболотской-Десятовской.

6(19).5.1905 года “...В. К. Саблер покидает службу в Синоде и назначается членом Государственного Совета. Настоящие причины ухода В. К. Саблера не выяснены. Передают, однако, что главной побудительной причиной отставки были коренные разногласия во взглядах на церковные дела между К. П. Победоносцевым и его ближайшим помощником. История этих разногласий, по словам самого В. К. Саблера, очень сложна...” (“Ярославские Епархиальные Ведомости” 1911).

Из различных позднейших (а отчасти и современных) сообщений печати нетрудно понять, что главным мотивом расхождения В. К. Саблера с К. П. Победоносцевым в 1905 году был, в конце концов, вопрос о предстоящих неминуемых преобразованиях в Русской Церкви, включая восстановление в Ней Патриаршества, о чем уже тогда немало высказывалось мнений в гражданской и, особенно, церковной печати, с пожеланием недалекого и положительного разрешения этой проблемы.

Известно, что К. П. Победоносцев смотрел на этот вопрос весьма неодобрительно и занял совершенно отрицательную позицию в деле его позитивного разрешения.

На этой именно почве возникали трения К. П. Победоносцева и с Первенствующим членом Св. Синода митрополитом С.-Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским), и с некоторыми другими иерархами, сочувствовавшими идее восстановления Патриаршества в России.

Через 6 лет, 2(15).5.1911 года, состоялось назначение на пост обер-прокурора Св. Синода действительного тайного советника, сенатора В. К. Саблера (Десятковского; по жене).

Позднейшие “научно-атеистические” пошляки, в стремлении опорочить “всех и вся” им неугодных, о В. К. Саблере — “правой руке” давно умершего Победоносцева, в частности, писали:

Саблер — “...на жаргоне Распутина — ”Цаблер”...

... — Не человек, а воск, чистый воск! — расхваливал Саблера Николаю Романову Распутин. — Подогреешь и жми его! Вот царский послушник... И церковник!... Вот!...” (“Церковные Ведомости” № 19—20 1911; “Последний Святой” Горев М. Госиздат 1928.)

Как бы то ни было, “...обер-прокурор В. К. Саблер... прекрасно знал Церковь, любил Ее и много работал для Нее; но тут случилась другая беда: его имя в обществе и в Думе связывали с Распутиным...” (“Путь моей жизни”. Митрополит Евлогий Георгиевский. Париж 1947.)

Обер-прокурорство В. К. Саблера продолжалось — и вполне благоплодно для Церкви, несмотря на ряд нежелательных явлений в Ней, что от него не зависело, — до самого ближайшего предреволюционного времени, когда на этом посту его сменил А. Д. Самарин.

В. К. Саблер надолго пережил революцию и испытал на себе некоторую долю репрессий со стороны но-

вой, революционной государственности, как “царский опричник”, “махровый реакционер”, “Распутинец” и т. п.

Так, еще в первые дни революции, 11(24).4.1918 г., в Москву, под усиленным конвоем (!! *Сост.*) доставляется арестованный под Новочеркасском бывший обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода В. К. Саблер (Десятовский). После недолгого пребывания в заключении, в чрезвычайной следственной комиссии, “... за отсутствием состава преступления...” он, однако, освобождается из тюрьмы. (“Петроградский Церковно-Епархиальный Вестник” № 12, 1918).

Позже, “приватно” проживая в Москве, совершенно устранившись от какого бы то ни было касательства к церковным делам, он влачил довольно жалкое существование. Есть свидетельство, что он не очень благосклонно относился к позиции Святейшего Патриарха Тихона в отношении “внешних”. Но с несомненностью следует понимать это его отношение лишь как оценку патриаршей “политики”, которую, как известно, последний неуклонно осуществлял до конца дней своих. Что же касается личности Святейшего, то В. К. Саблер, прекрасно знавший Патриарха еще с давних пор, ставил ее, конечно, очень высоко. Кажется, В. К. Саблер считал, что иерарх, возглавляющий при данной ситуации Русскую Церковь, должен бы быть более ярко-выраженной лояльной направленности, а может быть и вообще более “гибким”...

В беседе с пишущим эти строки, б. священник села Колтова (Московская еп., Каширский уезд), ранее долгое время служивший при храме в имени Саблеров, о. Василий Покровский, рассказал, что в начале 20-х гг. он как-то навещал проживавшего в то время в Москве (на Поварской) В. К. Саблера. Последний, в разговоре с гостем о текущем церковном моменте заметил, что, по его мнению, было бы, по-видимому, лучше для Православной Русской Церкви, если бы на Соборе 1917—1918 гг. Патриархом, вместо Святей-

шего Тихона, оказался избранным тогдашний Владимирский митрополит Сергей (Страгородский).

Оказался ли правым в этой своей мысли В. К. Саблер, теперь может судить каждый, кто более или менее знаком с правдивой историей нашей Церкви за послереволюционный период Ее существования.

В “безбожнической” брошюре некоего К. И. Сахарова, посвященной Святейшему Патриарху Тихону, совершенно неожиданно для читателя самоуверенный автор сообщает, что в свое время будто бы обер-прокурор Саблер “...очень неодобрительно и подозрительно...” относился к архиепископу Тихону. (“Патриарх Тихон”. Сахаров К. И. Москва, 1925). Эта, в полной мере безответственная фраза, нигде и ничем не подтверждаемая, притянута ни к селу и ни к городу автором лишь с целью лишний раз заострить внимание читателя на постоянных внутренних кознях и интригах в Церкви, якобы имевших место в действительности...

Но продолжаем о В. К. Саблере. В широких церковных кругах было хорошо известно о его личной щедрой благотворительности. Отметим здесь лишь малую крупицу из этой области.

В имении Саблеров, в 15 верстах от Каширы, расположенном в прекрасной, живописной местности на берегу Оки, была создана женская богословская семинария, рассчитанная на 500 девочек, с 6-летним курсом обучения. Величественные многоэтажные корпуса этого замечательного духовно-учебного заведения свидетельствовали о широком размахе его учреждений и попечителей, из которых главным и первым был “никудашный” (по дальнейшему отзыву о. Г. И. Шавельского) В. К. Саблер.

Прекрасно поставленное дело преподавания как специально богословских дисциплин, так и общеобразовательных предметов, а так же более чем просто хорошее содержание учениц этой семинарии, отличное питание и вообще — весь продуманный общий учебно-воспитательный строй ее, много десятилетий спу-

стя (когда от всего этого учреждения не осталось и следа!), с любовью и благодарностью вспоминались былыми воспитанницами семинарии, успевшими уже превратиться в древних старух.

Девицам, окончившим семинарию, предоставлялось право преподавания Закона Божия в общеобразовательных школах.

26.9(9.10), в день местного храмового праздника, на память преставления св. ап. и ев. Иоанна Богослова в семинарии бывало большое торжество и наплыв высокопоставленных, духовных и светских, гостей; литургия в этот день совершалась здесь обычно собором епископов в сослужении многочисленного клира. 500 питомиц щедро одарялись различными гостинцами.

Вечером бывал торжественный и многолюдный прием в роскошном доме В. К., где присутствовали все члены его семьи: супруга Ольга Андреевна и три сына.

В этот день, в 1916 году, заканчивая в Семинарии официальную, торжественную часть праздника, в предвидении грядущих событий, с теплой речью к питомицам обратился сам В. К., который со слезами на глазах дал понять своим многочисленным слушательницам что, очевидно, близятся иные времена, когда, повидимому, семинария вынуждена будет прекратить свое существование... В связи с этим, В. К. завещал девушкам хранить в своей жизни то святое и доброе, что стремилась вложить в их души и сознание эта школа...

В революцию, конечно, все было разграблено и разрушено.

К концу своей жизни, будучи древним старцем, В. К. Саблер был сослан в Тверь (Калинин).

Здесь он, "... оставленный на медленную муку ... буквально голодал и, когда друзья приносили ему кусочек черного хлеба, маститый 85-летний старец плакал от чувства благодарности. Последние годы он провел в Твери, проживая в церковной сторожке..."

("Сербский Патриарх Варнава Росич и его время".
Маевский Вл. А. Югославия. Новый Сад, 1931?).

В своих воспоминаниях злой и (кроме себя) всеми недовольный, бывший протопресвитер военно-морского духовенства о. Г. И. Шавельский даже в строках, посвященных памяти В. К. Саблера, ухитрился сохранить тон Собакевича, так-таки и не усмотрев в его облике совершенно ничего положительного. Он пишет:

"...Саблер не обладал ни умом Победоносцева, ни непреклонной волей князя Голицына, ни властью Протасова, — прежних обер-прокуроров. Он пробыл обер-прокурором всего четыре года и, однако, он, как ни один из его предшественников и преемников, оказал решительное влияние на склад и характер всей церковной жизни предшествовавшего революции времени. В. К. Саблер был оригинальнейшим обер-прокурором. Он всегда был другом архиереев... Но он был другом и всего духовного и особенно монашеского чина. Его приемная всегда была переполнена монахами и монахинями, игуменами и игумениями, архимандритами и протоиереями. Они принимались в первую очередь. Игумены, архимандриты и протоиереи приветствовались троекратным лобызанием. Наблюдатель, правда, мог при этом заметить, что даже кончики усов Владимира Карловича не касались лика отцов. Но... звуки поцелуев все же раздавались. К игумениям, игуменам и архимандритам Владимир Карлович обращался не иначе, как "мать честная", "отче святой" и т. п. Посещая монастыри, Владимир Карлович выстаивал шестичасовые монастырские службы, во время которых усердно ставил свечи, отбивал поклоны — вообще являл пример самого истового благочестия. Речь В. К., с кем бы он ни разговаривал, была пересыпана священными изречениями и словами, — даже от нее пахло елеем и ладаном. Ревность к делу у В. К. не оставляла желать большего. Он был занят каждый день и все время — с утра за полночь: очень часто он принимал посетителей после

12 ч. ночи. Он все время был в суете и работе и все время, казалось, дышал церковностью. Какого же еще можно было желать обер-прокурора? Императрица и царский духовник, протиерей А. П. Васильев, так и считали, что лучшего обер-прокурора Св. Синода, чем В. К. Саблер, и не может быть...

...Чем же ознаменовалось хозяйничанье (! *Сост.*) Владимира Карловича?...

...Награды сыпались как из рога изобилия. Архиереи, архимандриты, игумены, священники были засыпаны всевозможными наградами. Викарии награждались такими орденами, каких раньше с трудом удостоивались архиепископы. Сорокалетние архиереи возводились в архиепископы, награждались крестом на клобуки — наградой, которой раньше сподоблялись лишь престарелые архиепископы. Митра для белого духовенства стала почти обычной наградой и т. д., и т. п...

...Множество наградных дел ... должны были бы свидетельствовать о ... расцвете церковной жизни...

...Конечно, ничего подобного не было. Если можно говорить о каком-либо обязанном мощному содействии и покровительству В. К. расцвете, то только о болезненном (! *Сост.*) расцвете так называемого “ученого” монашества, в руках которого и раньше была иерархическая власть Русской Церкви, а теперь оказалось и духовно-учебное дело. В “царствование” В. К. развилась какая-то эпидемия пострижений студентов духовных академий, пострижений без счету, выбору и разбору, своего рода скачек к архиерейскому омофору. Это безнравственное (! *Сост.*) и уродливое (! *Сост.*) явление в последнее время привело к измелчанию архиерейства, омирщению монашества, развалу (? *Сост.*) руководимых монахами учебных заведений...”

Как все это поразительно пахнет... обновленчеством!

Здесь о. протопресвитер явно “пахает телегу в мешок”, но она не лезет. “Развал” духовно-учебного де-

ла в предреволюционное время, если и имел в действительности некоторое место, то должен быть отнесен не за счет администрирования никуда не годного — по убеждению Шавельского — обер-прокурора В. К. Саблера (каких мирян дай Бог побольше в Русской Церкви и впредь!), а за счет инициативы и закулисного влияния в этом деле со стороны различных церковно-думских и профессорских элементов с их подпевалами в рясах и вицмундирах из титлиновскольвовской “стаи славных”, — всех тех “прогрессивных” и “либеральных” батюшек (особенно из столичных!) и профессоров, которые давно уже начали свою подпольную “работу” по подкапыванию Дома Божия... Отбросив здесь излишнюю скромность, следует вспомнить, что и сам о. протопресвитер являл собою в то время достаточно рельефный тип столичного “прогрессивного” батюшки с немалой долей обновленческой лигатуры в своем пастырском облике. И недаром его фамилия украшает собою страницы злобного пасквиля на Русскую Церковь бывшего его подчиненного священника и, в некотором роде, питомца, А. И. Введенского (“Церковь и государство”), где о. Шавельский совершенно недвусмысленно (хотя, правда, и бездоказательно, как всегда у этого автора) выводится весьма “бунтарски” настроенным иереем, готовым принять самые левые обновленческие “идеи”... Надо думать, что в эмиграции о. Г. И. Шавельский имел полную возможность заново переосмыслить эту свою былую позицию и вполне отречься от нее.

Далее, в мемуарах своих, он пишет следующее о В. К. Саблере:

“...При некоторых своих несомненно хороших качествах ума и сердца, В. К. ... принадлежал к числу людей, для которых интересна сервировка стола, а не яства, что на столе; которых новая лампадка в иконостасе или киот больше радует, чем новая, свежая и сильная богословская мысль; которых пропуск нескольких стихир или псалмов за всеюнощной в духов-

ной семинарии беспокоят больше, чем безобразная постановка в этой семинарии богословской науки...

...Из В. К. Саблера, может быть, вышел бы хороший художник, поэт, еще лучший анекдотист-рассказчик, наверное — отличный старообрядческий начетчик, а судьба поставила его у кормила Церкви в самую серьезную пору жизни русского народа...

...В. К. ... на все смотрел как-то легко и просто: пусть будет книга самая пустая, но лишь бы в красивой обертке; пусть совсем загниет жизнь в монастыре, но лишь бы там красиво служили; пусть “святой” отец будет с пустыми головой и сердцем, но лишь бы вид его был “ипостасен”: важен на вид, сановит — в церковном смысле, непременно при длинной бороде и таких же волосах...”

Поразительно, как все это нервирует о. Г. И. Шавельского! О, крамольный душок обновленческого тления, не выносящий никакой священной, национально-религиозной традиции! Как все это не по нутру нашему прогрессивному о. протопресвитеру — “умеренно-подстриженному” и с бородкой а ля Генрих-Птицелов. Это — не мелочь! Даже здесь просачивается их разрушительная, ядовитая преємственность. До чего же все это тесно переплетено, начиная от “реформ канонических” и кончая “рубашечками — фантези”, о которых говаривал в свое время Антонин (Грановский).

“... характерна еще одна особенность В. К. Саблера. Казалось, где найти большего благодетеля для архиереев и всего духовного чина, чем Саблер? Когда только и как только ни целовал он владык и “честных отцов”! И, несмотря на это ... ни раньше, ни позже — не было столько архиерейских перемещений, и, кажется, даже увольнений на покой, как при нем.

Время пребывания Саблера у власти ознаменовалось: а) страшным упадком во всех отношениях, кроме количественного (! *Сост.*), так называемого “ученого” монашества, широко открывавшего двери для всяких искателей приключений; б) понижением

умственного и нравственного уровня в архиерействе (?! — быть может и в протопресвитерстве? *Сост.*); в) расстройством и упадком духовно-учебных заведений, в особенности духовных семинарий и академий; г) омирщением монастырей; д) огромным понижением образовательного, — при огромном повышении общего образования в России, — уровня в среде сельского белого духовенства, развитием “фельдшеризма” в пастырстве вместо “докторства”; е) общей отсталостью церковной жизни и работы; ж) совершенным неиспользованием огромных монастырских и других церковных богатств, все время остававшихся под спудом, пока не разграбили их большевики.

Сторонники Саблера укажут на его добродетели...
...Я совсем не хочу отрицать ни некоторых добрых качеств, ни добрых дел Саблера, но считаю, что положительное, сделанное им для Церкви было столь мелко и ничтожно, в сравнении с тем, что можно и должно было сделать при наличии тех сил и средств, которыми тогда располагала Церковь, что об этом положительном и говорить не стоит. Самое же главное в том, что тон, взятый Саблером, самый характер его работы были разрушительны для Церкви...”
(?! *Сост.*) (“Воспоминания...” Г. Шавельский. Нью-Йорк, 1954.)

Такова, в конце концов, нелестная оценка деятельности благочестивейшего В. К. Саблера как обер-прокурора Синода, со стороны одного из последних синодальных членов. И, однако, здесь же, в воспоминаниях своих, о. Шавельский, незаметно для себя, проговаривается, указав несколькими строками ранее, что В. К. Саблер “...как ни один из его предшественников и преемников, оказал решительное влияние на склад и характер всей церковной жизни предшествовавшего революции времени...”

Если же — как теперь известно — “предшествовавшее революции время” привело нашу Церковь к Патриаршеству; то доля заслуги в этом принадлежит,

бесспорно, и В. К. Саблеру, ибо и он был одним из “Никодимов” Русского Патриаршества...

Стало быть, отбросив все второстепенное, в итоге общей оценки В. К. Саблера и его служения Церкви на антицерковном — в существе своем — посту обер-прокурора следует признать, что деятельность его в целом была весьма положительной, проникнутой любовью и доброжелательством к духовенству и верующему народу и окрашена тем духом церковности, который мы тщетно стали бы искать у новых церковных “радетелей” типа о. протопресвитера и иже с ним.

В. К. Саблер не искал козлов отпущения — на кого бы свалить все те незадачи, доставшиеся ему в Русской Церкви в наследие от его многочисленных предшественников, а как умел и понимал, старался поощрять все то положительное и доброе, находившееся в сфере его компетенции, и, может быть, действительно, меньше, чем следовало бы боролся с безмерно распустившимися в его время, так наз. обновительными тенденциями, разъедавшими (пока что изнутри) организм Русской Церкви. Таким образом, по всей справедливости, единственной коренной ошибкой благочестивого и церковного — в самом лучшем смысле этих слов — обер-прокурора В. К. Саблера была его аристократическая и юридическая терпимость в отношении лукавых, политиканствующих бабюшек своего времени, охотнее обивавших пороги различных конспиративных “Союзов 32-х” или думский “кулуаров”, чем вверенного их попечению приходского храма.

И, наконец, если верующие православные люди призываются к подражанию “наставникам” своим и назиданию, взирая на конец живота их, то применительно к о. Шавельскому и В. К. Саблеру лишь последний, но никак не первый, являет собою достойный вечного поклонения, подлинно Православный и р е л и г и о з н ы й пример!

А дар назидания своей смертью — дается немногим...

Обер-прокурор Самарин Александр Дмитриевич. "...А. Д. Самарин... — представитель славянофильской династии (племянник знаменитого славянофила Ю. Ф. Самарина и сын Д. Ф. Самарина, также известного славянофила) — пользуется огромной популярностью среди московской интеллигенции. Будучи очень религиозным человеком консервативного склада, А. Д. Самарин с юных лет выступал в качестве церковного публициста: в 90-е годы он приобретает известность своей резкой полемикой с В. С. Соловьевым, которая ведется им со строго Православных позиций. Репутация строго Православного деятеля обеспечивает ему влиятельное положение в московском земстве и назначение в 1913 году на пост обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода. На этом посту А. Д. Самарин проявляет необыкновенную стойкость и принципиальность. "Это личное назначение царя... оказалось неудачным для власти, потому что Самарин, человек правых убеждений, был слишком честен и непреклонен в своих религиозных убеждениях и мешал извилистой и нечистой церковной политике, корни которой через Распутина восходили к императрице..." (П. Н. Милюков. "Воспоминания", том II, стр. 205. Нью-Йорк, 1955.)

"...В самом начале своей деятельности Самарин заявил царю, что он не отвечает за управление делами Православной Церкви, если Распутину будет разрешено влиять на них из-за кулис...

...Самарин — один из самых популярных и уважаемых членов Правительства... Нужно напомнить, что Распутину удалось добиться назначения своего друга Варнавы (Накропина) епископом Тобольским. Поведение последнего вызвало в обществе такое возмущение, что Самарин призвал его к ответу. В результате он сам был уволен..." ("Мемуары дипломата". Бьюкенен Дж., английский посол при русском дворе.)

Увольнение обер-прокурора А. Д. Самарина состоялось в связи с "распутинским засильем" в Синоде,

вылившемся в известное “варнавинское дело” о незаконном прославлении Святителя Тобольского Иоанна (Максимовича).

“...Московское депутатское дворянское Собрание постановило выразить Самарину скорбь по поводу оставления им поста обер-прокурора Св. Синода. Это была первая ласточка революции: московское дворянство выражало скорбь по поводу действий государя!...” (“Воспоминания...” Г. Шавельский. Т. I, т. II. Нью-Йорк, 1954.)

В первые после революции годы имя А. Д. Самарина не сходит со страниц доживавшей свои последние дни церковной печати, а позднее муслируется в самой “отрицательной” окраске в печати так наз. “антирелигиозной”, обличающей его в крайней контрреволюционности.

В действительности, в эти годы А. Д. Самарин, подобно ряду других — в прошлом высокопоставленных — лиц, сумел вполне отрешиться от всяких политических “надстроек” и целиком переключился в сферу религиозных, церковных интересов, всегда бывших ему близкими. Так, летом 1917 года он фигурирует на епархиальном съезде духовенства и мирян, экстренно созванном для избрания Московского митрополита, как один из возможных кандидатов на Московскую кафедру, а несколько позже развивает активную церковно-общественную деятельность на посту Председателя правления объединенного союза приходских советов Московской епархии. И, конечно, эта весьма полезная для Церкви его деятельность, сейчас же берется под обстрел “безбожниками” и, в конце концов, дорого обходится ему — не раз влачимо по судам и трибуналам в качестве обвиняемого в ... контрреволюции.

Последние годы жизни А. Д. Самарин проводит в Костроме, куда был сослан как “социально-опасный элемент”. Здесь нередко можно было видеть его в роли чтеца или псаломщика в одной из незакрытых, тогда еще, местных церквей.

17(30).1.1932 г. А. Д. Самарин скончался от заворота кишок.

Погребен на Александро-Невском кладбище города Костромы.

Обер-прокурор Волжин Александр Николаевич. В Могилеве (царской ставке во время русско-германской войны) обер-прокурором Св. Синода "...на место Самарина, был назначен гофмейстер Александр Николаевич Волжин, занимавший должность директора департамента общих дел министерства внутренних дел. В состав нового Синода, кроме митрополитов и архиереев, по предложению обер-прокурора были включены два протопресвитера..." — А. А. Дернов, протопресвитер придворного духовенства, и Г. И. Шавельский — военного и морского. ("Воспоминания..." Г. Шавельский. Т. I, т. II. Нью-Йорк, 1954.)

Об увольнении А. Н. Волжина тот же автор высказывается так: "...Слетел с своего поста обер-прокурора Св. Синода А. Н. Волжин.

Честный, прямой и благородный, он... не пошел по пути компромиссов и этим сразу восстановил против себя "Царское" (Село. *Сост.*). Что он отказался от знакомства со "старцем" (Распутиным. *Сост.*) и уклонился от визита Вырубовой, уже одного этого там не могли простить ему. Но он, кроме того, вел борьбу, не на жизнь, а на смерть с митрополитом Питиримом (Окновым). При поддержке своих верных друзей, как и надо было ожидать, митрополит Питирим (Окнов) победил..." (Там же.)

Обер-прокурор Раев Николай Павлович. Далее следует назначение на пост обер-прокурора Св. Синода "...избранного митрополитом Питиримом (Окновым) директора женских курсов Н. П. Раева, известного лишь тем, что он был сыном Петербургского митрополита Палладия (Раева)...

...Ближе всех к митрополиту Питириму (Окнову) был Раев, ибо в свое время теперешний митрополит

пользовался покровительством его отца, Петербургского митрополита Палладия (Раева), выдвинувшего Питирима (Окнова), когда он был архимандритом на пост ректора Петербургской духовной семинарии.

Н. П. Раев раньше не служил в духовном ведомстве. Вся его служба прошла на педагогическом поприще. Близость его к Церкви выражалась лишь в том, что отец его... когда-то был Петербургским митрополитом. О занятии обер-прокурорской должности год тому назад Н. П. Раев, уже близившийся к преклонному возрасту (ему тогда было за 60 лет), не мог и мечтать...

...Я... впервые увидел Раева. В парике ярко черного цвета, с выкрашенными в такой же цвет французской бородкой и усами, с чуть ли не раскрашенными щеками, в лакированных ботинках, — он производил впечатление молодившегося старика довольно неприличного тона. В Синоде он держался очень просто...

...Этот господин по какой-то злой насмешке судьбы попал в церковные кормчие..." ("Воспоминания..." Г. Шавельский. Т. I, т. II. Нью-Йорк. 1954.)

Обер-прокурор Львов Владимир Николаевич. В. Н. Львов "...крупный самарский помещик, примыкавший в 4-й Думе к националистам (партия Столыпина), войдя перед революцией в "желтый блок", получил во Временном Правительстве портфель обер-прокурора, так как в кругу своих единомышленников в Думе имел репутацию специалиста по церковным делам. Между тем, быть специалистом по каким бы то ни было делам он никак не мог: человек удивительно поверхностный, ни к чему, кроме произнесения либеральных речей, не способный и комически самовлюбленный, он представлял собой совершенно карикатурную фигуру; есть что-то роковое в этом — в том, что русская церковная реформация прямо начала с оперетки..." ("Очерки..." Л. Краснов. Рукопись. Москва. 1960.)

В. Н. Львов — б. председатель Комиссии по делам Православной Церкви Государственной Думы; “Октябрист-корниловец”.

Первый “революционный” обер-прокурор Временного Правительства, В. Н. Львов был хорошим предтечей будущего безбожническо-обновленческого блока, обрушившегося впоследствии на Русскую Церковь, и положительная роль его (Львова) заключается в том, что своей безумной и безобразной деятельностью на посту обер-прокурора он сразу же открыл глаза широким слоям иерархии, клира и мирян на то, чего следует ожидать и опасаться Русской Церкви в будущем, от сложившейся внутригосударственной действительности. Надо думать, что эта “деятельность” В. Н. Львова немало способствовала болезненному заострению церковного сознания в сторону охранения и спасения Церкви от произвола и ужаса всех видов церковного “либерализма” и “свободы”; единодушные большинства соборян 1917—1918 гг. в деле восстановления канонического строя церковного явилось одним из положительных церковных “ответов делом” на разрушительные происки церковных деятелей типа В. Н. Львова.

И только в этом негативном смысле некая “положительная” роль погромно-полицейской деятельности “революционного” обер-прокурора.

Начал он “с треском”:

15(28).3.1917 года под заголовком “Трагедия Св. Синода” газеты сообщили о смятении и возмущении синодальных членов, вызванных “бурной деятельностью нового обер-прокурора, возомнившего себя повелителем Церкви”.

“...Члены Св. Синода переживают тяжелые дни. Заседаний нет, обер-прокурор в Москве (поехал будировать церковное население и клир против своего Архипастыря, митрополита Макария Невского! *Сост.*). Все время идут частные совещания то в квартире одного члена Синода, то другого. Положение создалось тягостное и неопределенное. Никто из

синодальных архиереев не знает, что сулит ему грядущий день.

Депутация из членов Св. Синода была у М. В. Родзянко, была и у председателя Совета Министров кн. Львова (Георгия Евгеньевича. *Сост.*), но эти визиты не дали в руки членов Св. Синода ничего определенного.

Правда, кн. Львов заявил, что новый обер-прокурор “несколько горячий человек”, но и только.

Из думских кругов докатились до Синода слухи о том, что якобы В. Н. Львова скоро заменит новое лицо. Слухи эти вселили было некоторую надежду, но потом оказалось, что они нуждаются в большой проверке...” (“Свободная Церковь”, № 1, Петроград, 1917.)

Однако, за три недели до открытия Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг., по указу Временного Правительства, В. Н. Львов освобождает обер-прокурорское кресло, уступив его следующему — последнему — обер-прокурору Святейшего, но уже не “Правительствующего” Синода.

Как участник “корниловского мятежа” В. Н. Львов некоторое время обретается “в нетях”, а затем — позднее — появляется в среде эмиграции, в Берлине.

В момент зарождения обновленческой авантюры он вновь неожиданно оказался в Москве, пытался примазаться к обновленческому ВЦУ, выступал за обновленцев на многочисленных тогда общественных церковных диспутах и всячески жонглировал и заискивал перед новыми гражданскими и церковно-“революционными” властями. Обновленцы, по-видимому, не сочли для себя выгодным компрометировать свою “идею” близостью с представителем дурацкого Временного Правительства, и вскоре В. Н. Львов — как это часто случалось в те годы, исчезает с горизонта.

Был Львов, и — нет Львова. Никто о нем и не вспоминал.

В начале 60-х гг. Патриарший Экзарх в Средней Европе, архиепископ Берлинский Сергей (Ларин), в неофициальной беседе с карловацким епископом Нафанаилом (Львовым), сыном обер-прокурора, выяснил, что родитель этого раскольнического иерарха окончил дни свои в далекой сибирской ссылке, в г. Томске...

Обер-прокурор Карташев Антон Владимирович. 30.3(12.4).1917 года указом Временного Правительства председатель религиозно-философского общества А.В. Карташев назначается товарищем обер-прокурора Св. Синода В. Н. Львова, а 24.7(7.8) того же года состоялось назначение его обер-прокурором Святейшего Синода.

Антон Владимирович Карташев род. 1875 г. Уроженец г. Екатеринбурга (Свердловска); в 1899 — ок. СПб Духовную Академию; профессорский стипендиат по кафедре истории Русской Церкви; 1907 — читает курс истории Русской Церкви на высших женских курсах; заведующий богословским отделом Публичной библиотеки в СПб; Председатель религиозно-философского общества; магистр богословия; член Предсоборного Совета; член Собора 1917—1918 гг. (на коем избран членом Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне).

Вся его недолгая обер-прокурорская деятельность была вполне благоприятной для Церкви и содействовала всем тем положительным церковным тенденциям, которые в итоге своем дали восстановление канонического строя нашей Церкви.

5(18).8.1917 года, в самом преддверии Собора, обер-прокуратура, как явление церковно-ублюдочное и порожденное самыми крайними, “махровыми” устремлениями монархизма, — ликвидируется, и вместо нее учреждается Министерство Исповеданий. Министром Исповеданий назначается тот же А. В. Карташев.

Однако, вскоре же, 10(23).9.1917 г. “...газеты сообщают, что... министр Исповеданий А. В. Карташев

вручил заместителю министра-председателя (Временного Правительства. Сост.) М. И. Терещенко для передачи А. Ф. Керенскому... заявление на имя министра-председателя..." об увольнении его с поста министра Исповеданий "...ввиду ясно определившегося засилия социалистов над Временным Правительством и невозможности подлинной коалиционной структуры кабинета..."

На просьбу М. И. Терещенко взять заявление обратно "...А. В. Карташев категорически отказался сделать это..." ("Всероссийский Церковно-Общественный Вестник", № 110, Петроград, 1917.)

Впоследствии А. В. Карташев эмигрирует за границу. На закате жизни работает над историей Русской Церкви и читает курс ее в Богословском Институте в Париже. (Изданы два тома, третий остался в рукописи.)

Скончался последний обер-прокурор Русской Церкви, А. В. Карташев в Париже, в конце 50-х гг.

1.6. На страницы истории возрожденного патриаршества, со всяким благодарением должны быть занесены имена: П. В. Гурьева, Н. В. Нумерова, С. Г. Рункевича, В. Н. Самуилова, В. И. Яцкевича и Невского.

Эти лица, из числа руководящих технических работников бывшего аппарата Святейшего Правительствующего Синода немало потрудились в деле обеспечения бесперебойной работы Собора 1917—1918 гг., а после восстановления Патриаршества на этом Соборе и разработки структуры органов Высшего Церковного Управления при Святейшем Патриархе создали и обеспечили гармоничное функционирование как обоих вспомогательных органов ВЦ Управления: Патриаршего Священного Синода и Высшего Церковного Совета, так равно и личной канцелярии Святейшего Патриарха Тихона.

Если принять во внимание условия тогдашней церковной жизни и весь объем происшедшей церковно-административной ломки, то самоотверженный,

огромный труд этих людей поистине следует назвать героическим.

Эти “царские чиновники” на деле оказались подвижниками и вернейшими сынами своей Матери-Церкви в тяжелейший момент Ее жизни...

Гурьев Петр Викторович. Род. 1863, сын протоиерея Московской епархии, окончил Московскую Духовную Академию, магистр богословия. С 1890 — старший секретарь канцелярии Святейшего Правительствующего Синода, коллежский ассесор; 1900 — заведующий канцелярией Училищного Совета при Святейшем Синоде, член оногo. 1912 — Управляющий канцелярией Святейшего Синода, действительный статский советник. Член Предсоборного Совета. 1917—1918 — товарищ секретаря Всероссийского Поместного Собора. Член Соборного Совета. Член Юридического Сопещания при Соборном Совете. 1918 и далее — Управляющий канцелярией Патриаршего Священного Синода и Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне.

В 1923 году, после несостоявшегося судебного процесса по делу “гр. Белавина и др.”, в коем он был одним из главных обвиняемых лиц, П. В. Гурьев находился некоторое время в заключении во Владимирской тюрьме совместно с многими другими “церковниками”.

Дальнейшая судьба его неизвестна.

Нумеров Николай Васильевич. Род. 1875, кандидат богословия. Обер-секретарь Святейшего Правительствующего Синода. Заведующий общей канцелярией Поместного Собора 1917—1918 гг. и делопроизводитель Соборного Совета.

Он упоминается в исторических актах Русской Церкви, связанных с узурпацией патриаршей власти обновленческими авантюристами. В частности фамилия его начертана в известной патриаршей резолюции о передаче временного исполнения патриарших функ-

ций митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому) (1922).

Дальнейшая судьба его неизвестна.

Рункевич Степан Григорьевич. Род. 1867. Доктор церковной Истории. Помощник управляющего канцелярией Святейшего Правительствующего Синода. Член Учебного Комитета при Св. Синоде. Непременный член Медицинского Совета Министерства Внутренних Дел. Член Предсоборного совета. Член Собора 1917—1918 гг. Председатель Редакционного Отдела Собора. Член Хозяйственно-распорядительного Сопещения при Соборном Совете.

Автор многих церковно-исторических работ.

Дальнейшая судьба его неизвестна.

Самуилов Вячеслав Никандрович. Род. 1862, магистр богословия. Правитель дел Учебного Комитета при Св. Синоде. Член Собора 1917—1918 гг. Секретарь Отдела Собора о Духовно-Учебных заведениях. Заведующий Протокольной Частью канцелярии Священного Собора и составлением Соборных Деяний.

Имя его также упоминается в патриарших актах двадцатых годов.

Дальнейшая судьба его неизвестна.

Яцкевич Виктор Иванович. Род. 1862, кандидат богословия. Директор департамента по делам Православной Церкви. Член Предсоборного Совета. Член Собора 1917—1918 гг. и т. д.

1.7. В самое ближайшее предреволюционное время состав Святейшего Правительствующего Синода и условия, в которых протекала его повседневная работа, по отзыву протопресвитера военного и морского духовенства, о. Г. И. Шавельского, бывшего одно время членом Синода, выглядели следующим образом.

“...За полтора года моего присутствия в Синоде, в течение трех сессий в нем перебивало много членов — архиепископов и епископов. Среди них бы-

ли весьма достойные, как твердый, неподкупный, прямой и умный Новгородский епископ Арсений (Стадницкий), лучший наш богослов, архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), осторожный и чистый архиепископ Литовский Тихон, безгранично прямой и открытый епископ Рязанский Дмитрий (Сперовский). К ним же я должен отнести и прямого, иногда до резкости, честного придворного протопр. А. А. Дернова. Были сознававшие необходимость реформ и рвавшие к ним, как архиепископ Тверской Серафим (Чичагов). Были и недостойные...

...Скажу теперь о деловой работе Св. Синода.

Заседания происходили по понедельникам, средам и пятницам от 11 до 1 ч. дня. В экстренных случаях назначались заседания и в другие дни, иногда в вечерние часы. Домой члены Синода обычно никаких дел с собой не брали и ими дома не занимались. Поступившие в Синод дела предварительно переговаривались в синодальной канцелярии и уже в переваренном виде докладывались секретарями и обер-секретарями этой канцелярии на заседаниях Синоду.

На заседания члены Синода прибывали без лент, но обязательно со звездами на груди и занимали по старшинству места по обеим сторонам длинного стола, стоявшего против портрета государя, перпендикулярно к внутренней стене, посреди огромного продолговатого зала. Центральное, высокое с коронной кресло под царским портретом, как предназначенное для государя, всегда оставалось незанятым. Обер-прокурор со своим товарищем садился за столом, стоящим около задней стены; управляющий синодальной канцелярией и его помощник — за другим столом, не далеко от входа в зал. Докладчик становился на кафедру у самого синодального стола против портрета государя. Как обер-прокурор, так и прочие чины являлись на заседание обязательно в мундирах со старшими орденами и при звездах, у кого они были. Словом, внешняя сторона синодальных заседаний в отношении благолепия и торжественности не остав-

ляла желать ничего лучшего. Дело, вероятно, не пострадало бы, если бы этой торжественности было немного и поменьше.

Деловая же сторона синодальных заседаний была куда слабее..." ("Воспоминания..." Г. Шавельский. Т. I, т. II. Нью-Йорк, 1954.)

1.8. Константин Петрович Победоносцев скончался в СПб, в субботу 10(23).3.1907 года.

"...Он завещал похоронить себя самым скромным образом: не возлагая на гроб его никаких венков, — тело везти на место упокоения на простых дрогах, отпевание совершить простому священнику..." ("Церковные Ведомости", № 11, 1907.)

Погребен К. П. у алтаря церкви Свято-Владимирской женской церковно-учительской школы в СПб.

1.9. Екатеринодар. В связи с гражданской войной на юге России (Украина, Дон, Кубань) "...связь с Патриархом порвалась... получилось странное явление: огромная территория, почти весь юго-восток России, с несколькими епархиями, оказалась без высшей церковной власти... ..Необходимость ее была очевидна..." ("Воспоминания..." Т. I, т. II. Г. Шавельский. Нью-Йорк, 1954.)

Собранное по инициативе протопресвитера добровольческой армии и флота о. Г. Шавельского специальное заседание архиереев (бежавших сюда после падения Одессы) и б. членов Московского Собора 1917—1918 гг. выносит постановления:

1) от имени собрания просить старейшего Ставропольского архиепископа Агафодора (Преображенского) созвать в г. Ставрополе Поместный Собор;

2) Собор составить из всех находящихся на территории "добрармии" епископов и членов Всероссийского Церковного Собора, присоединив к ним по четыре представителя от каждой епархии;

3) командировать в Ставрополь представителей епископата, клира и мирян для переговоров с архиепископом Агафодором (Преображенским) и

4) просить главнокомандующего генерала Деникина об отпуске на расходы 50 тысяч рублей.

В результате переговоров делегации с архиепископом Агафодором (Преображенским) созыв Собора намечается на 18(31).5.1919 г.

Практически открытие состоялось днем позже, т. е. в воскресенье 19.5(1.6).1919 г. По этому случаю была совершена торжественная литургия собором пяти иерархов в сослужении многочисленного духовенства.

После литургии и молебна, совершенных в архиерейской Андреевской церкви, происходит деловое открытие Собора выступлением старейшего (среди наличного епископата) архиепископа Ставропольского Агафодора (Преображенского). После него приветствует Собор главнокомандующий “добрармией” генерал Деникин, присутствующий здесь с начальником штаба.

После трапезы и небольшого перерыва Собор приступает к работе. Избирается президиум: председатель — архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич); товарищ председателя от епископата — архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), от клира — протопресвитер добрармии и флота Г. И. Шавельский, от мирян — князь Г. Н. Трубецкой.

Архиепископ Агафодор (Преображенский) избирается почетным Председателем Собора.

Занятия Собора происходят с 19.5(1.6) по 24.5(6.6).1919 г.

В соборных занятиях принимают участие 55 человек. Некоторые из них являются членами бывшего в Москве Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг.

Приводим полный список членов Ставропольского Собора 1919 г. (знаком “+” отмечены бывшие члены Московского Собора 1917—1918 гг.).

1. Аббаты Андрей Иванович +;
2. Абрамов Николай Матвеевич, профессор +;

3. Агапит (Вишневецкий), архиепископ Екатеринославский и Мариупольский +;
4. Агафодор (Преображенский), архиепископ Кавказский и Ставропольский +;
5. Апраксин Петр Николаевич, граф +;
6. Арсений (Смолснец), епископ Приазовский и Таганрогский;
7. Беловидов Петр Иванович, протоиерей;
8. Верховский Павел Владимирович, профессор +;
9. Вознесенский Николай Павлович;
10. Востоков Владимир Игнатьевич, священник +;
11. Гавриил (Чепура), епископ Челябинский и Троицкий +;
12. Гаденко Константин Порфирьевич;
13. Гермоген (Максимов), епископ Аксайский;
14. Граббе Павел Михайлович, граф +;
15. Гладкий Иван Ефимович (?);
16. Димитрий (Абашидзе), архиепископ Таврический и Симферопольский +;
17. Добровольский Михаил Капитонович, протоиерей;
18. Завитаев Иван Макарович, протоиерей +;
19. Ивановский Александр Иосифович +;
20. Иоанн (Левицкий), епископ Кубанский и Екатеринодарский;
21. Карташев Николай Тимофеевич, протоиерей +;
22. Кожин Василий Иванович, священник +;
23. Козлов Иван Николаевич, священник;
24. Конограй Михаил Андреевич, священник;
25. Красовский Алексей Феодорович, священник;
26. Лаванов Владимир Алексеевич, священник;
27. Левшин Димитрий Феодорович, генерал;
28. Ломако Григорий Петрович, священник +;
29. Львов Владимир Александрович, протоиерей +;
30. Макарий (Павлов), епископ Владикавказский и Моздокский +;

31. Малиновский Александр Платонович, протоиерей +;
32. Митрофан (Симашкевич), архиепископ Донской и Новочеркасский +;
33. Михаил (Космодемьянский), епископ Александровский;
34. Ногатырев Алексей Гаврилович, священник +;
35. Николайченко Иван Николаевич, священник;
36. Окиншевич Кирилл Емельянович, протоиерей;
37. Оппоков Виктор Владимирович;
38. Павлов Георгий Андреевич, генерал;
39. Полихроний, монах;
40. Рейнке Михаил Михайлович;
41. Рождественский Александр Петрович, протоиерей +;
42. Россиев Павел Амалиевич +;
43. Свенцицкий Валентин Павлович, священник;
44. Сенько-Поповский Леонид Андреевич;
45. Сергей (Петров), епископ Сухумский +;
46. Смирнов Димитрий Андреевич, протоиерей;
47. Сперанский Яков Димитриевич +;
48. Терещенко Иван Никифорович;
49. Трубецкой Григорий Николаевич, князь +;
50. Хандалеев Василий Павлович, протоиерей;
51. Хомяков Василий Димитриевич;
52. Чернявский Николай Францевич, генерал;
53. Шавельский Георгий Иоаннович, протопресвитер +;
54. Якушев Петр Самуилович

И позже был включен в число членов Ставропольского Собора, прибывший на юг

55. Трубецкой Евгений Николаевич, князь +. ("Церковно-белогвардейский Собор 1919 года" Кандидов Б.; "Церковь и гражданская война на юге России".)

О созыве и открытии работ Ставропольского Собора в стане генерала Деникина, учредители его, поддерживающие "...хотя и не беспрепятственные связи с Патриархом Тихоном..." ("обвинительное заключение..." Москва, 1923), извещают последнего через лазутчика "Федю" (сумевшего пробраться через фронты гражданской войны в Москву) "...на клочке бумаги..." (там же).

Деятельность этого импровизированного Собора следует резко разграничить на две сферы: чисто-церковную; организационно-административную и ярко выраженную политическую. В этой последней Собор немало времени и усилий затратил на обсуждение и организацию различных политических благоглупостей, вроде устройства "крестного хода" из Ставрополя в Москву (через все фронты!) для освобождения ее от большевиков и вызволения из египетского плена Святейшего Патриарха Тихона. Затея эта, конечно, осуществлена не была, хотя планировалась "всерьез".

Особенно отрицательное значение этого Собора следует усматривать в том, что все эти, не подлежащие его компетенции, политические увлечения явились впоследствии тяжелой и излишней нагрузкой обвинительного материала, предъявленного в 1923 году Святейшему Патриарху Тихону, которому, таким образом, предстояло рассчитываться за горшки, разбитые не в меру ретивыми отцами-соборянами в Ставрополе, в 1919 году.

Согласно заявления одного из членов Собора, епископа Ростовского-на-Дону Арсения (Смоленец +) "...все постановления Старопольского Собора должны быть представлены на утверждение... Патриарху Тихону задним числом..." (там же). Таким образом, отцы Собора, даже официально мыслили все свои деяния прикрыть впоследствии патриаршим именем и авторитетом.

Окончилась соборная деятельность 24.5(6.6).1919 года.

“...Если принять во внимание, сколько времени отняли у Собора выборы президиума, членов Временного Высшего Церковного Управления, наконец, церемониально-богослужебная часть... то на соборную ушло не более трех дней. В эти три дня Собор сделал чрезвычайно много: рассмотрел и принял проект Временного Высшего Церковного Управления на юго-востоке России, одобрил ряд соборных воззваний, рассмотрел вопрос о приходе, о духовно-учебных заведениях, о церковной дисциплине и пр. ... Работа шла быстро, продуктивно, несколько спешно, но и эта спешность скорее помогала делу, сдерживая словоизвержения, чем вредила ему...” (“Воспоминания...” Г. Шавельский. Т. I, т. II. Нью-Йорк, 1954.)

В связи с окончанием соборных работ у церковных и светских белогвардейцев возникает мысль об устройстве в стане генерала Деникина постояннодействующего местного (автономного) церковно-административного аппарата для управления епархиями, оказавшимися на территории, занятой “добрармией”. Таким образом “...до установления правильных сношений...” со Святейшим Патриархом Тихоном Ставропольский Собор учреждает Временное Высшее Церковное Управление на юго-востоке России. (Зародыш будущих зарубежных Карловацких организаций.)

Открытие учрежденного Ставропольским Собором ВВЦУ на юго-востоке России происходит 5(18).6.1919 года в гор. Екатеринодаре.

По этому случаю здесь, в Войсковом соборе, в 10 часов утра, в присутствии главнокомандующего “добрармией” генерала Деникина, высших чинов штаба и проч., совершается торжественный молебен соборным архиерейским служением.

Временное Высшее Церковное Управление составляют: председатель — Новочеркасский и Донской архиепископ Митрофан (Симашкевич); товарищ председателя — Таврический архиепископ Димитрий (Абашидзе); члены — протопресвитер о. Г. И. Ша-

вельский, профессор-протоиерей А. П. Рождественский; профессор Ростовского университета П. В. Верховский и граф В. В. Мусин-Пушкин.

В послании, изданном Ставропольским Собором по поводу организации Церковного Управления, говорится о подотчетности последнего Святейшему Патриарху Тихону после "...трепетно ожидаемого освобождения Великого Отца и Патриарха нашего..." от большевиков.

Работа Церковного Управления протекает в форме периодически созываемых сессий. Таковых за время деникинщины было 14, а при бароне Врангеле — 11. Каждая сессия продолжалась от двух до пяти дней.

Управление имело постоянный штат и ответственного руководителя в лице председателя. Управляющим канцелярией состоял Экзакустодиан Махароблидзе, старый и опытный работник полевой канцелярии дореволюционного протопресвитера военного и морского духовенства.

Заседания Временного Высшего Церковного Управления происходили последовательно в следующих городах;

с 5(18).6 по 6(19).7.1919 — Екатеринодар;

с 18(31).7 по 20.7(2.8).1919 — Новочеркасск;

с 7(20) по 10(23).8.1919 — Таганрог;

с 23.8(5.9) по 24.8(6.9)1919 — Новочеркасск (паки) и т. д. ("Воспоминания..." Г. Шавельский. Т. I, т. II. Нью-Йорк 1954; "Церковно-белогвардейский Собор 1919 года". Кандидов Б.; "Церковь и гражданская война на юге России".)

"...Учрежденное Собором Высшее Церковное Управление было облечено всей полнотой власти, какая принадлежит Патриарху с его Св. Синодом и Высшим Церковным Советом, до восстановления связи с Патриархом, когда оно немедленно должно было бы сложить свои полномочия..." (Шавельский).

Однако, фантазиям церковных белогвардейцев осуществиться не было суждено; провлачив свое существование до времени полного военного поражения

белогвардейских армий, ВВЦУ на юго-востоке России, физически разрушенное и распыленное в своем составе, эмигрировало в общем белогвардейском потоке за границу и вскоре возродилось вновь в виде столь нашумевшего впоследствии Карловацкого Высшего Церковного Управления, доставившего, как известно, немало хлопот и горя не только Святейшему Патриарху Тихону, но и его преемникам по возглавлению Русской Церкви.

Окончилась вся эта затея о. Шавельского и иже с ним, следующим образом:

“...С оставлением нашими (белыми. *Сост.*) войсками Ростова, ВВЦУ лишилось почти всех членов, ибо архиепископ Митрофан (Симашкевич), епископ Арсений (Смоленец) и проф. Верховский остались на местах, первый в Новочеркасске, второй в Таганроге, третий в Ростове, а проф.-прот. Рождественский, тяжело больной, был эвакуирован, граф же Мусин-Пушкин выбыл в Крым. Остались только митр. Антоний (Храповицкий)...” и протопресвитер Г. И. Шавельский.

И, по отзыву последнего, деятельность ВВЦУ протекала чрезвычайно успешно. Он пишет:

“...Я полтора года заседал в Св. Синоде, полгода в Высшем Церковном Совете при Св. Патриархе (в 1918 г.) и должен сказать, что ни в том, ни в другом высоком учреждении я не получил такого удовлетворения, какое я получил, работая в ВВЦУ, возглавлявшемся архиеп. Митрофаном (Симашкевичем)...” (Шавельский).

Что же касается члена ВВЦУ профессора Павла Владимировича Верховского, то он был убит в Одессе во время прихода “красных”, в январе 1910 года. По отзыву Шавельского: “...человек нежной души, искренней веры и большой работоспособности...” (Шавельский).

Из всех деяний ВВЦУ самым крупным следует признать его суд над архиепископом Екатеринославским Агапитом (Вишневым) за чрезмерное увлечение по-

следнего идеей украинской “автокефалии”. Этот свя- титель, как повествуют мемуары, “...в разгар револю- ции был увлечен волною украинской самостоятельности. Не будучи в состоянии разобратся в быстро сменяю- щихся событиях, ни хоть отчасти заглянуть в буду- щее, он при первом же обособлении Украины решил, что последняя крепко стала на ноги, и всецело примк- нул к самостоятельным...”

...Когда с захватом Малороссии войсками генерала Деникина самостоятельности был положен конец, к архи- еп. Агапиту (Вишневному) предъявили ряд тяжких обвинений. Его обвиняли во многом: 1) что он в Екате- ринославе на площади пред молебном взывал: “Мос- ква нас знищила”; 2) звал к отделению “Украины” от Москвы, а Украинской Церкви от Патриарха и сам прекратил поминовение Патриарха; 3) в декабре 1918 г. в полном облачении, окруженный духовенством, встречал въезжавшего на белом коне в Киев Петлюру, своего ученика по Полтавской духовной семинарии, причем приветствовал его речью и троекратным лобызанием. Митроп. Платон (Рождественский) (б. Одесский) уверял, что Агапит (Вишевский) (его друг) был уполномочен на это находившимися тогда в Киеве епископами... 4) в конце декабря (1918 г. *Сост.*) ... возглавлял сформированный из нескольких священников и мирян Петлюровский Украинский Си- нод, деятельность которого, кажется, ограничилась лишь тем, что он предписал поминать в украинских церквах на всех богослужениях троицу: “Сымона, Хведора” и еще какую-то, подобную им личность, т. е. Петлюру, Винниченко и их компаньона. Скоро эта директория была выгнана из Киева, после чего и Агапит (Вишевский) убежал через Одессу в Екате- ринодар...

...К несчастью для Агапита (Вишневого) в это время вернулся (в Таганрог. *Сост.*) из Галицийского плена Киевский митроп. Антоний (Храповицкий), беспощадно отнесшийся к экспериментам Агапита (Вишневого) и так же, как и главнокомандующий

(ген. Деникин. *Сост.*), потребовавший суда над ним...”

ВВЦУ поручает ведение следствия архиепископу Кишиневскому Анастасию (Грибановскому), который при этом “...не покривил душой...”

“...Произведенное им самым тщательным образом следствие представило полную картину самостоятельных походов Екатеринославского архиепископа, пробиравшегося по взбаломученному морю Украинской жизни к Киевской митрополичьей кафедре.

По положению ВВЦУ не могло судить архиерея, — требовался архиерейский Собор. В октябре (кажется, не ошибаюсь) 1919 г. в Новочеркасске такой Собор состоялся. Участвовало, кажется, 12 архиереев...” (Шавельский).

В разное время в стане генерала Деникина (затем барона Врагнеля) находилось порядочное количество Православных иерархов (плюс-минус 30 человек!); из них то и составил Собор 12 архиереев для суда над архиеп. Агапитом (Вишневским).

Приводим (м. б. не совсем полный) список архиереев, оказавшихся в стане “добрармии” и, позже — в большинстве своем — покинувших Родину.

1. Агапит (Вишневский), Екатеринославский;
2. Агафодор (Преображенский), Ставропольский;
3. Алексей (?), викарий Минской епархии;
4. Анастасий (Грибановский), Кишиневский;
5. Антоний (Храповицкий), Киевский;
6. Аполлинарий (Кошевой), Рыльский;
7. Арсений (Смоленец), Ростовский н/Дону;
8. Гавриил (Чепура), Челябинский;
9. Георгий (Ярошевский), Минский;
10. Гермоген (Максимов), Аксайский;
11. Дамиан (Говоров), Царицынский;
12. Димитрий (Абашидзе), Таврический;
13. Димитрий (Вербицкий);
14. Евлогий (Георгиевский), Волынский;

15. Иоанн (Левицкий), Кубанский;
16. Макарий (Павлов), Владикавказский;
17. Митрофан (Абрамов), Сумский;
18. Митрофан (Симашкевич), Донской;
19. Михаил (Космодемьянский), Александровский;
20. Питирим (Окнов), б. Петроградский;
21. Платон (Рождественский), б. Одесский;
22. Сергей (Лавров);
23. Сергей (Петров), Сухумский;
24. Феодор (?), викарий Минской епархии;
25. Феофан (Гаврилов), Курский;
26. Феофилакт (Клементьев), Елисаветпольский
и нек. др.

По соборному суду архиереев архиепископ Агапит (Вишневский) приговаривается к лишению кафедры и ссылке в монастырь (Георгиевский, в Крыму: один из “богатейших и красивейших монастырей Крыма”). (Шавельский.)

Другой зарубежный церковный мемуарист на эту тему сообщает:

“...Архиепископ Агапит (Вишневский) был инспектором Полтавской семинарии в то время, когда Петлюра в ней учился. Из семинарии Петлюру выгнали за какой-то неблаговидный поступок. Когда Петлюра въехал в Киев, архиепископ Агапит (Вишневский) встретил его льстивой речью, приветствуя его как “героя” и “освободителя”. “Мы с вами давно знакомы...”, между прочим напомнил он. Петлюра промолчал. Потом архиепископ Агапит (Вишневский) повел резкоукраинскую линию. За этот уклон теперь Высшее Церковное Управление его и судило. Был поднят вопрос: оставить его на кафедре или уволить? Решили уволить на покой. На его место назначили Донского викария епископа Аксайского Гермогена (Максимова). Однако, политические события развернулись так, что он не мог добраться до своей кафедр-

ры..." ("Путь моей жизни". Митрополит Евлогий Георгиевский. Париж, 1947.)

Таковы были церковные обстоятельства на юге России в начале патриаршества Святейшего Тихона...

Впоследствии, об одном из активных участников этого юго-восточного Собора, епископе Арсении (Смоленце), в обновленческой печати появится следующий отзыв:

"...Епископ Арсений (Смоленец). Он пришел в Ростовскую епархию с либеральным, прогрессивным лицом, но с первым приходом Советской власти либерализм его потускнел. Советская власть ушла. Пришел Деникин, и лицо епископа Арсения (Смоленца) стало реакционным и черносотенным. Его политические грехи на днях будет судить Ревтрибунал. Мы заняты его грехами в церковном управлении. Он через своего кума профессора агитирует о созыве и направлении "Ставропольского Собора". Играет первую скрипку в Высшем Церковном Управлении на юге России, на территории белогвардейцев. Он свою малую и убогую Ростовскую епархию из викариатства обратил в самостоятельную и себя из викария — в правящего. Он слаб волен, но непреодолимо упрям и упорен..." ("Живая Церковь", № 4-5, 1922.)

2. НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ТИХОНА, СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ

От школьной скамьи до патриаршего престола

Святейший Тихон пришел к своему великому посту от земли. Он родился 19 января (1 февраля) 1865 года в семье сельского священника Торопецкого уезда Псковской епархии Иоанна Белавина. В миру он носил имя Василия. Детские и юношеские годы его прошли в деревне, в непосредственном соприкосновении с крестьянством и близости к сельскому труду. С юных лет он отличался особой религиозной настроенностью, любовью к церкви и редкой кротостью и смирением.

Никакого сильного покровительства он не имел, и своим великим и славным будущим он всецело обязан своим дарованиям, своей мудрости и своему труду, главным же образом — полному преданию всего себя в волю Божию.

Среднее образование он получил в родном Торопецком Духовном Училище и в Псковской Семинарии, а высшее образование — в Петербургской Духовной Академии. Уже в то время его высокие нравственные и умственные качества производили такое впечатление на окружающих, что любившие его студенты Академии прозвали юного Белавина “Патриархом”.^{2.1} В 1888 году он окончил Академию 23-х лет от роду.

Первые девять лет своей самостоятельной жизни он посвятил религиозному воспитанию юношества — был преподавателем богословия, инспектором и директором духовных семинарий в Пскове и Холме. Образцовым преподаванием богословской науки он умел заинтересовать своих юных слушателей.

Стремясь своей чистой душой к Богу, он вел строгую, целомудренную жизнь и на 27-м году жизни,

1891 года, он принял монашеский постриг. В честь св. Тихона Задонского, с молодости отличавшегося кротостью и смирением, ему было дано имя Тихона.

19 октября (1 ноября) 1897 года, на 33-м году жизни, он был посвящен во епископа. Ему вверили кафедру Люблинскую Варшавской епархии. Это был один из самых молодых архиереев. Епископ Тихон ревностно отдался работе по устройству своего нового викариатства, а обаянием своего нравственного облика он приобрел всеобщую любовь не только русского населения, но и евреев и поляков.

Вместе с тем его честное сердце никогда не выносило каких бы то ни было посторонних вмешательств в церковную жизнь. Ревизуя (по обязанности Варшавского викария) Привисленские монастыри, он нашел в одном из них, при станции Лесная Полесской ж. д., отсутствие всякой отчетности и полный произвол “высокопоставленной” графини-игумении в распоряжении трудовыми народными копейками. Преосвященный Тихон заявил об этом своему архиепископу, а обиженная графиня помчалась жаловаться в Петербург. Синод внял ее воплям, но убрать епископа Тихона оказалось не легко благодаря его огромной популярности. Искали выхода — и в 1898 году, в расцвете духовных и физических сил, он был направлен для несения ответственного служения за океан, в далекую американскую епархию.

Возглавляя Православную Церковь в Америке архиепископ Тихон много сделал в великом деле распространения Православия, в благоустройстве своей огромной епархии, в которой он учредил два викариатства,^{2.2} и в постройке храмов^{2.3} для Православных Русских людей. А любовным ко всем отношением, в частности в устройстве дома для безвозмездного приюта и питания бедняков-переселенцев из России, он завоевал всеобщее уважение. Американцы избрали его почетным гражданином Соединенных Штатов.^{2.4}

В 1907 году он вернулся в Россию и был назначен на Ярославскую кафедру.^{2.5} Одним из первых распо-

ряжений по епархии скромного и простого архипастыря было категорическое запрещение духовенству при личных к нему обращениях класть вошедшие в обычай земные поклоны.^{2.6} И в Ярославле он быстро приобрел любовь своей паствы, оценившей его светлую душу и тепло с ним прощавшейся на его проводах.

В 1914 году он — архиепископ Виленский и Литовский. После перевода в Вильно он сделал особенно много пожертвований в различные благотворительные учреждения. Здесь также выявилась его натура, богатая духом любви к людям. Он напрягал все свои силы к тому, чтобы помочь несчастным обитателям Виленщины, лишившимся благодаря войне с немцами своего крова и средств к существованию и толпами шедшим к своему архипастырю.

Для преосвященного Владыки Тихона, верного своему архиерейскому долгу, Церковь и ее интересы всегда были дороже всего. Он никогда не допускал никаких посягательств государства на Церковь, что, конечно, всегда и везде влияло на отношение к нему правительства. И для присутствования в Св. Синоде он вызывался в столицу всего лишь несколько раз при обер-прокуроре Лукьянове.

Когда же произошла февральская революция и был сформирован новый Синод — архиепископа Тихона пригласили в число его членов. 21-го июня (4.7) 1917 года Московский епархиальный съезд духовенства и мирян избрал его, как ревностного и просвещенного архипастыря, широко известного даже за пределами своей страны, Московским митрополитом. Вот что писал об этом избрании орган Московской Духовной Академии “Богословский Вестник”. (№6, 1917 г.).

“Европейски просвещенный, архиепископ Тихон на всех местах своего епископского служения проявил себя независимым деятелем высокой честности, твердой энергии и одновременно большого такта; человеком сердечным, отзывчивым и чрезвычайно простым и доступным как в деловых, так и частных отношени-

ях к людям. Замечательно, наконец, что при всей страстности, какую иногда принимало обсуждение кандидатов на избирательном съезде, никто не мог бросить даже и тени чего-либо компрометирующего на личность архиепископа Тихона”.

Его свободным избранием, “этим чрезвычайным историческим актом Церковь Московская начинает новую жизнь на древне-христианских началах церковной свободы. Избрание архиепископа Тихона с этой точки зрения должно быть признано самым удачным и лучшим, какое только можно было сделать как из среды наличного епископата, так в частности из числа выдвинутых в избирательном собрании кандидатов”.

“Владыка Тихон был одним из немногих маяков в эпоху беспросветной церковной реакции, и те, на долю которых падал жребий активно бороться за правду и свободу церковную, не могут никогда забыть о той неизменной поддержке и сердечном участии, какие встречали они у архиепископа Тихона”.

“Он с решительным и нескрываемым отрицанием относился ко всем преследованиям со стороны церковной власти лиц духовного ведомства за политические и церковно-общественные воззрения и настойчиво не принимал никакого участия в монархических организациях. На последней почве у него произошло столкновение с Ярославским губернатором, вследствие которого он и был переведен на Литовскую кафедру. Ярославское общество приняло сторону архипастыря и выразило ему сочувствие избранием его почетным гражданином Ярославля”.

«Борьба, которая произошла на избирательном собрании в виду выдвинутой одновременно другой кандидатуры на кафедру в лице А. Д. Самарина, делает факт избрания архиепископа Тихона чрезвычайно знаменательным и исторически высокоценным.

В этот критический момент светлое имя архиепископа Тихона, как благородного носителя прогрессивных церковных идеалов, испытанного церковно-

общественного деятеля само собою, без всякой организованной тенденциозной агитации, силою только внутренней значимости сплотило воедино подавляющее большинство делегатов прогрессивного течения и дало последнему решительную победу.

Испытанная твердость воли и высокий такт нового Московского Владыки дают уверенность в том, что ему удастся успешно справиться с своей трудной задачей быть истинным вождем церковного общества, живущим и действующим в полном единодушии со своим клиром и всем церковным народом епархии, как того требуют интересы и польза Церкви настоящего великого и страшного момента.

Московская Духовная Академия свободно приветствует нового главу Церкви Московской и своего Почетного Попечителя искренним и убежденным «аксиос»».

В сане митрополита Московского Владыка Тихон много работал по административной и церковно-научной подготовке к Всероссийскому Поместному Собору — заботился о размещении делегатов на Собор, о подыскании помещений для его заседаний, занимался составлением программ по вопросам, подлежащим соборному решению.

Когда же золотой сон лучших сынов Церкви сбылся наяву, и осенью 1917 года открыл свои занятия Священный Собор Церкви Российской — митрополит Тихон был избран его Председателем. Много мудрости и такта требовало от него руководство Собором. Надо было примирять и направлять в единое правильное русло на благо Церкви противоречащие друг другу мировоззрения его членов, разного рода течения соборных групп.

Собор ставил своей целью построить жизнь Русской церкви на ее незыблемых, исконных началах, и первым большим и важным вопросом, остро ставшим перед Собором, был вопрос о патриаршестве.

“Почему необходимо восстановить патриаршество?” — спрашивал Собор в своей исчерпывающей,

блестящей речи архимандрит — ныне архиепископ — Иларион (Троицкий) /«Богословский вестник» №10, 1917 г./.*

“Потому, что патриаршество есть основной закон высшего управления каждой Поместной Церкви”. Церковное законодательство в лице Апостольских правил совершенно недвусмысленно требует: “Епископам всякого народа (в том числе и русскому, разумеется!) подобает знать первого из них и признавать его, как главу”. Церковная история и проводила неуклонно в жизнь параллельно с соборностью принцип первоиераршества. “Вся Вселенская Христова Церковь до 1721 года не знала ни одной Поместной Церкви, управляемой коллегиально, без Первоиерарха”. И только с этого момента печальным исключением стала наша Русская Церковь со своим нелепым Синодом, — в корне неканоничным и явно вредным, созданным Петром I из политических соображений, для порабощения Церкви государством.

Вот почему Отдел Собора о Высшем Церковном Управлении после целого ряда заседаний вынес определение о восстановлении патриаршества. 12/25 сентября были открыты прения на общем заседании Собора, и уже чувствовалось, как писал его участник, что в общем сознании и настроении вопрос этот решен положительно. 28 октября (10.11) Священный Церковный Собор громадным большинством голосов решил восстановить в Русской Церкви патриаршество (“Богословский вестник”, №10, 1917 г.)

Свободным голосованием членов Собора были избраны три кандидата на патриарший престол: “самый умный из русских архиереев — архиепископ Антоний (Храповицкий), самый строгий — архиепископ Арсе-

* Знаменитая речь члена Собора 1917—1918 гг. профессора архимандрита Илариона (Троицкого) “Почему необходимо восстановить Патриаршество?” в свое время была опубликована в окт.-дек. книжке “Богословского Вестника” за 1917 год. Существовало убеждение, что именно эта речь архимандрита Илариона (Троицкого) доставила окончательное торжество идее восстановления патриаршества на Соборе, ибо только лишь после ее произнесения соборные обновленцы прекратили свои нескончаемые вылазки против патриархистов и патриаршество было восстановлено.

ний (Стадницкий), и самый добрый — митрополит Тихон” — так выразился один из членов Собора.

5 (18) ноября, после торжественной литургии и особого молебного пения в Храме Христа Спасителя, великая честь и великая ответственность патриаршего служения пала на Высокопреосвященного Тихона, митрополита Московского и Коломенского.

21 ноября (4.12) 1917 года в праздник Введения, он был поставлен Святейшим Патриархом всея России.

Поставление на патриарший престол происходило в Большом Успенском Соборе.

Он не был стар — ему было еще только 52 года, но он уже тогда имел за собою почти двадцатилетнее епископское служение.

Вступая на Первосвятительский престол, Святейший Тихон сказал, что ему страшно и дивно занимать патриаршее место, пустовавшее 200 лет. К Патриарху предъявляются великие требования, и душа его объята трепетом. Особенно трудно будет Патриарху управлять Церковью среди теперешних смертоносных бурь, но его надежда — на Бога и на народ, в котором не угасла вера.

В этот великий исторический день все истинно Православные люди радовались и поздравляли, вместе с представителями Вселенских Патриархов, Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. А по необъятному простору нашей Родины лился колокольный звон, возвещаая всем о торжестве Церкви.

Святейший Тихон*

Прежде чем говорить о личности незабвенного нашего духовного вождя, стоит подумать над словами о нем одного архиерея.

* Приведенные здесь мысли взяты, главным образом из отдельных проповедей Православных епископов.

“Прекрасное таится и само себя выявлять не хочет. Истинная добродетель всегда скрыта, и видят ее лишь люди чуткие. Многих великих святых их современники не замечали”.

Святейший Патриарх Тихон для Православных людей не только носитель высшей церковной власти. Он дорог нам и как человек, достигший высокой степени духовного совершенства, “как благодатный носитель Духа Божия, дающего слово мудрости и рассуждения”.

Своей жизнью он явил редкий нравственный облик христианина-монаха, отличаясь глубокой религиозной настроенностью, духом целомудрия, смиренно-мудрия, терпения и любви. Святейший Тихон — воистину благодатная личность, жившая для Бога и Богом просветленная.

“Не напрасно носил он титул Святейшего, — пишет о нем один священник. — Это была действительная святость, величаемая в своей простоте и простая в своем исключительном величии”. “От Святейшего уходишь духовно умытым”, — чутко уловил то благоухание праведности, какое излучала его чистая душа, другой священник. Вот почему улыбка Патриарха, светлая и ласковая, так памятна всем, его знавшим. Вот почему он так притягивал сердца всех обаянием своей личности, пред которой преклонялись подчас и люди неверующие, называя его “религиозным, благородным”, действительно большим человеком.

Великая любовь ко Христу, к Его Церкви и к людям проходила светлой полосой через всю жизнь и деятельность Святейшего Патриарха Тихона.

“Он был олицетворением кротости, доброты и сердечности”, — кратко и верно охарактеризовал Святейшего епископ Августин (Беляев).

“Он любил вас всю силою своей великой души. Он душу полагал за вас”, — говорил другой архиерей бесчисленным тысячам Православного русского народа, собравшимся ко гробу дорогого Первосвятителя.

В обращении с людьми Святейший был безгранично ласков, приветлив, сострадателен. “Для молодых он был отцом, для взрослых — мудрым наставником и руководителем, и для всех вообще — другом”, — трогательно отзывался о нем митрополит Петр (Полянский). “Молитвенник народный, старец всея Руси”, — называли Патриарха два монаха-подвижника. “Особенное впечатление на меня производила доброта Святейшего Тихона, и я всегда видел от него только ласку, внимание и любовь”, — вспоминал с глазами полными слез один из спутников жизни Патриарха.

Его необыкновенная чуткость и отзывчивость проявлялись и в его широкой благотворительности, в щедрой и нераздельной помощи всем неимущим и обездоленным.^{2,7}

Редкую доброту Святейшего Тихона не могли отрицать даже его враги и часто бывали обезоружены ею. “Пойдите к Патриарху, попросите у него денег, и он вам отдаст все, что у него есть, несмотря на то, что ему — Патриарху, в его возрасте, измученному после богослужения, придется идти пешком, что и было недавно”, — сказал небезызвестный Калиновский,^{2,8} один из зачинщиков церковной смуты в Вербное Воскресенье 1926 года.

Все соприкасавшиеся с Святейшим Тихоном поражались его удивительной доступности, простоте и скромности. Многие нечуткие или недалёковидные люди не понимали его, злоупотребляли этими сторонами его души, готовы были видеть в них “просто симпатичного” человека. А между тем, здесь-то и проявляется истинная святость.

Широкую доступность Святейшего несколько не ограничивал его высокий сан. Двери его дома всегда были для всех открытыми, как открыто было каждому его сердце — ласковое, отзывчивое, любвеобильное.

Будучи необыкновенно простым и скромным, как в личной жизни, так и в своем Первосвятительском служении, Святейший Патриарх не терпел и не делал ничего внешнего, показного. Он явил собою пример

великого благородства. Безропотно нес он свой тяжелый крест, без какой бы то ни было позы, эффекта. Он никогда не пытался выделить себя, не старался как-либо выскочить, непременно настоять на своем, исполнить во что бы то ни стало свою волю. Он был полон неподдельного, глубокого смирения и всецело предавал себя в волю Божию, благую и совершенную. Он стремился ее одну искать и исполнять, что неизбежно заставляло его отказываться подчас от своей человеческой воли, а подчас и от принятых решений. В последнем случае он мог давать повод своим врагам обвинять его в “безволии”. Но он смотрел на жизнь не по мирскому, а по разуму Божию, проявляя здесь свою истинную мудрость. Это и отличало его всегда как архиерея и человека. Этим он производил впечатление такой души, в которой живет и действует Христос. И нас звал к тому же Святейший Тихон, и одно из своих Патриарших воззваний он закончил такими прекрасными словами: “Господь да умудрит каждого из нас искать не своего, но правды Божией и блага Святой Церкви!”

Патриарх Московский и всея России

Всероссийский Церковный Собор 1917 года, поставивший во главе церковного управления Патриарха, так определил, в основном, его обязанности:

“Святейший Патриарх Московский и всея России заботится о внутреннем и внешнем благосостоянии Российской Церкви, обращается ко всей Российской Церкви с учительными посланиями и пастырскими воззваниями. Созывает церковные Соборы и председательствует на них. Председательствует в Священном Синоде и Высшем Церковном Совете. Имеет высшее начальственное наблюдение за всеми центральными учреждениями при Священном Синоде и Высшем Церковном Совете, за правильным течением дел и за своевременным и точным исполнением при-

нятых ими постановлений. Пользуется правом посещения в нужных случаях всех епархий Российской Церкви. Принимает жалобы на архиереев и дает им надлежащий ход. Преподает архиереям братские советы, как относительно их личной жизни, так и относительно исполнения ими архипастырского долга. Сносится с автокефальными Православными Церквами. Является представителем Церкви пред государственной властью". (Из соборных постановлений.)

Огромные задачи стали пред Святейшим Тихоном. Ему была вверена многомиллионная, колоссальная по территории Русская Православная Церковь, со всеми ее духовными и материальными ценностями. Вот почему в сознании своей великой ответственности, он всегда по завету Христа Божье отдавал только Богу.

Неизмеримо тяжел был его крест. Руководить Церковью ему пришлось среди всеобщей церковной разрухи, без вспомогательных органов управления, в окружении поднявших головы врагов Церкви, вроде безбожников, сектантов, а впоследствии и в обстановке внутренних расколов и потрясений, вызванных всякими "живоцерковниками, обновленцами, автокефалистами". "Тяжелое время переживает наша Церковь", — писал в июле 1923 года Святейший.

Сам же Святейший Тихон был настолько скромен и чужд внешнего блеска, что очень многие при его избрании в Патриархи сомневались, справится ли он со своими великими задачами.

Но теперь, видя необыкновенно плодотворные результаты его подвижнической деятельности, прошедшей перед нашими глазами, мы имеем право сказать Святейшему: "все, что мог, ты уже совершил", всецело оправдав те надежды, какие возложила на тебя Церковь! Более того. На ответственнейшем посту Первосвятителя Святейший Тихон пробыл семь с половиной лет, семь с половиной лет его алмазный крест на белом куколе сиял всему Православному миру, и прямо трудно представить Русскую Православную Церковь без Патриарха Тихона в эти годы

страшных потрясений. Так неизмеримо много сделал он для Церкви и для самой веры, которую в наши дни пытается захлеснуть своим мутным потоком неверие.

Заслуги Святейшего перед Российской Церковью неисчислимы. Замечательные слова сказал о нем митрополит Сергей (Страгородский) Нижегородский: “Он один безбоязненно шел прямым путем служения Христу и Его Церкви. Он на себе одном нес всю тяжесть Церкви в последние годы. Мы им живем, движемся и существуем, как Православные люди”.

Святейший Тихон был мудрым и опытным кормчим церковного корабля в бурные годы. Он сумел провести и сохранить его среди бушующих волн житейского моря. “И уже в одном этом, — сказал над гробом Патриарха профессор-протоиерей Страхов, — несомненная и величайшая твоя заслуга”.

Своей мягкостью, кротостью, снисходительностью, своим тихим и любовным отношением к людям Святейший Патриарх умел всех примирить, успокоить. Умел победить своим незлобием все враждебное Церкви и внутри и вне ее. Своим исключительно высоким нравственным и церковным авторитетом он собрал воедино распыленные и обескровленные церковные силы. В черную ночь церковного безвременья его незапятнанное имя было светлым маяком, указывающим путь к Истине Православия. Своими прекрасными патриаршими посланиями он звал народ к заповедям Христовой веры, к духовному возрождению через покаяние. А его безукоризненная жизнь была примером для всех.

Как высоту “утеса-великана” можно вполне определить лишь на известном расстоянии, так только впоследствии историки оценят полностью все величие дела, совершенного тихо, просто и скромно Святейшим Тихоном.

Чем же объяснить ту огромную роль, какую в истории Церкви наших дней сыграла его личность? Именно нравственным совершенством последней. Ничем иным, а именно редкой высотой и чистотой его духов-

ного облика. Здесь и кроется, отсюда и исходит его значение как Патриарха.

“Такой и подобал нам Первосвяtitель: преподобный, незлобивый, непорочный”, — сказал один архиерей словами Апостола о Святейшем. Его имя — Тихон, по гречески значит “Бог счастья”. Прекрасная, чистая жизнь усопшего Патриарха, целиком посвященная Богу, была воистину счастьем и для Русской Церкви, и для него самого!

Познакомимся же, насколько можем, ближе с его первосвяtitельской деятельностью и увидим, что вся она согрета огнем той любви, которой горело его сердце. И в повседневной, внутрицерковной работе, и в борьбе за Православие с “обновленческим” расколом, и в соприкосновении с народом, и во взаимоотношениях с гражданской властью, — везде и всюду на деятельности Святейшего Патриарха Тихона лежит отпечаток его благодатной личности.

В беспрестанных и многообразных заботах о Церкви, в больших делах и мелочах, направленных к Ее благу, прошли годы патриаршего служения Святейшего Тихона. Управлению Церкви он отдавался с огромной энергией. После первого сильного припадка грудной жабы в 1924 году, он измученный и полубольной, имел ежедневно шесть часов одной аудитории. Доктора удивлялись, что он так много работает и еще жив... Даже в день своей смерти Патриарх занимался церковными делами: читал письма и бумаги, писал резолюции.

Будучи сам добрым пастырем, отдавшим всего себя на дело Церкви, он к тому же призывал и духовенство. “Посвящайте все свои силы на проповедь слова Божия, истины Христовой, особенно в наши дни, когда неверие и безбожие дерзновенно ополчилось на Церковь Христову. И Бог мира и любви да будет со всеми вами!”, — кончает он свое обращение к архиереям и пастырям в 1919 году.

Он старался ставить достойных служителей алтаря и в общении с духовенством наставлял и ободрял его.

Последнему епископу, поставленному Святейшим Тихоном^{2,9}, он сказал в своем приветственном слове: “Архиерейство — великая честь, но с ним связаны и великие страдания. Через страдания же — к небесной славе!” (Воскресенье, 23.3/5.4.1925г.).

В проповеди о Патриархе архиепископ Трифон (Туркестанов) вспоминал, как он, усталый, упавший духом, пришел к Святейшему, а тот указал ему на архиерейскую панагию с изображением Богоматери: “Ей оружие прошло душу, но Она не предалась мрачному отчаянию, — и мы должны по Ее примеру терпеливо нести свой жизненный крест”. (Из проповеди архиепископа Трифона Туркестанова, 25.9./8.10 1925 г.)

При хиротонии епископа Бориса (Рукина), бывшего Можайского, Святейший Патриарх, зная честолюбие и властолюбие ставленника, сказал ему: “Я знаю твою гордость, но хочу, чтобы ты служил Церкви, переборов себя. Помни же, что Бог гордым противится и смиренным дает благодать!”.*

“Мы все приходили к тебе в жизни за утешением и назиданием, — говорил над могилой Святейшего другой архиерей, — и всегда встречали у тебя ласку и привет”. (Из проповеди епископа Августина (Беляева) на Пасхе 1925 года).

И лучшая часть русского духовенства глубоко почитала своего Первоиерарха.

Святейший Патриарх Тихон жил радостями Церкви и болел, страдал ее скорбями. “Он верил в духов-

* К сожалению, епископ Борис (Рукин) не оправдал доверия, оказанного ему Патриархом. Всего через несколько месяцев после кончины Святейшего он вместе с несколькими другими недостойными архиереями осмелился вызвать попытку нового раскола, образовав пресловутый “В.В.Ц.С.”. Но попытка эта кончилась полной неудачей, никто за ними не пошел и теперь их удельный вес равен нулю. За самочиние и смуту они были подвергнуты запрещению и отстранению от управления замещающим Патриаршего Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским) Нижегородским и единодушной с ним Православной российской иерархией, осужденной с ним Православной российской иерархией, осужденные и самим Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополитом Петром (Полянским) Крутицким, в его ясном и содержательном, все объясняющем письме 19.12.1926 (1 января 1927), они не имеют теперь абсолютно никаких предлогов и поводов для своего преступного существования.

ное, истинное обновление Русской Церкви”, — сказал о Святейшем один Православный епископ.

Не мог, поэтому, Патриарх не видеть многих уродливых явлений в жизни нашего общества — безверия, нравственной распущенности. И это нашло свое отражение в его воззваниях к Русской Церкви. В них — и горячий протест против грубого материалистического понимания жизни и так присущее душе Святейшего чувство глубокого смирения, сознания человеческой неправды пред Божественной истиной.

“Всего губительнее снедающая сердца смута духовная. Затемнились в совести народной христианские начала строительства государственного и общественного, ослабла и самая вера, неистовствует беспощадный дух мира сего.

И среди свирепеющей бури слышится верному сердцу слово Господа: “Что вы так боязливы? Как у вас нет веры?”

От небрежения чад своих, от холодности сердец страждет наша Святая Церковь...

Ныне нужно дерзновение веры, бестрепетное ее исповедание. Да возгорится пламя светоча вдохновения в Церкви Российской, да соберутся силы, расточенные в безвремении. Пусть верные чада в союзе любви соединятся с архипастырями и пастырями своими и вместе являют служение в духе и силе”. (18—31 декабря 1917 года.)

“Наш знаменитый историк Ключевский, ^{2,10} говоря о преподобном Сергии и о значении его и основанной им лавры, предсказал: “Ворота лавры преподобного затворятся, и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим без остатка весь духовный нравственный запас, завещанный нам нашими великими строителями Земли Русской, как преподобный Сергий”. Ныне закрываются ворота лавры и гаснут в ней лампы. Что же? Разве мы уже не растратили весь свой нравственный запас?” (28 августа — 10.9.1920 года).

“Забыли мы Господа! Бросились за новым счастьем, стали бегать за обманчивыми тенями, прильнули к земле, хлебу, к деньгам, — и так, чтобы всего этого достать как можно больше, взяли именно себе, чтобы другим не оставалось. Заботимся о том, что преходит, — прилежати же о душе, вещи бессмертной совсем забываем”. (1—14 января 1918 года.)

“Очистим же сердце наше покаянием и молитвою”, — звал Святейший Патриарх.

Вместе с тем, Патриарху приходилось отражать внешних врагов Церкви, о чем пишет он в одном из своих воззваний.

“Пользуясь происходящей у нас неурядицей в Церкви, Римский папа всяческими путями стремится насаждать в Российской Православной Церкви католицизм, и при поддержке польских властей на территории Польши уже закрываются Православные храмы и многие из них обращены в костелы; так, например, в одной Холмщине закрыто более трехсот церквей и оставлено всего лишь около пятидесяти.

Разные сектанты-баптисты, евангелисты и другие, как противники Православию, также направляют все усилия к тому, чтобы умалить значение Православной Церкви и привлечь на свою сторону православных людей. Всем им мы заявляем, что Церковь Православная не даст себя превратить в сектантские группы, и уповаем, что не отойдет Она ни на шаг от заветов своего учения”.

Устроение самой церковной жизни Святейший Тихон должен был осуществлять в духе постановлений Священного Собора 1917 года, много работавшего над преобразованием различных сторон церковной жизни. Однако большинство этих реформ не было принято или вследствие преждевременного прекращения деятельности Собора по условиям того времени, или как не привившиеся в церковном сознании.

В частности, в виду принципиальной допустимости и практического удобства введения нового стиля в церковную жизнь, Патриарх 1/14 октября 1923 года

издал послание о реформе календаря, считая, вследствие неверности газетных сообщений, что на востоке уже состоялось всеправославное соглашение по этому вопросу. Но вскоре выяснилось, что, во-первых, это не соответствует действительности. Во-вторых — вызывает тревогу и недовольствие народа, о чем свидетельствовали многочисленные устные, а также и письменные заявления, которыми была завалена патриаршая канцелярия. И Святейший Тихон, конечно, не мог проводить насильственно незаконмерную и неосмотрительную реформу, отмененную им 8/21 ноября. Этот вопрос детально разобран в большом письме Патриарха от 17/30 сентября 1924 года.

Любовь к людям, руководившая Святейшим, вылилась в его патриаршем служении в широкую гуманность. Святейший Патриарх Тихон на всех ступенях своей жизни и деятельности всегда протягивал народу руку помощи, всегда говорил ему доброе слово, всегда шел ему навстречу в его бедствиях.

“В период кровавых междуусобиц, полных ужаса и страданий, которые не могут не производить гнетущего впечатления на сердце каждого христианина”, — писал он в 1919 году, — “многokrатно обращались мы к верующим с церковной кафедры со словом пастырского назидания и прекращения распрей и раздоров”.

Когда участились кровавые расправы над евреями, Святейший Тихон выступил в 1918 году с особым посланием против еврейских погромов.

Когда же вспыхнул голод в Поволжье, Патриарх организовал Комитет помощи голодающим. Его открытие 1/14 августа 1921 года ознаменовалось патриаршим богослужением в храме Христа Спасителя, при огромном стечении духовенства и народа. После торжественного молебствия было прочитано патриаршее воззвание о помощи голодающим, обращенное к Православной России и ко всем народам земли.

Комитет, возглавляемый Патриархом, собрал большие средства и сделал очень много для голодающих.

Что же касается взаимоотношений Святейшего Патриарха Тихона с представителями научного мира Православной Церкви, то об этом лучше всего сказать словами профессора Московской Духовной Академии из уже цитированного выше журнала.

“1 (14) октября 1917 года Академия скромно праздновала свой праздник. Мы утешены были служением святителей Тихона Московского, Арсения (Стадницкого) Новгородского и Серафима (Остроумова) Орловского. В открытом собрании Совета происходил торжественный годичный акт. Ректором Академии проф. А. П. Орловым провозглашено было об избрании Советом в звании почетного члена Академии Высокопреосвященнейшего Тихона, митрополита Московского и Коломенского, — во уважение его многолетней плодотворной Архипастырской деятельности и постоянного высокопреосвященного содействия интересам богословской науки”.

“Пребывавший в Троицкой лавре нареченный Патриарх 19-го ноября (1.12) совершил литургию в храме Московской Духовной Академии, после которой корпорация профессоров принесла ему свои приветствия и поднесла подготовленный к тому времени диплом на звание Почетного Члена Академии”.

“19 ноября (1.12), отходя на крестный путь патриаршего служения, Высокопреосвященнейший Тихон служил в нашем храме. Этим он исполнил желание профессоров и студентов помолиться с ним в наших стенах. Отрада интимно простого, единодушного настроения за этой службой — наша награда. Она же — свидетельство отношения Академии к Святейшему Патриарху: нет у нас страха пред ним, потому что есть любовь, а совершенная любовь вон изгоняет страх. Мы в июне приветствовали избрание Владыки Тихона на Московскую кафедру, слыхав лишь о нем, но не зная его непосредственно. Теперь мы знаем его и сыновне несем ему свою искреннюю любовь и свое глубокое уважение”.

Наконец, на тяжелую долю Патриарха Тихона выпало возглавление Русской Православной Церкви во время Ее перехода к новой, самостоятельной жизни в условиях нового государственного строя. Этот переход, полагавший резкую грань между прошедшим и настоящим и совершавшийся в то время, когда два противоположные мировоззрения впервые открыто столкнулись друг с другом, был крайне тяжелый и болезненный. И, если бы не все умиротворяющие, свойственные душе Святейшего кротость и добродушие, он, конечно, был бы еще острее. И все же с ним было связано более чем годичное заключение Святейшего Тихона — с апреля 1922 года по июнь 1923 года.

Но еще за несколько лет до ареста Патриарх ясно заявил в воззвании от 25 сентября (8.10) 1919 года:

“Установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение”.

“Повинуйтесь всякому человеческому начальству в делах мирских” (1 Петр. 11, 13), “подчиняйтесь и велениям Советской власти, поскольку они не противоречат вере и благочестию, ибо Богу, по апостольскому же наставлению, должно повиноваться более, чем людям”.

Исходя из этих соображений, Патриарх еще в апреле 1922 года на объединенном заседании Священного Синода и Высшего Церковного Совета осудил заграничный Карловацкий церковный Собор за его политиканство, за попытку восстановить в России монархию Романовых.

Вот почему, обличая позорную ложь обновленцев о “контрреволюционности” Православных, Святейший имел право сказать: “И мы, и наша паства верны и Церкви Божией, и родному Православию, и нашему правительству. И только враги Церкви, сеющие смуту и вражду, могут утверждать иное”.

Заключительным шагом отмежевания Церкви от каких бы то ни было политических действий было воззвание Святейшего Патриарха Тихона от 1(14) июля 1923 года, в котором он во всеуслышание говорит:

“Мы осуждаем такие действия и заявляем, что Русская Православная Церковь аполитична и не желает быть отныне ”ни белой, ни красной“. Она должна быть и будет единою, соборною, апостольскою Церковью, и всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, ввергнуть Церковь в политическую борьбу — должны быть отвергнуты и осуждены”.

Так должны быть отвергнуты и осуждены всякие обновленцы и им подобные, которые стали на широкую и скользкую дорогу политиканства, на путь приспособляемости, прислуживания перед Советской властью и подкрашивания вечных идеалов христианства под “современные требования”. Они изменили Христу, так как не захотели пойти по тому, свободно ныне, единственно правильному пути аполитичности, евангельскому пути воздавания Божьего Богу, а кесарева кесарю, на который вышла теперь наша Церковь.

Огромно значение этого поворота, завершившегося патриаршим первоиюльским воззванием, для Русской Церкви после ее ненормального в политическом отношении двухвекового существования.

Надо упомянуть и о том, что “одною из постоянных забот нашего почившего Святейшего Патриарха было выхлопотать для нашей Православной Церкви регистрацию, а вместе с нею и возможность легального существования в пределах Союза ССР”, — писал в июне 1926 года митрополит Сергей (Страгородский). “Отсутствие регистрации для наших церковно-правительственных органов создает много практических неудобств, придавая всей нашей деятельности характер какой-то нелегальности, — хотя мы и не совершаем ничего запрещенного законом республики, — что в

свою очередь порождает много всяких недоразумений и подозрений”.

Сделаем один из многих напрашивающихся выводов, подводя итоги патриаршей деятельности Святейшего Тихона.

В нем идея патриаршества нашла свое лучшее оправдание и подтверждение.

“Патриарх, — по выражению профессора С. Н. Булгакова, — есть церковная вершина, возвышающаяся над местной оградой, видящая другие вершины и видимая ими”. (“Церк.-Общ. Вестник” №167. 20 декабря 1917 г. - 2.1.1918). В патриаршестве Поместная Церковь непосредственно сознает себя органической частью Церкви Вселенской, в нем особенно глубоко и ярко выражается Ее живое единство.

Но не говоря уже о теоретическом значении идеи первоиераршества, и практически в настоящее время без него Русской Церкви не обойтись. Ибо, при наличии коллегиального органа управления Церковью, в случае какого-либо неожиданного обстоятельства, вроде ареста нескольких или всех его членов, теряется, естественно, каноническая преемственность высшей власти. Пропадает всякая закономерность, и — наша Церковь оказывается в водовороте анархии...

И большое счастье, что в настоящие годы именно такой человек, как Святейший Тихон, оказался на патриаршем посту. Он, — не говоря уже о других его заслугах, — сумел воссоздать на Руси патриаршество, создал всем своим Первосвятительским служением — и на будущие времена! — прекрасный образ Святейшего Патриарха всея России.

Обновленческий раскол

Особенно много послужил Русской Православной Церкви Святейший Тихон, — и особенно ярко выявилось его истинное Православие — в мучительную для Церкви пору так называемого “обновленческого”

раскола. Если верующий человек честно продумает сущность этой церковной болезни последних лет, он не может не сознаться, что истина — не за обновленцами.

Арестом Святейшего Патриарха воспользовалась кучка ничтожных по своему количеству и качеству людей.

Они осмелились обманом и насилием захватить высшую церковную власть в России, т. е. совершили преступление, за которое Христос называет ворами и разбойниками (Иоан. X, 1), а Церковь лишает сана.

Они грубо растоптали то, что Вселенская Церковь считает для себя законом — власть Патриарха, безбрачный епископат, — и тем самым поставили себя под осуждение за бунт против постановлений Вселенских Соборов.

Открытое пренебрежение обновленцев к вселенскому авторитету и основным нормам церковной жизни и, следовательно, полный разрыв их с Церковным Священным Преданием сказался и в целом ряде других фактов: существование их лжесобора, незаконного по своему созыву, составу и деятельности; извращение на нем церковных правил; образование своей, отдельной от Церкви, безблагодатной и антиканонической иерархии; пополнение ее состава такими людьми, как Александр (Сидоровский), отрекшийся от епископства и монашества (Зосима), вступивший в брак и снова поставленный обновленцами в архиерея; прелюбодеяние церковное, т. е. поставление своих незаконных епископов на кафедры уже занятые Православными архиереями, не уволенными законной церковной властью.

Нечего и говорить о всей нравственной неприглядности перечисленных преступлений обновленцев. На словах у них был Христос, а на деле они распяли Его Св. Церковь, разодрали Ее ризу.

Велики их грехи и против Православного духовенства, против честных священников и архиереев, во главе со Святейшим Патриархом Тихоном. Обновлен-

цы подняли против них открытое гонение и своими лживыми доносами и клеветой ввергли множество людей в тюрьмы и ссылки.

Тяжко виноваты они и перед непризнавшим их верующим народом, у которого они по всей России насильно отбирали Православные храмы.

Наконец, они не остановились пред разрушением церковного единства, пред расколом: разорвав связь со всей Православной иерархией и ее законным главой — Святейшим Тихоном, Патриархом Всероссийским, они совсем отделились от Церкви.

Оказавшись вне Церкви, они тем самым пресекли благодатные струи, непрерывно текущие в Св. Церкви от Христа чрез апостолов, лишая себя единой Благодати Божией.

Что же представляют собою все эти живоцерковники, обновленцы, автокефалисты и им подобные? Самозванную, незаконную и безблагодатную организацию, не имеющую ничего общего — кроме внешности — с Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церковью.

А чего они достигли? К чему пришли? Одного достигли они: раскололи единое Тело Православной Российской Церкви, посеяли страшную смуту среди верующих, а многих и совершенно отшатнули от веры...

Но Святейший проявил себя верным служителем и исповедником неповрежденных и неискаженных заветов истинной Христовой Церкви. По самой природе своей правдивой души он был глубоко Православным человеком, живым олицетворением Православия, что бессознательно подчеркивают даже враги Церкви, называя Ее членов "тихоновцами".

Еще будучи арестован, он в своем послании от 6 (19) декабря ^{2,11} 1922 года призывал по долгу своего первосвятительского служения всех верных сынов Божиих стать твердо и мужественно за веру Божию и на защиту Святой Церкви, древнеправославной".

Об “обновленцах” же говорил Патриарх в своих двух воззваниях после того, как был освобожден.

В первом из них, 15 (28) июня 1923 года, он указывает на всю неканоничность, несостоятельность обновленческого “Собора”, на котором, между прочим, из 67 присутствовавших архиереев, было только 10-15 (!) законного посвящения, а все остальные — лже-епископы. Указав на это, Святейший дает краткую характеристику “идеологии” обновленчества. “Кто и что такое церковные “обновленцы”? Вот что говорил о них еще в 1906 г. мыслитель-писатель, ставший впоследствии священником, Вал. Свенцицкий. “Современное церковное движение можно назвать либеральным христианством, а либеральное христианство только полуистина. Душа, разгороженная на две камеры — религиозную и житейскую, — не может целиком отдаться ни на служение Богу, ни на служение миру. В результате получается жалкая полуистина, теплохладное либеральное христианство, в котором нет ни правды Божией, ни правды человеческой. Представители этого христианства лишены религиозного энтузиазма, среди них нет мучеников, обличителей, пророков. И союз “церковно-обновленный” — это не первый луч грядущей апокалипсической жены, облеченной в солнце, а один из многих профессиональных союзов, и я убежден, — говорит Свенцицкий, — что настоящее религиозное движение будет не это, и скажется оно совсем не так”. (Вопросы религии, 1906, вып. 1-й, 5-8 с.)

И с этим нельзя не согласиться, если обратить внимание на то, что занимает наших обновленцев, что интересует их, к чему они стремятся. Прежде всего — выгоды, чины, награды. Не согласных с ними стараются устранить, создают себе должности и титулы, называют себя небывалыми митрополитами всея России*, архипресвитерами всея России**, из викарных поспевают в архиепископы”... ***

* Антонин (Грановский).

** Красницкий.

***Введенский и многие другие.

Во втором, первоиюльском (14.7) своем обращении Патриарх говорит, в частности, о значении “практических мероприятий” обновленцев. “Обновленцы эти бессознательно или сознательно толкают Православную Церковь к сектанству, отступая от Ее канонов”.

Полностью же история, сущность и оценка обновленческого раскола и выводы, обязательные для всех членов Церкви, изложены Святейшим Патриархом Тихоном в его основном послании 15 (28) июля. Это прекрасное воззвание, такое простое и ясное в своей правдивости, прозвучавшее как величественный благовест по всей России и открывшее собою полосу покаяния обновленцев, — непременно должно быть прочитано каждым Православным христианином. Кончается оно призывом Святейшего к отколовшимся от церковного единства: “умоляем осознать свой грех, очистить себя покаянием и возвратиться в спасующее лоно Единой Вселенской Церкви!”

Стремясь не на словах только к истинному церковному миру, Святейший Патриарх поручил состоявшемуся при нем архиерейскому Синоду вести переговоры с главарями обновленцев^{2,12} о присоединении их к Православной Церкви.*

Толпами шли обновленческие священники и архиереи на путь покаяния пред Церковью, и ничего они не встречали у Святейшего, кроме безграничной ласки и всепокрывающей, подчас совсем неза заслуженной любви. “Он имел особенную широту взгляда, способен был понять каждого и всех простить”, — вспоминал о Святейшем Тихоне митрополит Сергей (Страгородский).

Но это не было уклонением от строго Православной линии. Наоборот: “Прошу верить, что я не пойду на соглашения и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости Православия”, — твердо и авто-

* В высокой степени интересно и крайне важно для характеристики этих переговоров, сорванных заправилами обновленчества, — письмо к ним архиепископа Тихона (Оболенского), Илариона (Троицкого) и Серафима (Александрова), работавших в Патриаршем Синоде.

ритетно сказал Патриарх. (Из его резолюции о примирении с Красницким, на адресе Елисаветградского духовенства 26 июня — 9.7.1924 года № 523.)

Вот почему, 5 (16) апреля 1924 года, за № 291, он издал новое, краткое, но содержательное послание, обличающее тяжкие преступления бывшего архиепископа Нижегородского Евдокима (Мещерского) и др. главарей обновленческого раскола. В этом послании Святейший Патриарх, на основании церковных канонов и от имени единомысленной с ним Российской Православной Церкви, подвергнул обновленцев каноническому запрещению и подтвердил, что они, впредь до раскаяния, находятся вне общения с Церковью.

К чести для верующих истина Православия восторжествовала, и Святейший Тихон мог писать Константинопольскому Патриарху: “Весь русский Православный народ сказал свое правдивое слово, как о нечестивом сборище, дерзновенно именующим себя Собором 1923 года, так и о несчастных вождях ”обновленческого” раскола... Верующие не со схизматиками (раскольниками), а со своим законным и Православным Патриархом”.

“Обновленчество” же нашло себе очень мало последователей и теперь бесславно прозябает по преимуществу в серой провинции, где нет Православных архиереев, и где обыватели не хотят или не могут понять даже того, что своим честным сердцем твердо усвоил и простой, подчас малограмотный народ: Церковь едина, а все обновленцы, живоцерковники, автокефалисты и т. д. — вне Церкви!

Любовь и ненависть

Русский Православный народ глубоко ценил и понимал, кем был Святейший Тихон для Церкви, и горячо любил своего великого духовного отца. Близок русскому сердцу он и потому, что наш усопший Первосвятитель был истинно русским человеком, вопло-

тившим в себе лучшие стороны своего народа, от внешнего облика, так памятного и дорогого нам, до внутренних черт характера.

Взоры всех, кто чутко и искренно относится к жизни Православной Церкви были обращены с надеждой и благодарностью к нему. Ведь и в отдаленных окраинах России, как в один голос говорят приезжающие оттуда люди, никогда его не видавшие, думали с любовью и молитвой: там, в далекой Москве, есть истинный поборник и хранитель Православия — Святейший Патриарх Тихон!

“Очень многие, — говорит один архиерей, — выражали близость к Патриарху, воспринимая его как благодатного старца. Это знаменательно — близость высокого архипастыря! Нам надо помнить, светильником какого света он является, и быть такими же тихими, кроткими, молитвенными, непосредственными в обращении к Господу, чтобы его любовь к Нему сообщалась и нам, и чтобы у нас была близость к нему и к Богу”.

О большой любви и благоговейном уважении к нему верующих красноречиво говорят:

Та трогательная заботливость, которой был окружен Святейший и все, с ним связанное; во время его заточения, например, верующие следили, чтобы он ни в чем не нуждался, а после его радостного для всех освобождения, — осыпали цветами своего любимого Первосвященителя.

Те многие и многие тысячи народа, которые стекались на его дивные, незабвенные службы, где, на фоне общего великолепия, тянулись и взоры, и души всех!

Те многочисленные народные толпы, которые теснились к Святейшему, чтобы только его увидеть, простаивали часами в храмах и около них, и в жару, и в мороз, чтобы получить его патриаршее благословление.

Те молитвы, которые возносили за него не только во всей Русской Церкви, но и на берегах Средиземного моря, и в странах Европы, и за Великим Океаном.

Его огромный авторитет и общее почитание не ограничивались пределами России.

Святейшие Вселенские Православные Патриархи приветствовали его в 1917 году как своего брата, и до самой его смерти поддерживали с ним — насколько это было возможно — самую тесную каноническую и дружественную связь.

Очень знаменательно, что “Всеpravославный конгресс в Константинополе, заседая под предводительством Святейшего Патриарха Вселенского Мелетия IV (Метаксакис), узнав о состоявшемся в Москве церковно-народном сборище, которое среди остальных неканонических определений издало и определение о низложении находящегося в заключении Патриарха Тихона, единогласно постановил выразить: во-первых, сожаление по поводу такого поступка в отношении Первоиерарха Св. Русской Церкви; во-вторых, сердечное сочувствие исповеднику-Патриарху.

*во Христе любящий брат —
Вселенский Патриарх
Мелетий (Метаксакис)”.*

21.6 (4 июля) 1923 года.

Когда “обновленцы в 1924 году стали распространять свою очередную ложь об “устранении” Святейшего всею Восточною Церковью, Вселенские Патриархи, возмущенные этим обманом, этой бесчестной спекуляцией их именами, громко, единодушно и категорически опровергли клевету обновленцев. Патриарх Димитрий (Павлович) Сербский в особой грамоте за № 2359 подтвердил свое опровержение, а Евдокиму (Мещерскому) ответил советом “прекратить церковную смуту и подчиниться Святейшему Патриарху Тихону, единственной главе Российской Православной Церкви”.

Когда же Святейший Тихон скончался, на его могилу прислал венок архиепископ Кентерберийский, примас Англии.

Не менее показательно, что мировая христианская конференция, открывшая свои занятия 6 (19) августа 1925 года в Стокгольме, почтила память покойного Всероссийского Патриарха Тихона — великого представителя христианства.

Но разнообразнейшие враги Православной Церкви ненавидели Ее главу, Святейшего Тихона. Трудно и вообразить, как много оң от них страдал! Он был истинным избранником Божиим, и на нем оправдались слова Христа: “поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради”.

Мало того — враги Церкви жаждали крови Святейшего Патриарха, покушались на его жизнь. Всем памяты эти дикие крики о желаемой смерти Патриарха, эти жуткие дни, вроде 5 (18) октября 1921 года, когда он выходил после литургии из храма Христа Спасителя, и какая-то женщина ударом ножа ранила Святейшего...^{2,13} Или 26 ноября (9.12) 1924 года, когда несколько преступников ворвались в его комнаты и убили первым вышедшего на их шум любимого келейника, Я. О. Полозова; или же, когда, незадолго до перехода Святейшего в Бакунинскую больницу, неизвестные темные личности две ночи подряд пилили решетку на окне его кельи...

А кто измерит все море грязи и гнусной клеветы, выливавшейся беспрестанно на кристально чистого Святейшего Тихона; эту бездну низкой лжи, которой не стыдились враги Церкви, эти всевозможные обновленцы, возрожденцы и другие отщепенцы потому и пользовались ложью и клеветой, как постоянным оружием против Святейшего, светлого обличителя их темных дел, чтобы тем самым хоть как-нибудь прикрыть и оправдать свои преступления против Церкви.

Наглой ложью и обманом являются заявления главарей раскола, что они “получили власть от Патриарха”, который “от нее отрекся”. В действительности же Первоиерарх Русской Церкви, резолюцией от 29.4 (12.5), лишь на время своего вынужденного заключения передал высшую власть митрополиту Агафангелу

(Преображенскому), превосходное воззвание которого от 5 (18) июня 1922 года рисует истинное положение вещей.

Насквозь лжива попытка “обновленцев” — попытка с никуда не годными средствами — инсценировать “лишение Патриарха сана и монашества” на своем лжесоборе 1923 года. Его “постановление” о Святейшем Тихоне ничтожно и недействительно уже потому, во-первых, что сам “Собор” был совершенно незаконным, неканоническим, неправославным по своему созыву, составу и деятельности* (а по тем насилиям, крикам и бесчинствам, какие на нем происходили, по всей своей преступной сущности — подобным разве только Ефесскому Собору 449 года, который за то и был назван “разбойничьим”). Во-вторых, подчеркиваем, осуждение Святейшего Патриарха этим “советом нечестивых” происходило без — обязательного и необходимого! — присутствия Вселенских Патриархов и представителей автокефальных Церквей.

В самом же процессе “суда” наиболее вопиющим нарушением не только канонических, но и общечеловеческих требований, является заочное осуждение Святейшего, без объяснений обвиняемого, без приглашения его на суд, по докладам трех, не заслуживающих доверия обвинителей — трех главарей церковной смуты. Надо отметить, что их обвинения совсем не были подтверждены — ни допросом свидетелей, ни рассмотрением документов, не были даже проверены свободным обсуждением членов “Собора”, несмотря и на то, что председателю “Собора” было подано более 100 записок с требованием слова!

Вот почему просто не выдерживает никакой критики это, недостойное порядочных людей и вместе — жалкое по своему замыслу и исполнению “решение” о Святейшем Тихоне.

* Исчерпывающую характеристику “Собора”^{2.14} и блестящий обзор церковных событий последних лет содержит “Воззвание Православного русского епископата” от 1923 года. Будучи лучшим, пожалуй, из всего, что есть в литературе по обновленческому вопросу, оно представляет, поэтому, большой интерес для каждого верующего человека.

Должны быть всецело отметаемы и полные обычной лжи заявления “обновленцев” о том, что его “отстранил от власти греческий Патриарх”. Ибо, прежде всего, последний не имеет на это ровно никакого права, о чем и писал в 1924 году Святейший в своем прекрасном, обстоятельном письме к нему. А во-вторых, он и не “удалял”, конечно, Святейшего Тихона, а лишь подал ему в этом духе совет, явно навеянный теми же врагами Церкви, обновленцами, сумевшими его обойти.

От патриаршего престола к Престолу Господню

Святейший Патриарх Тихон надорвал свои силы на тяжком пути служения ради блага Русской Православной Церкви... Внешние и внутренние церковные потрясения, “обновленческий” раскол, непрестанные первосвятительские труды и заботы по устройению и умиротворению церковной жизни, бессонные ночи и тяжелые думы, более чем годичное заключение, гнусная травля со стороны врагов, глухое непонимание и неумная критика со стороны подчас и Православной среды, — все то, что за Христа претерпел страдалец-Патриарх на своем посту, подточило его когда-то крепкий организм, согнуло его высокую фигуру, наложило большой отпечаток измученности на его грустный взгляд* посеребрило его голову, — свело его в могилу всего на 61-м году жизни...

Крайне больно было переживать все церковные беды его любящему, отзывчивому сердцу, и оно не выдержало. Начиная с 1924 года Святейший Патриарх

* “Кажется, грусть всего мира смотрит в этих глазах”, — сказал, глядя на лучшую фотографию Святейшего, один искренний юноша (хотя и не принадлежащий к Церкви).

стал настолько сильно недомогать, что в день Рождества Христова написал свое завещание, в котором согласно постановлению Священного Собора от 25 января (7.2) 1918 года, указал себе преемника по управлению Русской Церковью.*

Усилившаяся болезнь — сердечная астма — заставила Святейшего поместиться для систематического лечения в больницу доктора Бакунина (Остоженка, дом 19), где он был снабжен всеми удобствами и пользовался советами лучших московских врачей. Вот что сообщает доктор Бакунин, в больнице которого и скончался Святейший Тихон, об его болезни и смерти. (Дальнейшие выдержки взяты из его статьи “Болезни и смерть Патриарха Тихона”. “Вечерняя Москва от 11-24 апр. 1925).

“Патриарх Тихон поступил в нашу лечебницу 31.12.1924 (13 января 1925) года с хроническим воспалением почек и перерождением мышцы сердца (миокардит). Кроме того, еще до поступления в лечебницу, в Донском монастыре у него было несколько приступов грудной жабы. Лечили Патриарха Тихона профессор В. П. Кончаловский и ассистент доктор Покровский (бывавший у Патриарха Тихона ежедневно). На консультациях бывали проф. Шервинский и проф. К. К. Плетнев. Кроме того, ежедневно посещал больного доктор Н. С. Щелкан. До 1-й недели поста в состоянии здоровья больного было отмечено заметное улучшение — отсутствие припадков, здоровый пульс и нормальное самочувствие. В начале первой недели поста Патриарх Тихон выписался на 4-5 дней из лечебницы для совершения служб в московских церквях, после чего вернулся в лечебницу очень утомленным и с ухудшением как со стороны сердца, так и почек. Наступившее временное улучшение про-

* В силу этого распоряжения Святейшего Тихона, после его кончины патриаршие права и обязанности перешли к митрополиту Петру (Полянскому), который с 27 марта (9.4) 1925 года и является Местоблюстителем Патриаршего Престола. Теми же соображениями руководился и митр. Петр Полянский, назначив себе временного заместителя в лице митрополита Сергия (Страгородского).

должалось недолго. Патриарх Тихон регулярно выезжал по праздничным и воскресным дням, что не могло не отразиться на состоянии его здоровья.

20.3 (2.4) врачом Виноградовым была произведена у больного экстракция нескольких корней из нижней правой челюсти. После этого у него появилось довольно обычное незначительное воспаление десны, распространившееся на соответствующую сторону глотки до миндалевидной железы. Был вызван специалист доктор Генкин, который, хотя и не нашел ничего серьезного, все же, не желая брать на одного себя ответственность, настоял на консультациях, состоявшихся накануне смерти в 10 часов вечера 25.3 (7 апреля). В консультациях принимали участие кроме д-ра Генкина, проф. Свержевский, д-р Мещерский и врачи лечебницы”.

В воскресенье 23.3 (5 апреля), за два дня до своей кончины, Святейший Патриарх Тихон, несмотря на боль в горле, выехал служить литургию в церковь Вознесения “Большого” на Никитской. Это была его последняя служба, последняя литургия...

Результат длинного богослужения и речи, сказанной Святейшим Тихоном поставленному им епископу, не замедлил обнаружиться — прежде всего в сильном раздражении горла. Однако, Святейший по видимому чувствовал себя окрепшим и даже предполагал через несколько дней совсем выйти из больницы, тем более, что приближалась Страстная неделя. Но — Господь судил иное.

И совершенно неожиданно, в самый день праздника Благовещения, Он призвал к Себе Первосвятителя Русской Церкви.

“Много дум вызывает эта смерть и сопровождавшие ее обстоятельства”, — пишет один священник. Ближайшие объективные данные, приблизившие роковой конец, нам неизвестны. “Мертвые не говорят”. Непосредственные причины смерти нашего Святейшего Отца окружены тайной, и эту тайну он унес с собой в могилу...

Во вторник 25 марта (7 апреля), последний день его земной жизни, он принял митрополита Петра (Полянского) и имел с ним продолжительную деловую беседу, после которой чувствовал себя очень утомленным.

Еще за три часа до своей кончины Патриарх беседовал с навещавшими его лицами, живо интересовался ходом церковных дел, сообщал о предполагаемом своем скором выходе из лечебницы, жалел, что недомогание не позволило ему совершить богослужение в великий праздник...

Вечером дежуривший при Патриархе послушник К. Пашкевич предложил ему прилечь, отдохнуть перед новой операцией, т. к. Святейший страдал бессонницей: “ночь, все равно, Ваше Святейшество, вы проведете беспокойно”.

Святейший ответил: “Теперь я усну... крепко и надолго... Ночь будет длинная, темная-темная...”

“В половине 12-го ночи, продолжает доктор Бакунин, состоялся последний обход больных врачом Лопатиной, во время которого Патриарх Тихон чувствовал себя в общем удовлетворительно; но не успел врач подняться в свою квартиру, как раздался тревожный звонок фельдшерицы, сообщавшей по телефону, что больному нехорошо. Немедленно был вызван доктор Щелкан. Врачи застали Патриарха Тихона в ясно выраженном припадке грудной жабы: одышка, мелкий, падающий под руками пульс, холодный пот. Больной указывал на сердце и жаловался на боль.

Были впрыснуты обычные в таких случаях камфора и морфий, но пульс продолжал падать...” Медицинские усилия оказались тщетны.

Было 11 часов 45 минут вечера.

Святейший Патриарх Тихон умирал.

Но умирал он с тихой молитвой к Богу, молитвой благодарности и славословия. “Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи, слава Тебе...” — не успел он перекреститься в третий раз...

Многострадальная, чистая душа Великого Перво-
святителя ушла из нашей осиротевшей Русской Церк-
ви к Тому, Кому она служила всю свою жизнь здесь
на земле.

“Земля еси — и в землю отыдеши”*

На другое утро “звон церковей, молитвенно печаль-
ный, дрожал над городом певучею волной...”**

Верующие останавливали друг друга на улицах,
сообщая страшную весть. На зданиях некоторых ино-
странных миссий были приспущены флаги в знак тра-
ура.

Наступили горькие дни прощания...

В летнем соборе Донского монастыря в простом ду-
бовом гробу неподвижно лежал Великий Господин и
Отец наш, Святейший Тихон, Патриарх Московский
и всея России.

День и ночь в продолжение четырех суток служи-
лись панихиды над телом усопшего осиротевшими ар-
хипастырями и пастырями Православной Церкви, и
день, и ночь непрерывно шел верующий русский на-
род. После пяти-семичасового стояния в огромной,
полтораверстной народной ленте, входили в собор
люди, съехавшиеся из тех городов нашей родины, ку-
да успела дойти весть о кончине. (Почти повсеместно
верующие узнали об этом слишком поздно, когда до
них дошли газетные извещения, появившиеся в Моск-
ве лишь на третий день.

Входили с болезненно сжимающимся сердцем и с
благоговением целовали в последний раз холодную
руку Святейшего Патриарха Тихона. И хотя большо-
го количества прощавшихся в продолжение каких-ни-
будь ста часов не мог пропустить собор, но и так
слишком много слез видели его мрачные стены, и так

* Горячо рекомендуем каждому великолепно написанные воспоминания одно-
го петербургского священника — “Последние дни на земле”, дающие заме-
чательно полную картину погребения Святейшего.

** Из В.Т. Кириллова.

прошло, по вычислениям счетчиков, около миллиона человек.

В Вербное воскресенье, в праздник Ваий, хоронила Православная Российская Церковь своего Патриарха.

Думается, что этот приснопамятный день верующие никогда не забудут. Такой необыкновенной службы давно не видали Православные храмы на Руси. Все, что есть лучшего в Русской Церкви, — все было принесено в дар ее почившему Первосвятителю, все пришли сюда отдать ему последний долг. Богослужение длилось более восьми часов. Дивная служба была полна изумительной — величественной и скорбной — красоты.

Отпевание совершали 63 архиерея под председательством пяти митрополитов, во главе с Местоблюстителем Патриаршего Престола Высокопреосвященным Петром (Полянским), митрополитом Крутицким и около 400 священнослужителей. Выдающиеся московские проповедники, архиереи и профессора сложили Святейшему Тихону прекрасный венок, сплели ему неувядаемую гирлянду своих слов о нем — слов любви, преклонения и глубокого горя... Дивно пели избранные хоры под управлением профессора Чеснокова, пели последнее “прости” Святейшему Владыке. Недалеко от гроба стояли представители иностранных миссий.

А что же сказать о бесчисленном множестве народа, когда люди оставались в соборе еще с вечера, и к 11 часам утра туда уже не пускали даже священников без облачений! Колоссальные толпы мало-по-малу запрудили собою не только весь огромный монастырский двор, всю территорию монастыря, но и прилегающую громадную площадь — поле, и соседние улицы. Это представляло собою нечто небывалое, что-то такое большое и сильное, что, не видя, нельзя представить, а увидевши — нельзя забыть. В этом безбрежном море народном соединились в одно великое целое представители всех слоев населения всякого чина, пола и возраста. Всех их привлек к себе

Святейший Патриарх Тихон, все они пришли проститься с тем, кого так любили.

Только исключительным благоговением собравшихся к памяти почившего можно объяснить тот идеальный порядок, какой сохранили они, стоя 8-12 часов (а очень многие и почти сутки) в страшной тесноте и духоте, не видя и не слыша самого богослужения. И ведь здесь — свободное изъяснение воли народа, без какого бы то ни было принуждения, без газетных реклам и сенсаций.

Все это, вместе взятое, говорит очень о многом и уму, и сердцу. Говорит, во-первых, о самом Святейшем Тихоне и об отношении к нему верующих русских людей, и о том, что “значит, достоин он был такого уважения!”, как сказал один простой рабочий. А затем, лишний раз, и о том, что непреложная истина — слова Христа Спасителя: “Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ее”.

Днем и великой скорби, и торжества Православия был этот замечательный день. Его прекрасная картина навсегда запечатлелась в сознании присутствовавших.

Казалось, словно сама земля прощалась с одним из лучших своих сынов... Была яркая, тихая погода ранней весны, когда чувствуется и печаль, и радость. Горячее солнце заливало и высокие, темно-красные стены собора, почерневшие от веков огромные купола, и далекие золотые кресты, искрившиеся в лазурном небе, и стоявшие сплошной массой сотни тысяч людей. От них чернели крыши монастырских корпусов, стены, деревья и колокольни. В благоговейной тишине слышались лишь то здесь, то там теплые, сердечные разговоры об усопшем Первосвятителе. Да время от времени раздавались широкие, стонущие звуки погребальных напевов, сливавшихся с колокольным звоном.

Отпевание Святейшего Патриарха Тихона окончилось. Погребальная процессия показалась из собора... Весь народ запел “Вечная память”, и это могучее пе-

ние, в котором так много любви и печали, звучало как шум моря, потрясая души сотен тысяч верующих.

Все стали креститься. У многих текли непрошенные слезы. Те, для кого Церковь — все в жизни, особенно больно ощущали незаменимую утрату... Православные русские люди прощались со своим духовным вождем и руководителем. В последний раз они увидели бездыханное тело того, кого поистине называли Святейшим, видя в нем необыкновенную, благодатную, большую душу; кто всю силу своего морального и церковного авторитета, все свое положение, дарования, всю свою жизнь отдал служению Церкви и своей нравственной высотой так много сделал для нас в эти бурные годы; того, кто был безгранично любим миллионами людей, кто на пятой части земли защищал Святое Православие, страдал за него, и, надорвавшись под этим тяжким крестом, успокоился навеки...

Его похоронили в древнем храме монастыря во имя Донской иконы Богоматери. Любящие его души заботливо, с чуткой внимательностью украсили его могилу. И теперь верующий Православный русский народ ходит на могилу Святейшего Патриарха Тихона помолиться и подумать о нем, поклониться ему...

И не зарастет к нему народная тропа, не победит время любви к нему, как никем и никогда не будет побеждена Святая Церковь, не умершая со смертью Ее первосвятителя.

Пусть же каждый из нас до последнего вздыхания сохранит в своем сердце его светлый образ. Пусть каждого из нас воодушевляет стремление быть таким же чистым христианином, таким же верным сыном Православной Церкви, каким был наш дорогой, незабвенный Великий Господин и Отец.

И пусть горяча и усердна будет твоя, христианин, непрестанная о нем молитва: вечная память и вечный покой со святыми Святейшему Тихону, Патриарху Московскому и всея России!

2.1 О годах, проведенных Василием Ивановичем Белавиным в Санкт-Петербургской Духовной Академии (1884—1888), следует сказать подробнее; они были очень важны для формирования его духовной личности и наложили большой и яркий отпечаток на его дальнейшую архипастырскую, Первосвятительскую деятельность, которая — как известно — приобрела огромное церковно-историческое значение и, несомненно, еще в будущие времена будет влиять на судьбы нашей Церкви.

80-е гг. XIX столетия оказались весьма знаменательными в жизни столичной Духовной Академии, куда в это же время из псковской глуши прибыл подростком Вася Белавин, будущий Святейший Патриарх Тихон.

В те годы заканчивает свое образование в Академии и остается в ней в должности инспектора один из замечательных людей, оказавших большое влияние на дело восстановления русского патриаршества, убежденный и пламенный глашатай необходимости возвращения тогдашнего строя высшего церковного управления на его исконный, канонический путь, о. Михаил Грибановский, впоследствии бывший епископом Таврическим. С полнейшим основанием его можно и должно провозгласить пророком и предтечу русского патриаршества.

Поэтому, хотя бы кратко, необходимо остановиться на некоторых, наиболее примечательных штрихах его недолгой, но глубоко назидательной и целеустремленной жизни.

Еще с детства в нем обнаружилось некоторые склонности и симпатии к углубленному вниманию к историческим судьбам Русской Церкви.

Обучаясь в Тамбовской духовной семинарии, еще совсем молодым человеком, он был отмечен со стороны ее ректора, выдающегося впоследствии церковно-археолога и историка, архиепископа Казанского и

Свяжского Димитрия (Самбикина), — тогда еще архимандрита.

“...Ректор семинарии, архимандрит Димитрий (Самбикин), оказывал сильное влияние на Грибановского, как преподаватель церковной истории. Он сумел заинтересовать своих учеников и в том числе Грибановского прошлыми судьбами Церкви христианской и в то же время воспитать в них любовь к занятию историей вообще, любовь к исследованию старины по первоисточникам, насколько они доступны были молодым его слушателям. Из учеников арх. Димитрия (Самбикина) весьма многие еще на семинарской скамье заявили себя печатными трудами на страницах "Тамбовских Епар. Ведомостей" о прошлом в истории Тамбовской епархии и ее прежних деятелях. И между ними немало потрудился Михаил Михайлович Грибановский.

Надо заметить, что в это время о. ректор был озабочен подготовкою к предстоящему (в 1879 г.) столетнему юбилею Тамбовской семинарии. Наряду с другими лучшими учениками был привлечен к разработке семинарского архива и Михаил Михайлович..." ("Над Евангелием". Еп. Михаил Грибановский. Жизнеописание. Полтава, 1911; дальнейшие цитаты извлечены оттуда же. *Сост.*)

Можно думать, что уже тогда, только что вышедши из отроческого возраста, молодой Грибановский стал уже задумываться о существовании столь странной, нигде и никогда не бывалой формы высшего церковного управления, притом противной прямым и явным указаниям канонов, которая со времен Петра утвердилась в России на удивление всему Православному миру. А поступив по окончании Тамбовской семинарии в СПб Духовную Академию, он еще более углубляется в этот волнующий его вопрос. Так, следуя совету своего семинарского ректора "... и своим собственным симпатиям, Мих. Мих. записался в число слушателей церковно-исторического отделения (СПБ ДА. *Сост.*). Из профессоров этого отделения, читав-

ших лекции на I курсе, более всех понравились Коялович, бывший деканом отделения, Скабалланович и Прилежаев, а из профессоров по общеобразовательным предметам — А. Е. Светилин, читавший для I курса психологию. Относительно первых трех профессоров ... Мих. Мих. замечает с удовольствием, что все они примыкают к славянофильскому направлению, что "как нельзя более соответствует его личным симпатиям". (Там же.)

Профессорский состав СПб Духовной Академии в те времена был замечательным.

Во время обучения М. М. Грибановского ректором ее состоял доктор богословия, известный протоиерей о. И. Л. Янышев (†14(27).6.1910). В октябре 1883 года он, однако, переводится на пост протопресвитера Большого Зимнего и Московского Благовещенского соборов и духовника их императорских величеств. На его место в Академию назначается Преосвященный Арсений (Брянцев), епископ Ладожский, известный впоследствии архиепископ Харьковский и Ахтырский.

"...Петербургская Академия в то время блистала именами крупных ученых. Св. Писание Ветхого Завета читал один из лучших знатоков ветхозаветного текста Ф. Г. Елеонский, автор "Истории Израильского народа в Египте" (СПб, 1884 г.), Философию преподавал М. И. Каринский, подвергший критике кантовскую гносеологию в своей работе "Об истинах самоочевидных". Логику преподавал А. Е. Светилин. Особенно хорошо было представлено учеными силами историческое отделение. Там читали курсы такие корифеи, как И. Ф. Нильский, известный византолог М. О. Коялович, автор "Литовской церковной унии" и "Истории русского самосознания" И. С. Пальмов, крупнейший специалист по истории славянства проф. прот. П. Ф. Николаевский ("История Русской Церкви"). Церковную археологию и литургику читал Н. В. Покровский, известный знаток христианской иконописи. Курс догматического богословия читал А. Л. Катанский..." и т. д. ("Патриарх Сергей Страгород-

ский и его духовное наследие". Изд. Московской Патриархии. 1947.)

Воспользовавшись случаем, отметим здесь, что некоторые из известных преподавателей СПб Духовной Академии, читавшие свои лекции при М. М. Грибановском и далее — при В. И. Белавине, дожили не только до их архиерейства, но иные, даже и до возведения на Всероссийский Патриарший Престол бывшего ученика их...

Так, Елеонский Федор Герасимович, доктор церковной истории, проф. СПб ДА, † 3(16).6.1906 г.;

Покровский Николай Васильевич, доктор церковной истории, профессор СПб ДА, директор Петроградского Императорского Археологического Института, † 8(21).3.1917 г.;

Катанский Александр Львович, доктор богословия, проф. СПб ДА, † 27.2(12.3).1919 г.;

Пальмов Иван Саввич, доктор церковной истории, проф. СПб ДА, академик, † 15(28).11.1920 г.

По позднейшему (обновленческому) отзыву, "...Петербургская Академия культивировала преимущественно филологические и церковно-исторические знания, Московская — философию и вообще идеологические дисциплины, Киевская — догматику, литургику и археологию, Казанская — имела уклон миссионерский...

...Петербургская Академия была самой "светской" Академией, где с трудом прививался монашеский дух. Этому способствовало также и то обстоятельство, что и некоторые ректора Академии — монахи — в Петербургской Академии были людьми необычного тогда монашеского типа..., таковы Антоний (Вадковский) /впоследствии митрополит Петербургский/, Иоанн (Кратиров) и некоторые другие..." ("Вестник Священного Синода Православной Русской Церкви", № 4—17, 1927.)

Однако, несмотря на эту "светскость" тогдашней СПб Академии (столь любезную нашим современникам-обновленцам), а также и несмотря на то обстоя-

тельство, что до 1884 года в течение двадцати лет (!) среди студентов СПб Академии не было монахов, — в этом именно году, с полным и ясным сознанием стоящих перед ним задач, принимает монашеский постриг М. М. Грибановский, решивший безраздельно посвятить все свои силы и всю свою жизнь родной Церкви и Православию.

“...Факт принятия Грибановским монашества, работа над собой, неволью сказывавшаяся в его отношениях к товарищам, видимая печать одушевления высокими истинами веры и любви к ближнему не могли пройти бесследными в жизни академического студенчества. Те, кто был ближе к нему по духу, образовали молодую дружину его почитателей и единомышленников, впоследствии избравших и для себя путь иночества. Те же, кто далеки были в мыслях от монашества, были даже идейными противниками его, должны были призадуматься. Никто не считал себя в праве упрекнуть своего товарища в неискренности и в карьеризме, а напротив, все или, по крайней мере, большинство наличности выдающегося по уму, по искренности убеждений товарища примирились с самим принципом монашества, как института, отвечающего высочайшим стремлениям человеческого духа. Не даром в летописях С.-Петербур. Академии имя инока Михаила связывается с историей восстановления в ней студенческого монашества...

...В скором времени за ним состоялись пострижения в монашество и студентов III курса Н. А. Надеждина (впоследствии епископ Олонецкий и Петрозаводский Никанор. *Сост.*), А. П. Храповицкого (впоследствии митрополит Киевский и Галицкий Антоний. *Сост.*), Мещерякова (впоследствии митрополит Ставропольский Серафим. *Сост.*), ныне (1911 г. *Сост.*) здравствующих в высоком сане епископов и др. Все они составили дружину молодых иноков, центром которой и руководителем был о. Михаил. Сам о. Михаил прекрасно видел и понимал свое влияние на студенчество и радовался. Сожалел толь-

ко, что не в силах проявить своего влияния шире, в смысле привлечения большего числа лучших студентов к принятию иночества, считая себя на это не способным и уступая в этом отношении энергичному и пылкому А. П. Храповицкому..." ("Над Евангелием".)

В 1885/86 учебном году "...в Академии произошло событие, имевшее впоследствии важное значение как для о. Михаила, так и для внутренней жизни Академии. На место Ив. Ф. Нильского, уволившегося от должности инспектора Академии, Св. Синодом был назначен за два года пред тем принявший монашество профессор, а затем инспектор Казанской Дух. Академии, архимандрит Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский) (впоследствии митрополит Петербургский и Ладожский, Первоприсутствующий член Св. Синода; † 1912 г. *Сост.*). К началу учебного года он уже вступил в должность. Прекрасные качества ума и сердца нового о. инспектора снискали ему сразу популярность среди студенчества и профессорской корпорации. Но особенно он был близок академическому монашеству.

Обаятельная личность его, чарующая простота и обходительность сразу привязали к нему восторженных юных монахов Академии крепкими, чисто родственными узами.

О. Михаил, сверх того, был земляк о. инспектора, и это еще более привязывало его к нему. В квартире о. инспектора, а также и в квартире о. Михаила собирались очень часто по вечерам академические иноки и сочувствующие им студенты, светские и священники.*

*"...К монашеской академической "дружине" в это время принадлежали, кроме о. инспектора и о. Михаила (Грибановского), о. Антоний (Храповицкий), по кончании курса в 1885 г. оставленный при Академии профессорским стипендиатом, о. Николай (Налимов) (впоследствии архиепископ Владимирский. *Сост.*), принявший пострижение в конце предшествующего учебного года, состоящий препод. Петерб. дух. семинарии, о. Иоанн (Алексеев) (впоследствии епископ Пермский. *Сост.*), студ. III курса..." ("Над Евангелием".)

Впоследствии Святейший Патриарх Тихон, бывший студент Петербургской Академии Василий Белавин, вспоминает, как "...в годы учения его в Академии блаженной памяти наставники Преосвященные Антоний (Вадковский) и Михаил (Грибановский) и ныне (в 1917 г. *Сост.*) здравствующий Антоний (Храповицкий) в беседах, часто после вечерней молитвы, говорили студентам о восстановлении патриаршества... Антоний (Храповицкий) паче других потрудился в этом деле, — и мы свидетели сего..." ("Полное собрание сочинений". Митрополит Антоний Храповицкий. Издание второе. Том IV, дополнительный. Киев, 1918.)

Сюда же, в число неперенных членов академической "дружины" необходимо присовокупить имя еще одного известного идейного патриархиста, тогда еще иеромонаха, Никона (Софийского), впоследствии Экзарха Грузии, трагически и мученически погибшего при следующих обстоятельствах 28.5(10.6).1908 года, от руки грузинских изуверов-автокефалистов:

Дело происходило в Тифлисе.

"...В половине одиннадцатого часа утра, Высокопреосвященный Никон (Софийский), проходя с своим келейником по лестнице, ведущей в присутственную комнату Синодальной Конторы, подвергся нападению злоумышленников, которые сделали в него шесть выстрелов. Пораженный выстрелами, Высокопреосвященный Никон (Софийский), обливаясь кровью, упал на ступеньках лестницы, а тяжело раненный в ногу келейник его добежал до присутственной комнаты и, со словами "убили Владыку Экзарха", упал. Из присутственной комнаты немедленно же выбежали прокурор Синодальной Конторы Левицкий, секретарь Мгалобелов и другие, бывшие в присутственной комнате, лица. При содействии чиновников Синодальной Конторы и служащих в Экзаршеском доме, Высокопреосвященный Никон (Софийский) был перенесен в экзаршеские покои. Тяжело страдавшего от ран Высокопреосвященного бережно положили на большой стол, но Владыка твердым голосом попросил приподнять его. "Вот так мне легче", — сказал Владыка и некоторое время спокойно смотрел на окружающих его. Между тем глаза Владыки постепенно начали тускнеть и видно было, что приближается момент смерти.

“Задыхаюсь, положите меня”, — опять произнес Владыка. Не успели голову умирающего опустить на подушку, как он опять попросил приподнять его и дать ему воды. Выпив глоток воды и произнеся четыре раза: “Господи, прости им”, — Высокопреосвященный Экзарх, до прихода врача, тихо скончался. Прибывшие врачи констатировали у покойного 6 огнестрельных ран, из которых почти все были смертельные...” (“Церковные Ведомости”, № 27, 1908.)

Обычно, в своей дикой епархии, Экзарх Никон (Софийский) под рясой носил панцирь, но на этот раз, несмотря на напоминания келейника, не надел его, так как не предполагал никуда идти далее присутственной комнаты.

По позднему свидетельству vicария Владимирской епархии, епископа б. Ковровского Афанасия (Сахарова), архиепископ Никон (Софийский) перенес три покушения на свою жизнь, из которых последнее (грузинское) было роковым. Виновников злодеяния особенно и не разыскивали!...

Тело убитого Экзарха Грузии в запаянном цинковом гробу (с окошечком) доставляется в специальном вагоне в гор. Владимир. По пути следования вагона происходят многочисленные остановки для совершения панихид и возложения икон на гроб и бесчисленных венков.

Во Владимире состоялась грандиозная встреча тела и торжественное отпевание сонмом духовенства во главе с архиепископом Владимирским и Суздальским Николаем (Налимовым; 1906—1914 гг.).

Погребен Экзарх Грузии архиепископ Никон (Софийский) внутри юго-западного угла Успенского кафедрального собора, в ногах гробницы (ближе к алтарю) архиепископа Владимирского и Суздальского Сергия (Спасского; 1892—1904; знаменитого агиолога), захороненного здесь. На стене, над местом упокоения сих святителей установлены были мраморные доски, сорванные и уничтоженные при “реставрации” собора в 50-х гг.

Здесь, во время этих собраний, объединяющим их центром был о. инспектор, как человек административного такта, и более глубокого жизненного опыта, а “старцем” и руководителем юных монахов был о. Михаил. Предметами бесед на собраниях чаще всего слу-

жили близкие и дорогие сердцу каждого идеалы современного монашества и вопросы о положении Русской Церкви, о воспитании духа церковности в учащейся русской молодежи. О. Михаил, вспоминая эти собрания, говорил, что беседами, происходившими на собраниях, а подчас и спорами он обязан был тем, что впоследствии (немного позже) вынужден был выступать в защиту своих взглядов на те или другие вопросы и в речах на публичных собраниях и в печати.

Дружную семью жили члены академического монашеского братства; с горячею любовью относились они друг к другу, поддерживали друг друга в благородных стремлениях служить интересам Православия и русского монашества. О. Михаил всегда с любовью вспоминал эту, чисто братскую жизнь в стенах Академии в годы своего профессорства..." (Там же.)

В другом, позднейшем печатном источнике, этот период академической жизни излагается в следующих выражениях: "...В начале 1886/87 уч. года иеромонах Антоний (Храповицкий) после защиты своей магистерской диссертации "Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности" — был избран в доценты Петербургской Духовной Академии по кафедре Ветхого Завета. Здесь он опять вступил в общество дорогих друзей во главе с архимандритом Антонием (Вадковским), впоследствии С.-Петербургским митрополитом. Здесь о. Антоний (Храповицкий) кроме своих научных и педагогических занятий усиленно принялся за разработку возлюбленной им с детства идеи о восстановлении Патриаршества в России. В числе студентов Академии был в то время Василий Белавин — будущий Всероссийский Патриарх Тихон, который при своем избрании на Патриарший Престол в 1917 году засвидетельствовал, как в бытность его студентом группа наставников и больше всех их иеромонах Антоний (Храповицкий) в своих беседах со студентами постоянно говорили о необходимости восстановления

в России патриаршества и Патриарх Тихон тогда (в 1917 г. *Сост.*) поздравлял Владыку Антония (Храповицкого) с осуществлением его юношеских грез...” (“Сборник избранных сочинений ... митрополита Антония Храповицкого”. Белград, 1935.)

Таким образом, как показывают даже эти скупые, фрагментарные выдержки, к концу 80-х гг. заботами и усердием инспектора Академии, о. Михаила (Грибановского) и его ближайшего и энергичного сподвижника по культивированию среди монашеской молодежи Академии идеи восстановления в будущем канонического строя Русской Церкви, “новая” и “смелая” по тогдашним понятиям мысль эта, постепенно дошла до сознания и сердец многих воодушевленных ею молодых монахов — будущих видных иерархов нашей Церкви, а расположение к ней со стороны замечательного и любимого всеми ректора, Преосвященного Антония (Вадковского), конечно, придавали ей еще большую значимость в глазах студентов.*

Еще позже, когда мысль эта внедрилась в широкое сознание передового церковного общества, — удержать ее дальнейшее развитие стало, конечно, невозможно...

Брожение началось и в церковно-административных, синодальных кругах. Несмотря на наличие крупного противника этой идеи в лице “всемогущего” тогда обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносце-

* “...Антоний (Вадковский) был исключительно светлой личностью, чуждою всякого напускного благочестия; человек с высокими взглядами на светскую науку и культуру, на редкость отзывчивый к чужому горю и страданию, в высшей степени деликатный и гуманный. Ранее он был профессором Казанской Академии...” (“Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви”, № 4—17, 1927.)

“...Антоний (Вадковский), митрополит С.-Петербургский и Ладожский, искренне разделял стремления русской иерархии и лучших церковных людей наладить жизнь Церкви с восстановлением на Руси патриаршества. Это был подлинный ревнитель святого Православия, приветствовавший всякое доброе намерение благого устройства церковной жизни..

....Впоследствии обновленцы, фальсифицируя исторические события и действительные симпатии Высокопреосвященного Антония (Вадковского), пытались выдать его за солидарного им иерарха и даже ссылались на его авторитет, как их, якобы, единомышленника...” (“Обновленческий раскол”. Епископ Сергей Ларин. Астрахань—Омск, 1953—1959.)

ва, — “...Убежденный патриархист...” товарищ обер-прокурора Святейшего Синода “...Саблер был солидарен с тогдашним епископом Волынским, а ныне митрополитом Антонием (Храповицким), проводившим ... идею ... ”восстановления в Русской Церкви Патриаршества” ... среди иерархии. К последнему примыкали архиепископ Николай (Зиоров), быв. Варшавский, митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) и Экзарх Грузии Никон (Софийский), — которые тоже были убежденными патриархистами. В это время Витте (С. Ю. *Сост.*) в особом совещании поднял вопрос о реформе в церковном управлении, а Св. Синод, рассматривающий вопрос о возглавлении Русской Церкви — “чести ради” — Патриархом, провел его при молчаливом участии Саблера, который заменял Победоносцева...

...Победоносцев был по этому вопросу иного мнения... ..В докладе государю он внес предложение о необходимости, по примеру Византийских императоров, собрать церковный Собор в подходящее время, а предварительно созвать особое предсоборное совещание, для обсуждения ряда вопросов для будущего Собора.

Государь согласился с мнением Победоносцева...

...После этого дружеские отношения обер-прокурора и его товарища сразу оборвались. Саблер подал в отставку, был назначен членом Государственного Совета и уехал в имение...” (“Сербский Патриарх Варнава Росич и его время”. Маевский Вл. А. Новый Сад. Югославия. 1931?)

В то время (1905) в связи с этим, в частном письме на имя члена Государственного Совета, бывшего товарища обер-прокурора, В. К. Саблера, епископ Житомирский и Волынский Антоний (Храповицкий) писал:

“...Последние дни Вашей службы (в Синоде. *Сост.*) вы ознаменовали подвигом, которым увенчали цветущее древо своих заслуг, как бы золотым венцом, проявив столь горячее сочувствие восстановлению ка-

нонического строя церковной жизни...” — т. е. вопросу о восстановлении Патриаршества в Русской Церкви. (“Сборник избранных сочинений ... митрополита Антония Храповицкого”. Белград. 1935.)

Так, постепенно, под повседневным, убежденным и воодушевляющим водительством о. Михаила (Грибановского) и “правой руки” его в этом деле, о. Антония (Храповицкого) создался большой правомыслящий идеологический актив будущих иерархов и вообще ученого монашества, всецело проникнутого непререкаемостью светлой идеи канонического устройства нашей Церкви в будущем. И если основы этой идеи были заложены в души их питомцев преимущественно тщанием о. Михаила (Грибановского), то дальнейшее развитие ее и самоотверженное несение до самого момента ее исторического воплощения в 1917 году, — в виду преждевременной кончины этого предтечи нашего Патриаршества, — выпало на долю его верного и последовательного преемника, — будущего митрополита Антония (Храповицкого), имя которого, в этом смысле, несомненно, займет почетное место на страницах новой истории Русской Церкви, развернувшихся уже на наших глазах...

Отсюда ясно, как и почему будущий первый Патриарх восстановленного русского Патриаршества, окончивший в 1888 году одним из первых С.-Петербургскую Духовную Академию и одушевленный самыми лучшими и искренними стремлениями к благу родной Церкви, устремляется на свое (ныне всем уже известное) самоотверженное архипастьерское делание, завершив его величайшим подвигом создания и воплощения непререкаемо-прекрасного и светлого образа современного Первосвятителя — Патриарха!

Подвигом, в конечном счете, стоившим ему жизни...

И при будущей детальной оценке его руководства Церковью должна быть самым добросовестным образом отмечена та степень формирования его духа и психологии, которая всецело обязана своим проис-

хождением усилиям его воспитателей и, в первую очередь, таких, как о. Михаил (Грибановский) и его ближайшее окружение.

“...Годы 1887, 1888 и 1889 в истории Петерб. Академии для лиц, близко стоявших к ней в это время, останутся навсегда в памяти, как годы подъема среди студенчества научных интересов и развития и упрочения среди студентов проповедничества. Особенно это надобно сказать о 1888 г. Кроме того, о. инспектор отмечает знаменательный факт принятия окончившими курс 11-ю студентами священного сана и, притом, большею частью в провинциях и даже в селах.

Развитием любви и охоты к внебогослужебным чтениям студенты, без сомнения, обязаны тому направлению внутренней жизни студенчества, какое она приняла за отмеченные годы, благодаря, главным образом, академической монашеской дружине. Нет надобности подробно говорить об этом, — в свое время сделает это история, которая годы инспекторства и ректорства Преосвященного Антония (Вадковского), без сомнения, отметит, как лучшие свои страницы. Здесь достаточно упомянуть о том, что волна оживления внутренней академической жизни, развития научных богословских интересов захватила всю лучшую часть студенчества и некоторых профессоров Академии. Еще в начале 1887 г. в Академии начали устраивать т. наз. “богословские вечера”, проект которых составлен был о. Михаилом. Цель их — уяснение Православия для современного сознания. В чтениях на этих вечерах принимали участие как профессора, так и студенты. Так, два раза выступал профессор И. С. Пальмов по вопросу о славянских Церквях, затем Е. П. Аквилонов, студент М. И. Булгаков о духовном регламенте; о. Михаилом было предложено чтение о единении Православных Церквей и о средствах к нему. Чтения эти сопровождалась беседами по поводу прочитанного. Сначала они устраивались в квартире о. Михаила, а потом в аудиториях. И в том и в другом случаях присутствовало немало студентов.

В том же 1887-м г., во 2-й его половине, с возвращением в академическую монашескую семью о. Антония, вполне привились и укрепились внебогослужebные проповеди и чтения студентов. По инициативе о. Антония и под его руководством, в 1888-м г. студенты-проповедники стали устраивать собрания с чтением и обсуждением рефератов, касающихся пастырского делания.

Кроме указанных специально-пастырских собраний, устраивались собрания в квартире Преосв. ректора, о. инспектора и о. Антония с целью обсуждения вопросов миссионерства в самом широком смысле этого слова. Во время этих собраний намечен был проект открытия Братства, задачи которого "способствовать распространению, утверждению, торжеству и славе Единой, Святой, Соборной, Апостольской Православной Церкви".

Проект Братства, как и следовало ожидать, составлен был о. Михаилом, видевшим в осуществлении его одно из средств к проведению начал церковности в сознание и быт общества, той церковности, выяснению которой была посвящена вышеупомянутая речь его, сказанная в заседании членов Братства Пресв. Богородицы.

Жизнь в Академии была ключом. О. Михаил на все ее живые явления откликался с особенною готовностью служить делу приготовления своих единомышленников и соратников по реформе Церкви в будущем. Царивший в академической жизни молодого монашества дух, общий тон настроения лучшего студенчества создавал самую желанную, дорогую атмосферу для такого деятеля, как о. Михаил... ("Над Евангелием".)

Дальнейшая судьба болезненного о. Михаила (Грибановского) складывается таким образом, что он в скором же времени принужден был покинуть свою должность инспектора Академии и серьезно заняться пошатнувшимся здоровьем (чахотка).

Отправленный врачами для излечения своего тяжкого недуга на южное побережье Крыма, он поселяется в Гурзуфе, где "...условия жизни в смысле внешней обстановки, были для больного самыми благоприятными. Со времени приезда в Гурзуф (октябрь 1889 г. *Сост.*) здесь жили в течение нескольких недель ... обер-прокурор Св. Синода Константин Петрович Победоносцев и его супруга Екатерина Александровна. Они всегда с особенною любовью и заботливостью относились к о. Михаилу, теперь же проявили к нему чисто родственное внимание. При их посредстве о. Михаил познакомился с доктором Гурзуфа...

Однако о возвращении в Петербург, к месту служения в должности инспектора Дух. Академии, нечего было и думать... Стараниями лиц, заботившихся о нем (и прежде всего, конечно, К. П. Победоносцева), ему был продлен отпуск до 15-го (27) августа. Врачи поставили непременно условием не возвращаться в Петербург, и Св. Синод озаботился подысканием для о. Михаила постоянного места служения где-либо на юге. Внимание Св. Синода и К. П. Победоносцева остановилось на Афинах, где имеется русская посольская церковь. И вот, указом Св. Синода... о. Михаил увольняется по прошению от должности инспектора Петерб. Дух. Академии..." и назначается настоятелем посольской русской церкви в Афинах. (Там же.)

В 1894 году, вернувшись из солнечной Эллады на родину, архимандрит Михаил (Грибановский) возводится в сан епископа и назначается на викарную Прилукскую кафедру (Полтавской еп.).

После непродолжительного пребывания здесь и в связи с всеобостряющимся процессом его — совершенно неизлечимой тогда — болезни, он переводится в Крым, где, наконец, управляет самостоятельной Симферопольской и Таврической епархией.

Здесь же, сорока двух лет от роду он и погибает от неумолимого недуга 19 (31) августа 1898 года.

К умирающему епископу Михаилу (Грибановскому) приезжают два его друга: епископ Вольский Ни-

кон (Софийский), трагически скончавшийся десять лет спустя в звании Экзарха Грузии, а "...через два дня навестить больного прибыл и другой святитель, подобно Пр. Никону (Софийскому), также бывший член академической монашеской дружины..." Антоний (Храповицкий), епископ Чебоксарский.

В одном из позднейших (послереволюционных) изданий, это горестное свидание описывается следующим образом:

"...Знаменательным событием в жизни Владыки Антония (Храповицкого) в Казани — это была его поездка в 1898 году в Симферополь к умиравшему другу епископу Михаилу (Грибановскому) Таврическому, когда-то студенту Грибановскому, с которым студент Храповицкий мечтал в Академии о восстановлении канонического устройства Церкви. 18 (30) августа 1898 года вечером епископ Антоний (Храповицкий) стоял у смертного одра своего друга, который сказал ему: "Вот, возьмите эту панагию, подаренную мне Преосвящ. Антонием (Вадковским) Финляндским. Я не могу сказать вам связной речи, потому что сознание мое работает уже вполовину. Да послужит сия панагия знаменем нашей духовной любви и связующего нас духовного единения. Я умираю, но духом всегда буду с вами и в вас. Я от всей глубины души разделяю ваше намерение устроить жизнь Церкви на началах канонических, древних, апостольских, на началах истинно христианских, человеческих. Это должно готовить постепенно, общию любовию братии".

Епископ Антоний (Храповицкий) отвечал умиравшему другу: "Благословите меня, Владыко, на это святое дело вашим священным даром, а я приму слова ваши, как ваше завещание для меня и для всех нас, братии по духу, священное". Умирающий благословил епископа Антония (Храповицкого) и прошептал: "Да, я не могу работать со всеми вами". Епископ Антоний (Храповицкий) целовал его руки, стоя на коленях у его одра и говорил: "Вот это нам, Владыко, и

больно, что вас среди нас не будет, а с вами мы работали бы веселее и дружнее”. Умиравший улыбнулся и слегка разведя руками произнес: “Ну уже, что делать? Бог все устраивает так, как нужно для Его славы, и от меня берет жизнь, когда это стало наилучшим”. Затем за 15 минут до смерти умирающий подозвал епископа Антония (Храповицкого) и, задыхаясь от начавшейся агонии, произнес: “Помните же мое завещание о Церкви: не забывайте Ее истинной формы”...” (“Сборник избранных сочинений ... митрополита Антония Храповицкого”. Белград, 1935). *

В другом месте говорится:

В Петербургской Духовной Академии “...Образовался кружок студентов... поставивших определенные цели — посвятить себя деятельности по возрождению русского монашества и по восстановлению канонического строя Русской Церкви, лишённого своего Главы — Патриарха, и благодаря этому стесненной в своем развитии. Главными вдохновителями этого кружка были студент Грибановский (впоследствии епископ Михаил, скончавшийся в молодости от туберкулеза в Крыму), человек замечательного ума, образования и

* Относительно деятельности архиепископа Антония (Храповицкого) в связи с восстановлением патриаршества в нашей Церкви, — приводим следующую любопытную запись, обнаруженную среди личных бумаг покойного епископа б. Алма-Атинского Тихона (Шарапова), одно время бывшего очень близким к этому знаменитому иерарху.

“...Когда-то митрополит Антоний (Храповицкий) поместил в журнал “Христианин” небольшую статейку: “Господь — есть Бог Ревнитель”.

Между прочим, там Владыка Антоний (Храповицкий) вспоминает свою последнюю беседу с покойным [† 19.8(1.9)] епископом Таврическим Михаилом (Грибановским), который на смертном одре, прощаясь, предсказал Владыке Антонию (Храповицкому) много пострадать за святое Православие. В статье об этом упоминается вообще и затем есть такая фраза: “и многое другое предсказал Преосвященный Михаил (Грибановский), о чем теперь — это было до революции — писать не время”.

Теперь в Бучаче спрошено у Владыки Антония (Храповицкого): что такое еще предсказал умирающий епископ Михаил (Грибановский)?

Текст этот выписан пишущим эти строки из памятной записки Преосвященного Тихона (Шарапова), озаглавленной “Пасха в Бучаче”. Бучач — в Галиции, Тернопольского округа, где в 1919 году, в разгар гражданской войны на Украине, находились в заключении в униатском Базилианском монастыре, митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий), арестованный 5(18).12.1918 г., архиепископ Евлогий (Георгиевский), епископ Никодим (Кротков), Почаевский архимандрит Виталий (Максименко; впоследствии карловацкий митрополит в Америке) и автор этой записки — редактор монашеского журнала “Русский Инок”, Почаевский же иеромонах (впоследствии епископ) Тихон (Шарапов).

способностей, и студент Храповицкий (впоследствии митрополит Киевский и Галицкий Антоний. *Сост.*). Епископ Михаил (Грибановский) скончался в 1898 году, и перед смертью он вручил прибывшему к его смертному одру епископу Антонию (Храповицкому) ... свою панагию в залог осуществления их юношеских стремлений. С этой панагией, не блиставшей никакими ценностями, наш Владыка (Антоний Храповицкий. *Сост.*) никогда не расставался и свое светлое знамя, поднятое в студенческие годы, пронес через все свое 50-летнее служение...”

("Сборник избранных сочинений ... митрополита Антония Храповицкого". Белград, 1935.)

Самая кончина святителя Михаила (Грибановского) не заставила друзей, собравшихся у его ложа, долго ожидать себя.

За час до кончины, умирающий спросил, сколько раз ударяют в колокол, когда умирает епископ, — настолько ясно и невозмутимо было его церковное самосознание в эти последние мгновения этой временной жизни...

“...Задыхаясь, за несколько минут до смерти, он шептал друзьям своим свой последний завет о самоотверженном служении Апостольской Церкви...”

...Дыхание больного стало более и более затруднительным; звуки голоса его стали глухи, едва слышимы. Чувствовал больной, что смерть уже витает около него, что доживает он последние минуты. Подозвав к себе находившегося при нем смотрителя дух. училища, он едва уже выговорил следующие слова: “Прошу, передайте друзьям, чтобы не удалялись...” Преосвященный Антоний (Храповицкий) начал читать молебный канон на исход души. Умирающий, крестясь слабою рукою, обратил молитвенный взор к св. иконе. Дыхание становилось редким и прерывистым. Окончилось чтение канона; было начало 11-го часа. Взор умирающего, тускнея, становился неподвижным — сосредоточенным. Последовал глубокий и тяжелый вздох, вызвавший слезу на глазах умираю-

щего; за ним два-три вдоха тихих, едва заметных; прошло несколько минут ожидания; взор умирающего совсем потускнел, не последовало еще ни вдоха, ни движения... Ясно было, что чистая душа святителя оставила тело и перешла в те горние обители, куда стремилась она и при жизни... По предложению Преосв. Антония (Храповицкого), ректором семинарии, протоиереем В. В. Знаменским, прочитано было последование по исходе души. Прошло несколько минут, и редкие удары колокола, о чем лишь за час пред тем вспоминал почивший, возвестили жителям города, что лишились они своего любимого Архипастыря, так недолго украшавшего собою Таврическую кафедру..." ("Над Евангелием".)

Так, по человеческим понятиям, преждевременно, отошел из этой жизни интересующий нас святитель — епископ Михаил (Грибановский). Будущий историк Русской Церкви, в целях полного и ясного понимания явлений современной Ее жизни, должен будет со всей глубиной и проникновенностью вскрыть те нити и те связующие звенья, которыми, с конца прошлого столетия (19-го) культивировался тот круг людей и формировались те явления, которые в конечном своем итоге привели нашу Церковь к обретению Ею в 1917 году полной канонической свободы и создали тех богатырей духа, без которых эти явления не могли совершиться и которыми столь обильно ущедрена светлая эпоха торжества восстановленного в нашей Церкви патриаршества (1917—1925).

И, по-видимому, первым венцом славы в этом деле, по всей справедливости, должен быть украшен принопамятный Преосвященный Таврический Михаил (Грибановский), светлое имя которого не может быть забыто в анналах истории Русской Церкви; в деле современного восстановления Ее извечного, канонического строя; в этом деле торжества Истины!

Отметим здесь и еще один момент.

"...По словам близких к о. Михаилу (Грибановскому) людей, он обладал необыкновенною способно-

стью ” возбуждать к себе привязанность, уважение и даже благоговение. Его служба невольно уносила мысли присутствующих туда, где витал в это время его сильный дух”... ..Даже люди других вероисповеданий относились с глубочайшим уважением к этому выдающемуся, редкому представителю Русской Церкви. И это всеобщее восхищение, преклонение несколько не отражалось на о. Михаиле (Грибановском): он оставался всегда самим собой, простым, сердечным, без всякого подчеркивания своего значения, и это привязывало к нему всецело. Кто знал его, кто имел счастье с ним близко познакомиться, тот никогда не забудет его...” (“Над Евангелием”).

Все вышесказанное здесь, полнейшим образом и всецело может быть отнесено и к личности нашего первого Святейшего Патриарха, о появлении которого в Церкви так ратовал в течение всей своей жизни почивший епископ Михаил (Грибановский) и которого — сам не ведая того, — буквально выпестовал своими руками! Не знаменательно ли это!?

В осуществившейся наконец идее “пророка и предтечи” нашего Патриаршества в значительной степени духовно воплотился как бы он сам!

И наконец, достоин быть отмеченным и тот факт, что хотя и косвенным, и лишь чисто внешним образом, но и сама преждевременная кончина епископа Михаила (Грибановского) повлияла на продвижение по иерархической лестнице будущего осуществителя его идеи -- его бывшего воспитанника — епископа Люблинского Тихона, в его постепенном, провиденциальном приближении к имеющему быть восстановленным Всероссийскому Патриаршему Престолу, так как на место почившего, на Таврическую кафедру, переводится епископ Алеутский и Аляскинский Николай (Зиоров), которому в преемники (в Америку) направляется Синодом один из самых молодых и деятельных иерархов-миссионеров того времени, — Преосвященный Тихон.

Так, посмертно, епископ Михаил (Грибановский) даже действительно помог своему бывшему питомцу и будущему первому Всероссийскому Патриарху, в неведомом для него самого продвижении к возглавлению нашей Церкви, уже на канонических началах...*

Закончим нашу справку о Преосвященном Михаиле (Грибановском) концовкой литературного характера.

Один из прекраснейших рассказов А. П. Чехова (погибшего также от туберкулеза!), “Архиерей”, навеян образом Таврического епископа Михаила (Грибановского).

Конец этого рассказа, где выведена пережившая своего сына-епископа старуха-мать, которая, выходя вечерами за околицу встречать свою корову, рассказывала иногда другим таким же старухам о том, как она хорошо жила раньше и что у нее был сын архиерей, и как ей в этом иногда не верили, — быть может буквально воспроизводил тогдашнюю действительность. Мать епископа Михаила (Грибановского), Фавста Ермиловна Грибановская, на три года пережила своего сына († в 20-х числах июня 1901 г.). “...И денег, оставленных после Владыки и вырученных от продажи его вещей, как раз хватило на ее содержание и погребение...”

Отец Владыки — протоиерей Михаил Иерофеевич Грибановский, родился в 1805 г., скончался в декабре 1880 г.

* Когда, в наше время, было организовано планомерное и массовое уничтожение Православных храмов и монастырей, — был взорван и прекрасный симферопольский Александро-Невский кафедральный собор. Уничтожение кафедрального собора для большего “атеистического” эффекта было приурочено к кануну двенадцатого праздника, а именно: 5(18).8.1930 г., — под Преображение Господне.

Останки двух архиереев, захороненных в этом соборе: Преосвященного Михаила (Грибановского) и кого-то из его предшественников, по ходатайству верующих, были им выданы местными гражданскими властями; перенесены с благоговением на городское кладбище и преданы земле.

Тогда говорили, что при вскрытии гробов тело епископа Михаила (Грибановского) обнаружено нетленным, и до того чтившаяся народом память его ныне еще более возросла и укрепилась.

В 1966 году передавали, что на могиле его систематически теплится лампада. Кто именно был вторым из захороненных в соборе архиереев — установить, пока что, не удалось.

Всех детей у родителей было одиннадцать человек. Подробнее о рассказе А. П. Чехова “Архиерей” см. в содержательной и ценной для отечественного литературоведа статье: “А. П. Чехов и церковность”, помещенной в № 28 “Ярославских Епархиальных Ведомостей” за 1912 год.

И еще о “литературе”: Епископ Михаил (Грибановский) “...особенно ... любил Достоевского...” (“Над Евангелием”).

2.2. См. примечание

2.3. В связи с учреждением Бруклинского викариатства, тогдашняя церковная печать сообщала:

В воскресенье 29.2(13.3).1904, епископ Тихон впервые возглавляет чин архиерейской хиротонии, совершаемый русскими епископами в Северо-Американских Соединенных Штатах.

В Бруклине, в сиро-арабском храме, епископ Алеутский и Северо-Американский Тихон в сослужении епископа Аляскинского Иннокентия (Пустынского) и сонма Православного русского и арабского духовенства, среди коего: митрофорный протоиерей А. Товт, протоиерей А. Хотовицкий и мн. др., — совершает торжественную литургию и хиротонию во епископа Бруклинского второго викария Алеутской и Северо-Американской епархии, архимандрита Рафаила (Ававини).

Не только храм, но и прилегающие к нему улицы заполнены молящимися и любопытствующими американцами, храм внутри убран цветами и иллюминирован снаружи — убран русскими и американскими национальными флагами.

В храме, среди молящихся присутствуют: представитель российского императорского посольства в Вашингтоне, специально командированный на это торжество, А. Н. Бобров, российский императорский генеральный консул Н. Н. Лодыженский, представитель епископального епископа Ч. Графтона — С. Фай

и другие. Перед началом богослужения состоялась торжественная встреча “со славою” епископа Алеутского и Северо-Американского Тихона и нареченного во епископа архимандрита Рафаила (Ававини), которые прибыли в храм, предшествуемые хоругвеносцами и духовенством в облачениях.

В положенное время митрофорный протоиерей А. Товт “приводит” архимандрита Рафаила (Ававини), который читает Исповедание веры частью на русском, частью на арабском языках. Далее совершается литургия Василия Великого, во время которой происходит архиерейская хиротония. Дальнейшая часть литургии совершается собором трех архиереев — “...благолепие небывалое в этой стране...” за все время существования в ней миссии.

“...Сиро-арабы ликовали и со свойственною восточным народам экспансивностью тут же в церкви выражали свой восторг громким гулом, который по временам, чуть ли не прорывался в рукоплескания, в наиболее трогательные моменты. Когда во время великого входа, передавая Преосвященному Рафаилу (Ававини) святую Чашу, протоиерей Хотовицкий по-арабски, громко возгласил: “архиерейство твое да помянет Господь Бог во царствии Своем”, — и таким образом впервые гласно во всеуслышание приветствовал нового архиерея — арабы не могли сдержать своих радостных восклицаний и шумного восторга...”

После окончания литургии епископ Тихон, вручая своему второму, новохиротонисанному викарию, жезл, произносит соответствующую речь, на которую епископ Рафаил (Ававини) отвечает по-арабски.

Затем архипастыри, духовенство и приглашенные гости следуют в помещение под церковью, где состоялась трапеза, сопровождавшаяся исполнением русского гимна, дружными многолетиями и бесчисленными речаму сиро-арабских ораторов “...стремившихся на перерыв, с присущим даром цветистого красноречия и поэзии, изъяснить свои чувства радости по поводу со-

вершившегося события и бесконечные благодарности и симпатии к России...” и т. д.

“...Великое благодеяние оказано Святейшим Всероссийским Синодом всей Православной Американской миссии и, в особенности, сиро-арабской ветви ее, возведением архимандрита Рафаила (Ававини) в сан епископа. Этим событием положен один из существеннейших камней в домостроительство ее. Вместе с тем, в лице новорукоположенного епископа нашему правящему архипастырю Преосвященному Тихону дается полезный и опытный сотрудник...” (“Церковные Ведомости”, 1904.)

2.4. Храмоводительству архиепископа Тихона в Соединенных Штатах, Канаде и на Аляске можно было бы посвятить целое исследование, однако, мы здесь ограничимся упоминанием лишь о двух, воздвигнутых им в Америке величественных русских храмах, продолжающих и до настоящего времени быть средоточием Православия в теперешнем Американском Экзархате Московской Патриархии.

Имеем здесь ввиду Свято-Николаевский собор в Нью-Йорке и Троицкий храм в Чикаго.

Прежде всего, как сообщала тогдашняя церковная печать, с благословения епископа Тихона, комитет по постройке Православного русского храма в Нью-Йорке приобретает участок земли под храм, размером 75х100 футов за 36 000 долларов. (“Церковные Ведомости”, 1900.)

Затем, 9(22).5.1901 г., в присутствии членов Российского Посольства с графом А. П. Кассини во главе, военного и морского агентов, русского консульства в Нью-Йорке, проживающих в Филадельфии русских моряков, множества русских и иностранных представителей, — епископ Тихон в 11 час. утра, в сослужении одиннадцати Православных священников, среди которых находятся: А. Хотовицкий, Б. Кальнев, И. Каппанидзе, И. Клопотовский, П. Попов, И. Зотиков и архимандрит Рафаил (Ававини), при пении хора

русских матросов из Филадельфии, совершает литургию и чин на основание храма (во имя святителя и чудотворца Николая), сооружаемого в Нью-Йорке, во время которого закладывает краеугольный камень и медную доску с соответствующей мемориальной надписью.

Торжество заканчивается провозглашением многолетия главам правительства России и САСШ, Святейшему Правительствующему Синоду и епископу Тихону.

Текст мемориальной надписи на доске — таков:

“Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Построена в честь и память Святителя Николая Чудотворца в царствование благочестивейшего и самодержавнейшего государя императора Николая Александровича; Вильям Мак-Кинлей состоял президентом Северо-Американских Соединенных Штатов и Преосвященный Тихон — епископом Алеутским и Северо-Американским. В лето от сотворения мира 7409 и от Рождества Христова 1901. Мая 9-го (22) дня”. (“Церковные Ведомости”, № 22, 1901.)

Спустя полтора года Свято-Николаевский храм был сооружен.

10(23).11.1902 г. в Нью-Йорке происходит торжественное освящение нового Православного русского храма во имя святителя и чудотворца Николая. Архитектор И. В. Бергезен. Внешний вид храма см.: “Церковные Ведомости” № 50, 1902 г.

С раннего утра к храму прибывает множество богомольцев, Православные русское и сербское братства из Нью-Йорка, Пассайка и Юнкерса, со своими знаменами и в парадных формах, а также американцы, стремящиеся проникнуть в церковь. Улица запружена народом и каретами.

На солее, с левой стороны помещается состав посольства в парадных мундирах, во главе с императорским чрезвычайным послом графом А. П. Кассини, генеральный консул Н. Н. Лодыженский, русский посланник в Корею А. И. Павлов, консул в Канаде Н. Б.

Струве, мэр города Нью-Йорка С. Лоу, чиновники, почетные прихожане и пр. Храм набит народом до отказа.

В алтаре — представители инославного духовенства во главе с епископом епископальной Церкви в Фондюлаке, Графтоном, присутствующим в полном облачении. После торжественного чина освящения храма, с речью, посвященной этому радостному событию, к присутствующим обращается епископ Тихон, зачитывающий затем приветствие, полученное из Петербурга, от лица Святейшего Правительствующего Синода.

Во время литургии, совершенной соборне Преосвященным Тихоном, в положенное время, возлагается ками лавка на ключаря нового храма о. Илью Зотикова и набедренники на окрестных священников — о. В. Туркевича и о. А. Немоловского.

По окончании литургии, в архиерейских покоях происходит парадный прием и обед на сто персон. ("Церковные Ведомости", № 50, 1902.)

Помещаем здесь речь Преосвященного Тихона, епископа Алеутского и Северо-Американского, сказанную им при освящении нью-йоркского храма:

“Приветствую вас, Православные русские люди, с торжеством освящения вашего храма. Настоящий день столь же для нас радостен, как некогда для Израиля был радостен день, когда вместо скинии был создан при Соломоне храм Господень.

И подлинно, до сих пор мы имели в Нью-Йорке как бы только скинию. Как скиния переносилась из одного города в другой, так и мы переходили с своим храмом здесь с одного места на другое. И как Давид некогда смущался тем, что он живет в доме кедровом, а ковчег Божий находится под шатром (2 Цар. 7-2), так и мы многократно сетовали на то, что храм наш и беден, и тесен, и неудобен.

Ныне положен конец таким сетованиям, и услышанным Господом сердечные воздыхания наши о том, чтобы в великом граде сем был воздвигнут храм, до-

стойный русского народа и соответствующий величию Православной веры! Правда, по своим богатствам наш новый храм уступает многим храмам великой земли русской, но зато он, как и Соломонов храм, имеет миссионерское значение: уповаем, что о нем услышат и инославные, и придут в него, и помолются здесь, и возденут руки своя к Богу нашему!

Возблагодарим же Господа, благодеещего нам, подвигшего добрых русских людей на жертвы для создания храма сего и освятившего его ныне благодатию Всесвятаго Духа Своего!

Вкусивши ныне яко благ Господь (1 Петр. 2, 3), помогший нам воздвигнуть сей величественный каменный храм, и сами вы, братья, по слову апостола Петра, как живые камни уставляйте из себя храм духовен (2, 5), т. е. созидайте из себя церковную общину, столь же твердую и прочную, как и сей храм ваш. До сих пор, пока у вас не было настоящего храма, пока было лишь временное помещение для него, и другим казалось, и вам думалось иногда, что быть может и все дело Православной Церкви здесь лишь временное. Ныне, с устроением постоянного храма, опасения эти рассеиваются. Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ея (Мф. 16, 18), и се Аз с вами есмь до скончания века, аминь (28, 20). Верим и уповаем, что эти обетования Христовы касаются и нашего дела здесь, и посему приступайте ко храму сему без опасений, с дерзновением, соберитесь возле него, составьте одну дружную семью, союзом веры и любви свяжемся. Вы знаете, что у нас в России храм и приход тесно связаны между собой. Пусть будет так и у вас. Любите свой храм и чаще посещайте его. Русские люди издавна славятся за набожных и за любителей святых Божиих церквей: храмами стоит и красуется святая Русь. К сожалению, иные русские, попав за границу, по малодушию стыдятся сохранять здесь добрые обычаи своей родной веры и отречением от оных думают снискать себе уважение иностранцев. Горькое и печальное заблуждение: отступников никто не уважает! Не

говоря уже о том, что Господь нам изрек о таких: кто постыдится Мене и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын человеческий, когда придет во славе Отца Своего со святыми ангелами (Марк. 8, 38). Вы же не тако: в Православной вере стойте, родные предания держите и храм Божий любите.

Объединяясь около храма, вы и из самих себя создайте храм духовен (1 Петр. 2, 5), чтобы самих себя, свою душу, свою жизнь посвящать на служение Богу. Не забывайте, что как храм ваш, так и вся ваша церковная община имеет миссионерское значение: вы — род избранный, люди взятые в удел, дабы возвещать окружающим вас инославным чудный свет Православия (1 Петр. 2, 9).

В одной из дивных молитв при освящении храма мы просим Господа о том, чтобы созданный храм служил нам во управление жития, во исправление благого жительство и во исполнение всякия правды. Посему при освящении вашего храма нахожу благовременным умолять вас словами святого апостола Петра, которые имеют близкое приложение и к вам. Возлюбленные! Прошу вас, как пришельцев и странников удаляться от плотских похотей, восстающих на душу, и провождать добродетельную жизнь, дабы окружающие вас инославные, видя добрые дела ваши, прославляли Бога и Церковь вашу. Такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей; как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии. будьте покорны всякому начальству, всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь. Более же всего имейте усердную любовь друг к другу, ибо любовь покрывает множество грехов. Будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры. Служите друг другу каждый тем даром, какой получили от Бога, дабы во всем прославлялся Бог чрез Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков

аминь" (1 Петр. 2, 11—17; 3, 8; 4, 8—11). ("Церковные Ведомости", № 50, 1902.)

Нашу заметку об освящении нью-йоркского Свято-Николаевского храма закончим статьей протоиерея А. Хотовицкого: "Торжество освящения русского Православного храма в Нью-Йорке" (выписка):

"Исполнились заветные желания Православной миссии в Америке. На восточном побережье ее, в метрополии Нового Света — Нью-Йорке, куда эмигрантским прибоем забросило уже не одну тысячу наших земляков и единоверцев и где давно нашли себе место молитвенные дома других исповеданий, красуется отныне величественнейший русский Православный храм. Радую душу и проникая в глубины сердца, далеко разносился 10 (23) ноября радостный благовест церковного звона, и, отвечая на его мощный призыв, спешил Православный, оторванный от далекой родины, люд под своды новой обители испросить у Бога благословения новому делу.

Этот день был поистине торжеством Православия. Давно готовилась наша церковь к этому событию, и теперь, когда священнейшее благодатное действие совершилось, никогда не умрут в памяти богомольцев пережитые минуты. Так много радостных воспоминаний, впечатлений, умиленнейших чувствований! Они превысили даже тот подъем духа и те святые восторги, коими сопровождалось положение здесь краеугольного камня этого храма около года тому назад.

Просто не верится, что еще так недавно, на этом месте, где ныне возвышается благолепнейший русский храм, уныло глядели водруженные природой девственные скалы. На этой природной твердыне утвердилась твердыня духовная, и она — уповаем — не подвигнется во век.

Все нам родное — в новой постройке. Среди высоких американских домов рутинной архитектуры, она — точно солнечный луч на облачном небе. Невольно привлекает она взор своим изящным, полным творческой идеи, видом. Опираясь на гранитные основания,

церковь облегла себя по мере своего восхождения к выси небесной; ее средняя часть — серый камень, украшенный изящной узорчатой высежкой, перевитый гирляндами цветного кирпича, терракоты и майолики разных цветов. Последнее — новость в нью-йоркском зодчестве. Зеленая графитная кровля, белоснежные херувимы по голубому и золотистому фону, темно-красный кирпич, — все это сливается в один мягкий световой аккорд, который довершается пятью куполами сероватой покраски, увенчанными золотыми крестами. По общему признанию местных экспертов архитектуры, новая церковь — одно из красивейших зданий в Нью-Йорке и единственное в таком роде и стиле.

По гранитным ступеням вы входите в церковь, осеняемую при входе изображениями ангелов, художественно высеженных на камне, и через небольшой притвор вступаете во внутренность храма. Она поразительна: ей присуще нечто воздушное, точно купол оторван от земли и держится на крыльях херувимов, витающих в выси. Живопись еще не тронула стен. Только выступами и карнизами белой штукатурки разбиты они на множество подразделений песочного цвета, на которых впоследствии, если Бог поможет, щедрая рука благодетелей разместит священные изображения. Есть уже и проект внутренней росписи храма, но когда осуществится это предприятие — Господь ведаст. Алтарь в виде полукруга, по сторонам коего две закрытые ризницы, и два открытых алькова, в коих удобно устроить придельные алтари.

Днем церковь освещена массой света, проникающего внутрь мягкими световыми лучами всевозможных цветов чрез цветные окна в куполе постройки и по ее стенам. Ночью — церковь светла как днем: сотни скрытых за карнизами и невидимых глазом электрических огней, сливаясь в одну общую световую волну, гонят прочь самое представление о царящем за пределами храма вечернем мраке и тьме. И когда, после полного света, при чтении первого часа, церковь

погружается в полумрак, рассекаемый теплящимися пред иконами и алтарем лампадами и свечечками, как-то особенно умиленно творишь свою молитву и полагаешь последний поклон пред отходом в жилище свое.

Под церковью просторный этаж, с большим залом для школы (здесь временно и помещалась наша церковь), для братских собраний, для типографии, для складов, для церковного сторожа, и еще ниже подвальный этаж; здесь паровые котлы, угольный склад, газомеры, электрические проводники и т. д.

К церкви примыкает подворье. Это маленький домик в четыре этажа, общей с церковью архитектуры, составляющей с ней нераздельное целое. На одной поверхности с церковным полом находится архиерейский этаж, сообщающийся с церковью двумя внутренними ходами: в алтарь и в глубину храма; выше — этаж настоятеля и еще выше — остального причта.

Удобными путями сообщения, трамваями и воздушной железной дорогой, церковь приближена к различным концам многолюднейшего и длиннейшего города, в разных уголках которого приютились члены приходской семьи, в мастерских, на заводах и фабриках добывая себе пропитание. В нескольких шагах от нового храма — центральный парк, гордость и краса Нью-Йорка, раскинувшийся на десятки миль в окружности. Сюда стекаются в душные месяцы сотни тысяч людей — подышать свежим воздухом. Издалека, с разных концов парка, в осенние и в зимние месяцы, когда листва деревьев опадает, видны золотые кресты нашей церкви, и далеко слышен благовест благозвучного колокола...

Торжество освящения храма началось накануне вечером. К восьми часам вечера внутренность храма была декорирована роскошными пальмами — дар одного из друзей России американца г. Крейна. Алтарь и иконостас перевиты гирляндами зелени. Благодаря этому, скрыта была убогость нашего маленького иконостаса, который, хотя и не отвечает размерам и бо-

гатству нового здания, оставлен в нашей церкви, ибо нового иконостаса пока соорудить нет средств...

Духовенство всего округа, до двадцати человек священнослужителей, собрались по призыву своего архипастыря, преосвященного Тихона, епископа Северо-Американского, разделить соучастием это редкое торжество Православия. Преосвященный владыка, отдавший столько сил созданию и устройению храма, уже за несколько недель прибыл в Нью-Йорк и лично направлял дело приготовления к празднику. Самый день освящения был назначен лишь за две недели, после того, как из Петербурга был получен ответ приглашенных высокопоставленных сановников, с выражением их сожаления по поводу невозможности лично присутствовать на торжестве. Но и двух недель оказалось достаточно для приготовления ко дню освящения.

Началось всенощное бдение — ряд моментов дивного молитвенного умиления, которое так возвышает душу, так возрождает человека, напоая его жаждой добра и благожелательства ко всему-всему миру... Уставная служба с канонархом, чудесное пение, служение архипастыря с сонмом духовенства, — все это умиляло и служивших, и богомольцев, заставляло забыть, что мы в Америке, а не на Родине, в недрах благочестивой матушки — Руси. Но в сугубой мере это дивное чувство было пережито всеми на другое утро, в самый день освящения.

С раннего утра 10 (23) ноября, стали стекаться богомольцы к новому храму. Прибыли братства — русское и сербское из Нью-Йорка, из Пассайка и из Юнкерса со знаменами, в своих парадных формах. Задолго до 10 часов прилегающая к церкви улица была запружена каретами и народом, стремившимся проникнуть внутрь церкви. Американцев пропускали по билетам. Вскоре пришлось воспретить дальнейший приток богомольцев. Храм вместимостью на 900 человек заключил в свои стены более двух тысяч народа, и свыше тысячи осталось стоять во всю службу

снаружи, куда сквозь раскрытые двери слабо доносились звуки священных песнопений.

С левой стороны алтаря на солее поместилось посольство в парадных мундирах, во главе с императорским чрезвычайным послом графом А. П. Кассини, генеральный консул Н. Н. Лодыженский с прочими чиновниками консульства, русский посланник в Корею А. И. Павлов, консул в Канаде Н. Б. Струве, мэр города Нью-Йорка С. Лоу, почетные прихожане и семейства причта.

Внутри алтаря, в правой придельной его части, заняли места приглашенные представители инославного духовенства, среди коих обращал на себя внимание почтеннейший старец, маститый епископ епископальной Церкви в Фон-дю-Лаке, Графтон, виднейший боец в Америке за католические начала в дисциплине англиканской Церкви. В полном епископальном облачении, с служебником в руках, он внимательно следил за ходом богослужения, за обрядом омовения и водружения престола и пр. Заметно было, как умиление сказывалось в его молитвенных воздыханиях и слезах. Описывая после торжество освящения нашей церкви, инославные органы с полным почтением отнеслись к присутствию епископа Графтона в его облачении.

Всем американцам облегчена была возможность следить за порядком богослужения и его главнейшими моментами: благодаря программам, которые заблаговременно были раздаваемы всем входившим в церковь. Надо было удивляться, как спокойно и тихо, не производя ни малейшего шума, стояло это многочисленное собрание в течение трехчасовой службы, как внимательно следило оно за порядком ее. Для поддержания этого внимания и привлечения американцев к более активному участию в происходившем было произнесено по английски несколько возгласов, — сугубая ектения, поминовение на великом входе и речь настоятеля, благодарившего гостей за доброе

расположение и выяснившего высокие заветы Православного дела везде на всем земном шаре.

Кто опишет то радостное, умиленное чувство, какое переживалось всеми богомольцами? С того первого момента, когда сонм духовенства в новых белых облачениях встретил своего архипастыря пением величественного гимна: “От восток солнца до запад хваляно имя Господне”, — молитвенная волна, ни на минуту не ослабевая, все полнее и полнее облекала душу, и сердце с полной силой вторило чудным словам — хвалы, прошения, благодарения. Чудные псалмы, чудное пение, чудные молитвы! Громко прозвучали удары камней, пригвождающих верхнюю доску ко престолу. Омыли престол святой водой, напоили его ароматами. “Вонмем!” — трепет пробежал по затаившей дыханию церкви. Святым миром утверждено сие освящение. Останки святых почили в ковчезе, под престольной доской. Опустилась вся церковь на колени и полилась ко Всевышнему вдохновенная молитва архипастыря от лица всей церкви.

“Слава Богу нашему во веки веков!”

Чье слово изъяснит тот великий, навсегда незабвенный миг, когда с вознесенным над главой антимином и мощами святых, владыка возгласил сквозь затворенные двери: “Возьмите врата князи ваша... и увидет Царь славы!” “Кто есть сей Царь славы?” — трепетно вопрошает лик, точно внедряя в сердце каждого особенное внимание к величию редкой минуты, точно призывая всех к особому тщанию достойно встретить Грядущего... “Господь Сил Той есть Царь славы!” — раздается восторженный клик, проникая существо каждого богомольца, благовествуя вечную Славу Превысшего небес... Двери отверзлись и сердца всех подвинулись во сретение...

Еще минута и церковь внимает поучению святителя.

“Соберитесь возле этого храма, составьте одну дружную семью, союзом любви и веры связуемы. Любите свой храм. В Православной вере стойте, родные

предания держите, храм Божий любите... Вы род избранный, люди, взятые в удел, чтобы возвещать окружающим вас инославным чудный свет Православия...”

Кончил владыка свое архипастырское наставление и заключил его дорогим приветом, полученным из России:

“Святейший Синод призывает благословение Божие на всю собравшуюся при освящении паству”.

Слава и благодарение Господу, подвигшему государя призвать всю Россию к созданию здесь первого храма! Слава и честь священноначалию русскому и добрым печальникам Православия и церковного дела, в трудные минуты не покинувшим нас благодатною помощью и щедрою жертвой! Поклон до земли всем вложившим лепту в это святое дело! Да воздаст Господь всем сторицею.

Вслед за осенением храма на четыре страны крестом, начались многолетствования: государю императору всероссийскому и членам царствующего дома, Святейшему Правительствующему Синоду, преосвященным митрополитам Церкви Российской, преосвященному епископу Тихону, преосвященному епископу Николаю (Зиорову), президенту Соединенных Северо-Американских Штатов, настоятелю и причту храма, создателям и благотворителям оного и всей пастве нью-йоркской.

С особым благолепием прошла божественная литургия святого Иоанна Златоустого, ознаменованная возложением камилавки на ключаря нового храма священника И. Зотикова и набедренников на окрестных священников — о. В. Туркевича и о. А. Немоловского. За причастным протоиерей Хотовицкий обратился с кратким приветствием к Православным богомольцам, поздравив всех и поблагодарив братства за дружеское внимание и любовь.

После литургии в покоях преосвященного владыки состоялся прием, устроенный по форме обычных аме-

риканских “ресепсион”. Каждый из гостей представлялся его преосвященству, спешил выразить свои восторги по поводу виденного и слышанного и уступал место другим, пожимая на ходу руки знакомым и проходя в другое помещение, где подавали чай, шоколад, тартинки и прочее. Как и обычно, эта церемония не потребовала долгого времени. В течение часа сменилось несколько сот гостей, и к двум часам остались только лица, приглашенные владыкой на обед, в количестве до 100 человек.

Обеденный зал был декорирован тропическими растениями, — на передней стене был задрапирован во флаги портрет государя и портреты архипастырей. Продолжительное “ура” и троекратно исполненный гимн “Боже, царя храни” сопровождали первый, приглашенный г. послом графом А. П. Кассини, тост за здоровье государя императора. Тут же отправлена была за подписью графа А. П. Кассини и епископа Тихона телеграмма...

С воодушевлением, с кликами “ура” и пением многолетий были встречены затем один за другим следовавшие тосты — за президента Соединенных Штатов, за Святейший Синод Всероссийский, за г. посла, за преосвященного епископа Тихона, за друзей и печальников Православия — К. П. Победоносцева и В. К. Саблера, за бывшего епископа Американского преосвященного Николая (Зиорова)..., за строителей храма и причт. Официальные тосты были заключены застольной речью протоиерея Хотовицкого, посвященной воспоминаниям о ходе постройки, о добрых русских благотворителях, и в конце приглашавшей всех присутствовавших примкнуть к выражениям благодарности и к чествованию того, кто ближе всех сроднился с новой постройкой и чей художественный гений и творчество помогли осуществить в такой совершенной форме нашу мечту: это — И. В. Бергезен, наш архитектор, который с редким бескорыстием отдал целиком принятому на себя делу — свой труд,

свои силы и свои редкие, увековеченные отныне — дарования. Тут же был поднесен архитектору от церкви изящный подарок: на серебряном блюде работы Тиффони две солонки художественной работы русской эмали, в виде моделей Кремлевских башен. Мощным “ура” и дружным многолетием все собрание засвидетельствовало свою благодарность И. В. Бергезену. Спасибо ему!

Задушевные тосты и разговоры тянулись еще долго, непрерывной чередой. Уходя, гости уносили с собой приятное воспоминание о русском уголке, где под кровлей Православного храма богомолец может исповедать Господу свою радость и горе и где, в дружеской беседе с русской причтовой семьей, может отдохнуть духом и мысленно побывать на своей дорогой родине.

В 7 часов вечера чудный звук колокола призывал прихожан вновь на молитву, в наш новый, прекрасный храм...

...Так совершилось давно жданное, великое в истории заграничного Православия событие! ... Прочтете ли кто эти строки? ... Примите нашу благодарность все, кто хотя на минуту подарил нас сочувствием; примите наш земной поклон все, кто помог нашему делу... когда по нужде протягивалась к вам за подаванием рука вашего заокеанского земляка и единоверца...

...Вспоминая все это, я усердно прошу всех отцов-пастырей, кто прочтет эти строки, передать своей пастве о нашем дивном празднике и поклониться благодетелям нашим глубоким-глубоким поклоном.

Протоиерей А. Хотовицкий.

(“Церковные Ведомости”, № 50, 1902.)

“...Со дня открытия в Нью-Йорке величественного русского собора к Православию стали очень быстро присоединяться все родственные верующие: униаты, поморцы, единоверцы... и вообще все те, у кого своей

церкви в Америке не было, а к чужой пристать не хотели. Это было время расцвета Русской Церкви..." ("Церковь". Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1908.)

Подобным же образом создается русский Православный храм и в другом крупном центре САСШ — Чикаго.

С прибытием в Америку епископа Тихона, в Чикаго начинаются поиски участка земли, пригодного для постройки русской церкви и вскоре же, по личному указанию владыки, выбран участок в 12.500 кв. футов (255 кв. сажень).

16(29).3.1903, в воскресенье, в 10 час. утра, епископ Тихон совершает освящение русского Православного храма во имя Святой Троицы в г. Чикаго.

После освящения престола и антиминса состоялся крестный ход, по окончании которого епископ Тихон обращается к народу с архипастырским словом.

За литургией Василия Великого настоятель собора о. Иоанн Кочуров, в красноречивой проповеди ознакомил молящихся с историей построения чикагского храма, а затем по-английски, благодарил всех американских друзей за оказанное участие и материальную помощь.

Кроме множества богомольцев различных национальностей, на торжестве освящения присутствовали многочисленные почетные представители американского общества, епископ епископальной Церкви Графтон (в полном облачении), дипломатический корпус и различные гости, следившие за порядком богослужения по заранее розданным программам.

После литургии, в церковном доме, епископ Тихон устроил прием избранного общества, окончившийся торжественным обедом.

Чикагский храм и приходской дом при нем нужно без всяких оговорок признать прекрасным. По своему величию и благолепию они уступают разве только

нью-йоркским. Строил их лучший в Чикаго архитектор г. Сьюлливан.

Церковь построена в русском стиле и расположена в одной из тихих, уединенных частей города... ..здание церкви чрезвычайно красиво отделяется своей оригинальной архитектурой среди соседних зданий, а высокая колокольня собора, видная со всех сторон на далекое расстояние, точно маяк указывает на то место, где попавший на чужбину русский человек и каждый Православный славянин найдет свою духовную родину, нравственную поддержку и утешение. ("Церковныя Ведомости", 1903.)

Закончим эту нашу заметку следующими словами тогдашней церковной печати, высказанными в связи с переводом архиепископа Тихона из Америки на Ярославскую кафедру:

"...Великие памятники оставляет высокопреосвященный Тихон на Северо-Американской земле и его смело можно назвать создателем американской Православной Церкви..." ("Ярославские Епархиальные Ведомости", № 15, 1907.)

2.5. Автор ошибается; Святейший Патриарх Тихон никогда не был почетным гражданином Северо-Американских Соединенных Штатов. И хотя этот слух усиленно распространялся в Москве в начале 20-х гг., в связи с известной деятельностью в стране организации "АРА", — но он лишен был всякого основания.

Святейший Патриарх был почетным гражданином города Ярославля.

Когда состоялся перевод его из Ярославля на Виленскую кафедру, Городская Дума г. Ярославля, в воздаяние его заслуг и трудов по управлению епархией, а также в знак своей любви и признательности за все соделанное им, — почтила его титулом "почетного гражданина города Ярославля".

15(18).9.1914 г., в печати появляется сообщение о том, что "Св. Синод разрешил архиепископу Литов-

скому и Виленскому Тихону, принять звание почетного гражданина гор. Ярославля. Этот случай избрания епископа почетным гражданином города является чуть ли не единственным в истории Русской Церкви. Высокопреосвященный Тихон пользовался, как известно, глубоким уважением и любовью Ярославской паствы". ("Вестник Виленского, Свято-Духовского Братства", № 18, 1914.)

2.6. К месту нового своего служения — в Ярославль — архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон прибывает 11(24).4.1907 г. В местном епархиальном органе момент этот описывается следующим образом:

"...Наконец давно жданный ярославцами Владыка Тихон прибыл к месту своего архипастырского служения. Ярославль готовился к достойной встрече и приему своего нового Архипастыря, шествующего на ярославскую ниву Божию из далекой Америки. Служебная телеграмма ... из Петербурга принесла ярославцам весть, что архиепископ Тихон едет в Ярославль с 9-часовым вечерним поездом из Петербурга и значит к месту назначения своего прибудет в 2 ч. дня 11-го (24) апреля. Задолго до прихода поезда на дебаркадере ярославского вокзала стали собираться представители духовенства, духовно-учебных заведений, городской администрации и полиции. Здесь были: г. вице-губернатор, бригадный командир, директор ярославского кадетского корпуса, городской голова, о ректор дух. семинарии, смотритель дух. училища, преподаватели семинарии и женских дух. училищ, члены дух. консистории, множество духовенства и мирян. Незадолго до прихода поезда на вокзал прибыл Преосвященный Евсевий (Гроздов), епископ Угличский. Как только прибывший поезд остановился, духовенство во главе с Преосвященным Евсеем (Гроздовым) направилось в вагон 1-го класса, чтобы получить благословение от святителя Тихо-

на. Толпа народа жадно устремила свои взоры на дверь вагона и ловила момент выхода из него святителя Божия. Вот он показался, благодушный, улыбающийся, и весь народ, встречавший Владыку, обнажил свои головы и отдал святителю общий поклон. Архиепископ Тихон проследовал в директорское отделение вокзала, где и состоялось представление высших административных лиц, представителей духовно-учебных заведений и города. Под торжественный звон всех ярославских колоколов, которые возвещали о прибытии Владыки Тихона горожанам, спешившим к кафедральному собору и Спасскому монастырю, архиепископ Тихон направился к собору.* Около кадетского корпуса были выстроены шпалерами кадеты, приветствовавшие с благополучным приездом Архипастыря... ..В кафедральном соборе Владыку встретило с подобающей честью старейшее городское духовенство. При входе в собор архиепископ Тихон возложил на себя мантию и приложился к Св. Кресту. Кафедральный протоиерей Н. Крутиков обратился к Владыке с приветственной речью, в которой, вспомнив о входе Господнем в Иерусалим, празднике, почти совпавшем с входом святителя Тихона в Ярославль, пожелал архиепископу Тихону доблестных трудов на ниве Ярославской, на которой трудились его славные предшественники. О. протодиакон

* Ярославский Успенский собор. "...Величественное здание Ярославского Успенского собора стоит на главной Ильинской площади, близ впадения реки Которосли в Волгу. В этом соборе почивают мощи благоверных князей Василия и Константина Всеволодовичей, а так же находится местночтимая икона Ярославской Божней Матери. Успенский собор был выстроен великим князем Константином Всеволодовичем (+1219 г.), который выстроил точно так же и Ростовский собор. При Алексее Михайловиче (середина XVII в. *Сост.*) Ярославский собор был дважды перестроен вновь. При второй перестройке и были обретыны мощи, почивающие в соборе. Святые князья были внуки Константина Всеволодовича, строителя Успенского собора. Старший из них, Василий, почил в 1249 г. Его брат Константин в 1257 г. был убит в сражении с татарскими грабителями в окрестностях Ярославля. Гора, на которой был убит князь, и до сих пор зовется Туговою; здесь находится теперь кладбище. Ярославская икона Божией Матери была поставлена в храм именно этими князьями..." ("Светоч", 1911 г.) В самом конце 20-х гг. местными мракобесами безбожия, в порядке "научно-атеистической работы", прекрасный Ярославский Успенский кафедральный собор, состоящий на учете как "памятник искусства и старины"... снесен!

провозгласил "ис полла эти деспота", и певчие плавно, умирительно, под управлением регента архиерейского хора о. В. Зиновьева, запели "Достойно" — входное. Архиепископ Тихон проследовал в алтарь, приложился к Св. престолу, а потом к местным иконам — Спасителя и Божией Матери. О. Протоиакон произнес краткую сугубую ектенью и провозгласил многолетие государю императору, Св. Синоду и архиепископу Тихону, который третье многолетие произнес сам так: "Преосвященному Евсевию (Грознову), епископу Угличскому, всему освященному собору и жителям богоспасаемого града сего многая лета". Певчие пропели многолетие. Архиепископ Тихон обратился с первым своим святительским назиданием к новым своим пасомым...

...После речи Его Высокопреосвященства все стали подходить ко Кресту, а певчие с особым чувством пропели "Днесь благодать Св. Духа нас собра", — стихире, вполне отвечающую и времени, и настроению присутствовавших в храме.

О. Ключарь собора поднес Владыке описание Успенского ярославского собора и житие Св. благоверных князей Василия и Константина, Ярославских чудотворцев. Приложившись к Св. мощам архиепископ Тихон проследовал в Спасский монастырь, где в его покоях ожидали его начальствующие и преподаватели всех духовно-учебных заведений г. Ярославля, представители администрации, общества хоругвеносцев и проч. Под ионафановский трезвон колоколов архиепископ Тихон прибыл в свой архиерейский дом и направился сразу же в монастырский собор, поклониться Св. ярославским чудотворцам — Феодору, Давиду и Константину. Все аллеи монастырского двора и садика были запружены народом, радостно взиравшим на своего нового святителя.

Из собора архиепископ по галерее, благословляя усердный народ, проследовал в свои покои, где был встречен со Св. Крестом и Св. водою экономом архи-

ерейского дома иеромонахом Аполлинарием. Приложившись к Св. Кресту и окропив себя Св. водою, Владыка начал знакомиться со своими сотрудниками. Сколько задушевности и доброты светилось в глазах Архипастыря, когда ему начальники учебных заведений представляли гг. преподавателей. Почти со всеми Владыка немного поговорил. Нашлись среди присутствовавших лица, которых Владыка помнил по Академии, нашлись земляки-псковичи. Председатель общества хоругвеносцев г. Гнуздев просил Владыку принять хлеб-соль. На роскошной серебряной солонке выгравирована надпись: "Высокопреосвященному Тихону, архиепископу Ярославскому и Ростовскому в память прибытия в Ярославль 19-11/IV-07 г.* от Ярославского общества хоругвеносцев". Городское духовенство тоже по русскому обычаю приветствовало своего нового святителя хлебом-солью, равно как и братия Спасского монастыря в лице о. Аполлинария, Владыка благодарил всех собравшихся за оказанный ему радушный прием и, простившись со всеми, остался с Преосвященным Евсеием (Гроздовым).

Массу впечатлений произвел приезд архиепископа Тихона, его внешность, его первое слово, его движения. И народ, расходясь по домам, вслух выражал свои чувства симпатии и уважения, которые уже успел снискать себе новый Владыка Ярославский..." ("Прибытие Высокопреосвященного Тихона архиепископа Ярославского и Ростовского в Ярославль". Иеромонах Алексей. "Ярославские Епархиальные Ведомости", № 18, 1907.)

2.7. Это распоряжение весьма характерно для внутреннего облика тогдашнего архиепископа Ярославского и Ростовского Тихона, тем более, что сам он вышел из низов захолустного, провинциального духовенства и, по-видимому, с детства еще помнил, что раболепство низшего духовенства и вообще клириков

* 11.IV.1907 — прим.ред.

пред лицом епископа (особенно в те, давно прошедшие — филаретовские — времена), не всегда, конечно, было искренним и выражавшим подлинные чувства любви и преклонения перед апостольским авторитетом епископа, а являлось большею частью лишь соблюдением давно сложившейся традиции, идущей еще от лет древних. С другой стороны, и предметы такового поклонения — епископы — также, безусловно, не всегда бывали на том, должном, уровне духовной высоты, которая теоретически предполагалась в них и которая, собственно, и вызывала к действию такую низжайшую форму преклонения.

Может быть, памятуя и имея в виду нечто от вышесказанного, Высокопреосвященнейший Тихон (в то время только что вернувшийся из Америки, где подобные формы проявления уважения между людьми безусловно исключались), наблюдая продолжавшуюся в России, известную ему еще с детства традицию совершения земных поклонов при всякой встрече клирика со своим Архипастырем — и счел благовременным прекратить в отношении себя проявление такого почитания со стороны, хотя и подчиненных ему пастырей, но, до некоторой степени, все таки унижающее их священный сан.

Как бы то ни было, распоряжение это вполне соответствует духу кротости и смиренномудрия сего архиепископа.

Кроме того, этим распоряжением не оставлен без внимания и должного исполнения и назидательный пример апостольский:

“...Когда Петр входил, Корнилий встретил его и поклонился, падши к ногам его.

Петр же поднял его, говоря: встань; я тоже человек...” (Деяния. 10, 25—26.)

Это и подобные ему распоряжения нового Ярославского Архипастыря были весьма необычны для того времени и новый стиль управления епархией сейчас же был с благодарностью воспринят подведом-

ственным духовенством и паствою, и с большим сочувствием отмечен тогдашнею печатью.

Приводим об этом несколько кратких выдержек:

“...Известно, например, его обращение к Ярославской пастве с таким предложением: 1) анонимных писем-доносов ему не присылать, ибо таковым не только не будет придаваться значения, но они не будут читаться им, 2) в прошениях не писать кавалеру орденов (духовные лица лишь сопричисляются к орденам, но не состоят кавалерами оных), 3) при представлении не делать ему земных поклонов...”

Или:

“...Показательным для архипастырского духа Пресвященного Тихона явилось его распоряжение о ставленниках, приезжающих в Ярославль для рукоположения... Он предписал им не привозить с собою жен и останавливаться либо в Спасском монастыре, где имелось помещение для ставленников, либо у родных и близких знакомых, но не в гостиницах, где обстановка не способствует духовной сосредоточенности и молитвенному настроению, столь необходимым при рукоположении...” (“Журнал Московской Патриархии”, № 5, 1950.)

В 1908 году архиепископ Тихон издает распоряжение, в силу которого подача прошений на его имя со стороны сельского духовенства разрешается по почте, взамен бывшей до того обязательной личной явки. (“Церковные Ведомости”, 1908.)

2.7. Помимо так называемых “финорганов”, которые, как общеизвестно, на пополнение вечно дефицитного госбюджета извлекают из Православной Русской Церкви колоссальные денежные средства в виде различного рода и наименования налогообложений: “земельных рент”, “страховок”, налоговых “перерасчетов”, “недоимок”, “пеней” и т. д., и т. д., коими как паутиной обвита Церковь, — “поповскими” заработками и доходами неизменно и пристально

“интересуется” и гражданская печать, и наши казенные “атеисты” (хотя область эта — по официальному нашему законодательству — их совершенно не касается), строящие на этой базе свои “научно-атеистические” разоблачения “религиозного дурмана”.

См., например, ст. Юрина А. в “Спутнике агитатора” № 23 1937 г., газету “Безбожник” № 3 (636) 1938 г., ст. “Доходы князей Церкви” и множ. др.

Вся эта публика, бесконечно копающаяся в чужих и, главное, чуждых ей поповских карманах и скрупулезно, по-гобсековски, пересчитывающая “доходы князей Церкви” с неиссякаемой алчной надеждой отжать в свою пользу лишнюю монету, — как правило, никогда и нигде, ни одним словом не заикается о поповских... расходах!

А следует отметить, что у “попов” кроме обычных, общечеловеческих мотивов и побуждений для траты своих денег, имеется всегда еще одна расходная статья, о которой самым гуманным “научным атеистам” никогда и в голову не приходит...

Статья эта — личная благотворительность, вытекающая из самой сущности христианского учения, исповедуемого “попами”.

И хотя все прекрасно знают о широчайшей христианской благотворительности, существующей и в настоящее время на всем земном шаре (кроме Советского Союза, где официальное проявление ее запрещено!) и о тех, неисчислимых великих благодеяниях, которые повседневно творятся ею по отношению ко всякого рода обездоленным людям, — факт гигантской общественной и личной христианской благотворительности замалчивается у нас самым тщательным образом в угоду все той же, так называемой, “атеистической” пропаганды (которая давно бы развалилась без всех этих бесчисленных искусственных подпорок).

В своем усердии не по разуму, некоторые антирелигиозные умники пытаются даже (правда, по-детски

и совершенно безграмотно) подвести какую-то “теоретическую” базу под свои рассуждения на эту тему. Так, в одном нынешнем антирелигиозном журнале появляется ответ на вопрос, поставленный самой же редакцией: “...Почему запрещается благотворительная деятельность Церкви?...” (у нас любят сами себе задавать вопросы, чтобы, в целях “поучения” иметь возможность высказаться на тему, о которой никто не спрашивает...).

Ответ борзописцев этого журнала, многократно указывающего на “колоссальность” церковных материальных средств, таков: “...Жалкие подачки Церкви, вроде леденцов, не могут иметь какого-либо значения в жизни советских людей. Эти гроши, выделяемые Церковью из своих огромных доходов, способны лишь унижить человека.

Благотворительность не имеет н и к а к о г о о т н о ш е н и я к р е л и г и и и потому является незаконной. О н а п р о т и в о р е ч и т и ц е р к о в н о м у в е р о у ч е н и ю...” (!! — разрядка наша. *Сост.*).

Более оскорбительную для читателя, беспардонную болтовню, полагаем, трудно где-либо сыскать в печати...

“...Скрытая цель благотворительности духовенства (продолжает “поучать” журнал. *Сост.*) — это попытки возвысить авторитет Церкви и укрепить Ее влияние среди населения... ..Таким образом (?! *Сост.*) “добрые деяния” церковников ... преследуют “не вполне добрые цели”...

“Таким образом” доводя до логического конца “философию” цитируемого журнала, с неизбежностью следует, что, например, многомиллионные средства, не вытребованные, а пожертвованные русскими верующими людьми (или Русской Церковью, что одно и то же) на оборону нашей страны во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., —

ассигнованы были ни на что иное, как на “не вполне добрые дела”. (“Наука и Религия”, № 5, 1960.)

Вывод, с которым остается лишь поздравить почтеннейшую редакцию этого “научного” журнала!

Обратимся теперь к вопросу о личной христианской благотворительности.

Лица, коим действительно более или менее известны реальные “доходы” и расходы, скажем, Святейшего Патриарха Тихона или других “князей Церкви”, а также личное отношение Святейшего Патриарха вообще к разного рода “доходам”, — держатся совершенно иного мнения по данному вопросу. Приведем здесь несколько первых попавшихся под руку выписок из печати былых времен об отношении к “доходам” некоторых наших архиереев и реальные (а не выдуманные в редакциях и на различного рода “процессах церковников”) факты из этой области.

Например, в предреволюционное время, от Успенской Почаевской лавры “...епархиальный (Житомирский и Волынский. *Сост.*) Архиерей получал около 30 тысяч дохода в год. По свидетельству лаврских наместников, ко времени исчисления этого дохода от Владыки Антония (Храповицкого) поступала написанная его рукой пачка денежных переводов с адресами тех лиц, которым должны быть разосланы следуемые им деньги. Это были стипендии учащимся, пособия нуждающимся священникам и их вдовам, различным просителям. Это была широкая благотворительность, оказываемая щедрою рукою...” (“Сборник избранных сочинений... митрополита Антония Храповицкого”. Белград, 1935. Предисловие — биография.)

Другой факт: “...Известен случай, что Хозяйственным Управлением (Святейшего Правительствующего Синода. *Сост.*) было срочно выслано одному монастырю 1000 руб. потому, что насельникам монастыря нечего было есть в самом точном смысле этого слова; и в Московской епархии есть монастыри, где братия

кушает без хлеба (напр., ужинает)..." (Из выступления В. П. Шеина на Соборе 1917—1918 гг. "Деяния" кн. VI, вып. 2, стр. 149.)

Не менее выразительна следующая выписка, касающаяся видного "князя Церкви", престарелого и больного (разбитого параличом) митрополита б. Московского и Коломенского Макария (Невского):

"...Потерпел наш Угрешский заточник и голод, и холод, что еще более подорвало его здоровье. Некоторое время недостаток в пропитании на Угреше ощущался даже очень остро. Однажды нам прислали напоказ кусок хлеба, который подавали Святителю к столу — это был совершенно несъедобный ломоть, наполовину с отрубями, колючий..." (стр. 40);

"...Правду говорит пословица: от сумы да от тюрьмы не отказывайся. К Вашей любви прихожу с сумой: сотворите милость, наделите меня сахарным песком или сахаром — сегодня потребил последний свой запас. Если и у Вас нет, то и нечего думать о таком лакомстве..." (стр. 51; "Жизнеописание митрополита Макария Невского". Епископ Арсений Жадановский. Рукопись. 1927 ? г. Последняя выписка — из письма сего митрополита от 5—18.6.1920 г., к автору "Жизнеописания...", епископу Арсению Жадановскому.)

Прекрасную отповедь всем непрошеным "исследователям" и счетоводам чужих денег дал митрополит Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий) в своем вступлении на траурном заседании Собора 1917—1918 гг., посвященном памяти зверски убитого митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского), у которого — кстати сказать — перед смертью, убийцами обнаружено было всего-навсего лишь 100 рублей "деньзнаками" того времени.

Митрополит Арсений (Стадницкий) сказал:

"...Я уверен, что если бы те, кто в своем легкомыслии или по злобе (вот, это вернее! *Сост.*) занимаются подсчетом архиерейских доходов и богатств, увидели бы скромную обстановку первого иерарха, они были

бы посрамлены. Они убедились бы, какое неправильное понятие об архиереях составляет у людей, которые не знают сокровенной жизни их..." ("Церковные Ведомости", № 9-10, 1918.)

Что же касается христианской благотворительности интересующего нас Святителя — Святейшего Патриарха Тихона, на различных этапах его Архипастырского и Первосвятительского служения народу, то, несмотря на общеизвестность (по крайней мере, в церковной среде!) этой стороны его деятельности, приведем несколько конкретных примеров.

По этому поводу, прежде всего, в одном из рукописных современных трудов, читаем:

"...Его необыкновенная чуткость и отзывчивость проявлялись и в его широкой благотворительности, в щедрой и нераздельной помощи всем неимущим и обездоленным. Редкую доброту Святейшего Тихона не могли отрицать даже его враги и часто бывали обезоружены ею. "Подите к Патриарху, попросите у него денег, и он отдаст все, что у него есть, несмотря на то, что ему — Патриарху, в его возрасте, измученному после богослужения, придется идти пешком, что и было недавно", — сказал небезызвестный Калиновский, один из зачинщиков церковной смуты..." ("Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси". Послания и документы. Рукопись.)

Из более ранней поры — дореволюционного времени — когда, будучи епископом и архиепископом, Святейший Тихон располагал неизмеримо большими личными средствами (и когда деньги были значительно дороже!), приведем, для примера, следующие краткие сообщения на эту тему.

Нужды детского приюта Кадьякской Иоасафовской школы (Аляска) "принимаются к сердцу" епископом Тихоном, повелевшим отчислять на содержание сего приюта пятьдесят долларов из штатных сумм. ("Церковные Ведомости", 1900).

В селении Восток (Канада) епископ Тихон вносит свою щедрую лепту на церковь, богадельню, школу и читальню (1901).

В Холме (Волынь), в торжественной обстановке, в связи с празднованием 25-летнего юбилея воссоединения униатов, зачитывается и распространяется в народе историческая записка "О былых временах Православия и унии в Забужной Руси", отпечатанная в количестве 5000 экземпляров на пожертвованные для этой цели 150 руб. епископом Алеутским и Северо-Американским Тихоном ("Церковные Ведомости", 1900).

В Канаде, при объезде епархии, епископ Тихон жертвует на нужды местного Свято-Тихоновского Братства, — коего он состоит почетным покровителем, — 20 долларов ("Церковные Ведомости", 1904).

В связи с началом русско-японской войны епископ Алеутский и Северо-Американский Тихон вносит на нужды Российского Красного Креста 500 рублей и организует сбор средств в Америке ("Церковные Ведомости", 1904).

В марте месяце 1905 года, "Апостол Японии" епископ Николай (Касаткин) направляет епископу Тихону благодарственное письмо за присылку денежных средств и церковно-богослужебных предметов для нужд русских военнопленных и раненых воинов, находящихся в Японии. ("Церковные Ведомости", 1905) и т. д., и т. д.

Наконец, приводим сводку данных о личной благотворительности Святейшего Патриарха Тихона в бытность его архиепископом Ярославским и Ростовским и — затем — Виленским и Литовским. Точнее о тех проявлениях его личной благотворительности, которые просочились в тогдашнюю печать (1907—1915) и которые, таким образом, стали достоянием гласности. Желających убедиться в достоверности приводимых данных — отсылаем к сообщениям в Ярославских и

Литовских Епархиальных Ведомостях за соответствующие годы.

В глазах непредубежденного, объективного читателя сводка эта никаких комментариев не требует. Перед “смотрящими же и не видящими” бисер метать не собираемся...

Итак:

Личные пожертвования архиепископа Тихона (Ярославского, а затем Виленского) на благотворительные и просветительные цели. (1907—1915). Неполный перечень по некоторым данным печати.

1907.

Угличскому Братству преподобного Паисия	50
Попечительству при Трехсвятительской церкви Ярославского духовного училища	50
Обществу взаимопомощи диаконов и псаломщиков Ярославской епархии	100
Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище	100
Ярославскому Епархиальному Комитету Православного Миссионерского Общества	100
Вклад в Толгский монастырь Ярославской епархии	500
Попечительству о бедных учениках Ярославской духовной семинарии	100

1908.

Сиротам священника с. Сеславина (Яросл. уезда)	
П. Головщикова	5
Благотворительному Обществу при церкви Троицы на Бору, Ростовского уезда	25
Нсимушим воспитанницам Ярославского женского училища духовного ведомства	1000
Попечительству о бедных учениках Ярославской духовной семинарии	1100
Попечительству при Трехсвятительской церкви Ярославского духовного училища	500

Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище	1100
Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище (к его 25-летию)	100
Угличскому Братству преподобного Паисия	50

1909.

Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище	1300
Строительной Комиссии по устройству нового храма в деревне Горелово Мологского уезда	50
Попечительству при Трехсвятительской церкви Ярославского Духовного училища	600
Попечительству при Трехсвятительской церкви Ярославского духовного училища	50
Ярославскому Комитету "Православного Миссионерского Общества"	300
Угличскому Братству преподобного Паисия	200
Иоанникиевской богадельне	25
Троице-Варницкой богадельне	25
Попечительству об учениках Ярославской духовной семинарии	100

1910.

"Обществу духовной и материальной взаимопомощи б. питомцев СПб Духовной Академии"	100
Ярославскому Братству Св. Димитрия	600
Попечительству об учениках Ярославской духовной семинарии	100
Троице-Варницкой богадельне	25
Ярославскому Комитету "Православного Миссионерского Общества" 350	
Попечительству при Трехсвятительской церкви Ярославского духовного училища	50
Иоанникиевской богадельне	25
Угличскому Братству преподобного Паисия	50
Свято-Тихоновскому монастырю в Северной Америке	10000

1911.

Ярославскому Епархиальному Попечительству о бедных духовного звания	6800
Ярославскому Комитету “Православного Миссионерского Общества”	400
Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище	5500
Угличскому Братству преподобного Паисия	250

1912.

Обществу вспомоществования нуждающимся учащимся Новинской учительской семинарии	25
Ярославскому Комитету “Православного Миссионерского Общества”	50
Угличскому Братству преподобного Паисия	50
Ярославскому Епархиальному Комитету Трезвости	25
Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище	1700

1913.

Благотворительным учреждениям при Петропавловской церкви в гор. Ярославле	100
Ярославскому Епархиальному Попечительству о бедных духовного звания	200
Ярославскому Братству Св. Димитрия	100
Ярославскому Епархиальному Училищному Совету на пособие нуждающимся преподавателям	5000
Братству Св. Димитрия на устройство религиозно-нравственных чтений	2000
Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище	1700
Ярославскому Комитету “Православного Миссионерского Общества”	550
Угличскому Братству преподобного Паисия	350
Ярославскому Епархиальному Попечительству о бедных духовного звания (на нужды богадельни)	25

1914.

На нужды Ярославского гор. управления	1000
Ковенскому Отделению западно-русского Общества	50
СПБ Духовной Академии на пополнение библиотеки	100
СПБ Духовной Академии на пополнение ризницы	50
Виленскому Обществу "Русское Зерно"	50
Виленскому детскому приюту "ясли"	10
Виленскому Обществу "Красного Креста"	100
Литовскому Епархиальному Попечительству о бедных духовного звания	200
Виленскому Комитету "Красного Креста" (в счет содержания двух кроватей для раненых)	1200
Виленскому Свято-Духовскому монастырю на устройство помещения для паломников	2000
Нуждающимся учащимся средних мужских и женских учебных заведений	100

1915.

Попечительству о бедных воспитанниках Литовской Духовной семинарии	200
Братству Покрова Пресвятыя Богородицы при Боруновской церковно-учительской школе	100
Виленскому Свято-Духовскому Братству	5500
Литовскому Патронату для выздоравливающих нижних чинов	100
Виленскому Свято-Духовскому монастырю В пользу бедных воспитанников	1000
Литовской духовной семинарии	200
Виленскому приюту имени о. Иоанна Кронштадского	25
Литовскому Патронату для выздоравливающих нижних чинов	100
Певчим села Камень-Спасское Виленской епархии	10
Литовскому Обществу пострадавших от войны	100
Виленскому городскому попечительству о бедных	100

ВСЕГО рублей 56150

(пятьдесят шесть тысяч сто пятьдесят рублей).

При делении этой суммы на 9 лет получаем: 6238 рублей в год.

При делении годовой суммы (6238.00) на 12 месяцев, получаем: 519 рублей ежемесячной траты личных средств на “никем” и “ничем” не побуждаемые дела милосердия!

“Лучше давать, чем брать”, — говорит Священное Писание (и что невдомек “атеистам” и “фининспекторам”) и... христианская душа не может не проявлять себя в доброделании.

Вместе с мудрецом античной древности Святейший Патриарх Тихон, как от себя лично, так и от лица всей Православной Русской Церкви, возглавлявшейся им, имел полное право сказать, глядя с улыбкой на “инакомыслящих”:

“У меня есть лишь то, что я роздал!”

2.8. Сообщение сомнительной достоверности. Калининский снял сан с себя и ушел на антирелигиозную “работу” еще при жизни Святейшего Патриарха Тихона, о чем последний упоминает в одном из своих посланий, изданных по освобождению из заключения.

Что же касается факта “пешего хождения” Патриарха после одного из богослужений, то это также вряд ли правдоподобно, так как служения его обычно происходили вдалеке от местожительства и ему неизменно бывал обеспечен транспорт. Как известно, он имел хотя и не собственный, но постоянный выезд с известным всей церковной Москве Иваном Кирилловичем на козлах. Да и любой настоятель храма или приходской совет вряд ли бы отпустили Патриарха пешком после совершения им богослужения в их храме. Очень сомнительно...

2.9. Последним ставленником Святейшего Патриарха Тихона, которого он хиротонисал в храме Большого Вознесения у Никитских ворот, 23.3 (5.4) 1925 года, уже будучи больным (за два дня до кончины), был Преосвященный Сергей (Никольский), епископ

Ефремовский, викарий Тульской еп. Как говорили тогда: в прошлом — офицер. Недолгое епископство его закончилось трагически: будучи арестованным в Бузулуке он, затем, переводится в Чкаловскую тюрьму, где в мае месяце 1930 (?) года был расстрелян как “контрреволюционер”.

Таким образом, цитата из приветственного слова, сказанного ему Патриархом, приведенная в Сборнике, явилась, в буквальном смысле слова, пророческой.

2.10. Великий русский историк Василий Осипович Ключевский, заслуженный профессор Московской Духовной Академии и Московского Университета, скончался от гангрены ног 12(25).5.1911 г.

Родился В. О. Ключевский в 1839 г. в Пензе, в семье священника, среднее образование получил в Пензенской духовной семинарии. Затем окончил Исторический факультет Московского Университета; 1872 — магистр русской истории; 1879 — экстраординарный профессор Московской Духовной Академии и доцент Московского Университета; 1882 — доктор русской истории.

Автор классического труда: “Курс русской истории” — 4 тома; “Боярская дума на Руси”; “Жития святых как исторический источник” и мн. др.

Погребен В. О. Ключевский на старом кладбище Московского Донского монастыря, у алтаря летнего (большого) собора.

Отметим тот факт, что в своем послании от 28.8 (10.9) 1920 года, изданном в связи с закрытием Свято-Троицкой Сергиевой лавры и глумлением над мощами преп. Сергия, — Святейший Патриарх Тихон цитирует В. О. Ключевского.

Он писал:

“...Наш знаменитый историк Ключевский, говоря о преп. Сергии и о значении его и основанной им лавры, предвещал: ”ворота лавры Преподобного затворятся и лампы погаснут над Его гробницей только тогда, когда мы растратим без остатка весь духовный,

нравственный запас, завещанный нам нашими великими строителями Земли Русской, как Преподобный Сергей".

Ныне закрываются ворота лавры и гаснут в ней лампы..." и т. д.

О В.О.Ключевском см. также биографический очерк в "Журнале Московской Патриархии" № 7 за 1966 г. стр. 71, а также и воспоминания о нем Ф. И. Шаляпина в двухтомнике "Шаляпин".

2.11. 23.11 (6.12) 1922 г. появляется в Москве и ходит по рукам подложное послание Святейшего Патриарха Тихона об анафематствовании обновленческо-живоцерковного ВЦУ.

Апокриф этот проникает также и за границу и публикуется эмигрантской прессой. (Иные говорили, что послание это сфабриковано было за границей и уже оттуда проникло к нам. Могло быть и так, и этак; существенного значения это не имеет.)

Посетивший значительно позже Москву митрополит Литовский Елевферий (Богоявленский) в своих опубликованных воспоминаниях о поездке, между прочим писал: Святейший Патриарх Тихон "...как Великий Господин Российской Церкви, в котором, вследствие уничтожения большевистской властью Свящ. Синода, по воле Всероссийского Собора и существу Первосвятительского служения, сосредоточилась вся высшая церковная власть, в своей краткой грамоте к Церкви, данной еще из узилища Донского монастыря (23.11 / 6.12 1922 г.), назвав "Высшее Церковное Управление" антихристовым учреждением, анафематствует его..." ("Неделя в Патриархии". Митрополит Елевферий Богоявленский. Париж, 1933.)

По выходе из заключения, знакомясь постепенно с событиями и документами, накопившимися в Церкви за время его отсутствия, Святейший Патриарх Тихон встречается, наконец, и с посланием неизвестного автора, скрепленным подписью: "Патриарх Тихон".

Кроме того Е. А. Тучковым (по-видимому) передается Патриарху для ознакомления и экземпляры белоэмигрантской газеты "Дни", где также воспроизводится это послание.

Опровергая этот подлог, Святейший Патриарх публикует в советской печати следующее письмо:

«В редакцию газеты "Известия ВЦИК".

Гражданин редактор!

Покорнейше прошу не отказать поместить в Вашей газете следующее опровержение:

В заграничной газете "Дни" от 28.5 (10 июня) с. г. за № 184 напечатано послание, якобы исходившее от меня, по поводу отношения Нашего к В.Ц.У. и Советской власти, датированное 23.11 (6 декабря) 1922 года в Донском монастыре.

Настоящим заявляю, что такого послания я не писал, и что таковое является поддельным и несоответствующим Нашему взгляду. Это не что иное, как новая попытка зарубежных врагов Советской власти использовать Нас еще раз, как Патриарха, в политических антисоветских целях.

*Донской монастырь
27.6 (10 июля) 1923 г.*

Патриарх Тихон.»

("Известия" № 153-1890 1923 г.)

2.12. Говоря в своей статье, что "...стремясь не на словах только к истинному церковному миру, Святейший Патриарх поручил состоявшему при нем архиерейскому Синоду вести переговоры с главарями обновленцев о присоединении их к Православной Церкви..." — автор затрагивает один из существеннейших и тяжелых моментов тогдашней церковной жизни.

Было известно, что "...часть обновленческого епископата, тяготилась отчуждением от Святейшего Пат-

риарха и очень желала найти пути к примирению с ним. К таковым принадлежали Преосвященные: Иннокентий (Пустынский), Иувеналий (Мошковский), Иосиф (Ясковский), Лоллий (Юрьевский) и др. Некоторые из них покинули обновленцев и примирились со Святой Церковью.

Митрополит Евдоким (Мещерский) ... не мог не видеть, что Синод не в силах задержать поступательного хода истории, что вот-вот наступит крах “нового порядка”, и он ищет путей к переговорам с Святейшим Патриархом Тихоном, жертвуя многим (? *Сост.*) и во многом идя на компромисс (? *Сост.*)...

...Со стороны обновленческого Синода для ведения переговоров были выделены архиепископы: Алексей (Баженов) Казанский и Серафим (Руженцев) Владимирский. Святейший Патриарх, желая умиротворить Церковь и надеясь на успешный исход переговоров, выделил своих делегатов, Преосвященных архиепископов: Крутицкого* Иллариона (Троицкого) и Серафима (Александрова) Тверского. Православная иерархия требовала от обновленцев отказа от женатого епископата, запрещения второбрачных и третьобрачных клириков, признания Святейшего Патриарха законным Главой Церкви Российской. Обновленцы шли на уступки и были готовы предложить женатым епископам отпустить от себя своих жен или уйти на покой, без права служения архиерейским чином. Второбрачных же готовы были лишить сана. Но они упорно требовали отказа Святейшего Патриарха от управления Церковью и удаления на покой до созыва нового Поместного Собора, в Гефсиманский скит (возле Троице-Сергиевой лавры. *Сост.*) или иную обитель. Новый Собор должен был пересмотреть все дело Патриарха и вынести свое объективное решение. Потом, в ходе переговоров, они хотели, чтобы при Патриархе, если он останется или будет избран другой, всегда состоял и действовал Священный Синод, и

* Титула “Крутицкого” архиепископ Иларион (Троицкий) никогда не имел; он постоянно именовался Верейским, управляющим Московской еп.,

чтобы этот Синод ограничивал Патриарха в его функциях, и он без обсуждения в Синоде не решал никаких дел. Переговоры этой смешанной комиссии не привели ни к чему.

Требования обновленцев об уходе Патриарха со своего поста были наглыми. Никто не мог согласиться с этим, потому что это привело бы к признанию власти Синода, незаконно возникшей. Это означало бы сдачу Православных позиций, укрепление авторитета обновленцев и признание суда над Патриархом законным и справедливым.

Разумеется никто не мог удовлетворить дерзких требований разбойничьего Синода... ("Обновленческий раскол". Епископ Сергей Ларин. Астрахань—Омск. 1953—1959.)

Или, как сказано в другом месте короче: "...руководители Живой Церкви, подталкиваемые мирянами, сами подняли вопрос о соединении с Патриаршей Церковью. Патриарх не имел оснований уклониться от обсуждения этого вопроса, т. к. дело шло о спасении многих, отторгнутых от церковного единства, настаивая только на каноническом порядке соединения...

...С августа 1923 г. по ноябрь тянулись эти переговоры, из которых стало ясно, что руководители Живой Церкви на вопрос соединения смотрят, главным образом, с точки зрения сохранения своих личных преимуществ..." ("Русская церковная смута". Стратонов И., Берлин, 1932.)

Первое свидание представителей сторон происходит 13(26).8.1923 года на квартире "лидера" обновленческих авантюристов, "митрополита" Евдокима (Мещерского). Здесь, в продолжение 2-х часов рассматриваются взаимные претензии и предложения о мерах к изжитию раскола.

Одним из неперемennых условий "примирения" со стороны обновленцев, "митрополит" Евдоким (Мещерский) выдвигает требование о необходимости немедленного созыва Собора Православной Русской

Церкви. По мысли обновленцев (по крайней мере, некоторых из них) Собор должен быть собран и открыт Патриархом Тихоном, после чего происходит церемония “восстановления” его в сани со стороны обновленцев. Через некоторое время после этого Патриарх должен сделать Собору заявление о сложении с себя патриарших полномочий и устранившись от управления Церковью. (“Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви”, № 4—17, 1927.)

Следует отметить, что самый день встречи представителей русского епископата с раскольничьими “лидерами” был не обычным будничным днем; во-первых, готовилось большое дело — покаяние и прием в Церковь сокрушившегося в обновленческий раскол и более года косневшего в нем виднейшего из наших иерархов, митрополита Владимирского Сергия (Страгородского) (чин покаяния осуществлен был на следующий день вечером; в канун праздника Успения Божией Матери, за патриаршим служением всенощного бдения в старом соборе Донского монастыря), а кроме того, этот день был днем тезоименитства Святейшего Патриарха. Святейший совершал в этот день торжественную литургию в летнем (большом) соборе Донского монастыря, в сослужении сонма архиереев, съехавшихся со всех концов на день Ангела Первосвятителю, — принести ему свои поздравления и благопожелания.

Поэтому, очевидно, во второй половине дня, вернувшиеся сюда после переговоров с обновленцами архиепископы: Серафим (Александров), Иларион (Троицкий) и Тихон (Оболенский), с благословения Святейшего Патриарха (и — надо думать — после краткого доклада ему о происходившем собеседовании), пригласили гостей-иерархов в Михайловский храм монастыря (впоследствии “музей надгробий”), для сообщения им результатов первой своей встречи с обновленческим “лидером” по вопросу о примирении сторон. (Может быть совещание предусмотрено было и заранее.)

Этот импровизированный Собор Архиереев в Михайловском храме составили 27 епископов.

Сохранились имена некоторых из них:

1. Тихон (Оболенский), архиепископ Уральский и Покровский.
2. Серафим (Александров), архиепископ Тверской и Кашинский.
3. Петр (Полянский), митрополит Крутицкий.
4. Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский, в/у Московской еп.
5. Пахомий (Кедров), архиепископ Черниговский и Нежинский.
6. Амвросий (Полянский), епископ Каменец-Подольский.
7. Борис (Рукин), епископ Можайский.
8. Вассиан (Пятницкий), епископ Новогеоргиевский.
9. Парфений (Брянских), епископ Ананьевский.
10. Горвасий (Малинин), нареченный епископ Арзгирский и др.

Святейший Патриарх Тихон на Соборе 27 епископов не присутствует.

Первым, с докладом перед иерархами, выступает архиепископ Тверской и Кашинский Серафим (Александров).

В позднейшем изложении обновленческой печати произносившиеся на этом Соборе речи выглядят следующим образом:

**Выступление архиепископа
Тверского и Кашинского Серафима (Александрова)**

“...Богомудрые архипастыри, мы только что сейчас, в количестве 3-х уполномоченных Святейшим Патриархом Тихоном лиц, были у высокопреосвященнейшего митрополита Евдокима (Мещерского), где около двух часов беседовали с ним обстоятельно по вопросу

о ликвидации нашего церковного разделения. Высокопреосвященнейший митрополит Евдоким (Мещерский) предложил нам обсудить три вопроса по этому делу безотлагательно, принципиально с коими мы согласились. Это — 1) согласны ли мы на примирение с ними. Если мы согласны, то надо, 2) завести сношения и начать совместную подготовительную работу к предстоящему Поместному Собору и 3) Поместный Собор открывает Святейший Патриарх Тихон. На этом Соборе Патриарх Тихон должен отказаться от управления Церковью и уйти на покой. Если мы согласны будем провести все это в жизнь, то высокопреосвященнейший Евдоким (Мещерский) дал нам обещание, что Патриарх Тихон будет на Соборе ими восстановлен в сущем сане...”

(Вопрос одного из присутствующих епископов, имени которого автор статьи не помнит. *Сост.*) — “Скажите, Ваше Высокопреосвященство, знает ли о всем этом нашем собрании и предметах обсуждения его сам Святейший Патриарх Тихон. Если он знает, то как он смотрит на все это”.

На этот вопрос последовал следующий ответ архиепископа Тверского Серафима (Александрова): “...Мы ни одного шагу ступить в делах церковных не можем без воли Патриарха Тихона. Конечно, обо всем этом я Святейшему докладывал и просил его благословения на собрание. Святейший Патриарх Тихон мне ответил так. Я привожу буквальные слова Его Святейшества: “Надоел я вам, братцы, возьмите метелку, да и гоните меня”. По-видимому бы Патриарх Тихон ничего не имел против того, если ему для блага Церкви необходимо отойти в сторону от кормила правления Русской Церкви...”

**Выступление епископа бывшего Винницкого
(Каменец-Подольского) Амвросия (Полянского)**

“...Меня удивляет и мне не совсем понятно, почему Вы, Ваше Высокопреосвященство, называете Евдокима (Мещерского) высокопреосвященнейшим митро-

политом. Признаете ли Вы его за законного архиерея?”

Архиепископ Серафим (Александров) ответил утвердительно, что он пока его признает законным архиереем и, что этот вопрос спорный. Далее епископ Амвросий (Полянский) продолжал:

“А для меня и наверное и для других, здесь присутствующих, Евдоким (Мещерский) вовсе не высокопреосвященнейший митрополит, а бывший архиепископ, потому что он присоединился к отщепенцам, самозванному духовенству, отколовшемуся от Святейшего Патриарха Тихона и (по его идеологии) от Церкви Христовой. Сами посудите, кто у них первыми вершителями дел были? Быв. епископ Антонин (Грановский), состоявший на покое в Заиконоспасском монастыре. Он из личных счетов пошел против Патриарха Тихона, а к нему примкнули и прочие из духовенства с темным прошлым. Антонин (Грановский) оказался богохульником. Он, как нам известно, идет против почитания святых угодников Божиих, признает только Св. Троицу и свящ. события из жизни Христа и Богоматери, иконостас он называет ненужной перегородкой, которую пора, по его словам, сломать, он не признает крещения младенцев и причащает по-католически. Епископ Леонид (Скобеев) — нам мало известная личность, но он, несомненно, подкуплен, дабы расшатать канонические устои Св. Православия. Введенский, бывший Петроградский священник, а теперь женатый архиерей — чуть ли не из евреев; священник Боярский высказывался кощунственно на их незаконном Соборе 1923 г. против почитания св. мощей. Вот эти опороченные люди и восстали против Святейшего Патриарха Тихона и Св. Православия, и Святейший Патриарх во всяком случае не мог им поручать управления Церковью и образовывать ВЦУ. Некоторым из них лицам поручено было только патриаршую канцелярию привести в порядок, а они, воспользовавшись этим, самочинно захватили и патриаршую власть в свои руки,

образовали ВЦУ и устроили незаконный Собор. Вот к ним и присоединился бывший архиепископ Евдоким (Мещерский) и тем самым откололся от Церкви Христовой, а посему он не может быть законным архиереем...”

**Выступление архиепископа Верейского
Илариона (Троицкого)**

“...Да, для нас фактически митрополит Евдоким (Мещерский) не является законным митрополитом, как сам отколовшийся от Церкви Христовой, но Церковь-то Христова своим постановлением юридически еще ведь не санкционировала его отпадение и ниспадение в разряд мирян. Она его еще терпит в сущем сане. Вот, когда будет Собор, то все это будет рассмотрено, и если Собор признает митрополита Евдокима (Мещерского) и других виновных и отпадшими и сделает свое окончательное решение о сем, тогда мы не в праве будем величать Владыку Евдокима (Мещерского) высокопреосвященнейшим”.

Все-таки еп. Амвросий (Полянский) с этим не согласился. Архиепископ Иларион (Троицкий) еще раз высказался, что он везде бывал, много говорил по церковному вопросу с компетентными людьми, и пришел к тому заключению, что для них, тихоновцев, больше выхода нет, как только одно — подойти к Свящ. Синоду Р.П.Ц., договориться с обновленцами, не нарушая канонических устоев Православной Российской Церкви. Все наше разделение, говорил архиепископ Иларион (Троицкий), основано только на недовольстве некоторых иерархов и Православных мирян личностью Патриарха Тихона...”

**Выступление епископа Новогеоргиевского
Вассиана (Пятницкого)**

“...Я слышал на улице (?! *Сост.*), один из моих знакомых светских людей, встретился и сказал: ”Владыка, у вас сегодня будет собрание в Михайловском

храме. Будете обсуждать о том (! *Сост.*), как подойти к обновленцам и примириться с ними. Митрополит Евдоким (Мещерский) признает Патриарха Тихона Патриархом, через него открывает Поместный Собор, удалит его на покой, провозгласив себя Патриархом. Но едва ли кто пойдет за Евдокимом (Мещерским), потому что он идет против монашества. Как все это могло случиться, и допускаете ли вы возможность притязаний на Патриаршество со стороны митрополита Евдокима (Мещерского)..."

И, наконец:

"...Один из епископов (не помню имени его) спросил архиепископа Серафима (Александрова) и не получил на это ответа: "...Я не понимаю, почему мы должны идти к обновленцам по их предложению мириться. Если это им нужно, пусть они к нам идут для примирения. Мы будем очень рады..."

(Все приведенные выше цитаты о выступлениях епископов на Соборе, в Михайловском храме, почерпнуты из "Вестника Священного Синода Православной Российской Церкви", № 4—17, 1927 г.)

Собор не выносит какого-либо решения по докладу архиепископа Серафима (Александрова), но по-видимому, одобряет дальнейшие усилия Православной Церкви к возвращению в свое лоно раскольников.

По другим данным, совещание резко разделилось на две группы, причем архиереи — представители Данилова монастыря — выступили с организованным энергичным убеждением собравшихся святителей в явной неканоничности и губительности для Русской Церкви этого умысла против Святейшего Патриарха, грозящего не успокоением Церкви, а новой смутой.

Как бы то ни было, но в результате, совещание подтверждает неизменную преданность и послушание епископата Святейшему Патриарху и каноническим уставам Русского Православия.

В народе же — в ходе дальнейших переговоров с обновленцами — начинают циркулировать, главным образом, две версии предполагаемого соглашения

между сторонами. Вкратце они сводятся к следующему:

1. В итоге соглашения должен быть создан Синод в составе 6-ти представителей Православной Русской Церкви ("Тихоновцев") и 6 представителей обновленческой иерархии (из числа канонически правильно поставленных епископов). Председательствует в Синоде Патриарх, права и обязанности коего несколько изменяются в сторону их ограничения; он становится подотчетным Синоду, отчитываясь перед ним за каждый межсессионный период.

Точнее, роль Патриарха отныне сводится лишь к почетному Председательствованию в Синоде, к символическому возглавлению Церкви.

Обновленческий глаголемый епископат из брачных священников и женившихся монахов, а также второбрачный клир, ликвидируются: отпускаются "на покой" с пожизненным запрещением в священнослужении.

Церковь Русская переходит на новый (григорианский) календарный стиль.

2. Весь статус патриаршего строя в Православной Русской Церкви, разработанный и утвержденный Собором 1917—1918 гг. остается неизменным. Патриарх Тихон возглавляет Синод из 12 иерархов (по 6-ти от каждой стороны), но по истечении некоторого времени (приблизительно 3-4 месяца) с момента образования этого Синода, "по своему почину" подает на имя Синода заявление об уходе на покой и о сложении с себя обязанностей и прав Главы Русской Церкви, с назначением Патриаршего Местоблюстителя, который временно, до избрания нового Патриарха, возглавляет Патриарший Синод.

Наиболее рьяными противниками вообще какого бы то ни было соглашения и примирения между сторонами со стороны обновленцев называют клику незаконных брачных "архиереев" во главе с митрополитом "всея Сибири" (или "сибирским котом", как именовал его Святейший Патриарх Тихон) Петром (Блиновым).

Замечательно, что в самый день первой встречи сторон, 13 (26).8.1923 г., в письме на имя обновленческого Рязанского Церковного Управления, “митрополит” Евдоким (Мещерский) отваживается на лживое освещение происходящего, когда в этом письме сообщает о полном “разложении”, царящем, будто бы, в Донском монастыре (т. е. в “лагере” Святейшего Патриарха Тихона) в связи с начавшимися переговорами. Сообщает и о несуществующей в действительности резолюции примирительного совещания и низложении Патриарха.

Одновременно, не сидят сложа руки и другие, многообразные враги Церкви. Так, центральная гражданская пресса, со слов “лидера” “Живой Церкви”, “протопресвитера всея Руси” В. Д. Красницкого, торопится сообщить своим читателям, что Святейший Патриарх Тихон и его “партия” после освобождения Патриарха из заключения стали будто бы вести тайные переговоры с Троицким подворьем, т. е. с заседавшими в нем обновленцами, о примирении, которое было почти достигнуто, но не состоялось “...т. к. главой Церкви с одной стороны выдвигался Патриарх Тихон, а с другой митрополит Евдоким (Мещерский)...” (“Известия” № 216—2251, 1924 г.)

Что же касается лагеря штатных безбожнических мракобесов, то эти, с присущей им деревенской развязностью и наглостью, в своем “Безбожнике”, в статье “Капитуляция тихоновщины” (одно заглавие чего стоит!!!), пишут:

“...Нам сообщают, что по почину сторонников Тихона, в настоящее время, с согласия б. (“бывшего”! *Сост.*) Патриарха, ведутся переговоры об условиях присоединения тихоновцев к обновленческому движению...” (разрядка наша. *Сост.*). (“Безбожник”, № 38, 1923.)

Словом, все — совершенно наоборот. У этих господ, по обыкновению, “заворот кишок” в голове, и они пытаются уверить своих незадачливых читателей в том, что не Волга впадает в Каспийское море, а наоборот. И хотя это не верно, но в достаточной степени

“чудно”. А, как говорится, чем чуднее, тем скорее прославишься; что, собственно, и требуется.

Словом, и в этом случае, враги Церкви изощрялись на все возможные и невозможные манеры.

Но именно поэтому, в виду жульнических, провокационных и совершенно несерьезных, не идущих к делу, трюкаческих способов ведения переговоров со стороны раскольнических “лидеров” и их подпевал, таковые, естественно, должны были окончиться и окончились полнейшим провалом, и обновленцы остались, как выражался про них Антонин (Грановский), “со своими свадебными бубнами”, — что им было, очевидно, дороже всего...

По-видимому, время для их покаяния тогда еще не пришло, и лишь в середине сороковых годов им пришлось по одиночке, и уж по всей форме, каяться, превращаясь на глазах у изумленных зрителей из “митрополитов” и “архиепископов” — в диаконов, иеромонахов и псаломщиков.

Автор статьи нашего Сборника пишет: “...в высокой степени интересно и крайне важно для характеристики этих переговоров, сорванных заправилами обновленчества, письмо к ним архиепископов Тихона (Оболенского), Илариона (Троицкого) и Серафима (Александрова), работавших в Патриаршем Синоде...”

Этим письмом мы и закончим настоящее примечание о провокационной попытке обновленцев (вряд ли предпринятой без “Благословения” Е. А. Тучкова) “примириться с законным священноначалием и каноническим возглавителем Церкви, Святейшим Патриархом Тихоном, — перед которыми они были столь тяжко виновны и которые, несмотря на это, с радостью и готовностью стремились покрыть христианской любовью все причиненное и им, и Церкви в целом, зло.

Текст этого письма — заключительного документа в ходе переговоров — таков:

“Евдокиму (Мещерскому), митрополиту Одесскому и Херсонскому.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко! Мы получили отношение возглавляемого Вами Синода от 13(26)-го октября с. г. за № 2495, в котором мы поставляемся в известность, что Вы считаете возможным продолжать переговоры о церковном мире на условиях:

- а) удаление Патриарха Тихона от дел управления;
- б) удаление его на жительство, впредь до Собора, в Гефсиманский скит.
- в) перенесение окончательного решения дела Патриарха на Собор.

Мы пришли в крайнее недоумение, когда увидели, что в упомянутом отношении об этих условиях Вы говорите, как о “признанных нами ранее приемлемыми”. Это непонятное для нас обстоятельство побуждает нас привести на память краткую историю наших ранних переговоров.

Получив Ваше первое приглашение при первой встрече с Вами и А. И. Новиковым 13 (26) августа с. г. мы, с благословения Святейшего Патриарха Тихона, вели лишь предварительные переговоры для ознакомления с Вашими предложениями, которые мы обязаны были потом подвергнуть на благоусмотрение Святейшего Патриарха и на обсуждение Православных епископов, сохранивших каноническое общение со своим законным Первосвятителем. Вполне понятно, что принимать какие-либо условия в виде резолюций до выяснения взглядов сонма епископов едва ли можно, не имея на то никакого права и никаких полномочий; мы тогда же неоднократно, в самой решительной форме заявляли, что никаких резолюций принимать мы не можем.

На нашем совещании 13 (26) августа и не было принято никаких постановлений, не было вынесено никаких резолюций, не было даже ни составлено, ни подписано никакого протокола. Высказанные Вами пожелания, близкие по смыслу (но не по форме) к перечисленным в Вашем последнем отношении условиям, разумеется, нас ни к чему не обязывали.

Скоро нам стал известен целый ряд совершенно непонятных нам и крайне прискорбных фактов. Так, например, в тот самый день, 13 (26) августа, когда предлагали высказанные Вами пожелания на обсуждение Собора 27 епископов, Вы писали на имя своего рязанского церковного управления:

“В Донском началось полное разложение и смятение. Тихон прислал уже к нам трех депутатов с просьбой о перемирии и примирении. На объединенном заседании даже его сторонники вынесли резолюцию: “сложить все полномочия и отдать себя на суд Собора епископов”. Резолюция уже вручена Тихону”.

30-го августа (12-го сентября) Вы писали в официальном отношении за № 136 на имя митрополита Антония (Храповицкого):

“Б(ывший) Патриарх Тихон запутался совершенно и, поняв это, подал заявление в Святейший Синод о примирении с отколовшимися от него духовенством и народом. Смешанная комиссия, устами даже его ярых защитников (епископ Иларион Троицкий), вынесла ему следующую резолюцию: сложить все полномочия, удалиться в монастырь, ждать над собою суда Собора епископов. Резолюция вручена”.

Это Ваше отношение, напечатанное в газете “Известия” 12 (25) октября № 244 (1918) получило широкое распространение и произвело, разумеется, немалое смущение среди Православного народа, верного своему законному Главе, Святейшему Патриарху Тихону.

Вам лучше, чем кому-либо известно, что такого заявления Святейшего Патриарха в Вашем Синоде не было и нет, и что никакой резолюции с указанным Вами содержанием никто ему не вручал, т. к. и невозможно вручить резолюцию несуществующую.

Когда мы вторично получили от имени Вашего Синода приглашение, подписанное уже не Вами (6—19 окт.), и когда мы встретились с другими представителями Вашего Синода (7—10 окт.) — они сами признали Ваши сообщения несоответствующими действительности и заявили нам, что на выставленных

Вами ранее условиях они больше не настаивают. И вдруг, всего через неделю, в отношении Синода от 13 (26) октября снова всплывают те же условия, и о них говорится, что они уже признаны нами приемлемыми.

С крайним недоумением отмечая такую непоследовательность Вашего Синода и с великим огорчением встречая распространяемые Вами, заведомо неверные известия, мы считаем своим долгом заявить, что указанные факты являются серьезным препятствием делу церковного мира, т. к. это святое дело, по нашему крайнему разумению, может быть совершено в духе истины и полной искренности. Мы полагаем, что прежде всяких новых переговоров должен быть исправлен тот вред, который нанесен делу церковного мира Вашими известиями, противоположными истине. По нашему убеждению, простой моральный долг обязывает Вас и Ваш Синод опубликовать разъяснение о том, что вышедшие от Вас известия о небывалом заявлении Святейшего Патриарха и о никогда не существовавшей резолюции, которая будто бы была ему вручена, не соответствуют подлинной действительности.

Кроме того мы не можем не обратить внимания на разосланный от имени Вашего Синода циркуляр, ныне напечатанный в № 1 “Вестника Священного Синода”, стр. 16. Здесь на Святейшего Патриарха возводится явная неправда, будто бы он объединяет реакционные общественные силы для нового политического мятежа и взрыва, и будто бы он управляет черносотенством и белогвардейщиной.

Нам хотелось бы верить, что Вы и возглавляемый Вами Синод решительно откажетесь от того, совершенно противного духу Христа и Его Истинной Церкви настроения, которым так глубоко проникнут указанный циркуляр. Иначе создается столь удушливая моральная атмосфера, что в ней нельзя работать хотя бы с малейшей надеждой на достижение желанного мира церковного. Вовсе не какие-либо политические вождедения заставляют нас собраться вокруг Святейшего Патриарха, а только желание сохранить

верность своему архиерейскому обещанию и соблюдению непоколебимым канонический порядок иерархического преемства. И в наших переговорах с Вами и с другими представителями Вашего Синода нами руководило исключительно одно желание воссоединить со Святой Церковью отторгнувшихся от Ее единства во время печальной смуты церковной. Это желание побуждает нас не уклоняться и от дальнейших переговоров, несмотря на тяжелые огорчения, которые доставили нам выше нами перечисленные факты; но эти переговоры, по нашему убеждению, возможны лишь в том случае, если не только подобные факты не будут повторяться вновь, но и имевшие место будут, по возможности, исправлены.

Мы будем рады узнать, что наши мысли, изложенные в настоящем письме, разделите Вы и Ваш Синод.

*Серафим (Александров),
архиепископ Тверской.*

*Управляющий Московской Православной епархией
архиепископ Иларион (Троицкий).*

Тихон (Оболенский), архиепископ Уральский.

15 (28) октября 1923 г. Москва".

Это письмо трех уполномоченных Святейшим Патриархом Тихоном иерархов для ведения переговоров с обновленческими "лидерами", последовало в ответ на нижеследующее отношение обновленческого Синода, за № 2495 (по другим источникам: № 2503), на имя Православных архиереев:

" Священный Синод Российской Православной Церкви. Окг. 15 (28) дня 1923 г. № 2503. Гор. Москва. Самотека. Троицкое подворье.

Членам Комиссии от бывшего Патриарха Тихона
по выработке проекта соглашения
с Священным Синодом, архиепископам Серафиму
(Александрову) и Илариону (Троицкому).

Священный Синод сим сообщает вам, что в заседании своем от 13 (?) (26) октября сего года, опреде-

лил: считать возможным дальнейшие переговоры при условии признанных Вами ранее приемлемыми, — а именно:

а) удаление бывшего Патриарха Тихона от дел управления,

б) удаление бывшего Патриарха Тихона на жительство впредь до Собора в Гефсиманский скит,

в) перенесение окончательного решения дела бывшего Патриарха Тихона на Собор.

Священный Синод, поставляя о сем Вас в известность, предлагает сообщить, приемлема ли и ныне указанная выше позиция для Вас.

*Председатель Священного Синода
митрополит Евдоким (Мещерский).
Председатель Админ. Отд. Св. Синода.
Секретарь, член Св. Синода.*

Печать Св. Синода. Пр. Р. Ц."

Итак, 15 (28).10.1923 г. "...представители Патриарха уведомили живоцерковного митрополита Евдокима (Мещерского), что они прекращают дальнейшие переговоры..." ("Русская церковная смута". Стратонов И., Берлин, 1932.)

2.13. Приведенная дата происшествия неверна; оно имело место на Петров день (29.6—12.7) 1919 года. Покушавшаяся на Патриарха П. К. Гусева привлеклась к суду, что было отражено в тогдашней антицерковной печати.

Остановимся несколько подробнее на этом, характерном для того времени, эпизоде.

29.6 (12.7) 1919 года Святейший Патриарх Тихон, в сослужении сонма духовенства и при обычном, многотысячном, стечении молящихся, совершал торжественную литургию в храме Христа Спасителя по случаю Петрова дня.

По окончании ее и благословив молящихся, Патриарх, в сопровождении своего многочисленного окру-

жения и клириков храма Христа, вышел из кафедрального собора и направлялся к своей пролетке, стоявшей, по обыкновению, внизу широкой каменной лестницы. В это время из толпы к нему подбегает вооруженная ножом женщина и, воспользовавшись всеобщим мгновенным замешательством, наносит Патриарху удар в правый бок.

Пострадавшему немедленно оказывается медицинская помощь; устанавливается, что произведенное ранение принадлежит к разряду легких.

В связи с этим покушением на жизнь Патриарха, в народе распространяется слух (оказавшийся ложным), что покушавшаяся в действительности является переодетым мужчиной.

Задержанная народом злодейка доставляется в милицию, где при установлении ее личности оказывается некоей Пеллагеей Кузьминичной Гусевой.

(Биографические данные о ней и портрет ее см. в журнале "Искры", за 1914 год, № 26 и № 28, где она именуется несуществующим именем Феония, а по другим источникам — Хиония.)

В 1914 году и также в Петров день она покушалась на жизнь ("пырнула ножом") в селе Покровском (Тобольской губ.) известного "старца" Григория Ефимовича Распутина-Новых, сводя с ним какие-то свои старые счета.*

30.6(13.7).1919 г., по случаю избавления Святейшего Патриарха Тихона от угрожавшей ему опасности (при покушении Гусевой), в храме Христа Спа-

* Что касается П.К. Гусевой на Распутина, имеющее место в предреволюционные годы, — приводим об этой следующее сообщение: 29.6 (12.7) 1914 года, в воскресенье, на Петров день, в селе Покровском Тобольской губернии, происходит "...покушение на жизнь известного "старца" Григория Распутина. Он шел по улице с детьми. К нему подошла какая-то женщина и вступила с ним в разговор. Вдруг она выхватила из-под платка кинжал и ударила им "старца" в живот. Кинжал застрял в глубине около трех с половиной вершков. Неизвестную обезоружили и арестовали местные крестьяне. На допросе она назвалась Гусевой, крестьянкой Симбирской губернии..."

"...Как говорят, Гусева давно хотела отомстить Распутину за оскорбление двух ее дочерей и некоей монахини Ксении..."

"...Содержится Гусева в одиночной камере Тюменской тюрьмы..."
("Искры", №26, №28, 1914.)

сителя, сонмом архиереев во главе со Святейшим совершается торжественная литургия с последующим благодарственным молебном, совершенном епископами, во время которого Святейший Патриарх, облаченный в мантию, стоит на солее пред образом Спасителя.

Множество народа переполняет храм. Вся солея и путь Патриарха усыпаются живыми цветами.

Несколькими днями позже представитель Советского Правительства наносит Патриарху Тихону на Троицком подворье визит вежливости с выражением сочувствия в связи с недавним покушением (Епископ Тихон Шарапов).

9(22).10.1919 года Особая Сессия Московского Совнарсуда, при участии представителя Наркомюста П. А. Красикова, слушает дело по обвинению гражданки Гусевой Пелагеи Кузьминичны в покушении на жизнь Патриарха Тихона.

Признав П. К. Гусеву по данным медицинской экспертизы психически ненормальной и в момент покушения находившейся в невменяемом состоянии, суд выносит решение о прекращении настоящего дела с последующим помещением Гусевой П. К. в психиатрическую лечебницу.

Характерно, что о прошлом покушении Гусевой на жизнь Распутина, в 1914 году, суд даже и не заикнулся.

Приводим сообщение печати о данном процессе.

“Дело о покушении на Патриарха Тихона”

(Отчет о слушании дела П. К. Гусевой в Особой Сессии при Совнарсуде.) И. Ш. (И. Шпицберг? Сост.)

9(22) октября 1919 года в особой сессии при Совнарсуде, в составе председателя А. А. Лисицина и судебных заседателей гг. Лебедева и Семенова, при участии представителя от Наркомюста П. А. Красикова, состоялось слушание дела по обв. Пелагеи Кузь-

миничны Гусевой в покушении на убийство Патриарха Тихона.

Обстоятельства дела следующие:

29.6 (12-го июля) Патриарх служил обедню в храме Христа Спасителя. По окончании службы к Патриарху, по пути его с келейником, — к коляске подбежала женщина и ударила в бок ножом. На Патриархе оказались одетыми: 2 рясы и один подрясник. Нож запутался в рясах и выпал. При медицинском осмотре оказалось: на 2 сантиметра ниже 12 ребра с правой стороны под лопаткой имеется косая рана длиной около 2 сантиметров. Рана принадлежит к разряду легких.

Женщина была задержана и оказалась Гусевой Пелагеей Кузьминичной, из Симбирской губ. Когда же отец Александр (Хотовицкий? *Сост.*) показал гр. Гусевой нож и спросил, “зачем она ранила Патриарха?”, Гусева ответила, что она убила антихриста.

В милиции Гусева показала:

“Года два тому назад я видела сон. Сам Спаситель сказал мне: ”Не бойся, Я с тобой”. Долгое время я ходила по святым местам и там много слышала плохого про Синод, а Тихон в то время в Синоде был. Одно время я была арестована за политические дела. Выйдя из тюрьмы, опять пошла по святым местам и видела, как духовенство наживается. Я думала давно убить Тихона, когда он еще митрополитом был. В Москву я приехала месяца два тому назад одна. Вчера я была в Троицком подворье и узнала, что сегодня, т. е. 29.6 (12-го июля), Патриарх будет служить обедню в храме Христа Спасителя. Я пошла к обедне и ждала его выхода. По выходе Патриарха из церкви я и ударила его ножом в правый бок, бросилась бежать, но на площади у остановки трамвая меня задержала толпа и передала милиционеру. Тихона хотела зарезать за то, что он идет против народа, как и все духовенство. Пусть знают, что, может быть, кроме меня найдется и другая. Самого главного зверя я ухватила, а остальные его зверьки, всем им будет крышка. Ножик остал-

ся в боку, когда я ударила Тихона. Хотела прорезать весь живот, да силы не хватило. Два месяца я жила на Курском вокзале, ночью на площади. Зарабатывала средства к существованию в Москве ноской багажа пассажирам. Дома у меня осталась дочь 14 лет. Два сына находятся в Красной Армии на фронте”.

В виду возникших сомнений в нормальности умственных способностей, Гусева была подвергнута медицинскому освидетельствованию и наблюдению, причем врач Н. П. Тяпугин дал следующее заключение: “Гусева страдает душевной болезнью, характеризующейся систематизированным бредом преследования и бредом величия религиозного характера, выражающемся в том, что она считает себя посланницей Бога, Его ”очами и руками”; она должна совершить акт возмездия по заповеди: “Мне отмщение и Аз воздам”. Возмездие должно быть совершено потому, что Патриарх Тихон — антихрист; он — давний враг христиан, и пр. Наряду с бредовыми идеями, Гусева страдает слуховыми и зрительными галлюцинациями: она видела Спасителя в облаках, за 4 дня до покушения к ней являлась Божия Матерь, в белой одежде и окруженная сиянием, сказала: “Дерзай!”. Душевная болезнь, которою страдает Гусева, — длительная и затяжная, представляющая в своем течении постоянные ослабления и ожесточения, в зависимости от различных внешних и внутренних условий, — соответствует хроническому первичному помешательству.

Этой болезнью Гусева страдает, по-видимому, уже давно. По ее словам, в ранней молодости она ходила по монастырям, читала Св. Писание, позднее она стала подвергаться искушениям дьявола, который, являясь ей в образе мужчины, лошади и проч., хотел “соблазнить” ее, но она всегда стойко противостояла искушениям, почему и была избрана Богом, Который дал ей великую миссию борьбы со злом и антихристом; она еще несколько лет тому назад сидела в тюрьме “за обличения”. Покушение на Патриарха

Тихона совершенно Гусевой под влиянием описанных бредовых идей и галлюцинаций. Во время совершения преступления Гусева находилась в состоянии сумасшествия, в таком же состоянии находится и в настоящее время”.

На суде Гусева показала следующее:

“Мне 46 лет, вдова, имею трех детей: двух сыновей и дочь. Виновной себя не признаю, считая, что уничтожила слугу сатаны. Приехала в Москву до Троицы и все время находилась на вокзале. Своим поступком я хотела показать, какой недостойный человек есть Тихон. Я видела видение, что у Патриарха Тихона была большая пасть. Господь покажет, что Тихон не истинный Патриарх. Мысль об его убийстве у меня возникла давно. Считаю себя здоровой, хотя и находилась в доме сумасшедших. Я считаю, что Патриарх имеет образ человека, а дух в нем сатанинский. Я не решалась убить Патриарха, но Бог сказал мне, что если я не убью, то он проклянет меня, тогда я подбежала и воткнула в него нож. Я считаю, что духовенство должно быть смиренно и кротко, а оно гордое, как оно есть. Я считаю, что духовенство идет против народа. Тихона я считаю антихристом”.

Представитель Наркомюста П. А. Красиков в заключении своем полагал, что Гусеву следует ввиду ее болезненного состояния, благодаря которому ее религиозный фанатизм и отрицательное отношение к Православному духовенству приняли аномальную форму покушения на жизнь и здоровье представителя этого духовенства, — от наказания освободить и озаботиться помещением ее в условия, наиболее соответствующие ее психическому состоянию, в санаторию или в приют.

Суд постановил: 1) что актом врачебного освидетельствования психического здоровья Гусевой и сообщением доктора Психиатрической клиники Московского Государственного Университета Ганушкова с несомненностью устанавливается, что в момент покушения на Патриарха Тихона 29.6 (12-го июля)

1919 года, гр. Гусева находилась в состоянии психической невменяемости, страдая душевной болезнью, характеризующейся бредом величия религиозного характера, выражающимся в том, что она считает себя посланницей Бога, для уничтожения, по ее словам, сатаны и антихриста в лице Патриарха Тихона, чтобы покарать врагов народа и христиан — гордых сатанинских вождей ибо, по ее словам, Господь поставит и изберет кротких и смиренных; 2) что Народный суд, являясь органом диктатуры рабочего класса, который борется только организованным путем, не может не отнестись с осуждением к актам единоличной расправы даже с врагами народа; 3) что покушение на представителей духовенства, хотя и враждебного революции и трудовому строю, дает оружие в руки контрреволюции, как средство агитации среди еще находящихся под влиянием духовенства темных и несознательных слоев населения и извращает истинное понимание декретов советской власти, касающихся религии и Церкви; 4) что в отношении гр. Гусевой необходима дальнейшая экспертиза в порядке социального обеспечения для определения ее дальнейшей судьбы и принятия мер для излечения ее, как человека трудящегося (?! *Сост.*) и социально не обеспеченного. Посему Народный Суд постановил: 1) гр. Пелагею Кузьминичну Гусеву за нанесение раны Патриарху Тихону от судебного преследования освободить, как психически невменяемую в момент совершения проступка, а также и в настоящее время и дело прекратить и 2) оставить гр. Гусеву на излечение в Психиатрической Клинике Московского Государственного Университета и сообщить в медико-санитарный отдел и в Отдел Соц. Обеспеч. об освидетельствовании Гусевой для определения ее дальнейшего лечения и времени нахождения в больнице в зависимости от того, насколько болезнь ее излечима и насколько в дальнейшем она представляет опасность для окружающих". ("Революция и Церковь". № 3—5, 1919.)

2.14. В июле 1923 года, т. е. вскоре по освобождении Святейшего Патриарха Тихона из заключения, в стенах Донского монастыря происходит некий “Малый Собор” из числа “прилучившихся” Православных иерархов, оставших верными каноническому патриаршему строю.

Испросив у гражданской власти соответствующее разрешение, собравшиеся епископы обсуждали создавшееся в Церкви положение и, осудив обновленческих раскольников, подтверждают свою незыблемую преданность Главе Церкви — Святейшему Патриарху Тихону.

Или, как об этом говорит сам Святейший Патриарх в своем ответном послании Константинопольскому Патриарху в 1924 году: Православный Русский епископат “...получив разрешение на собрание, еще в июле ... соборным голосом осудил обновленцев, как схизматиков, а ко мне обратился с просьбой снова стать во главе Русской Православной Церкви и быть Ее Кормчим до того момента, когда Господу Богу угодно будет даровать мир Церкви голосом Всероссийского Поместного Собора и засвидетельствовать перед всем миром нашу правду”.

Эти же (собравшиеся в Донском монастыре иерархи) составляют и издают ко всеобщему сведению “Послание Епископов Единой Православной Кафолической Российской Церкви” (или, как оно иногда именуется еще: “Воззвание Православного Российского Епископата от 1923 года”), — написанное в развитие послания Святейшего Патриарха от 2(15).7.1923 г. Об этом епископском послании и упоминает (в 14-м примечании своем) автор статьи, приведенной в Сборнике.

Желающим понять точку зрения на внешнее развитие и внутреннюю сущность обновленческого раскола с позиций Православного автора — современника и участника церковных событий начала 20-х гг., — горячо рекомендуем ознакомиться с безусловно

лучшим трудом по данному вопросу, из написанных до настоящего времени, озаглавленным: “Обновленцы по суду канонов Вселенской Православной Церкви”. Девять лекций против обновленческого лжеучения. Затворник А., Уфа. 1917 г. (132 стр.).

С сожалением, однако, следует оговорить, что книга эта, изданная вряд ли легально и крайне ограниченным тиражом, — представляет собою чрезвычайную библиографическую редкость.

Таким образом — как говорили тогда — “Малый Собор” состоялся в связи с возникновением в среде епископата вопроса о целесообразности дальнейшего управления Церковью Святейшим Патриархом Тихоном по освобождении из заключения. Как подчеркивали тогдашние газеты, Патриарх был выпущен на свободу не в силу отсутствия состава “преступления”, а в связи с поданным им заявлением об отмежевании от внутренней и внешней контрреволюции и, в перспективе, ему продолжал грозить “суд”. Поэтому, главным образом, и высказывались в епископате соображения в пользу воздержания его от управления, до этого, неминуемого “суда” (впоследствии отмененного под влиянием протеста мирового общественного мнения).

Но, кроме того, существовали в епископате (единичные) мнения и о том, что Святейший Патриарх “скомпрометировал” себя как Глава Церкви, не сумев предвидеть и предотвратить возникновение обновленческого раскола в 1922 году.

Был некий слух и о том, что сам Святейший высказывал намерение о добровольной сдаче высшей церковной власти кому-либо из старейших иерархов, вследствие своего нездоровья и усталости от непрерывной и превышающей человеческие силы борьбы “со стихиями мира сего”...

Но последнее — только слух и догадка, к тому же совершенно не отвечающая духовному облику Патриарха.

Несколько человек архиереев-"даниловцев", выразителей взглядов и суждений настоятеля Данилова монастыря, епископа Феодора (Поздеевского), иерарха весьма авторитетного и те годы, — заняли на "Малом Соборе" четкую и твердую позицию в пользу признания деятельности Патриарха безукоризненной и незапятнанной; возможность ухода Святейшего Патриарха от церковного руководства они оценили как страшную пагубу для Церкви и настойчиво поддерживали возникшую среди епископата инициативу об обращении к Святейшему с убедительной просьбой не покидать своего поста в столь рискованный и опасный для Русской Церкви исторический момент.

Несколько позже, как знак признательности Патриарха архиереям-даниловцам за их стойкость, им было направлено частное письмо настоятелю Данилова монастыря епископу Феодору (Поздеевскому), в коем последний возводился в сан архиепископа с правом ношения бриллиантового Креста на клобуке.

3. МОНАХИНЯ АНФИЯ^{3,1}

БЕЗ МЫЛА

"...Однажды на Пасху пришла я в Донской, к Святейшему: поздравить с великим праздником и передать ему подарок от нашей Дивеевской игумении — белую, шерстяную рясу.

Он усадил меня, сел сам, побеседовал со мною, с дурую, немного и сильно благодарил за подарок и за хлопоты о нем.

Я говорю:

"Да уж какие наши хлопоты, Ваше Святейшество..."

А он сильно благодарил... а потом и говорит:

"Что ж ты такую беленькую принесла рясу то; уж больно маркая; потемнее бы какую, не такую бы уж

маркую. Я, ведь, враз испачкаю ее и не отмоешь меня тогда...”

А потом и говорит, будто осердясь, — а сам смеется:

“Мыла-то, теперь, нету!...”

(Со слов манатейной монахини Анфисы, старшей сестры Серафимо-Дивеевского подворья в Москве, на 1-й Мещанской улице. Москва. 1933.)

ИСЦЕЛЕНИЕ РАССЛАБЛЕННОГО НА ТРОИЦКОМ ПОДВОРЬЕ

О любопытном и несколько загадочном эпизоде, связанном со Святейшим Патриархом, рассказывала недавно мать Анфия...

Дело происходило, кажется, весной 1921 года (точно рассказчица не припоминает).

На подворье^{3.2} к ним прибыл один из Нижегородских викариев, сравнительно еще молодой, недавно хиротонисанный епископ Варнава (Беляев), выходец из Зосимовской Пустыни. По слухам — он епископствовал недолго, так как вскоре скончал свои дни в Нижнем Новгороде в результате психического острого заболевания. (“Сошел с ума — Господь его и прибрал”, — заключила попросту мать Анфия.)

С этим вот епископом Варнавою (Беляевым), или, лучше сказать, “при нем” проживали на подворье и два его келейника, приехавшие вместе с ним.

“...Так и жили, — рассказывает мать Анфия, — пожили, да и стали собираться в скорости ехать к себе обратно... Только вдруг, однажды, залетает ко мне в келию владыка и лица на нем нет: губы трясутся, весь белый и говорит, стуча зубами:

“Мать — беда!... у меня келейник обмер. Что теперь делать — ума не приложу...”

Как он мне сказал это слово — я сама испугалась до смерти. Господи, думаю себе, — да что ж это такое за наказание?

И говорю ему:

“Что делать?” — Говорю: “Доктора надо непременно звать, владыка”.

Пока там суд да дело, пошли мы с ним в комнату. Заходим и смотрим: лежит этот самый келейник на кровати, весь бледный — ни кровинки и дыху никакого нету. Закостенел весь, так и лежит — как доска...

Поглядела я на эту картину, да и думаю себе: Господи! Что же это теперь у нас будет? Что Евгений Александрыч-то скажет, когда узнает это самое дело? Ведь у нас, на подворье, Евгений Александрыч состоял на квартире. Стучков (Тучков. *Сост.*). С мамашей со своею... Он нам, бывалочи, завсегда наперед говорил: в каком приходе Святейший служить будет; в каком — Евсевий (Никольский; митрополит Крутицкий. *Сост.*), али — Иларион (Троицкий). Это он завсегда...

Думаю я это себе, воображаю, а владыка-то Варнава (Беляев) говорит:

“Ну, вот что, мать: нечего нам тут время терять, да раздумывать: когда там доктора, да когда еще чего, а надо нести его к Святейшему, на исцеление!...”

А я и говорю:

“Да Господь с вами! Как же это его нести-то, владыка? Да и нести-то некому; старухи все...”

А владыка Варнава (Беляев) говорит:

“Ты, — говорит, — поменьше рассуждай, а доставай-ка сей минут где-нибудь носилки. Положим на них, да и понесем. Тут недалече, донесем, авось...”

Вот я и полетела через улицу — к слепым в обчужитие, достала там складные носилочки, говорю владыке: “принесла”. А он говорит: “Ну, давайте его класть”. Положили мы его, накрыли белой простыней, позвали наших четырех сестер — и пошли. Впереди владыка в клобуке и в рясе, потом — сестры с носилками (а я им подсобляла), потом еще несколько сестер наших же, подворских: для сменки...

Меня-то там, на Мещанской-то — все знают. Все — наперечет. Мы несем, а ко мне все народ, — которые прохожие, — все подходит да спрашивает: “какая

же это сестра у вас представилась?” — думали, померла которая-нибудь: тогда все тифом помирали... тиф тогда ходил по Москве, сыпняк. Так и косил... Это в самую, в эту, в разруху было дело-то. Вот и думали: померла, ее и несут к Андрияну-Наталии.^{3.3}

А мы так и пошли: Андрияновским проулком, потом по Мещанской, по Четвертой, потом по Троицкой по улице, потом поворотили в Троицкий проулок и прямо — туды, на подворье, на Троицкое, — к Святейшему. Владыка Варнава (Беляев) так ходом и идет, а мы уж за ним... Умаялись — страсть: из последних сил все повыбивались.

Ну, принесли — постучались.

Покойник Яков, убитый, увидел владыку то в стеклянную дверь — отпирает.

И повели нас наверх. Насилу-насилу мы это вперлись в дверь-то, с носилками-то, да на второй-то этаж, по лестнице: уж мы его перли-перли пока в залку-то прошли. Насилу проперли. Поставили на пол носилки. А владыка Варнава (Беляев) уж команду подает, чтобы Святейшему сею минутою все, как есть, доложили. Пошли там докладывать...

Владыка Варнава (Беляев) присел на стульчик. Сидит, дожидается...

А мы все, монахини — сбились в кучу, как овцы. Трясемся. Думаем: “Господи!...”

Стали ждать. А этот — так и лежит на носилках, как чурка... Но вот Святейший выходит. Владыка Варнава (Беляев) прямо со стула вскакивает, к Святейшему: так, мол, дескать, Ваше Святейшество, и так. Такие вот дела...

Святейший подходит тогда к носилкам. Благословил этого-то: на носилках, широким крестом... Потом посмотрел на эту на простыню так пронзительно... и вдруг как воскликнет сердитым голосом:

“Именем Господа нашего Иисуса Христа тебе говорю: встань!!...”

Куда тут простыня полетела! Куда — носилки!... Обмерший этот как вскочит, чисто ошпаренный — да в дверь: бежать...

А Святейший-то ему еще вслед: “Иди, да впредь — не согрешай!...”

А его и след простыл.

А уж что тут с нами было — и рассказать нет моей возможности. Одного страху сколько натерпелись — единому Господу Богу известно! Как овцы жмемся к стенке, друг дружку передавили, а сами трясемся: сил наших нет никаких.

А Святейший повернулся к двери, да и пошел к себе...

А я только успела шепнуть нашим монахиням: “бегите сестры, бегите милые!” — они врассыпную так и дунули по лестнице...

Вот оно дело-то какое вышло. И сейчас — как вспомню — руки-ноги трясутся... Знамо!

Разъясняя вышеизложенное, мать Анфия утверждает, что, хотя для нее лично во всем этом случае и много загадочного и необъяснимого, но несомненно, — по ее убеждению, — и то, что “камедь эта” была состряпана с целью “подорвать Святейшего” начинавшими тогда поднимать голову церковными оппозиционерами или, может быть, даже и безбожниками.

Но: вышло не по-ихнему!

Понять трудно: дело темное...

Одновременно, со всей категоричностью она утверждает, что “обмерший” келейник действительно был “как доска” — совершенно окаменевший. Она его трогала собственными руками и говорит, что ни руки, ни ноги у него не гнулись, когда они перекладывали его с постели на носилки.

Как бы там ни было, но Преосвященного владыку Варнаву (Беляева) мать Анфия, как старшая сестра, слезно просила покинуть их подворье и чем скорее, тем лучше. И владыка со своим штатом тут же уехал.

“...Только мы их и видели. А уж что тут к чему — сами понимаете, как вас Господь вразумит!...”

(Москва. 1925.)

ПАТРИАРХ ТИХОН
НА СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОМ ПОДВОРЬЕ

“...— Так что, вот что я вам, мои милые, скажу: никогда у нас Святейший на подворье не служил... Даже — ни разу. Знали мы его, конечно. Да, ведь и некогда ему было, с нами — с дурами — путаться. То в Москве, то — уедет куда за город.

Раз только: не то в девятнадцатом, не то — в двадцатом году; подкатил на извозчике к нам — на Мещанскую, зашел в часовню, помолился; приложился к которым святыням — к камушку преподобного... Потом с нами, с сестрами, побеседовал. Пошутил даже со старыми дурами и — уехал к себе, на Троицкое...

Только раз и был. А больше — даже: ни разу!...”

(Москва. 1928.)

ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

3.1. Автор — манатейная монахиня, мать Анфия, старшая сестра Серафимо-Дивеевского подворья, находившегося на 1-й Мещанской в Москве.

Из “простых”, весьма мало образованная и вряд ли даже достаточно грамотная, она в то же время отличалась незаурядными административно-хозяйственными способностями и обладала большой практической смекалкой, столь присущей русскому простонародью. Эти ее врожденные деловые качества способствовали тому, что в свое время, она была выдвинута дивеевской игуменией на ответственный пост старшей сестры монастырского подворья в Москве и, в течение долгих лет, до самого разгона подворья, с честью несла это нелегкое послушание, к тому же отягощенное еще и пресловутыми “обстоятельствами времени”.

Служебное положение матушки Анфии стало особенно острым и сложным после того, как неожиданно вселился в подворье “сам”, всемогущий тогда, разру-

шитель Церкви Русской, Евгений Александрович Тучков со своею престарелой “мамой” — весьма юркой и миниатюрной старушонкой, чрезвычайно религиозной и большой любительницей торжественных богослужений.

Вельможа Е. А. Тучков, расположившись в покоях Серафимо-Дивеевского подворья, убил сразу двух зайцев. Во-первых, он приобрел прекрасную, комфортабельную и бесплатную квартиру со всем ассортиментом полагающихся коммунальных удобств и, во-вторых, с самого момента въезда сюда, заимел ровно столько весьма услужливых, почтительных и так же бесплатных горничных, прачек, кухарок и уборщиц, — сколько было сестер в Дивеевском подворье.

Смекалистая матушка Анфия, конечно, несколько не растерялась и прекрасно учла все те неисчислимые “блага”, которые проистекали для подворья из самого факта проживания в нем “самого” и непосредственно руководила обслуживанием и улагодворением “Евгения Александровича” и “ихней мамы” (“спаси их, Господи!”).

Справедливости ради следует отметить, что в те незабвенные годы, когда, ложась спать, люди не были уверены в том, пробудут ли они в своей постели до утра, — сестры Дивеевского подворья прекрасно и безмятежно почивали на своих перинах, поскольку “ангелом-хранителем” их являлся сам “Евгений Александрович”!

За все годы своего жительствова на подворье он многократно оказывал всякого рода покровительство и некоторое, так сказать, пособие в хозяйственных и бытовых нуждах как подворью в целом, так и отдельным его насельницам, коль скоро — по тому или иному поводу — они прибегали под его высокую руку.

И естественно, что главным регулятором отношений между Е. А. Тучковым и сестрами подворья была все та же энергичная и неутомимая мать Анфия, вскоре же вполне сумевшая, несколько не теряя своего

достоинства (понятие о котором у нее было весьма высоким!), не только “укротить” своего страшного квартиранта, но даже несколько и расположить его в свою пользу.

Так, например, Евгений Александрович, заранее осведомленный по своим каналам, в свою очередь своевременно оповещал всех этих “лампадок” о местах предстоящих торжественных богослужений Святейшего Патриарха Тихона или архиепископа Илариона (Троицкого), которого особенно любили и почитали верующие москвичи... В таких случаях группа дивеевских монашек, облачившись должным образом и прихватив с собою “мамашу”, отправлялась по указанному “Евгением Александровичем” адресу (“спаси его, Господи!”).

“Мамаша”, конечно, тоже была весьма довольна, так как при этих паломничествах ей, естественно, обеспечивалось самое лучшее место (где-либо на клиросе), какая бы давка ни была в храме!

Поэтому, в позднейших разговорах, когда речь заходила о той, минувшей уже эпохе самодержавного царствования в Церкви Е. А. Тучкова, мать Анфия, хоть и со вздохом, но неизменно благосклонно отзывалась об этой, слишком хорошо известной ей, исторической (как-никак) личности.

“Ну, да уж что вы! — скажет бывало она, — С Евгением-то Александровичем еще жить было можно... Куды! Он, бывалочи, нам всеж-таки немало помогал другой раз. То ордер на дрова даст, то — глядишь — еще чего... Мы уж ему премного благодарны. А то ведь другой-то давно бы уж нас всех разогнал: кого — куды (и костей не соберешь!)...”

И, задумавшись о чем-то невеселом, покивав своей старческой головой как бы в подтверждение этих невысказанных мыслей, добавляла:

— “Нет, ничего; он мужчина был обходительный. Не какой-нибудь фолюган; спаси его, Господи!...”

Таким образом, в значительной мере благодаря этому оригинальному (чтобы не сказать — противо-

естественному) блоку, Серафимо-Дивеевское подворье просуществовало значительно дольше многих других монастырских представительств в Москве, которых было весьма немало в предреволюционную пору.

Но пришел и ему конец.

Когда его закрыли и разогнанные сестры разбежались и разъехались в разные стороны, — престарелая уже, но бодрая духом и по-прежнему деятельная мать Анфия пошла работать уборщицей в ближайший, оставшийся тогда храм “Знамения, что в Крестах”, в Ямской Переславской слободе, — как выражались в старину — близ Крестовской заставы, у Виндавского, или Рижского вокзала. Более близкие к подворью приходские храмы были тогда, по-видимому, уже уничтожены или закрыты. К числу первых надо отнести прекраснейший храм XVII века (типичнейшей для Москвы архитектуры) во имя свв. мучеников Адриана и Наталии и далее (к заставе, по левую руку улицы) храм Троицы в Капельках. Ко вторым — храм св. Филиппа митрополита на 2-й Мещанской улице.

В Крестовский храм (как тогда практиковалось) по мере уничтожения окружающих приходских церквей переносились некоторые святыни. Так сюда была перенесена икона св. муч. Трифона из разрушенного храма в Напрудной, весьма чтимая окружающим населением и мн. др.

Настоятельством в то время в храме и выполнял обязанности местного благочинного, ставший уже также вполне престарелым, митрофорный протоиерей отец Стефан Марков. Матери Анфии он был давно и хорошо известен, так как еще в своей далекой молодости, в самом начале 20-х годов, сей батюшка (только что рукоположенный в священный сан) настоятельством в миниатюрнейшем храмике Серафимо-Дивеевского подворья.

Впрочем, в те далекие времена, весьма многие благочестивые местные жители недолюбливали молодого о. Стефана Маркова, ибо он позволял себе не только

появляться на улице в светской одежде — дерзость неслыханная по тем временам! — но даже отваживался и на то, что на велосипеде отправлялся на Сухаревку за продовольствием, — что уж являлось совершенно беспрецедентным нарушением и потрясением всех традиций и основ духовного бытия!

Потрудившись несколько лет на послушании уборщицы храма, добродетельная и трудолюбивая матушка Анфия, — по-видимому в середине пятидесятых годов — тихо отошла ко Господу, и теперь никто уже нам не расскажет, сколько в действительности невидимых миру страданий и слез стоил тот “худой мир” с Е. А. Тучковым, который она с таким напряжением созидала ради своих сестер и любимого ею, родного подворья...

Кстати два слова и о Тучкове.

Обновленческие церковные историки Анатолий Левитин (Краснов) и Вадим Шавров как-то высказывались о нем следующим образом:

“...Умный, хитрый и волевой человек Е. А. Тучков (надо отдать ему справедливость) очень умно проводил правительственную политику в отношениях с Церковью. Выдающийся дипломат, он легко находил ”ключ к архиерейским сердцам”... Одних умел припугнуть, с другими разговаривал по-дружески, с грубоватой фамильярностью, с третьими был утонченно вежлив. Характерно, что впоследствии, уже будучи не у дел, он с большим уважением отзывался о Патриархе Тихоне и с величайшим презрением — об обновленцах...” (“Очерки...” Краснов. Рукопись. Москва, 1960.)

Совершенно не разделяя всю эту восторженную и вряд ли искреннюю, комплиментарную болтовню по адресу Е. А. Тучкова, отметим со своей стороны, что люди пережившие лично ту церковную эпоху и знающие о ней не по наслышке только, конечно, с подобной характеристикой Тучкова согласиться никогда не смогут...

И, прежде всего следует сказать, что никогда и никакой “правительственной политики” применительно к Церкви нашей — не существовало и существовать не могло по той простой причине, что Церковь всегда рассматривалась и рассматривается как объект, подлежащий всегда и при всех обстоятельствах самому беспощадному разгрому и уничтожению, с неизменной конечной целью стереть Ее когда-либо с лица земли без малейшего остатка!

Это — общеизвестно и бесконечно проповедуется в течение пятидесяти лет на территории России. Поэтому очевидно, что при такой “правительственной политике в отношениях с Церковью” ни Тучкову, ни кому-либо другому, поставленному во главе дела физического разгрома Русской Православной Церкви, совершенно не требовалось быть “умным, хитрым и волевым человеком”, ибо по положению своему — Тучков всегда был “прав”, и “чем хуже” он орудовал в своем ведомстве, “тем лучше” это казалось творцам “правительственной политики в отношениях с Церковью”.

Что же касается характеристики Е. А. Тучкова, как “выдающегося дипломата”, то полагаем, что она не лишена изрядной порции скрытой юмористики...

Надеемся, что в будущем церковные историки в должной мере займутся изучением этой колоритной фигуры и без особого труда сумеют доказать, что “король” этот (подобно андерсоновскому) был также совершенно гол!

Впоследствии, Е. А. Тучков, отстраненный от “церковной” работы, долгое время находился на периферии, — говорили, в Казахстане. Затем возвратился в Москву, где и проживал до самой своей кончины.

Говорили еще, что, незадолго до смерти, он ослеп.

Скончался Евгений Александрович Тучков в апреле месяце 1957 года; погребен на Ваганьковском кладбище.

О кончине его “мамаши” каких-либо сведений не имеем.

3.2. Подворье известного девичьего Серафимо-Дивеевского монастыря а Москве, находилось в начале 1-й Мещанской улицы, по правой ее стороне, если идти от Сухаревской башни в направлении Виндавского (или Рижского) вокзала.

В свое время здание подворья с примыкавшей к нему часовенкой, всегда было выкрашено розовой краской, так что выглядело довольно миловидно и как-то несколько “игрушечно”. Часовня была выстроена в псевдорусском архитектурном стиле, ставшем весьма модным в первые годы текущего столетия. Свообразную, острую крышу часовенки завершали тоненькие барабанчики, увенчанные вытянутыми, луковичной формы, худосочными главками в “нестеровском” духе.

Вообще, внешне и внутренне, стилистически, подворье это перекликалось с Марфо-Мариинской обителью; оба эти здания были проникнуты одним настроением.

Там и тут чистота и порядок были идеальными.

Справа по входе в часовню, в стене был вмонтирован очень значительных размеров кусок того камня (по виду — серого гранита), на котором тысячу дней молился преп. Серафим Саровский. Над камнем, на стене был живописно изображен этот святой в коленопреклоненной позе, с молитвенно-воздетыми руками. Камень — был одной из главных святынь часовни, и прохожие верующие в течение всего дня беспрестанно заходили в часовню поставить свечку, помолиться и приложиться к камню.

Пели монахини подворья прекрасно. Хор имел какое-то совершенно своеобразное звучание; ансамбль был настолько спетым, что слышался как бы единый нежный звук какого-либо неведомого музыкального инструмента вроде небольшого органа или фисгармонии. Поэтому, когда в порядке очереди с другими московскими монастырями, на Троицком Патриаршем подворье пели монахини Серафимо-Дивеевского подворья, то служение Святейшего Патриарха Тихона

приобретало особо нарядный и очень своеобразный колорит. Впрочем, это было не часто.

Совершенно особого покроя были наметки у здешних монахинь, накинутые на их высокие, несколько расширенные кверху, клобуки: они делались из черного тюля и прикреплялись таким образом, что несколько нависали спереди и закрывали глаза и верхнюю часть лица, примерно, до середины носа. Это было необычайно красиво, хотя, надо сказать, несколько... кокетливо.

По определенным дням недели в часовне Серафимо-Дивеевского подворья совершалось молебствие с чтением акафиста преп. Серафиму, и тогда проникнуть в нее бывало невозможно. В таких случаях часть богомольцев, не попавшая внутрь, толпилась снаружи, на тротуаре.

Какое назначение было придумано для часовни после закрытия подворья — неизвестно. В помещение же келий, освободившихся после разгона монахинь, сейчас же понаехали какие-то “граждане” с детьми, корытами, кастрюлями, фикусами и проч. бытовыми принадлежностями обывателей ниже средней руки.

3.3. Приходской храм свв. муч. Адриана и Наталии в Мещанской (у Сухаревой башни) сооружен был в 1688 году. Закрыт в июне 1936 г., вскоре же снесен с тем, чтобы на месте его построить безобразный многоквартирный дом.

Разрушенный храм — типичный памятник московской церковной архитектуры своего времени; пятиглавый с шатровой колокольней.

Настоящая церковь во имя свв. Апостолов Петра и Павла. Начата она строиться повелением “...великих государей царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича в 1686 г., а совершена в 1688 г., что видно из надписи, на колоколенной стене находящейся...” — говорится в одном старом справочнике о церковной Москве.

В другом справочнике (от 1882 г.) сказано: "...Первоначально устроена сия церковь в 1688 г. во имя свв. Апп. Петра и Павла с правым приделом во имя св. мучеников Адриана и Наталии, по повелению царей Иоанна и Петра Алексеевичей и по благословению Патриарха Иоакима; затем в 1833 г. заложен и в 1835 г. окончен левый придел во имя св. Николая Чудотворца. Мать Петра Великого царица Наталия Кирилловна часто посещала эту церковь, почему в память сего день 26 августа (старого стиля. *Сост.*) во имя свв. Адриана и Наталии празднуется торжественнее прочих святых, во имя которых устроены приделы. В 1812 г. эта церковь была совершенно разграблена и крыша оной сгорела..."

В наше время, в день престольного праздника, в храме сем обычно служил Святейший Патриарх Тихон.

4. МИТРОПОЛИТ ВЕНИАМИН (ФЕДЧЕНКОВ)

СОН ДОКТОРА М-НА

"...В 1925 году мне пришлось лечиться у одного известного в США, потом в Париже, — доктора М. Рассказывали о нем самом, что сначала он был неверующий, — как и ныне доктора и естественники.^{4,1} Но потом у него смертельно заболела любимая жена. Товарищи врачи объявили дело лечения безнадежным. Тогда он ночью стал горячо молиться. — "Господи, если Ты есть, спаси жену мою!"

Утром, с приятелем доктором, который пришел, собственно, для того, чтобы убедиться в смерти больной, пошел в комнату жены... А она оказалась почти здоровой; скоро оправилась совсем. И теперь живут благополучно.

Доктор сделался верующим. А после даже состоял членом приходского совета в парижской церкви. И вот, что он сам рассказывал мне на одном сеансе у него.

...Я видел замечательный сон о Патриархе Тихоне. Будто находился я перед каким-то огромным, огромным полем. Вдруг, слышу чей-то голос:

“Сейчас пойдет мимо Пресвятая Богородица!”

“Боже!” — подумал я, — “окаянный и грешный я человек! Как я смею увидеть Богородицу?!”

И на меня напал страшный ужас.

А в это время вдалеке послышался какой-то необыкновенный гром, величественные звуки. Я понял, что это идет Царица Небесная...

И от страха упал на землю, боясь, как бы мне, грешнику, не увидеть Ее лица и не умереть.

Гром, или, иначе сказать, какой-то торжественный шум, гул, приближался все ближе ко мне... И вдруг я опять услышал голос:

“Вот идет Божия Мать за душою Патриарха Тихона, — со святым Василием Великим, который много помогал ему при жизни в управлении Церковью”.

Шум пронесся дальше. Сон кончился. Я в страхе проснулся, с отчетливой памятью о необыкновенном видении.

Утром я еду к митрополиту Евлогию (Георгиевскому) и рассказываю ему все. И между прочим, спрашиваю: “А при чем тут Василий Великий?”

“Да как же?! — объясняет митрополит. — Ведь Патриарх Тихон до монашества назывался Василием Ивановичем Белавиным, носил имя в честь св. Василия Великого”.

“Вот что!”

Доктор, конечно, и не подозревал, что Патриарх в миру был именинником на новый год, в день св. Василия Великого. И потому он не мог бы придумать во сне того, чего не знал. Ясно, что сон был сверхъестественный уже по одному этому признаку. Но еще более поразился и доктор, и митрополит, когда на следующий день газетные телеграммы принесли известия, что 25 марта (7.4), в Благовещение Божией Матери,^{4.2} ночью скончался в Москве Святейший Патриарх Тихон.

Значит, доктор видел сон ^{4.3} во время самой его кончины...

И теперь он чтит его, как угодника Божия.

...Достоинно примечания, что, значит, наши святые, коих имена даны нам при крещении пекутся о своих одноименниках не только тогда, когда те носят их имя в миру; но даже и когда при пострижении в монашество дается им новое имя, новый покровитель (преимущественно инок, хотя и не обязательно), прежний наш небесный “ангел”, как обыкновенно говорится, — не перестает промышлять о порученном ему при крещении человеке. Да это так и должно быть: ведь, иночество есть житие покаянное; покаяние есть возобновление благодати крещения, а не отмена его. И потому и новый иноческий покровитель только присоединяется к основному небесному попечителю, данному Богом при крещении...”

(“Из того мира”. Записки архиерея. Митрополит Вениамин Федченков. Т. 1. Стр. 77—79.)

НЕСКОЛЬКО СТРОК ИЗ “ЗАПИСОК ЕПИСКОПА”

“...Когда началась революция, Патриарх Тихон поехал из Москвы в Ленинград (Петроград. *Сост.*).

На Николаевском вокзале (теперь — Октябрьском) встретили его митр. Вениамин (Казанский) с духовенством и народом, и обратился с такою (по преданию) речью:

“Вот я, все духовенство и Православный народ — мы готовы и умереть за Православную Церковь”, — и т. д.

“Умереть ныне не мудрено, — ответил Патриарх со свойственным ему юмором, — а нам нужно научиться, как жить!”

Правда ли это или нет — не знаю. Но на митрополите Вениамине (Казанском) его предсказание сбылось на деле.

А Патриарх (правда, не сразу, а постепенно и не долго) учился жить; и основу будущей жизни Церкви заложил...

Недаром заместитель его (? *Сост.*), митр. Сергей (Страгородский), в послании своем (от 16/29.7. 1927 г.; в известной “Декларации”. *Сост.*) сказал:

“Вот если бы Патриарх Тихон пожил бы еще год или два...^{4.4}”

Но над всем Промысл Божий...”

“...В 1945 году, когда я был вызван из Америки на коронавание (“на столование”) Патриарха Алексия (Симанского), заехал я в Воскресенский храм в Сокольниках. Поклонился Иверской... И оттуда, — на противоположную сторону, — поехали мы на машине в Донской монастырь на могилу П. Тихона... Сопровождал меня б. келейник П. Сергия (Страгородского) (теперь наместник Троице-Сергиевой лавры), архим. Иоанн (Разумов; впоследствии архиепископ Псковский и Порховский. *Сост.*).

Шел слякотный снег...”

(“*Записки епископа*”, ч. III. Митрополит Вениамин Федченков. Рукопись. Ростов-Дон. 1955.)

ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

4.1. Опрометчивое замечание высокопоставленного автора о неверии “естественников” не может быть обойдено молчанием, так как легкомыслием своим оно льет воду на мельницу казенного “безбожия” и без того дошедшего до крайней наглости в своих утверждениях подобного рода.

Что встречаются “естественники” неверующие, — спорить не приходится, но то же самое бывает и с людьми всех других категорий.

Более того, Церковь Христова имеет все основания заявить, в опровержение утверждений настоящих и будующих лжецов, что величайшие люди истинной на-

уки в своем подавляющем большинстве — суть люди религиозные, верующие в Бога! Да иначе и быть не может, ибо нормальный человеческий ум, чем более насыщает себя истинными знаниями, тем более и более приближается к Источнику и Творцу всех этих знаний — Богу.*

Замечательно, что даже такая дубиноголовая русская историческая личность, как Петр Первый, по свидетельству Нартова высказывался следующим образом на интересующую нас тему: “Кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, или с природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать должен”. (“Очерки по истории Русской Церкви”. Карташев А. В. Профессор Православной Духовной Академии в Париже. Т. II. ИМКА-ПРЕСС, Париж, 1959.)

“...Наука и религия — два могучих русла, по которым протекает духовная жизнь человека. Это два глаза, которыми человек взирает на сущее, два уха, которыми прислушивается к таинственному шепоту вселенной, две руки, которыми строит свою жизнь, две ноги, на которых зиждется вся история человечества. Не безумно ли, поэтому, поднимать вопрос о несовместимости науки и религии.

И все же нельзя отрицать факт, что между наукой и религией (правильнее богословием) существует столетняя вражда, выражавшаяся не только в словесной перебранке, но иногда доходившая до кровавой схватки и костра.

Наши профессиональные безбожники за последние годы начали организованное наступление на религию в надежде, что на переломе от старого к новому общественному строю, на развалинах бывшей казенной Церкви им удастся искоренить и религиозное чувство из сердец миллионов верующих. Миллионы экземп-

* О религиозности ученых (конкретные данные) см. статью Ф. Белявского “Атеизм и наука” во “Всероссийском Церковно-Общественном Вестнике”, №139, 1917 г. (стр. 2 и 3).

Деклерт в недавнее время выяснил, что из 262 известнейших естествоиспытателей, 242 должны быть признаны верующими в Бога, а 20 — равнодушными и отрицательно относящимися к Богу.

ляров антирелигиозной литературы распространяются среди массы, устраиваются бесчисленные антирелигиозные доклады и делается все возможное, чтобы убедить массу, что религия — дурман для народа...

...По нашему искреннему убеждению антирелигиозная агитация немало содействовала подъему религиозного чувства. Раньше люди считались верующими по паспорту. Церковь часто посещалась по принуждению, учащихся заставляли зубрить катехизис и учебники по Закону Божию, самостоятельное рассуждение по религиозным вопросам почти не разрешалось, духовная жизнь замирала и религия превращалась в поверхностное обрядоверие и неосознанный атеизм...

...Антирелигиозная пропаганда заставила людей сознательно отнестись к вопросам религии, индифферентизм исчез, религиозное сознание проснулось, и начался процесс деления на верующих и неверующих, который и в настоящее время еще не закончился. Вот первая заслуга антирелигиозной пропаганды.

Никто из искренне верующих и интеллигентных людей не будет отрицать, что в темной массе осталось много суеверий, уцелевших со времен язычества и ужившихся с христианством. Наши безбожники, разоблачающие эти суеверия, делают доброе дело, за которое мы им только можем быть благодарны. Мы, стремящиеся к истинному христианству, тоже боремся против суеверий, но мы знаем разницу между суеверием и истинным религиозным опытом, мы убеждены, что за грубой оболочкой суеверия нередко таится чистый алмаз религиозного чувства. Разбивая оболочку, мы сохраняем алмаз. Не забудьте, что суеверный маг, астролог, алхимик, все же были отцами нашей науки... Древние жрецы и учителя религии равным образом блуждали и создавали много тленных суеверий, немало которых дошло и до нас, но... они искали постичь смысл, цели... жизни, искали сблизиться с духом вселенной, который они чувствовали... но которого не могли понять.

Нелепо отрицать науку потому, что она принимала столько ложного за истину. Аристотель как физик, Птоломей как астроном, для нас больше не авторитетны, но было бы неблагородно и несправедливо отрицать их заслуги и великий ум. Равным образом нелепо отрицать религию, потому что Будда, Магомет и другие учителя и пророки религии не постигли всю полноту истины.

Мать религии — благоговение перед неизвестным, ее метод — вера, ее цель — постичь должное жизни не только в узком кругу земного опыта, но и в ее все-ленской совокупности.

Мать науки — любопытство перед неизвестным, ее метод — самокритика, ее цель — познать сущее.

Возможен ли синтез между религиозным духом утверждения и научным духом отрицания? Мы верим, что это не только возможно, но и необходимо. Мир ученых и мыслителей знает немало таких примеров. Ньютон, Дарвин, Гексли, Друммонд были великие естествоиспытатели и при том люди религиозные. Мы имеем среди наших литературных гениев Гоголя, Толстого, Достоевского, Тютчева, Соловьева и целую плеяду других крупных мыслителей, совмещавших в себе критический разум и религиозное благоговение. Пусть наши безбожники объясняют это как хотят, но факты остаются фактами. Мы же верим и надеемся доказать, что число религиозных ученых увеличивается, а не уменьшается, что преграды, разделявшие прежде истинную науку от истинной религии устраняются, и что мы начинаем новую эру научного и религиозного творчества, для которого современная отрицательная критика является лишь необходимой подготовительной работой...

Мы будем руководиться лозунгом Апостола Павла: "Все испытывайте, хорошего держитесь". Мы не боимся истины, ибо истина сделает нас свободными. Истина освободит нас от лженауки, суеверий, лжерелигии и откроет нам смысл, цель и должное жизни, к

познанию которых никогда не перестанет стремиться человечество..." ("Христианин", № 1, 1924.)

Не углубляясь в поисках доказательств в дебри этой темы, достаточно хотя бы лишь бегло перечислить кое-кого из представителей религиозного человечества из мира науки, чтобы понять, какой — в качественном отношении — богатейший духовный материал является "телом церковным"; какие умственные и эмоциональные творческие силы человечества цементируют собою здание Церкви Христовой!

РУССКИЕ:

Писатели — Державин, Грибоедов, Тютчев, Крылов, Гончаров, Толстой, Лермонтов, Пушкин *;

"Корифеи русской богословской мысли" — по выражению "Миссионерского Сборника" за 1910 год: Жуковский, Соловьев, Хомяков, Гоголь, Достоевский, Аксаков, Герцен, Тихомиров, Чичерин, Самарин, Киреевский, Салтыков-Щедрин...

Композиторы — Глинка, Чайковский, Рахманинов, Римский-Корсаков, Глазунов, Балакирев, Ипполитов-Иванов, Гречанинов, Бортнянский, Турчанинов, Львов, Дегтярев, Ведель...

Художники — Суриков, Репин, Ге, Крамской, Иванов, Нестеров, Васнецовы, Врубель, Верещагин, Семирадский, Шебуев...

Актеры — Савина, Шаляпин, Нежданова, Ермолова, Яблочкина, Станиславский...

Ученые — Ломоносов, Павлов, Ключевский...

Врачи — Пирогов, Гааз, Филатов...

Военачальники — все древние, а также из новейших: Суворов (внук протоиерея Московского Архангельского собора), Кутузов, Нахимов, Макаров...

Архитекторы — Казаков, Баженов, Щусев...

Просветители — Ртищев, Иван Федоров (диакон), Новиков...

Государственные деятели — Богдан Хмельницкий, Сперанский и пр., и пр., без конца.

* О религиозности А.С. Пушкина см.: "Пушкин как нравственная личность и Православный христианин". Митрополит Антоний (Храповицкий). Белград. 1929 г.; "Воскресное Чтение". Варшава. 1937 г.

НЕ РУССКИЕ:

Философы — Кант, Якоби, Фихте, Шеллинг, Гегель, Лейбниц, Спенсер, Тейхмюллер, Секретан, Эйкен, Милль, Платон, Декарт, Берклей, Вольф, Спиноза, Навиль...

Композиторы — Бах, Бетховен, Гендель, Гуно, Россини, Моцарт, Лист (священник)...

Ученые (в том числе и “естественники”) — Ляйель, Мюллер, Риттер, Линней, Пастер, Ампер, Гершель, Дарвин, Эдисон, Ньютон, Фарадей, Бию, Бишоф, Кеплер, Гельмгольц, Геер, Райнке, Мадлер, Бойль, Коперник (священник) и пр., и пр., без конца.

Приведем высказывания о Боге некоторых из них:

Ляйель (великий геолог): “...В каком бы направлении мы ни производили исследования, при всяком исследовании мы открываем яснейшие доказательства предусмотрительности, силы и мудрости творческого разума — Бога...” (“Ярославские Епархиальные Ведомости”, № 20, 1912.)

Мюллер (ученый историк): “...Только с познанием Господа и по основательном изучении Нового Завета я стал понимать смысл истории...” (Там же.)

Риттер (величайший географ): “...Мы не напрасно пришли в этот мир: здесь мы созреваем для иного мира...” (Там же.)

Огюст Кант (основатель эмпиризма) признавал за религией естественные права и отводил ей место в человеческой жизни. (Там же.)

Линней (описав все растения, их устройство и жизнь, — восклицает): “...Вечный, Великий, Всеведущий и Всемогущий Бог прошел предо мною. Я не видел Его в лицо, но Его отражение охватило мою душу и погрузило ее в благоговение...” (Там же.)

Пастер: “...Я много изучал и потому верую, как простой крестьянин, если бы я сделался еще учнее, то моя вера была бы так же глубока и пламенна, как вера простой женщины-крестьянки...” (Там же.)

Ампер: “...Берегись заниматься одной только наукой, одной рукой исследуй природу, а другой, как ди-

тя за одежды отца, держись за край Божьей ризы...”
(Там же.)

Гершель (знаменитый астроном): “...Все науки приносят по камню в храм, воздвигаемый для прославления Творца Бога нашего...” (Там же.)

Лейбниц: “...Бог есть источник, из которого получают бытие все другие существа...” (Там же.)

Дарвин, отец биологии, признавал Бога как первопричину всего существующего, и, по свидетельству его ученика Уоллеса, усердно молился Богу. (Там же.)

Чарльз Дарвин (будучи, между прочим, церковным старостой) писал: “...Я заслуживаю быть названным теистом (верующим в Бога)...” (4-е изд., стр. 88; подробности о Дарвине в этом смысле, см. в книге Данилевского “Дарвинизм”).

Бэр (натуралист): “...Гармония естественных сил ведет нас к всеобщей первооснове и эта первооснова не может быть отличима от Того Высочайшего Существа, на Которого указывает религиозная потребность человечества...”;

“...Если хотят принимать свидетельство Моисея не буквально (о творении мира), а только по существу, то должны согласиться, что более возвышенного свидетельства не доходило из древнего мира...”

Все нападки на религию во имя науки Бэр называет “...комическим анахронизмом, странными, запоздалыми возражениями, с которыми давно уже покончила естественная наука...”

Кант: “...Умно, что иные ищут успокоения в Евангелии, потому что это неиссякаемый источник всех истин, если исследовать всю вселенную, то нигде не найдется другого подобного источника...”

Эрнест Ренан: “...Изгладить Христово имя из этого мира будет равносильно потрясению мира во всех его основаниях...” (“Украинский Православный Благочестивец”, 1927 и др. гг.).

Фихте: “...Все мы стоим на почве христианства со всей нашей цивилизацией, наукой и философией...”
(Там же.)

Маколей: "...Кто делает что-либо для уничтожения христианства, тот совершает преступление против человеческой цивилизации, подобное тому, которое называется государственной изменой..." (Там же.)

Биою (математик и физик): "...Или Моисей имел в естественных науках то же глубокое познание, как и наш век, или он был вдохновлен свыше..."

Бишоф (химик и геолог, профессор в Бонне): "...Не из точного исследования и не путем наблюдения и опыта приобрел свои познания бессмертный бытописатель, а из другого источника: из Божественного вдохновения познал он истину. Но истина на все времена будет оставаться истиною..."

Кеплер (астроном): "...В творении я ощущаю Бога, как бы руками..." (Свое важнейшее произведение о гармонии мира он заключает благодарностью Творцу.)

Райнке: "...Чудо стоит в противоречии не с природой, а что мы знаем о природе..."

Медлер (астроном): "...Истинный естествоиспытатель не может быть отрицателем Бога; естественный и божественный закон одно и то же..."

Бойль (отец современной химии): "...Истинный естествоиспытатель нигде не может проникнуть в познание тайн творения без того, чтобы не ощущать перста Божия..."

Гельмгольц: "...Библия поразительно согласуется с естественными науками..."

Бубэ: "...Библия написана в то время, когда естественные науки сделали еще столь ничтожные успехи, открывает однако же в немногих строках столь замечательные вещи, которых можно достигнуть не иначе, как только при помощи чрезвычайных успехов науки; фактов, описанных в ней, никто раньше не знал, философы впадали в противоречия; она и в научном, и нравственном отношении возвышается — она не человеческое, а Божественное произведение..."

Бэкон Верулемский: "...Только поверхностное знание природы может отводить нас от Бога, — более же глубокое и основательное возвращает к Нему..."

Малебранш: "...Вера во Христа предъявляет к нашему чувству требования, налагает на нас обязанности, затрагивает наши интересы, потому-то так легко восстановить людей против Христа"...

"...Малебранш сказал, что если бы математические теоремы стояли поперек нашим выгодам, то и они возбуждали бы споры..." ("Украинский Православный Благовестник", 1927 и др. гг.)

Геер (геолог) признавал: "...Всемогущего и Всепремудрого Творца..."

Ньюман (кардинал): "...Утверждает, что богословие есть такая же наука о Боге, как астрономия — наука о звездах..." ("Церковная Жизнь", № 3-4, Владимир, 1924.)

Павлов И. П.: "...В недавней своей публичной лекции в Ленинграде, академик Павлов, творец рефлексологии, заявил, что подавление религиозного инстинкта действует депрессивно угнетающе на общий уровень психики..." (Там же.)

Агриппа Фон-Нетесгейм (знаменитый филолог; 1486—1535), известен как "склонявшийся к мистицизму".

Эдисон "...Находит, что на основании фактов научно обоснованных..., можно прийти к заключению, что существует тот потусторонний мир, о котором говорит богословие. Материя вечна, неуничтожима — это доказано, а потому было бы противно здравому смыслу верить в возможность уничтожения духовных сил..." ("Безбожник", № 16—17, 1927.)

Агасис (естествоиспытатель) называл свою науку "переводом мыслей Творца на человеческий язык".

Браунинг: "...По мнению проф. Оскара Браунинга, Церковь в продолжение христианской эры имела самое сильное влияние на цивилизацию, всегда была главным двигателем, направляющим людей на путь благородства и добродетели..." ("Украинский Православный Благовестник", 1927 и др. гг.)

Генрих Гейне (в § 7 своего завещания, о котором "...умалчивают заграничные и русские издатели сочинений Гейне..." определенного направления, пишет):

“...Четыре года уже прошло, как я отбросил всякую философскую гордость и вновь пришел к религиозным идеям. Я умираю с верой в вечного Бога, Творца мира, и призываю Его милосердие на свою вечную душу. Я скорблю, что я непочтительно отзывался о святых вещах, но я к этому увлечен был не столько внутренним расположением, сколько духом времени. За то, что я почти бессознательно оскорблял добрые нравы и целомудрие, Боже, прошу Тебя и всех людей простить мне...” (Там же.)

Лейбниц написал гимн “Иисусе, смерть и страдания Которого, есть наша жизнь и радость”.

Спиноза: “...Бенедикт Спиноза учит: существует лишь одна субстанция, и это Бог. Эта единая субстанция бесконечна, она абсолютна. Все конечные субстанции берутся от нея, заключаются в ней, выходят из нея, в нее погружаются; существование их лишь относительно, преходящее, случайное. Абсолютная субстанция открывается нам, как под видом бесконечного мышления, так и под видом бесконечного протяжения. То и другое, бесконечное мышление и бесконечное протяжение, суть два атрибута абсолютной субстанции; мы познаем лишь эти два атрибута, но Бог, абсолютная субстанция, может быть имеет еще много других атрибутов, неведомых нам...”

“...Только непонимание или злонамеренность могли придать этому учению эпитет “атеистического”. Никто не высказывался возвышеннее Спинозы о божестве...” (“Собрание сочинений”. Генрих Гейне. Т. 8. Изд. М. О. Вольф. 1900.)

Коперник, Кеплер, Ньютон: “...Три великие основателя новейшей астрономии, Коперник, Кеплер и Ньютон, были все трое, в полном и высоком значении слова, чтителями Бога. Это одна из прекраснейших страниц в истории развития человеческой мысли. Ищут часто покрыть ее забвением, но не во власти никого уничтожить ее...” (“Вопрос о зле”. Публичные чтения Эрнеста Невиля. Москва. 1872.)

Коперник: “...Когда открытие Коперника было обнаружено, оно вызвало против себя сильную и жи-

вейшую оппозицию. Противники были многочисленны. Это были, прежде всего, ученые, пристрастные к старой идее, которые не вдруг могли отказаться от результатов всех трудов, положенных ими..." (Там же.)

Исаак Ньютон при произнесении слова "Бог" — благоговейно снимал шляпу. ("Церковные Ведомости", № 19, 1895.)

Фарадей любил постоянно читать Библию и других приглашал к тому же.

А. С. Пушкин: "...Англичане правы, что дают Библию детям. Мои дети будут читать вместе со мною Библию по славянски..."

"...Мы обязаны монахам нашей истории, следственно и просвещением..." ("Исторические замечания".)

Джордано Бруно был монах и до конца жизни остался им.

Роджер Бэкон (1244—1294), английский монах, открытия которого много содействовали развитию естественных наук.

Дарвин, Ренан: "...Хотя ни один из них не был безбожником..." ("Украинский Православный Благовестник", 1927 и др. гг.)

Толстой Л. Н.: "...Трагична и кончина Л. Толстого, который четверть века боролся против церковного разумения Христа, а умирать бежал в монастыри Оптиной и Шамордино..." (Там же.)*

Ницше: "...Дерзкий Ницше ... последние годы впал в душевную болезнь и успокаивался только при звоне колоколов..." (Там же.)

* Своё отношение к вере в Бога Л. Н. Толстой выражал, например, следующими словами: "...Я уважаю всякую веру в Бога, в каких бы формах она ни выражалась, но я не могу сочувствовать полному безверию..." ("Ярославские Епархиальные Ведомости", 1913.) А "...Горький рассказывает такую с ним (Л. Н. Толстым. Сост.) встречу. Ялта. Толстой едет верхом. Горький идет возле стремени.

— В Ялту приехал В. Г. Короленко, — говорит он.

Нахмурившись, по обычаю, Л. Н. спрашивает: — А он в Бога верует?

— Не знаю, — отвечает Горький.

— Главного-то и не знаете, — хмуро отвечает ему Толстой..." ("Записки епископа". Часть III. Митрополит Вениамин Федченков. Рукопись. Ростов-Дон. 1955.)

Вольтер: “Вольтер предсказывал: “Через сто лет Библия будет позабытою и неизвестною книгою; ее можно будет находить, как редкость, в кладовых и археологических музеях, как свидетельство глупости ранних поколений”. Это предсказание записано было в парижском доме, в котором теперь, через 150 лет после предсказания, Британское Библейское Общество имеет склад Библий, ежегодно распространяющий на разных языках более ста тысяч книг Священного Писания. А Вольтер полузабыл, да и умер то он с колебанием и великим страхом за свою грешную душу...” (Там же.)

Д. Штраус: “...Противник Евангелия Давид Штраус высказал надежду, что своими изысканиями он нанес смертельный удар христианству. Но он не догадывался, что Священное Писание с человеческою стороною, уязвимою, имеет божественную, нестареющую, открытую только верующей душе. Он умирал забытый и одинокий. За ним ухаживала христианская диаконисса во имя Того, против Кого он боролся лучшую часть жизни...” (Там же.)

4.2. Сообщаемый митрополитом Вениамином (Федченковым) сон знакомого ему доктора, в котором главным действующим лицом была Богоматерь, а также отмечая факт кончины Святейшего в день Богородичного праздника (Благовещение) или день интронизации его на Всероссийский Патриарший Престол, совпавший также с днем Богородичного праздника (Введение), — все это вместе взятое приводит к предположению о несомненном покровительстве Богоматери Святейшему Патриарху Тихону в продолжение всего его жизненного пути.

Об этом знаменательном явлении, сопутствовавшем ему в несении Креста архипастырского и, затем, Первосвятительского служения, он совершенно ясно высказался в ответной речи делегатам Собора 1917—1918 гг., прибывшим на Троицкое подворье

5(18).11.1917 года с благовещием об избрании его в Патриархи.

Он сказал тогда:

“...Утешением и ободрением служит для меня и то, что избрание мое совершается не без воли Пречистой Богородицы. Дважды Она, пришествием Своея честныя иконы Владимирския, в храме Христа Спасителя, присутствует при моем избрании: в настоящий раз самый жребий взят от чудотворного Ея образа. И я как бы становлюсь под честным Ея омофором...” (“Ответное слово митрополита Московского и Коломенского Тихона при благовещии ему патриаршества”. “Сергиевский листок”, № 11—61. Париж. 1932.)

Другие же современники, как бы подтверждая эти, высказанные Святейшим слова, со своей стороны добавляют:

“...Пред сей иконою при избрании Святителей клал запечатанные царской печатью жребии, которые после молебна тут же вынимались митрополитом и распечатывались царем, при чем объявлялось имя избранного. Пред тою же иконою, после молебного пения, был по жребию избран на Патриарший Престол Всероссийский Патриарх Тихон...” (“Житие Святителя Иоасафа Горленка”. Югославия. Новый Сад. 1929.)

“...Митрополит Владимирский Сергей (Страгородский) составляет новый акафист в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, где восхваляет попечение Богоматери о земле Русской... и особенно радостно восхваляет Богоматерь, что Она Своею чудотворною иконою благословила работу Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг. и от Своея же чудотворной иконы дала жребий восстановленного патриаршества Своему избраннику Патриарху Тихону...” (“Журнал Московской Патриархии”, № 12, 1944 г.)

Столь явное и осознанное многими проявление особого покровительства Богоматери по отношению к первому — по восстановлению у нас патриаршества —

Святейшему Патриарху Тихону требует, как нам кажется, каких-то посильных разъяснений со стороны будущего биографа этого нашего Первосвятителя.

Действительно, весьма достойно внимания то обстоятельство, что Богоматерь, в лице ряда Своих икон неотступно сопутствовала Святейшему Патриарху Тихону на всех этапах его архиерейства (а может быть и с детства. Таковы: Холмская (на Волыни), Толгская — в Ярославле; там же и “Ярославская”, Виленская (в Литве) и, наконец, Владимирская и Донская иконы Божией Матери в Москве (не говоря о других).

Особенно знаменателен, конечно, факт двукратного избрания на московскую (митрополичью и патриаршую) кафедру Святителя Тихона от подножья величайшей Московской и Всероссийской святыни — чудотворного Владимирского образа Божией Матери.

Особенно интересна и знаменательна эта связь Владимирской иконы — общерусской святыни с избранием митрополита Тихона на пост главы нашей Церкви (т. е. также: “всея Руси”). И хотелось бы думать, поэтому, что в масштабах его былой епархиальной архипастырской деятельности — покровительство Богоматери ограничивалось местными Ее святыми иконами. Когда же Господь судил ему возглавить Церковь Русскую в целом, то и покровительство Матери Божией приняло иной, Всероссийский, объем через посредство всероссийской же святыни — чудотворного образа Владимирской Божией Матери...

Добавим здесь, что именно к этому Богородичному образу со стороны Святейшего Патриарха Тихона, по некоторым данным, отмечалось особое благорасположение и теплое молитвенное тяготение.

Так, в связи с развернувшейся в первые годы революции большой работой по расчистке и реставрации лучших памятников древнерусской иконописи, приступлено — было наконец и к удалению всех позднейших наслоений и записей с первоначального образа Владимирской Богоматери из Успенского Со-

бора Московского Кремля. В то время, крупнейший знаток и исследователь в области иконографии, профессор Александр Иванович Анисимов (погибший впоследствии на Соловках), как сам впоследствии сообщил пишущему эти строки, лично обращался за благословением на это начинание к Святейшему Патриарху и встретил со стороны последнего исключительное внимание и любовное отношение к отечественным церковным древностям вообще, а к вопросу о расчистке Владимирской иконы — в особенности.

В своей монографии, посвященной реставрации и истории чудотворного образа Владимирской Богоматери, сам А. И. Анисимов (в 1928 г.) писал следующее:

“...Благожелательное отношение к великому памятнику со стороны как тогдашнего Главы Русской Церкви — Патриарха Тихона, так и музейного управления привело к тому, что Владимирская икона не только стала доступна теперь внимательному и подробному изучению, но и освободилась от всех позднейших наслоений и реставраций...” (“Владимирская икона Божьей Матери”. Анисимов А. И. “Семинариум Кондаковичанум”. Прага. 1928.)

Тогда же, среди церковных москвичей, рассказывали, что после расчистки и реставрации этой прославленной иконы, художник-реставратор Бородин снял с нее три копии в размер оригинала. Комиссия специалистов, возглавленная тем же профессором А. И. Анисимовым, отобрала лучшую из этих трех копий, которая после торжественного патриаршего служения в одном из храмов, была преподнесена представителями московских приходов Святейшему Патриарху Тихону. Она становится за тем келейной Святыней Патриарха.

После кончины Святейшего икона эта (по-видимому, после краткого пребывания в Сокольниках, в жилище Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра Полянского) перешла в собственность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита

Нижегородского Сергия (Страгородского) и сохранялась в Патриархии.

Вторая из трех копий находилась в храме свв. мучеников Адриана и Наталии на 2-й Мещанской ул. и помещена была в довольно аляповатом и претенциозном киоте работы резчика В. А. Чубарова, символически изображавшем Московский Кремль с “парящей над ним” Владимирской иконой Божией Матери. Несколько позже, при разрушении этого замечательного московского храма семнадцатого столетия, как сам этот образ вместе со своим громоздким и надуманным киотом, а также и замечательное распятие (с Голгофой), последняя работа Виктора Михайловича Васнецова, — прихожанина этого храма (здесь же и отпето по смерти), — отображены гражданскими властями и с тех пор “канули”, как в воду”...

Что же касается Православного толкования происхождения и истории этого прославленного образа, то считается, что чудотворный образ Владимирской Божией Матери писан “...по преданию апостолом Лукой и... доска, на которой она изображена, взята от того стола, который находился в жилище Иосифа и Богоматери в отроческие годы Иисуса Христа. В начале образ оставался в Иерусалиме, затем был перенесен в Царьград, а в XII в. был в женском монастыре в предместье Киева, откуда в 1155 г. ... был перенесен во Владимир. Икона эта прославилась дарованием многих побед над врагами, главным образом, татарами, успокоением мятежей и междуусобиц и спасением от Тамерлана Москвы, куда она перенесена во время битвы из Владимира и где обретается и поныне с 1395 г....” (“Полный Православный Богословский Энциклопедический Словарь”).

После отображения у Церкви этой религиозной, национальной и исторической святыни, она выставлена теперь для обозрения посетителей, в качестве экспоната, в Государственной Третьяковской Галерее (а перед тем, — после расчистки, — находилась в закры-

том впоследствии “Отделе Религиозного Быта” Государственного Исторического Музея; в его фондах).

Наконец, затронув тему о покровительстве Богоматери Святейшему Патриарху Тихону, нельзя не коснуться вопроса о существовании и еще одного образа Матери Божией, имеющего непосредственное отношение и к Святейшему Патриарху Тихону так, равно, и ко всем его преемникам по Первосвятительскому Патриаршему Престолу.

Среди множества других чудотворных и чтимых изображений Божией Матери, Православной Русской Церковью почитается также мало кому известная икона, носящая наименование “Патриаршей”. Но несмотря на такое знаменательное наименование кажется, ни в 1917 году, ни позже на ее иконографию и историю не было обращено никакого внимания, что, полагаем, давно следовало бы уже сделать.

Неизвестно (нам, по крайней мере) ничего и о ее значении и почитании в первый период русского Патриаршества (1589—1700).

Из сказанного о ней попало нам на глаза лишь следующее:

“...Патриаршая икона Божией Матери находится в Могилевской губ., в монастыре Пустынском близ гор. Мстиславля. Явилась больному глазами князю мстиславскому Симеону в XII в. (!! *Сост.*) на источнике, где теперь и находится обитель и храм. Икона прославлена многими чудесами и почитается не только Православными, но и иноверцами. Празднование 15 (28) августа (на Успение! *Сост.*)...” (“Православный Богословский Энциклопедический Словарь. Том II, стр. 1784.) К сожалению, никаких дальнейших указаний на связь наименования этой иконы с образом возглавления нашей Церкви встретить нигде не удалось (впрочем, особенно и специально мы этим вопросом не занимались. *Сост.*).

В ежегодных календарях, издаваемых Московской Патриархией, в алфавитных списках Богородичных чудотворных икон, а также в тексте под 15 (28) авгу-

ста, об этой — “Патриаршей” — иконе Божией Матери не упоминается.

Конечно, над многими нашими Святителями простирался покров Богоматери. Закончим, поэтому, наше примечание на эту тему маленькой исторической справкой о почитании Богородицы со стороны известного Первосвятителя нашей Церкви синодального времени, ветхого деньми митрополита Новгородского и С-Петербургского Исидора (Никольского), при котором закончил свое высшее духовное образование в стенах С-Петербургской Духовной Академии студент оной, Василий Белавин, будущий Святейший Патриарх Тихон (в 1888 г.):

“...Мать будущего Исидора (Никольского), жена псаломщика, уходя на сельские работы в поле и не имея на кого оставить сына, клала его на лавке под иконой Богоматери, мысленно прося Владычицу оградить в ее отсутствие сына от всяких бед. Всю жизнь свою митрополит Исидор (Никольский) считал Богоматерью своей Заступницей (он родился в день Покрова), и не было просьбы, которой бы он не исполнил, когда его просили именем Пресвятой Девы...” (“Ярославские Епархиальные Ведомости”, № 36 за 1912 г.)

4,3. Касаясь вопроса о “вещих снах” вообще, следует заметить в назидание нашим, слишком многочисленным “культурным” умникам и разного рода скептикам, что сновидения подобного рода, как ни истолковывай их, и как ни относись к ним, являются в действительности не столь уж редким явлением в жизни людей, как это может показаться на первый взгляд. Об одном из “вещих снов” совершенно такого же характера (по своему значению) как и переданный в рассказе митрополита Вениамина (Федченкова), сообщается не только в произведениях различных “мракобесов” и тому подобных “отсталых личностей”, но и во вполне современных и “культурных” изданиях, в частности и в сборнике, изданном государственным издательством “Искусство” (Москва, 1958), озаглав-

ленном “Федор Иванович Шаляпин” (т. 2, стр. 276—277). Сейчас сборник этот у нас широко распространен среди более или менее интеллигентной публики, еще не окончательно утратившей способность интересоваться некоторыми вопросами искусства в популярном изложении.

В сборнике, посвященном воспоминаниям о личности и творчестве Ф. И. Шаляпина, говорится, например, следующее (повествует Константин Коровин):

ДУРНОЙ СОН...

Ко мне пришел доктор и сказал:

— Что же, температура нормальная. В солнечный день можете выйти ненадолго.

После его ухода я заснул.

И видел во сне, как пришел ко мне Шаляпин, голый, и встал около моей постели, огромный. Глаза у него были закрыты, высокая грудь колыхалась. Он сказал, держа себя за грудь:

— Костя. Сними с меня камень...

Я протянул руку к его груди — на ней лежал холодный камень. Я взял его, но камень не поддавался — он прирос к груди...

Я проснулся в волнении и рассказал окружающим и Н. Н. Курову, который ко мне пришел, про этот страшный сон.

— Нехороший сон, — сказал Н. Н. Куров. — Голый — это плохо...

А утром я прочел в газете, что Шаляпин умер.

Я встал, оделся, хотел куда-то идти. Лил дождь. Пришло письмо из редакции с просьбой поскорее написать о Шаляпине.

Я поехал в редакцию. Трудно было писать. Слезы подступали...

Вернувшись домой, я застал у себя П. Н. Владимирова — артиста балета.

— Вот ведь, — сказал он, — Федор Иванович умер. Борис приехал из Америки. Я его видел. Он спрашивал о вас. Я был в доме. Там не протолкаешься. Масса народу. Он умер в забытьи...”

(Константин Коровин. “Шаляпин. Встречи и современная жизнь”.)

Так как с позиций правоверного марксиста-материалиста все вышеизложенное не более как самая стопроцентная чепуха и поповские сказки, то остается лишь сделать вывод, что наше государственное издательство занимается ничем иным как распространением этих сказок (тир. 75.000 экз.), т. е. играет в руку “попам”.

Закончим это наше примечание сообщением еще об одном “вещем сне”, о котором повествовал в свое время Преосвященный Тихон (Шарапов), епископ б. Гомельский. Этот сон пригрезился ему в заключении, во время сна на нарах в камере Могилевского ГПУ. Позже, освободившись в Москве из заключения, Преосвященный изложил содержание этого сна на внутренней стороне переплета своего архиерейского Чиновника... Во второй половине 20-х гг. пишущий эти строки, состоя старшим иподиаконом сего святителя, многократно держал в руках этот Чиновник.

Вскоре после своей хиротонии (9(22).3.1925 г.) владыка Тихон (Шарапов) появился во вверенной ему Гомельской епархии и повел там успешную войну против местных обновленцев. А так как это шло вразрез с интересами гражданской власти, то он вскоре же был арестован и насидевшись в достаточной мере по провинциальным тюрьмам, препровожден этапным порядком в Москву — свалочное место для всех архиереев, недопускаемых Тучковым к управлению своими епархиями в целях обеспечения максимального успеха обновленцев в их погромной деятельности по развалу Церкви на местах.

Итак, в Чиновнике было изложено примерно следующее:

В молодости, во время проживания владыки в Почаевской лавре, у него был друг, из простецов, некий иеромонах о. Аркадий. К 1925-му году, в связи с многолетним проживанием владыки за границей — в Германии, связь его с другом прервалась, в результате чего они надолго потеряли из виду друг друга... Конечно, грустили и мечтали о встрече.

В самом начале 1925 года о. архимандрит Тихон (Шарапов) наконец вернулся на родину, где вскоре состоялась его архиерейская хиротония. За обычной суматохой и множеством дел, возникших в связи с его новым служебно-иерархическим положением, справок о своем старом друге на первых порах навести не удалось (как предполагалось). А затем, весьма вскоре же, состоялся и отъезд на епархию, закончившийся — как сказано выше — более чем печально как для него лично, так равно и для порученного ему церковного дела.

И вот, в Могилеве, находясь в заключении в местном ГПУ, лежа в вынужденном бездействии на нарах, Преосвященный Тихон (Шарапов) задремал. Во сне он увидел своего друга, иеромонаха отца Аркадия, причем в самом плачевном состоянии — где-то лежащим на койке при последнем издыхании; всякая помощь ему была бесполезна... Положение было трагичнейшим и беспомощным, так что горю владыки не было границ. И пока он метался в хлопотах, в поисках мер к спасению своего тяжело болящего и горячо любимого друга... о. Аркадий скончался.

Горю владыки, как оказалось, действительно не было предела, так как проснувшись и с изумлением оглядевшись по сторонам, владыка почувствовал, что все лицо его мокро от слез, и ряса, свернутая под головой вместо подушки, также влажна: пропитана слезами.

Проснувшись, он долго не мог прийти в себя, и слезы продолжали по-прежнему лить из глаз под влиянием только что виденного печального зрелища.

Позже в Москве, вскоре после освобождения из заключения и дачи необходимой подписки о невыезде, Преосвященный принял немедленные меры к тому, чтобы навести справки о своем давнем и далеком друге.

Справку навести удалось. Оказалось: в день “вещного сна” о. Аркадий скончался.

Все это, вышеизложенное, в кратких речениях и сообщено собственноручно Преосвященным Тихоном (Шараповым) на внутренней стороне задней крышки переплета своего Чиновника, о чем было говорено выше.

Впоследствии, в память покойного своего друга владыка Тихон (Шарапов) при пострижении в мантию своего келейника Никандра Перепечко, в соборном храме Московского Богоявленского монастыря, нарек его Аркадием (этот последний в конце 30-х или начале 40-х гг., в сане архимандрита, погиб где-то в сибирских концлагерях...).

4.4. Автор здесь ошибается. Подобный ответ со стороны Святейшего Патриарха Тихона последовал не митрополиту Петроградскому и Гдовскому Вениамину (Казанскому), а, судя по сообщению “Церковных Ведомостей” — протоиерею Рудинскому. Это произошло во время встречи Патриарха с представителями Правления Петроградского Братства Приходских Советов.

Об этой встрече упоминается также у А. Левитина и В. Шаврова в их “Очерках” об обновленческом расколе, на страницах, посвященных Святейшему Патриарху Тихону (см.: Сборник, стр. 306, 21 и след.).

Слова, приведенные митрополитом Вениамином (Федченковым) из известной “Декларации” 1927 года не верны; там сказано так:

“...Одною из забот почившего Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона пред его кончиной было поставить нашу Православную Русскую Церковь в правильные отношения к Советскому Правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования. Умирая, Святейший говорил: ”Нужно бы пожить еще годика три”. И, конечно, если бы неожиданная кончина не прекратила его святительских трудов, он довел бы дело до конца...”

(Так называемая “Декларация” или вернее: Послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя мит-

рополита Нижегородского Сергия Страгородского и Временного при нем Патриаршего Священного Синода от 16 (29).7.1927 года.)

Этот остроумный ответ Святейшего о беззаветной готовности русских людей умирать по первой надобности и полном неумении жить как нужно, — помнится, встречался еще где-то в литературе.

5. ВАСИЛЕВСКИЙ И. И. ^{5.1}

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА В СОБОРНОЙ ПАЛАТЕ

...В первые годы революции, в Москве практиковалось устройство духовных концертов с участием крупнейших и известнейших исполнителей. Происходили они в Соборной Палате (в Епархиальном Доме) и на всех неизменно присутствовал Патриарх Тихон, профессура ликвидированных Духовных Академий, писатели, художники, интеллигенция, да и вообще — самая разнообразная публика. Словом, народу собиралось столько, что, обычно мест для желающих попасть на концерт не хватало несмотря на солидные размеры Палаты.

Тематические концерты эти включали в себя самую разнообразную программу. Иногда художественные музыкальные произведения исполнялись вперемешку с лекциями и докладами на церковно-исторические или богословские темы. В других случаях — бывали и исключительно музыкальные концерты ^{5.2}, на которых лучшие, прославленные московские хоры исполняли редкие и сложные церковные песнопения и так далее.

Устройством и организацией этих концертов занимался я при помощи нескольких энтузиастов этого дела.

Один из таких концертов посвящен был переживаемым тогда бурным революционным событиям и отношению к ним русских матерей. Тема трагическая и

острая, так как, естественно, не было в стране ни одной семьи, в которой не создалась бы та или иная тяжелая ситуация. Во втором отделении должна была выступить Ольга Леонардовна Книппер-Чехова^{5.3} с чтением “Плача Богородицы”, в сопровождении исполнения хором И. И. Юхова^{5.4} “Не рыдай Мене, Мати” и других, подобных же, произведений. Приехала она, примерно, за целый час до начала и до самого ее появления в Епархиальном Доме я очень беспокоился: в каком виде она появится? “Ведь лютеранка, — думалось мне, — явится еще в каких-нибудь, там, бриллиантовых серьгах, или в каком-нибудь необыкновенном туалете, как у них там, у актеров, принято, — с хвостом или декольте, — все пропадет: убьет одним этим хвостом сразу же всю идею концерта”. Но, не успела она показаться, как я сразу же и совершенно успокоился, да и не только успокоился, но в душе и восхитился ее умом и деликатностью, внутренним тактом: она была в строгом, но изысканнейшем черном платье безо всяких выкрутас и украшений и в черной, кружевной, “испанской” шали, небрежно, но артистически в то же время, наброшенной на голову. В довершение же всего, на груди ее, на черном шелковом шнурке замечательно красивый гранатовый, кажется (я в камнях не очень-то силен), крестик.

Ее очень взволновало и обеспокоило то, что выступить ей придется “в церкви”, но я ее тут же успокоил, сказав, что церковь во время концерта будет отгорожена от зала железным занавесом, который специально и был предусмотрен в свое время для тех случаев, когда зал заседаний следовало изолировать от храма, и при этом он принимал вполне светский, гражданский вид деловой аудитории... Беспокоило ее и присутствие на концерте Патриарха, но и по этому пункту я ее ободрил сколько мог, пообещав даже познакомить ее с Патриархом, чтобы она имела возможность лично убедиться в его благодущии и доброжелательстве к концертам этим, их исполнителям и вообще ко всем людям на свете.

Тут же научил ее, как полагается складывать руки, когда он будет благословлять ее и пр.

— И надо поцеловать ему руку? — поинтересовалась она.

— Ну, это — не обязательно, — ответил я. — Вообще у нас это принято, но это — как вы пожелаете и сочтете нужным. Захотите — так поцелуете...

Перед началом концерта я сбегал и разыскал Патриарха, только что прибывшего в Соборную Палату, и, рассказав о том, как нервничает Ольга Леонардовна, просил его разрешения представить ему ее. Он, разумеется, согласился, и я привел ее к Патриарху, который, благословив ее, сказал ей тут же, без предисловий:

— Ну вот, говорят, вы что-то пугаетесь нас. Не пугайтесь. Мы не очень-то уж страшные. Успокойтесь — все обойдется очень хорошо. Пойдемте-ка садиться. — И он, с разговорами, увлек ее в зал, где предложил ей место рядом с собою, так что она, сидя рядом с Патриархом и беседуя с ним, прослушала все первое отделение концерта.

А в первом отделении выступал Д. И. Боголюбов с прекрасной и глубокой речью, посвященной переживаниям и страданиям христианских матерей и вообще, и — особенно — применительно к данному тяжелому, переживаемому всеми моменту.

Он говорил замечательно воодушевленно и буквально потряс слушателей трогательной взволнованностью и той болезненной актуальностью своей речи, которая нашла жгучие отклики в душе каждого из них.

А когда, после него, на эстраде появилась О. Л. Книппер-Чехова и, опершись рукою на стол, — под аккомпанемент прекрасных и печальных напевов юховского хора — произнесла первые слова своего монолога, обращаясь к незримому Христу: “Чадо мое!...” — то все увидели, что по щекам ее медленно катятся слезы...

Концерт прошел с чрезвычайным успехом”. (Слов И. И. Василевского. Москва. 1956.)

5.1. Автор приведенного рассказа — Иван Иванович Василевский, весьма деятельный и подвижной старичок, сын одного подмосковного священника, настоятеля церкви в Вешняках (дачная местность), некоего о. Ивана Василевского. После революции Святейший Патриарх Тихон узнав поближе этого вдового священника и оценив в нем какие-то скромные, не всем заметные (по-видимому) добродетели, предложил ему архиерейский сан и вскоре хиротонисал его (с тем же монашеским именем) в епископа Бронницкого, викария Московской епархии.

Святитель этот был настолько простым, скромным и невзыскательным человеком, что все окружающие и знавшие его, даже и после хиротонии, неизменно продолжали называть его “отцом Иваном”. Смиранный старичок-владыка никогда и не пытался даже оговаривать всех обращающихся к нему таким образом.

В историческом смысле архиерейство его достопримечательно в том отношении, что в роковой момент всеобщей “посадки” архиереев, как возглавлявших Церковь в целом, так, в частности, управлявших Московской епархией, — “отец Иван” по необъяснимой, счастливой случайности оказался не за решеткой и был одним из участников триумvirата московских викариев, управлявших тогда Московской Патриаршей Областью, которую неправильно именовали Московской епархией.

Триумvirат этот состоял из епископов: Дмитровского Амвросия (Смирнова), Серпуховского Алексия (Готовцева) и Бронницкого Иоанна (Василевского).

“Резиденция” этих столичных иерархов находилась в миниатюрном и полутемном подвале приходского храма Св. Николы, что в Кошелях, стоявшего почти на самом перекрестке Яузовских ворот и потому оказавшегося весьма подходящим для сноса, т. к., совершенно очевидно “мешал” уличному движению... Так это вскоре и произошло.

Тогдашний церковно-исторический момент был чрезвычайно трагичным и совершенно бесперспективным. Управление этих святителей из подвала кошелевского храма вполне можно уподобить (и безо всякого преувеличения!) с сидением на бочке с порохом... (1926—1927 гг.).

Скончался отец нашего автора И. И. Василевского, Преосвященный Бронницкий Иоанн (Василевский) 20.2(4.3).1931 г.

Что же касается самого И. И. Василевского, интересующего нас в данный момент, то, впоследствии, он хотя стоял и далеко от церковной стихии, но никогда окончательно не утрачивал связи с людьми из этого, по-видимому близкого ему, мира... Сам он работал на каких-то административных, организационных ролях в сфере музееведения, прикладного народного творчества, искусства палешан и т. д. Он вечно устраивал какие-то хранилища и выставки древнего шитья, резьбы по дереву и т. п., изыскивал и подбирал коллекции для музея игрушек в стенах Троице-Сергиевой лавры (по-видимому, совместно с Бартрамом), организовывал хранение каких-то баснословно огромных коллекций русского народного орнамента, на расхищение которых беспрестанно покушаются различные высокопоставленные невежды и предприимчивые евреи, окопавшиеся в каких-то комитетах и комиссариатах и т. д., и т. п. Короче — вся жизнь его, страшно деятельная и насыщенная, была целиком посвящена интересам русского народного творчества и кустарным ремеслам всех видов, которые он беззаветно любил и по-своему неплохо понимал.

Ближе к старости, когда энергии стало меньше, он стал ("тайнообразующе") заниматься изготовлением архиерейских облачений и митр (так как все подобные предприятия давно уже оказались ликвидированными, а нужда в подобной продукции не миновала!), которые он стремился изготавливать "в древнерусском стиле", а не как-нибудь. Затем, одно время, Иван Иванович увлекся руководством росписями хра-

мов (например, Борисоглебский собор в Рязани), для чего набрал волонтеров — живописцев и альфрейщиков из известных ему мастеров-палешан.

Так он и промышлял до самого того времени, когда разбил его паралич, и он в совершенном уединении и как бы “на покое” отсиживался в своем домике, в тех же Вешняках, где когда-то священствовал его родитель “отец Иван”, и в ограде теперь еще хранится могила Бронницкого епископа Иоанна (Василевского)... Ее изредка навещает больной старичок с пышными седыми усами...

5.2. В числе первых своих мероприятий, направленных “на благо народа”, в 1918 году, новорожденная советская власть ликвидировала все духовно-учебные заведения, от приходских школ до Академий включительно, как “очаги мракобесия”.

Веками создававшееся колоссальное имущество, находившееся в обладании Духовно-Учебного Комитета Святейшего Синода — немедленно и с азартом было “национализировано”, т. е., говоря попросту, отобрано и в большинстве своем бессмысленно уничтожено с одинаковым мстительным и злобным упорством по всей России, после чего Церковь Русская в течение 25-ти лет даже и не помышляла о каком-либо подобии духовного образования в своих недрах.

Однако, несмотря на совершенно неблагоприятные условия, отдельные энтузиасты дела духовного образования никогда не переводились и попытки в этом отношении, хотя и абсолютно безнадежные предпринимались неоднократно. Так, в 1918 году под высшим смотрением Святейшего Патриарха Тихона была открыта полуполюгальная, не имевшая никаких материальных средств к существованию, т. наз., “Православная Народная Академия Богословских Наук” (“Петроградский Церковно-Епархиальный Вестник”, № 22, 1918 г.), ютившаяся одно время в стенах Московского Высоко-Петровского монастыря. Очень многочисленные студенты сей Академии жили на

своих харчах, совершенно так же, как и энтузиасты из среды профессорско-преподавательского персонала.

Гражданские власти сейчас же, конечно, пронюхали о существовании такого зловредного и опасного заведения и приняли немедленные мероприятия к тому, чтобы поскорее и окончательно удушить поповское крамольное начинание. “Академия” эта пряталась по темным углам, перебиралась из чулана в чулан и вскоре окончательно, наконец, протянула лапки кверху.

Но и энтузиасты духовного просвещения не сдавались, предпринимая новые попытки в этом отношении.

Так, например, с благословения Святейшего Патриарха Тихона, известный в свое время, энергичный и предприимчивый архимандрит Гурий (Степанов; впоследствии архиепископ Иркутский, питомец Казанской Духовной Академии) добился в каких-то хитрых, промежуточных инстанциях визы на открытие в Москве Православных Миссионерских Курсов. Они, действительно, открылись и существовали некоторое время в Боголюбской башне китайгородской стены у Варварских ворот (в помещении закрытой “Народной Духовной Академии”, перекочевавшей сюда из Петровского монастыря). Однако вскоре же, отчасти из-за отсутствия достаточных материальных средств, а, главным образом, конечно, в силу “независящих обстоятельств”, — и это начинание пришлось оставить... Немного же позже наши мудрые “отцы города” разобрали по кирпичику не только вышеупомянутую Боголюбскую башню, но и всю китайгородскую стену со всеми башнями и прочими сооружениями древности, предварительно затратив несколько десятков миллионов рублей на тщательную реставрацию их к радости и удивлению всех любителей отечественной старины и искусства...

В 1919 году, в Петрограде, предпринимается попытка создания Богословского Института. Протоиерей о. Николай Чуков, избранный Советом Института

“...на должность ректора ... был утвержден в этой должности Святейшим Патриархом Тихоном.

После закрытия Института в 1923 году, о. Николай стал во главе районных богословских курсов...” (“Журнал Московской Патриархии”, № 3, 1955.)*

Помимо перечисленных были и другие попытки в этом же направлении, как в столицах, так равно и в провинции; энтузиазма-то было достаточно, но материальных средств к тому и всех других возможностей, как правило — не имелось...

Подъем был большим, но и пресс оказался невероятно тяжелым.

В одном позднейшем церковно-литературном труде эпоха эта описывается в следующих выражениях:

“...В ближайшие годы после октябрьского переворота Церковь переживала особое время расцвета и подъема (в широком смысле вызванных восстановлением патриаршества. *Сост.*). Казалось, что Она расширилась и созидалась на долгие годы мира и духовного роста. Никто не думал о ближайшей перемене. Забила ключом приходская жизнь. С одной стороны организовались братства, с другой — являлись талантливые проповедники, привлекавшие массы религиозного и ищущего смысла и цели жизни народа. Детские елки, собрания по домам, доклады и диспуты так и рождались в удивительном этом периоде. Казалось, что кто-то развязал все узлы и освободил от уз религиозную мысль (и инициативу. *Сост.*). Лучшие

* Здесь, конечно, рассказываются самые обычные (во всех таких случаях) сказки. Эпическое повествование о том, что “...после закрытия Института в 1923 году, о. Николай стал во главе районных богословских курсов...” и т.д., — является слитной фантастикой (если не ложью!).

В 1922 году в Петрограде, по процессу “церковников”, о. Николай Чуков вместе с группой других лиц во главе с митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским) был приговорен к расстрелу, а после замены ему смертной казни тюремным заключением — отбывал свой срок. А отсюда ясно, что в 1922-23 гг., заниматься делами Богословского Института о. Николаю Чукову — мягко выражаясь — было недосуг.

(Впоследствии протонерей о. Николай Кириллович Чуков стал митрополитом Ленинградским и лицом весьма приближенным к Патриарху Алексию Симанскому. Некоторые любопытные сведения об о.Н.К. Чукове — митрополите Ленинградском Григории, можно почерпнуть в самом конце воспоминаний А.А. Соловьева о борьбе с живощерковниками в 20-х гг. в Саратовской епархии.)

имена профессоров-богословов заблестели на вновь открытых курсах..." ("Отчизна неизвестная". Рукопись.)

Как бы то ни было, но в самом начале революции, когда еще не совсем угасли надежды на будущее, более или менее нормальное, положение Церкви в государстве, а потому и дело духовного образования казалось неизбежным в каком-то объеме, люди, болеющие этими вопросами, в целях изыскания хотя бы минимальных денежных средств, с благословения Святейшего Патриарха Тихона, решили в помещении Московского Епархиального Дома (тогда еще не окончательно отобранного у Церкви) систематически устраивать различного рода духовные концерты с участием лучших артистических сил Москвы. Весь чистый сбор должен был поступать на дело духовного образования.

К участию же в концертах на первых порах предложено было пригласить (и в действительности приглашались) следующие лица из мира искусства Москвы: И. М. Москвин, О. Л. Книппер-Чехова, А. В. Нежданова, Ф. И. Шаляпин, протодиакон К. В. Розов, М. К. Холмогоров, лучшие церковные хоры московских храмов и мн. др.

Концерты происходили при переполненных сборах и сопровождались неизменным, бурным успехом. В 1920-м году, по требованию гражданской власти все это начинание пришлось прекратить, т. к. этот выход из тяжелого материального положения совсем не устраивал тех, кто давно еще и с таким смаком придумывал удушающую петлю делу духовного образования русского религиозного юношества...

Неизменно посещал все эти концерты и сам Святейший Патриарх, как бы давая этим добрый пример своим пасомым.

Изыскивались необходимые денежные средства в фонд духовного образования и через приходские храмы; был кликнут клич по всей Руси Великой.

Здесь, в приходских храмах также устраивались духовные концерты и богословские лекции-проповеди в разных вариантах. Тарелочный сбор поступал на те же цели.

Наконец “внешние” совсем осерчали и взялись за свою обычную “научно-атеистическую” шарманку... И тут, конечно, не обошлось без яду:

“...Москва буквально обклеена афишами церковников. Аршинными буквами москвичи оповещаются, что в таком-то храме, при участии Неждановой, Смирнова и Петрова, состоится лекция-концерт или “вечер духовных песнопений”...

...В последнее время в практику церковников вошло афишами же оповещать Москву о патриарших служениях, совершаемых “при участии архидиакона Розова”. Афиши выпускаются и в том, наконец, случае, когда в каком-либо храме, по случаю престольного праздника или иного церковного торжества, богослужение совершает ... архиерей...” (“Революция и Церковь”, № 1, 1919.)

В связи со всем вышесказанным следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что Святейший Патриарх, — как никто другой, — с большим доброжелательством организовывал и поощрял всякую инициативу в деле устройства всех этих концертов, так как смотрел на них не только как на предприятия материального значения, но в гораздо большей степени усматривая в них один из очень действенных путей для религиозного, богословского и церковно-эстетического воздействия на души человеческие, которым ни в коем случае не следует пренебрегать в наши дни...

И надо сказать, что именно этим путем церковно-религиозного просвещения Святейший Патриарх, на всем длительном пути своего миссионерского дела, пользовался постоянно и очень охотно. Ни в одном учебном заведении и ни на одной архипастырской кафедре он не забывал использовать все эти религиозно-просветительные мероприятия.

В церковной (епархиальной) периодике дореволюционного времени сохранилось немало о том свидетельств. И мы приведем здесь некоторые из них для дополнения облика нашего Первосвятителя и с этой, — мало кому известной, — стороны. А она именно красной нитью проходит через всю его просветительскую, миссионерскую, архипастырскую биографию.

Так, еще в Холме, вспоминает один очевидец, “...при ректоре архимандрите Тихоне в семинарии еженедельно (по воскресеньям после обеда) бывали литературные вечера. Сначала выступал ... семинарский хор с песнопениями, потом бывали доклады: о католичестве, о Православии (обычно эту часть брал на себя преподаватель обличительного богословия); их сменяли рефераты на вольные, литературные темы. Преподаватели охотно принимали участие в программе вечера. На собрания допускалась и публика. Съезжалось и городское общество. По окончании докладов ректор устраивал у себя чай...” (“Путь моей жизни”. Митрополит Евлогий Георгиевский. Париж. 1947.)

В Америке епископ Тихон, помимо общеизвестной, бурной и многосторонней просветительской и миссионерской деятельности, успевает учредить, между прочим, и местный церковно-археологический музей, связанный с возникновением и развитием Православия в Новом Свете, названный им “Иннокентиевским древлехранилищем” в честь и память Иннокентия Веняминова, просветителя алеутов, — впоследствии митрополита Московского (одного из величайших миссионеров Русской Церкви).

В Ярославле этого рода деятельность архиепископа Тихона принимает особенно широкий и продуктивный размах. Он систематически организует (или содействует организации) литературно-музыкальные вечера и утренники в духовно-учебных заведениях; устраивает и поощряет всякого рода диспуты, доклады, лекции и собеседования на богословские и исторические, а также просветительские и нравственные

темы, или лекции, посвященные памяти великих наших соотечественников, напр.: Н.В. Гоголя, М.В. Ломоносова (в 200-летний юбилей его рождения) и т. д.

Архиепископ со своими викариями, как правило, неизменно присутствует на всех подобных вечерах и утренниках.

Свое высокое покровительство и просвещенное содействие архипастырь неизменно оказывал всем обращающимся к нему в таких случаях.

В 1907 году архиепископ Тихон благословляет регенту архиерейского хора, духовному композитору о. Вас. Зиновьеву приступить к труду гармонизации по местному распеву в 4 голосном изложении “Воскресного всенощного бдения” (издано в 1908 г.). (“Ярославские Епархиальные Ведомости”, 1908.)

В 1909 г. содействует в научных трудах церковному археологу Титову в его исследованиях относительно иконы Божией Матери, именуемой “Прибавление ума”.

Затем оказывает содействие в исторических изысканиях архивному работнику Н. Ф. Флоровскому.

Способствует сбору денежных средств на сооружение памятника церковным композиторам: Бортыанскому, Турчанинову и Львову (1909).

Принимает участие в широком молитвенном поминовении великого сына Русской Церкви — Н. В. Гоголя (1909) и т. д., и т. д.

Словом, редко бывало так, чтобы архиепископ Тихон не откликнулся на то или иное церковно-просветительное мероприятие, независимо от того, местного ли оно либо общецерковного значения. Концерты же и лекции в епархиях архиепископа Тихона, как замечено выше, являлись постоянным средством религиозно-просветительного воздействия на пасомых и одним из мощных рычагов их духовного воспитания.

Есть основания полагать, что и сам архиепископ Тихон любил посещать всевозможные духовные концерты и разного рода иные церковно-просветительные мероприятия. Во всяком случае свидетельства об

этом имеются. В качестве примера укажем на присутствие архиепископа Тихона на грандиозном концерте, организованном в Москве в память 300-летия мученической кончины Святейшего Патриарха Гермогена, 19.2(3.3) 1912 года, в 7 ч. 30 м. вечера, в большом зале Московского Епархиального Дома.

На собрании этом присутствуют: великая княгиня Елизавета Феодоровна в сопровождении старшей сестры Марфо-Мариинской общины В. С. Гордеевой, митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский), обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер; архиепископы: настоятель Донского монастыря Алексей (Опоцкий), Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий), Ярославский и Ростовский Тихон, Тульский и Белевский Парфений (Левицкий); епископы: Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский), Рязанский и Зарайский Дмитрий (Сперовский), Волоколамский Феодор (Поздеевский), Дмитровский Трифон (Туркестанов), Серпуховский Анастасий (Грибановский), Можайский Василий (Преображенский), епископ Иоанникий (Казанский), настоятель Симонова монастыря еп. Михаил (Крылов), настоятель Заиконоспасского монастыря еп. Евфимий (Елиев), настоятель Спасо-Андроньева монастыря еп. Владимир (Соколовский), Председатель Училищного Совета при Святейшем Синоде протоиерей П. И. Соколов, архимандриты, игумены и игумении московских монастырей и множество столичного духовенства. Из светских лиц, кроме обер-прокурора, присутствуют: командующий войсками Московского военного округа П. А. Плеве, заведующий придворной частью в Москве князь Н. Н. Одоевский-Маслов, Московский комендант генерал-от-инфантерии Е. П. Вишняков, состоящий при великой княгине Елизавете Феодоровне генерал-от-кавалерии М. П. Степанов, член Государственного Совета граф. С. Д. Шереметьев, Московский градоначальник А. А. Адрианов, губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин, попечитель Московского

учебного округа П. П. Тихомиров, Московский вице-губернатор А. М. Устинов, ректор Университета М. К. Любавский, директор Румянцевского музея князь В. Д. Голицын, директор Консерватории М. М. Ипполитов-Иванов, почетный опекун князь А. Б. Голицын, профессор В. Д. Цветаев, историк Д. И. Иловайский, профессор живописи В. М. Васнецов и многие другие лица.

На заседании с речами, посвященными памяти и деятельности Патриарха Гермогена, выступают: епископ Серпуховской Анастасий (Грибановский), В. В. Назаревский, академик А. И. Соболевский, Е. В. Барсов и протопресвитер Московского Большого Успенского собора Н. А. Любимов.

После речей Синодальный хор, под управлением Н. М. Данилина, исполнил пять песнопений, имеющих отношение к торжеству, переложенных на музыку А. Д. Кастальским и М. М. Ипполитовым-Ивановым.

Собрание отличалось необычайным многолюдством, поэтому в ближайшие дни намечено неоднократно повторить вечер. ("Церковные Ведомости", № 8, 1912; "Ярославские Епархиальные Ведомости", № 24, 1912.)

Таково было отношение архиепископа Тихона (а впоследствии и Святейшего Патриарха) ко всякой инициативе в церковно-просветительной и отчасти даже развлекательной области.

5.3. За это свое выступление в Епархиальном Доме О. Л. Книппер-Чехова от вознаграждения категорически отказалась.

В ответ на все мои просьбы и уговоры, говорит И. И. Василевский, она решительно отвечала, пожимая обе мои руки: "Не надо, не надо. Пожалуйста, ничего не надо. Благодарю очень, очень... То, что я сама пережила, выступая у вас — мне дороже всяких денег!..."

Судя по этим словам, можно предположить, что, хотя О. Л. была и лютеранка, но, по-видимому, наша церковно-религиозная эстетика (не говоря о более глубоком) вполне проникала ей в душу.

Воспользовавшись случаем, коснемся здесь одного нового свидетельства о “религиозности” знаменитого супруга О. Л.-ны, Антона Павловича Чехова.

В одном воспоминании о нем, читаем:

“...Что думал он о смерти?”

Много раз старательно-твердо говорил он мне, что бессмертие, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме — сущий вздор:

— Это суеверие. А всякое суеверие ужасно. Надо мыслить ясно и смело. Мы как-нибудь потолкуем с вами об этом основательно. Я, как дважды два — четыре, докажу вам, что бессмертие — вздор.

Но потом несколько раз еще тверже говорил прямо противоположное:

— Ни в каком случае не можем мы исчезнуть без следа. Обязательно будем жить после смерти. Бессмертие — факт. Вот погодите, я докажу вам это...” (“Чехов в воспоминаниях современников”. Второе издание. Г. И. Х. Л. 1954.)

Помянем здесь и о том большом и глубоком почтении, какое высказывал в отношении Святейшего Патриарха Тихона Ф. И. Шаляпин, также предполагавший выступить на религиозных концертах в Епархиальном Доме, о чем уже велись им соответствующие переговоры все с тем же неутомимым И. И. Василевским.

Практически участие Ф. И. Шаляпина в этих концертах не осуществилось, т. к., кажется, весной 1921 года он навсегда покинул родину.

И. И. Василевского Ф. И. Шаляпин неоднократно просил свидетельствовать Его Святейшеству свое глубочайшее уважение и испрашивал святительского благословения себе и своему семейству.

И. И., в свою очередь, неукоснительно передавал Патриарху эти приветствия великого артиста.

5.4. До революции церковный хор под управлением Ивана Ивановича Юхова пользовался большой известностью среди московских церковных меломанов, прослойка которых среди верующих москвичей всегда была довольно значительной.

Много было юховского пения записано до революции и в граммофонной записи. Часто выступал этот хор и вне стен храма — в концертах народной и церковной музыки (что было тогда очень распространено). Турчанинов, Бортянский, Ведель, а из новых — Чайковский, Архангельский, Кастаньский и множество др., не сходили с репертуара.

В самом начале революции церковно-певческое предприятие И. И. Юхова расцвело настолько, что певцы его пели одновременно в нескольких храмах, состоя в ансамбле громадного певческого коллектива, который обслуживал одновременно несколько приходских храмов, меняясь — в зависимости от надобности и от усмотрения начальства — в своем качественном и количественном составе.

Одним из юховских филиалов управляла его родная дочь — Екатерина.

Эта широкая певческая деятельность династии Юховых закончилась, однако, как и следовало ожидать, самым плачевным образом, подобно и всем прочим хоровым коллективам Москвы: в один несчастный день множество регентов и наиболее ответственных певцов были арестованы и препровождены по известному адресу — куда Макар даже телят не загонял...

Так был ликвидирован известный юховский хор со всеми своими “филиалами”... Однако сам он лично и некоторые, наиболее “гибкие” из его певцов, совершенно безболезненно переключились на гражданское пение.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ
О ВСТРЕЧАХ С ПАТРИАРХОМ ТИХОНОМ

...От автора... Статья “Мои воспоминания о встречах с Патриархом Тихоном” написана мною по просьбе одного весьма и глубоко уважаемого мною почитателя Патриарха Тихона. Для него представляет большую ценность каждая деталь, каждая подробность из жизни покойного Патриарха, память о котором он хранит и с любовью чтит...

Покойного Патриарха Тихона первый раз я увидел, когда он был Московским архиепископом.

Было это в Москве, в начале лета, в воскресенье. Мой путь лежал из Замоскворечья на Красную площадь. Стоял ясный, чудесный день, дыхание легкого ветерка обдавало теплом, на ярко-голубом небе ни облачка, вся необъятная ширь раскинувшегося во все стороны города сверкала серебром.

Было тихо. Но невозмутимая тишина была необычайна. Всюду царил революционный пафос — знамение эпохи. Дух торжества революции и дух тревоги переселили беспокойный человеческий муравейник из мирных жилищ на площади и улицы городов — логическое развитие времени. И вдруг, здесь, в центре событий, — тишина и безлюдье.

На какую-то минуту я задержался у лобного места. Налево, из храма Василия Блаженного, вышла небольшая горстка богомольцев, почти здесь же растворившаяся.

Но иллюзия безлюдья исчезла, едва я поднялся к верхним торговым рядам. Здесь было оживление. Пешеходы торопились, натыкались друг на друга, одни шли мне навстречу, другие обгоняли. На углу Никольской толпился народ: легко было понять, что эта толпа — часть какой-то процессии, потому что дальше, внизу площади у Воскресенских ворот, колыхалось человеческое море. Там я попал в такую давку,

что уж и не чаял выбраться из нее. Двигаться дальше было бесполезно, и я остановился.

Такое стечение народа объяснялось просто: Московский архиепископ Тихон служил молебен в Иверской часовне.

Издаലെка, через затихшую площадь, доносилось неясное молебное пение.

Вскоре раздался колокольный звон — звонили в Казанском соборе. Толпа заволновалась, площадь загудела — процессия возвращалась в церковь.

Чтобы лучше рассмотреть архиепископа люди лепились на каждом выступе, на каждой площадке, — везде, где только можно было стать ногой, иные карабкались по церковным сооружениям.

Мне удалось пробраться на верхнюю ступеньку паперти и с этой позиции, на которой я удерживался с необычайной трудностью, я увидел архиепископа Тихона. Он прошел мимо меня на расстоянии одного шага, и я мог рассмотреть его во всех подробностях, возможных в тех условиях давки и тесноты. После я даже уверял многих, что архиепископ внимательно посмотрел на меня. Конечно, это был самый настоящий вздор: многие могли уверять точно так же, что архиепископ посмотрел именно на них, но тогда мне так показалось, и я долго верил своей выдумке — результату возбуждения и обостренных чувств.

Архиепископ Тихон был в фиолетовой мантии, на голове переливалась многочисленными огоньками золотая митра. Белый омофор сливался с белым цветом его лица. Борода у него была серая, с ровной густой сединой. Он шел твердой походкой, немного склонив голову к левому плечу. Лицо его было радостным и растворялось в какой-то тонкой, едва уловимой и, пожалуй, немного застенчивой улыбке.

Я знаю, такие улыбки существуют, но они рождаются не из желания улыбаться, нет, они отражают внутренний мир человека, высота и глубина добродетелей которого образуют основные начала развития духа. Нравственная жизнь таких людей состоит в по-

стоянном эстетическом воспитании самого себя, т. е. в приобретении чуткости к правде, добру и красоте и в укреплении неодолимого отвращения к безобразию всякого вида и рода. Это большой духовный процесс — процесс одухотворения, преображающий весь внутренний строй человека. Печать такого преображенного состояния лежит на всем внешнем облике человека. Это глубокий созерцательный взор, какое-то ясное и светлое выражение лица: застенчивое и незлобивое; мягкие движения и теплая очаровывающая улыбка.

Мне приходилось встречать такие открытые лица, бесконечно симпатичные, в которых как в зеркале отражаются внутренние духовные процессы, будто огнем озаряющие красоту и силу духа.

Однако, толпа, хлынувшая вслед за архиепископом, оттеснила меня, и я не мог попасть в церковь. Оказавшись на тротуаре, я, не раздумывая, направился к Воскресенским воротам. Там гудела толпа, и только через час я мог подойти к Иверской.

Помнится, в гостинице я силился воссоздать в памяти внешний облик архиепископа и, кажется, ничто не ускользнуло от меня и особенно, конечно, покоряющая улыбка. Правда, воображение почему-то искажило рост архиепископа. Показался он мне очень высоким, и я долго верил наблюдению своей памяти, пока не увидел его снова.

Однако, среди всех различных впечатлений этого дня меня не оставляло непонятное, щемящее душу чувство: мне было грустно. С этим чувством я уехал из Москвы.

Отчего это?

Чтобы объяснить непонятное состояние грусти я ловил себя на разных мыслях, но ничего мрачного или тревожного не приходило в голову.

Разве, вот, что случайность встречи с архиепископом Тихоном?

Да, но почему эта случайность, тем более приятная, могла отозваться в моей душе грустью?

И все-таки это было так.

Почему? Не знаю.

Спустя несколько лет я неоднократно испытывал такое непонятное состояние грусти от встречи с владыкою Фаддеем (Успенским).

Смирение, детская незлобивость души, застенчивая до наивности улыбка этого святого человека волновали меня, покоряли мое воображение и открывали в нем для моего внутреннего созерцания неисчерпаемые источники человеческих добродетелей. Но вот мы расставались с ним, и мне становилось грустно.

Не правда ли — парадокс?

Может быть оттого становилось мне грустно, что высота и глубина его духа лишь подчеркивали его одиночество в этом мире, глухом и неотзывчивом, в мире равнодушия, в котором все закрывалось для прекрасного и только тупое безразличие объективирует жизнь?

И было до мучительности тоскливо от сознания ненужности людскому равнодушию бесценного бисера, сокрытого в тиши одинокой кельи.

И еще совсем недавно я испытал чувство грусти от соприкосновения с таким же человеком. Осенью минувшего года я был приглашен к отшельнику,^{6,2} живущему под Москвой, в трех часах пути. (Петушки? Влад. обл.)

День был не по-осеннему теплый, яркое солнце ослепительно сияло.

На душе было спокойно. Предчувствие чего-то хорошего немного волновало, ощутимо отрывало от гнетущей действительности и переносило в мир других эмоций. И вот перед нами обыкновенное русское село, с рубленными домами, белыми ставнями и зелеными палисадниками. Среди этих домов приютилось жилище добродетели, обитель христианского духа.

Хозяин предстал перед нами в образе величественного, семидесятилетнего седовласого старца, в простом монашеском подряснике, с широким кожаным поясом. Он — епископ, но на нем печать необычай-

ной простоты — величайший дар всех замечательных людей. Владыка встречает нас радостным приветствием, и добрая сияющая улыбка не сходит с его лица.

Вообще владыка веселого нрава. Его биография изобилует арестами, тюрьмами, ссылками. Едва ли не треть своей жизни он был лишен свободы. Но рассказывая о каком-нибудь горьком эпизоде своей жизни, владыка добродушно улыбается, в лице нет и тени уныния или огорчения от воспоминания о страшных часах жизни. Напротив, взор его оживлен и лицо выражает спокойствие, будто не он страдал, а кто-то другой, для него посторонний. И чтобы слушатели не предавались унынию от печальных повествований, владыка облагораживает и события, и людей.

“А знаете, — говорит владыка, — следователь, который меня арестовал и допрашивал, прекрасный человек, милейший человек”. Но ведь нам понятно, что следователь не мог быть не только “милейшим”, но и просто порядочным человеком, если он изобретал “дело” на человека, виноватого лишь только в том, что он Православный епископ.

Владыка ведет рассказ о своих разногласиях с высшей церковной администрацией и некоторыми епархиальными архиереями, возникшими на почве задуманного владыкою исправлению некоторых текстов богослужебных книг. Слушатели видят, как несправедливо к нему отношение, и как многие лица виновны перед ним, но ведь они “такие хорошие, чудесные люди”.

Владыку лишили возможности посещать местный сельский храм, по-видимому, из ложных представлений, что авторитет местного духовенства упадет от соприкосновения епископа с прихожанами.

“Да, — вздыхает владыка, — теперь я уж не могу ходить в храм, служу дома, а ведь какое здесь чудесное, прекрасное духовенство”.

Владыка забыл все обиды, все покрыл христианской любовью и поражаешься такому детскому незло-

бию, смирению и силе всепрощающей христианской любви.

В нем нет эгоизма, он сменил архиерейскую пышность, славу, почет, епископскую власть на простую крестьянскую избу. Это не только отрешение от житейских благ, это прямо боевой вызов им, ради знакомого и дорогого христианскому миру образа подвижничества. Сам владыка называет себя “епископом на покое”, но разве не вернее сказать, что он “епископ на подвиге”, притом на подвиге более суровом, имя которому самоотречение ради усердной молитвы за человечество, так нуждающегося в печальниках и молитвенниках.

И царствует в этом бревенчатом доме особый мир: детского незлобия, смирения и самоотречения. И как он прекрасен, этот мир! Как он отличен от нашей действительности!

Когда мы ушли от подвижника, стояла темная ночь, сельская тишина едва нарушалась отдаленными неясными звуками. Мы шли с добрым моим приятелем и молчали. Говорить что ли было не о чем, или каждый из нас находился под впечатлением только что виденного другого мира, в котором живет праведник. Я первый нарушил молчание. “Вы знаете, я испытываю чувство глубокой грусти?” — говорю я своему спутнику. “Я тоже, — отвечает он и, немного подумав, добавляет, — вот то-то и оно!” И снова молчание.

В пустом вагоне поезда каждый из нас забился в угол и погрузился в собственные думы.

Я думал об этой замечательной и редкостной встрече, сравнивал, анализировал, вспомнил свои тревожные впечатления с архиепископом Тихоном, затем с архиепископом Фаддеем (Успенским), и поразила меня однородность эмоций от встречи с этими тремя лицами. Во всех этих случаях я испытывал одинаковое чувство какой-то чудесной грусти.

Спустя несколько месяцев Собор провозгласил архиепископа Тихона Всероссийским Патриархом.

Мне приятно было думать, что именно его я видел в торжественной процессии у Воскресенских ворот, и что именно он произвел на меня неизгладимое впечатление.

* * *

Второй раз я увидел Святейшего Патриарха Тихона через несколько лет.

Было это в тяжелые дни русской церковной жизни — весной 1924 года. Тогда бушевали страсти обновленческого раскола, разъедавшего организм Церкви. Наглые раздиратели хитона Христова, предатели, непризванные руководители “нового” церковного создания, насильственным образом, путем обмана и подлогов, овладевали Православными храмами, обрекая их на неминуемое закрытие и уничтожение.^{6.3}

Раскольники, владевшие абсолютно пустовавшими храмами, обращались в местные государственные органы с просьбой передать им еще какой-либо храм, изъяв его у Православных верующих. Такие просьбы обычно удовлетворялись, обновленцы занимали очередной храм, но верующие уходили и больше в него не возвращались. Еще вчера переполненный молящимися, ныне, в руках обновленцев, уже опустевший, храм начинал жить одинокой жизнью, а потому закрывался, передавался государству под какой-нибудь гараж или кузницу. Но обновленцы шли дальше и уже овладевали очередным Православным храмом.

Православные люди понимали, что теряют храм безвозвратно, но даже такая страшная цена не останавливала их от высокого понимания своей преданности святому Православию, в слезах они покидали храмы, но к обновленцам не шли.

Так было по всем городам и весям, и Астрахань, разумеется, не являлась исключением. Положение становилось угрожающим, протесты верующих и их церковных советов не помогали. В таких обстоятельствах родилась мысль жаловаться в Москву.

Я находился в очень близких отношениях с Астраханским архиепископом Фаддем (Успенским).^{6.4} Как-

то вечером владыка долго и обстоятельно рассказывал мне о наглых действиях обновленцев, доказывал необходимость жалобы в Москву, просил меня составить жалобу, в которой в ярких красках и самых решительных тонах осуждал действия обновленцев, посягнувших на храмы, и руководителей местных органов, способствовавших обновленцам в их антицерковных делах. Затем, где-то в церковных собраниях были избраны делегаты: Ф. Е. Баринов и И. Ф. Осипов, и вот мы в дороге, напутствуемые благословениями и добрыми пожеланиями владыки Фаддея (Успенского).

В Москву мы приехали поздно вечером и переночевав в гостинице “Балчуг” утром на другой день отправились в патриаршую резиденцию — в Донской монастырь (владыка Фаддей дал наказ получить благословение Патриарха).

В монастырь мы приехали к самому началу поздней литургии, был вторник на неделе перед Троицей, но служба совершалась в большом монастырском соборе. Приложившись к кресту, мы отправились в патриаршие покои. Дорожка, идущая от северной паперти собора, привела нас к красному кирпичному зданию с порогом в две ступеньки. Дверь была открыта, мы вошли и по внутренней короткой лестнице поднялись выше и вступили в небольшую комнату-приемную. Здесь стояла тишина, на скамьях сидело несколько человек, почти все из духовных; за маленьким столиком у окна сидел монах. Монах подошел к нам и каким-то таинственным шепотом спросил нас, кто мы и что нам нужно. Один из наших спутников достал из папки запечатанный сургучной печатью конверт и, не говоря ни слова, вручил его монаху, который тоже молча прочитал то, что было написано на конверте и, повернувшись, ушел с конвертом в другую комнату. Долго он не возвращался, а вернувшись, спросил кто из нас (он назвал мою фамилию), а затем подошел ко мне вплотную и прошептал, что Его Святейшество примет нас через час в таком порядке: сначала я

пройду один, а после будут приглашены и остальные мои спутники.

Этот час мы употребили на экскурсию по монастырю. Хотя монастыря, как такового, не существовало: здания принадлежали светским учреждениям. Правда, каким-то образом, оставалось там три или четыре монаха, обслуживавших церковные здания на положении наемных служащих; они ютились в маленьком помещении, около колокольни. Я с большим интересом рассматривал монастырские стены, башни, побывал на монастырском кладбище, с увлечением читал эпитафии, многое узнал и вообще с огромным удовольствием провел этот экскурсионный час.

Ровно в назначенное время мы вернулись в патриаршую приемную, и едва я переступил порог, как был подхвачен уже известным нам монахом, который за руку повлек меня в патриарший кабинет и, отворив передо мною дубовую дверь, пропустил меня вперед. Дверь за мною затворилась, и я оказался перед Его Святейшеством. Помню, я был смущен неожиданностью такого реприманда. Обычно перед аудиенцией у сановного лица посетитель подготавливает себя к встрече, взволнованно ожидает ее, обдумывает как вести себя, а здесь...?

Комната, в которую я вступил, была довольно просторной, и сводчатость низкого потолка приятно напоминала старинные боярские хоромы или игуменскую келью большого монастыря. В левом углу стоял огромный кипарисовый киот с образом Богородицы, перед которым горела разными огоньками большая серебряная лампада, цепочками прикрепленная к потолку. Около киота на зеленой ковровой дорожке стоял аналой, с раскрытой богослужебной толстой книгой. Справа стоял широкий книжный шкаф, этажерка с книгами, на стене висела зеленая мантия, около нее в углу стоял жезл, а на маленьком угольнике — белый патриарший куколь. У ломберного стола, стоявшего у стены, против входной двери, и покрытого вязаной черной скатертью, из-под которой видне-

лись ярко-зеленые разводы, стояло два кресла с высокими спинками. Патриарх сидел в кресле. Он заметил мое смущение. “Ничего, ничего, идите вот сюда”, — услышал я немного хриповатый баритон. Я подошел к креслу Патриарха, он встал, преподал мне благословение и, вероятно, чтобы вывести меня из замешательства, сразу же заговорил, указав рукою на кресло. Сели.

“Это вы от Астраханского архиепископа Фаддея (Успенского)? Владыка пишет мне о вас и просит оказать содействие. Какой же вы молодой! Вы не боитесь принимать на себя такие поручения?”

Я ответил в героическом тоне, что мол, я соображусь больше с интересами Церкви, чем с личными. Патриарх посмотрел на меня все с той же знакомой мне улыбкой и может подумал: “Ах, герой, герой!”, однако вслух сказал: “Ну что же, храни вас Господь!”

Затем Его Святейшество спросил, кому и на что именно мы жалуемся и неожиданно закончил эту часть беседы.

“Вы до завтра оставьте бумаги у меня, я их прочту. Теперь же мне скажите, как там живет Преосвященный Фаддей (Успенский), как себя чувствует, как относятся к нему верующие? Он ест что-нибудь?” Не ожидая моего ответа Патриарх продолжал: “Знаете ли вы, что владыка Фаддей (Успенский) святой человек? Он необыкновенный, редкий человек. Такие светильники Церкви — явление необычайное. Но его нужно беречь, потому что такой крайний аскетизм, полнейшее пренебрежение ко всему житейскому отражается на здоровье. Разумеется, владыка избрал святой, но трудный путь, немногим дана такая сила духа. Надо молиться, чтобы Господь укрепил его на пути этого подвига”. Здесь Патриарх встал, подошел к книжному шкафу, что-то там поискал, в раздумье широко развел руками.

“Я хотел было прочитать вам письмо Преосвященного Кирилла (Смирнова); они ведь вместе с владыкой Фаддеем (Успенским) прошли несколько тюрем и

этапов... Где же оно... Ах, да... Ну, все равно, я помню и так..." И Патриарх рассказал мне два эпизода из монашеских добродетелей владыки Фаддея (Успенского), приведших Преосвященного Кирилла (Смирнова) в трепетное изумление.

Святейший Патриарх говорил все это медленно, низким голосом, с расстановкой, как это бывает всегда, когда человек хочет сказать очень важное. В его голосе слышались живые, взволнованные ноты, и светлые глаза, освещенные падавшим на его лицо солнечным лучом, с видимым любопытством обратились на собеседника. Патриарх был задумчив и величав, симпатичная улыбка придавала его словам задушевность. Я отчетливо помню этот момент. Среди многих томительных обязанностей нашего скучного мира такие минуты запоминаются на всю жизнь. И сама обстановка, возвышающая и волнующая душу, располагала к такой тихой удивительной беседе. Я слушал и в душе удивлялся: как это верховный руководитель Церкви, убеленный сединами величавый Патриарх, свободно и задушевно ведет беседу с незнакомым человеком? И ведь это не из пустой галантности воспитанного человека и не из горделивого, показного и снисходительного великодушия. Беседует мудрец, черпающий из своей сокровищницы. Прикосновение к любезному его сердцу воспоминанию наполняет его душу восторгом, который он хочет передать собеседнику, чтобы и его душа загорелась таким же восторгом.

Мне хотелось о многом спросить Патриарха: так располагала к вопросам задушевная обстановка беседы, но я не мог нарушить этикета: таким людям вопросов не задают!

Затем Его Святейшество спрашивал меня об обновленческом епископе Анатолии (Соколове), сказал мне, что он ставленник его, Патриарха; наконец, после других церковных вопросов, спросил меня, как и где похоронены архиепископ Митрофан (Краснопольский)^{6.5} и епископ Леонтий (фон Вимпфен), есть

ли следы их могил. Я ответил все, что знал со слов других.

Патриарх пригласил моих спутников. Они вошли, Его Святейшество поднялся с кресла, я тоже встал. Вся остальная часть беседы прошла стоя. Преподав вошедшим благословение, Патриарх сказал: “Я одобряю вашу жалобу во ВЦИК. Конечно, обольщаться не следует, надежд мало, можно сказать, почти нет, но это не должно нас останавливать и разочаровывать. Мы должны все время держать в курсе церковных событий правительство. Обновленцы наглеют и все, что происходит у вас, тоже самое происходит по всем городам и в Москве. Конечно, жалоба сама собой, но мы должны непрестанно просить Господа, чтобы Он послал нам Свою милость и избавил бы нас от этого церковного несчастья...”

После некоторой паузы, Патриарх продолжал: “Хорошо бы вам попасть с жалобой к Смидовичу. Многие говорят, что он более внимателен и, кажется, не такой уж ожесточенный против Церкви человек... но к нему попасть тоже — искусство”. Здесь Его Святейшество широко улыбнулся: по-видимому, слово “искусство” ему понравилось своею меткостью и смешением понятий.

Затем Патриарх расспрашивал моих спутников о приходских делах, посещаемости храмов, не преминул сказать о святости владыки Фаддея (Успенского) и, уже благословляя нас, пригласил нас ко всеобщему богослужению в соборе Донского монастыря в субботу под Троицу.

На этом окончилась наша аудиенция.

Утром на другой день я опять был в патриаршей резиденции. Я пришел туда раньше обычного, чтобы, управившись с получением моих бумаг, успеть во ВЦИК, где меня должны ожидать мои спутники. Но оказалось, что келейнику ничего не известно о моих бумагах, — надо было ожидать Святейшего, а он еще не появлялся. Жду час-другой, волнуясь. В 12 часов келейник пригласил меня в кабинет. Его Святейшест-

во стоял на конце ковровой дорожки, в том же бледно-розовом подряснике с широким вышитым поясом на талии. В креслах сидел представительный человек, судя по панагии — архиерей. Густая рыжая борода обрамляла его белое лицо. ^{6.6} Он сидел, погрузившись в разбор каких-то бумаг, и на меня не обратил внимания. Его Святейшество преподал мне благословение и сейчас же передал мне большой пакет с надписью. Пакет был адресован Орлянскому. Мои бумаги находились в пакете. Что-то еще хотел сказать мне Патриарх, но к нему подошел митрополит Петр (Полянский) Крутицкий (это он сидел в кресле) с какой-то бумагой. Взяв у митрополита бумагу, Святейший представляя меня митрополиту, сказал: “Это молодой юрист от владыки Фаддея (Успенского) из Астрахани... Вот астраханцы жалуются на обновленцев... отбирают у них храмы. Там командует Анатолий (Соколов). ^{6.7} Какой был тихий, скромный человек, а теперь поди как воюет с Церковью... Боюсь за владыку Фаддея (Успенского), как бы они не сделали ему зла”. Патриарх немного задумался, а потом уж продолжал. “Вот владыка Фаддей (Успенский) все просился на Волгу, ведь он волжанин, откуда-то из-под Нижнего... Ну вот теперь он на Волге. Надолго ли? Я ведь тоже люблю Волгу. Когда я служил в Ярославле — ходил на Волгу купаться, но в Рыбинске купанье лучше, я у Рыбинска Волгу переплывал. Бывало еду с келейником купаться, а он дорогой уговаривает меня: не надо, дескать, так далеко плавать, можно и у берега. Я, конечно, соглашаюсь, а сам куда там у берега...” Он рассказывает, весело смеется, яркий румянец восторга расцветчивает его лицо.

“Ну, благослови вас Господь”, — говорит он и широким крестом осеняет меня, подставляя мне правую щеку. Я вышел.

Я спешил. Кажется, на углу 3-го Донского переулочка я бросился в первый попавшийся экипаж и, не торгуясь с извозчиком, поскакал на свидание со своими спутниками.

Орлянский... Кто-то мне сказал, что это был не Орлянский, а Орлеанский.^{6.8} Может быть... не спору. В тогдашней моей миссии это лицо занимало маленькое место. Из памяти даже ускользнуло и то, где я передавал адресованный ему пакет: во ВЦИКе ли — на углу Воздвиженки и Моховой, или в Наркомюсте — на Кузнецком. Но, тем не менее, я ясно помню его лицо — этого начинавшего полнеть 38-40-летнего человека. Он был среднего роста, с очень белым, выхоленным лицом, черными волосами и наглым выражением глаз.

Он ли устроил нам прием у Смидовича тоже не помню, Смидович принимал нас в угловой комнате, выходящей окнами на Воздвиженку и на Моховую. Смидович был огромный мужчина, полный, едва умещавшийся в кресле. Он оказался очень внимательным и даже деликатным. Наша аудиенция у Смидовича окончилась его резолюцией на имя Красикова: “Красикову — принять меры к устранению неправильных действий Астраханского Адмотдела”.

Вот Красикова я помню.^{6.9} Едва мы переступили порог его кабинета и вручили ему жалобу с резолюцией, как он обрушился на меня, назвав меня тихоновским приспешником, контрреволюционером и еще как-то, а потом выпроводил нас объявив свою “резолюцию”: “Больше ко мне не приходите и вообще не приезжайте в Москву по мракобесовским делам. Жалобу разберем без вас и ответ получите”.

Да, Красикова я хорошо помню! Я вспомнил о нем и тогда, когда в конце того же года у меня дома был обыск. При обыске были изъяты копии жалобы во ВЦИК со всеми приложенными документами. Жалко, что погибли важные для церковной истории документы. Был изъят и портрет Патриарха Тихона, подаренный мне Святейшим с трогательной надписью. Помнил я Красикова и тогда, когда вскоре после обыска был вынужден переехать в Сталинград.

Да, Красикова я хорошо помню!

Вечером в Троицкую субботу — это было 1-го или 2-го июня (14.6) 1924 года, кругом стояла тишина, вернее все было погружено в тихую задумчивость, спокойную грусть. Даже размеренный колокольный звон не нарушал торжественной тишины вечера, напротив, он вливался в эту тишину, как необходимое дополнение, как аккомпанемент, сообщавший окружающему особое очарование.

От патриарших покоев до лестницы в собор стоял народ, он вытянулся в две шеренги, образовав живую улицу. Сейчас, по этой дороге, среди множества людей, пройдет Патриарх. Дорога устлана сеном, пахнет мятой. Вот и процессия. Впереди идет иподиакон с крестом, вслед за ним несут подсвечник с горящей свечей, затем следуют иподиаконы с трикирием и дикирием. Вот и Патриарх. На нем зеленая шелковая мантия, длинный шлейф которой поддерживается сзади мальчиком в стихаре. На голове Патриарха белый куколь, с ниспадающими на плечи херувимскими воскрилиями, на груди две панагии. Патриарх шел величественной, твердой походкой, опираясь на жезл. Все в нем исполнено величия; и в фигуре, и в походке чувствуется мужество. Сейчас мне это виднее в обстановке официальной, чем в кабинете, в условиях, близких к домашним.

Патриарх вошел в собор по ярко-красной суконной дорожке, устланной цветами. У входа в собор его встретило многочисленное духовенство во главе с епископом Сарапульским Алексием (Кузнецовым)^{6.10} — громадная фигура которого с густой рыжей, до пояса, бородой, ярко выделялась на фоне всей процессии. Началось богослужение, отлично пел хор с канонархом. На величание Святейший вышел в богатом зеленом парчовом облачении, с омофором того же цвета, белая митра, увенчанная бриллиантовым крестом сверкала всеми цветами радуги. Собор был переполнен молящимися. Миропомазание (елеопомазание. *Сост.*) совершал сам Патриарх. Мы подошли к Мiro в десятом часу, а вообще служба окончилась в половине одиннадцатого. Усталости я не чувствовал:

торжественность богослужения, величие праздника, переполненный собор — вносили в душу бодрость и духовное наслаждение.

Но уже все московские дела закончены, пора собираться домой. В среду после Троицы мы снова прибыли в патриаршую резиденцию, чтобы доложить Его Святейшеству о наших “успехах”. Мы были приняты без осложнений и ожиданий, но аудиенция была короткой. Я доложил Патриарху все, что произошло с нашей жалобой. Патриарх внимательно слушал меня, а потом сказал: “Вот, я говорил вам, как трудно проходят такие жалобы. Но вы не останавливайтесь, напоминайте... мало ли что говорил Красиков, это ведь фигура второстепенная...” Затем Патриарх пожелал нам счастливого пути, просил приветствовать архиепископа Фаддея (Успенского). Приняв патриаршее благословение, мы отправились к себе, а на другой день покинули Москву.

* * *

Через два с половиной месяца я опять был в Москве и оказался случайным гостем Святейшего Патриарха. Вот как это произошло. Владыка Фаддей (Успенский) собирался в Москву по приглашению Святейшего по случаю праздника Донской (иконы. *Сост.*) Божией Матери — 19 августа (ст. стиля) (1.9). Один он ехать не хотел и уговорил меня поехать вместе с ним, тем более, говорил владыка: “ответа по жалобе нет, и не худо бы еще раз наведаться к Смидовичу”. Я согласился. Из Астрахани мы выехали вместе, в сопровождении келейника о. Халева, — 16 (29) августа, с намерением прибыть в Москву утром 18 (31) августа. Но в пути произошла задержка из-за железнодорожной катастрофы со встречным поездом. Это было страшное крушение на ст. Палласовка. По подсчету железнодорожников тогда погибло до 200 человек. Одним словом, поезд наш опоздал в Москву больше, чем на сутки: мы приехали — 19 августа (1.9) вечером, когда престольное торжество окончилось.

Я, по обычаю, остановился в гостинице “Балчуг”, а мои спутники отправились к родственникам владыки Фаддея (Успенского) — москвичам. Вечером — 20 августа (2.9) — о. Халев явился ко мне в гостиницу с запиской от владыки. В записке говорилось, что завтра, 21 августа (3.9), он, владыка, именинник, будет служить литургию в монастырском храме Донской (иконы. Сост.) Божией Матери и хочет видеть меня за литургией. Я, конечно, поехал к обедне, отстоял ее и после молебна отправился в алтарь, чтобы поздравить владыку с днем Ангела. Увидев меня, владыка сейчас же подошел ко мне и сказал: “Вы не уходите, сейчас пойдем к Святейшему. Вчера он пригласил меня к себе завтракать сегодня. Узнав, что и вы со мною, Святейший пригласил и вас”.

Около 12 часов, прямо из церкви, мы отправились в патриаршие покои. Это было в том же здании. Из той же приемной, о которой я уже несколько раз упоминал, только с левой стороны, мы попали в жилые комнаты (кабинет — с правой стороны). Собственно, я видел только одну комнату, в которую нас привели. Это была столовая, с большим столом посередине, с простой столовой мебелью и деревянной, очень искусной люстрой, спускавшейся над столом со сводчатого потолка. Едва мы вошли в эту комнату, как показался Патриарх. Он был в муаровой рясе с панатгией на груди. Очень тепло Святейший поздравил владыку Фаддея (Успенского) с Ангелом, обнял его и по русскому обычаю они трижды облобызались. Затем Его Святейшество преподал мне благословение и крепко пожал мне руку.

Помнится, мы без промедления сели за стол, после молитвы. Других гостей, кроме нас, никого не было. Гостеприимный хозяин начал трапезу с того, что извинился за интимность завтрака: “Я знаю, вы, владыка, не любите торжественных приемов и многолюдных трапез, так вот я пригласил вас на скромный завтрак, тем более, хочу видеть вас в самой простой келейной обстановке”.

Во время завтрака Патриарх сказал теплую сердечную речь в адрес именинника. Он назвал владыку Фаддея (Успенского) “Светочем Церкви”, “чудом нашего времени”.

Владыка Фаддей (Успенский), отвечая на это приветствие, отметил исповедническую деятельность Патриарха, его мужество и мудрость по управлению Церковью. “Я молюсь Богу, чтобы Он сохранил вашу драгоценную жизнь для блага Церкви”. При этих словах Святейший прослезился.

Его Святейшество был очень любезен ко мне: наливал мне сладкого вина и сам клал на мою тарелку то кусочек рыбы, икры или сыра, в каждом случае поворачивая: “Чем богаты... не обессудьте...”

Наш любезный хозяин словоохотлив, он рассказывает смешные истории из своей семинарской жизни, о приключениях, курьезах; о своем пребывании в Америке, американских нравах и обычаях и, чтобы немного пошутить, переходит к незатейливым сценкам из быта провинциального духовенства. Вероятно, в домашней обстановке Его Святейшество — веселого нрава, любит невинно посмеяться. Помню его один рассказ. “Когда я был архиепископом Алеутским, — говорит с характерной расстановкой Патриарх, — ко мне в 1904 году обратился англиканский священник доктор Ирвайн, с просьбой принять его в Православие. Я запросил Св. Синод, как быть, то есть снова его рукополагать или принимать без перерукоположения. Пришел ответ, что его англиканская хиротония недействительна, и я его рукоположил во священника. В Петербурге заинтересовались этим случаем и намеревались напечатать о нем в газетах. Но для этого им понадобилась фотография Ирвайна. Я вызвал его и велел ему представить фотографию. Вдруг Ирвайн спрашивает меня: “Как мне фотографироваться: обычно или по примеру Мазарини?” Вижу, что Ирвайн хочет сказать какой-то каламбур — не отвечаю на его вопрос, а он, ничтоже сумняшеся, продолжает. “Мазарини проиграл все и остался только в гетрах.

Вот, проиграю гетры, говорит Мазарини, тогда пусть пишут с меня портрет Адама. Ведь многие, кажется, хотят видеть мое изображение". Конечно, Ирвайн сказал мне дерзость и надо было мне обидеться, но рассказ был забавен и я сам от души смеялся. Патриарх рассказывает, смеется, лицо его розовеет.

Меня Святейший спрашивал о том, как теперь работают суды, что в них отличного от дореволюционных судов, почему не введен суд присяжных?

Вообще говорили о многом, за исключением официальных предметов, Владыка Фаддей (Успенский) неоднократно начинал разговор об обновленцах, но Святейший как-то характерно махал руками и говорил: "Ну их к Богу" и переводил разговор на другую тему.

В перерыве, пока еще не подавали чай, Патриарх подозвал келейника и что-то тихо ему сказал. Келейник вышел, а потом вернулся со свертком.

"Ну вот, Преосвященнейший, вам именной подарок — по русскому обычаю. Это облачение, притом красивое и сшитое по вашей фигуре. Хотел подарить отрезом, да ведь вы какой человек — все равно не сошьете или кому-нибудь отдадите... да... тут еще мантия, ведь ваша то, поди, старенькая..." Владыка Фаддей (Успенский) принимает сверток, собирается благодарить Патриарха, но сверток выскальзывает из одной руки, и из него падает красный бархатный футляр. Я бросился поднимать футляр. "Да, тут еще маленькое прибавление... как это я забыл сказать о нем", — широко улыбаясь, говорит Патриарх. Владыка Фаддей (Успенский) открывает футляр, в нем бриллиантовый крест для ношения на клобуке, белые, слоновой кости, четки.

"Вам, — говорит Патриарх, обращаясь ко мне, — я с удовольствием сделал бы такой же подарок, да ведь в нем в суд не пустят... хотя в Англии... там ведь юристы в мантиях..." Затем Его Святейшество подходит к ломберному столику, достает из ящика свою фотогра-

фию, делает на ней надпись и церемонно вручает мне. Я благодарю с нижайшим поклоном.

После чая все встали из-за стола и, помолившись по обычаю, стали прощаться с гостеприимным хозяином.

Я шел в гостиницу в приподнятом настроении. В руках у меня была фотография замечательного человека, в обществе которого я провел несколько незабываемых часов. Дорогой я останавливался и перечитывал надпись на фотографии: "Благословение Господа да сопровождает Вас всю Вашу жизнь. Смиренный Тихон. 21 августа (3.9) 1924 г."

Это была та самая фотография, которая, к несчастью, была изъята у меня при обыске, о котором я говорил выше.

В день кончины Святейшего Патриарха Тихона, я думал над свежей могилой. Закатилось солнце, так ярко сиявшее над нашей Святой Церковью. Ушел "в путь всея земли" печальник нашей Церкви, мужественно защищавший Ее в годы испытаний. Кто теперь заменит его на этом исповедническом пути? Кто это будет? Будет ли достойным преемником почившего, способным сказать о себе так же, как это сказал почивший: "Нет никакой власти на земле, которая могла бы связать нашу святительскую совесть".

Да... кто это будет?

Да спасет Бог нашу Святую Церковь!

Вечная память почившему!

(*"Мои воспоминания о встречах с Патриархом Тихоном"*. Кузнецов А. И. Рукопись. Астрахань. 1962.)

ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

6.1. Автор этих "Воспоминаний" уроженец Петербурга — Аркадий Ильич Кузнецов, с начала 20-х гг. проживающий в Астрахани, где, по его словам, он нашел не только поприще для своей служебной деятельности и семью, но — прежде всего — обрел и духов-

ную родину, встретившись по пути сюда с такой светлой личностью, каковым был архиепископ Астраханский, Высокопреосвященный Фаддей (Успенский). Близкие и добрые отношения с этим Владыкой не только воспитали А. И. Кузнецова в духе истовой, Православно-русской церковности, но и прекрасно просветили его богословски, так как Владыка — сам доктор богословия — со всей любовью не только преподавал своему питомцу полный курс знаний старой Духовной Академии, но и еще более развил и углубил эти знания, постоянно тренируя богословскую мысль своего ученика.

Имея высшее юридическое образование и будучи человеком вообще широких воззрений и незаурядной эрудиции, А. И. Кузнецов пользовался, по-видимому, репутацией солидного и делового специалиста в своей области, т. к. занимал командные должности в юридическом мире Астраханской области.

Такое положение, добытое долголетним трудом и глубоким знанием дела, продолжалось до конца 50-х гг., когда его близость к местным духовным кругам сыграла ему плохую службу. После неудачных попыток к “перевоспитанию” А. И. был снят со всех занимаемых им служебных постов и ославлен в местных газетах как “мракобес” и пр. (со всеми вытекающими отсюда последствиями!...)

А. И. Кузнецов является автором ряда работ по юридическим вопросам, а также немалого количества трудов богословских и церковно-исторических. Конечно, все эти его произведения не изданы.

6.2. Далее идет речь о проживавшем на покое в пос. Петушки, Владимирской обл., епископе б. Ковровском Афанасии (Сахарове).

После тридцатилетних тюремных заключений и ссылок, владыка в Петушках жил до самой своей кончины 15 (28).10.1962 года.

6.3. В целях содействия распространению и укреплению обновленческого мятежа и, конечно, в прямое

нарушение декрета об отделении Церкви от государства, представители гражданской власти в центре и на местах, планомерно и организованно оказывают всяческую поддержку смуте и расколу, административно помогая ему бороться с Православной Русской Церковью. В частности поддержка эта выражается и в незаконном массовом отторжении “культовых зданий” (по-русски: церквей) от Православной Церкви и передаче их (по “праву” сильного) в ведение и пользование обновленческого ВЦУ и “Синода”).

Произвол, незаконное отобраение храмов у приходов, находящихся в юрисдикции Святейшего Патриарха Тихона и отдача их раскольникам, — принимает катастрофические для Церкви размеры в 23-24 гг.

С мест во ВЦИК направляется непрерывный поток жалоб, свидетельствующих о повсеместном, плановом наступлении безбожническо-обновленческого “блока” на жизненные, насущные интересы и права Русской Церкви.

В частности (для примера): Параскевиевский храм в пос. Дризна Орехово-Зуевского у., храм в г. Орехово-Зуеве, московский храм Николая что на Ямах, Петропавловский храм на Старой Басманной ул. (Москва), храмы в гг. Перми, Козлове (Мичуринск), Городище Пензенской губ., Демьянске Новгородской губ., Владивостоке, Верхне-Удинске, Боровичах, в Туркестанской республике, в Кубано-Черноморской области (гл. обр. в Армавире), в Лукояновском у., Нижегородской (Горьковской) губ., селе Рассказове Тамбовской губ., селе Сеславине Козловского (Мичуринского) у., Тамб. губ., храмы в станицах Кубанской области: Поповической, Покровской, Дмитровской и мн. др., — путем расторжения “...всех договоров с группами верующих по различным поводам...” — неизменно вымышленным, — изымаются из пользования Православного населения и передаются “...крайне незначительным группам обновленцев, тогда как подавляющая масса местного населения принадлежит к староправославной Церкви...”, лишенной ввиду отсутствия храмов “...возможности удовлетворять свои

религиозные потребности...” (“Отделение Церкви от государства”. Проф. Гидульянов П.В., Москва. 1924 г. стр. 10—12.)

“...Во ВЦИК поданы жалобы о расторжении договоров с прежними группами и передаче ... храмов обновленческой группе, хотя большинство местного населения принадлежит к старому толку Православной Церкви. Вследствие этого п р е о б л а д а ю щ а я (разрядка наша. *Сост.*) часть населения, считая невозможным по религиозным соображениям присоединиться к обновленцам, не имеет, где удовлетворять свои религиозные потребности...” (Гидульянов П.В., стр. 11.)

“...Во ВЦИК поступили жалобы ... о расторжении договоров и передаче храмов крайне незначительным группировкам обновленцев, тогда как п о д а в л я ю щ а я (разрядка наша. *Сост.*) масса прежних прихожан принадлежит к старому толку и вследствие отобрания храма стеснена в отправлении культа ввиду отдаленности или малой вместимости соседних храмов...” (Гидульянов, стр. 12.)

“...Поданы во ВЦИК жалобы о расторжении ... договоров и о передаче храмов незначительным обновленческим группировкам, тогда как б о л ь ш и н с т в о (разрядка наша. *Сост.*) населения местного принадлежит к староцерковникам и, не считая возможным соединиться с обновленцами по религиозным убеждениям, или вовсе лишено возможности, или крайне стеснено в отправлении культа по своему исповеданию...”

6.4.

“...О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию — были...”

Жуковский

I.

Архиепископ Фаддей (Иван Васильевич Успенский) приехал в Астрахань в воскресенье 9 (22) декабря 1923 года, а вообще Астраханская Церковь считала

его своим епископом с декабря месяца 1921 года. В день Рождества Христова — 25 декабря 1921 года (7.1.1922) — имя владыки Фаддея (Успенского) впервые возносилось за литургией, вместе с именем епископа Анатолия (Соколова) — викария Царевского, как временно управляющего Астраханской епархией, за отсутствием владыки Фаддея (Успенского) в Астрахани. В январе месяце 1922 года владыка Фаддей (Успенский) прислал епископу Анатолию (Соколову) письмо, в котором уведомлял, что он не может приехать в Астрахань раньше апреля месяца, так как будучи членом Синода, он задерживается в Москве в связи с синодальными обязанностями. В письме он просил епископа Анатолия (Соколова) прислать ему в Москву доклад о состоянии епархиальных дел.

К тому времени церковная жизнь в Астраханской епархии после тяжелых потрясений, вызванных убийством архиепископа Митрофана (Краснопольского) и епископа Леонтия (фон-Вимпфена), а затем и последовавшей неожиданно кончиною вновь прибывшего на астраханскую кафедру архиепископа Палладия (Соколова), стабилизировалась, приняла более или менее спокойное течение. Епископ Анатолий (Соколов) производил хорошее впечатление, часто служил, в обращении был прост, жил в полутемной келье Иоанно-Предтеченского монастыря, был всякому доступен. Часто, после богослужений, он передавал приветствия пастве от архиепископа Фаддея (Успенского), рассказывал с амвона о его добродетелях и о скором приезде его в Астрахань. Астраханцы привыкли к мысли, что вскоре они встретятся с главой своей Церкви. Предстоящая встреча тем более волновала их: они ждали своего архипастыря, о котором говорилось так много и так хорошо. Но встреча затягивалась. Владыка Фаддей (Успенский) не приехал в апреле, как обещал. В начале мая месяца началось следствие по делу епископа Анатолия (Соколова), ключаря кафедрального собора о. Димитрия Стефановского, профессора Дмитриевского и других лиц,

по обвинению их в сопротивлении изъятию церковных ценностей по декрету правительства от 10(23) февраля 1922 года. Епископ Анатолий (Соколов) был подвергнут домашнему аресту у себя в монастыре и управлять Церковью не мог. В этих затруднительных обстоятельствах было решено отправить двух священников В. Смирнова и Е. Карасева в Москву к владыке Фаддею (Успенскому) за инструкциями по поводу дальнейшего управления епархией. Но эта делегация вернулась ни с чем. Патриарх Тихон был под арестом, Синода не существовало. На Троицком подворье они нашли единственного человека — секретаря Синода Нумерова, который сообщил им, что владыка Фаддей (Успенский) последний раз участвовал в заседании Синода 21 апреля (5 мая), на котором рассматривался вопрос об упразднении заграничного Синода Русской Православной Церкви, возглавляемого архиепископом Антонием (Храповицким). Владыка Фаддей (Успенский) подписал постановление Синода за № 347 и вместе со всеми членами Синода ушел. С тех пор Нумеров больше его не видел, но высказал осторожное предположение об его аресте. Нумеров показал им подлинник указа № 347 и даже дал им один экземпляр с подписью владыки Фаддея (Успенского). (Позже о. В. Смирнов показывал мне этот экземпляр. На нем была подпись: Член Священного Патриаршего Синода архиепископ Фаддей Успенский Астраханский. Кстати, он все бумаги подписывал, употребляя букву фиту.) Затем делегаты обратились к епископу Феодору (Поздеевскому), управлявшему Даниловским монастырем, у которого обычно жил владыка Фаддей (Успенский), когда бывал в Москве. От него они узнали, что архиепископ арестован и этапирован вместе с митрополитом Кириллом (Смирновым), а затем и епископом Афанасием (Сахаровым) в тюрьму города Владимира.

Итак, правящий архиерей — в тюрьме, викарий — под судом и лишен возможности управлять Цер-

ковью. В таком положении оказалась епархия к маю месяцу 1922 года. Опять настали тревожные времена.

Вскоре начался судебный процесс над епископом Анатолием (Соколовым) и прочими лицами, о которых мы уже упоминали. Верующие, искренно разделявшие печальную участь епископа Анатолия (Соколова), тысячами собирались у монастыря и толпою провожали его каждое утро до здания б. городской думы, где происходил суд, с тревогой ожидая приговора, помня злую участь Митрофана (Краснопольского) и Леонтия (фон-Вимпфена). Но, слава Богу! Суд закончился условным приговором, теперь, к радости верующих, епископ Анатолий (Соколов) может вернуться к управлению Церковью. Но надежды обманули верующих. Судьба обрушила на Церковь новый удар. Разрушительные силы обновленчества готовили Церкви новое испытание и увлекли за собою епископа Анатолия (Соколова). Он пренебрег народной любовью, не захотел идти с теми, кто еще недавно шел с ним и благословлял его тернистый путь. Теперь он стал чужим и враждебным. Астраханская паства осиротела.

II.

Тем временем владыка Фаддей (Успенский) шел крестным путем. Из Владимирской тюрьмы — в Нижегородскую, оттуда в Вятскую, из Вятки — в Сольвычегодск, а из Сольвычегодска пешком до Усть-Сысольска и уж после этого в село Покровское. Конечно, все это стало известно гораздо позже, а в то злополучное время для Церкви, никто не знал, какие дороги уводили владыку Фаддея (Успенского) все дальше и дальше от своей паствы.

После того, как в журнале “Живая Церковь” — № 6 за 1922 год, было напечатано постановление живоцерковников от 23 июня (6 июля) 1922 года: “Архиепископа Астраханского Фаддея (Успенского) уволить на покой, с воспрещением ему пребывания в Московской области”, местные власти запретили возно-

свить его имя за богослужениями. Нельзя было возносить и имени Патриарха Тихона. Как же быть? Спасительная благодать Святаго Духа указала астраханцам на Восточных Православных Патриархов, и они стали номинальными окормителями Астраханской Церкви. Что касается административного управления Церковью, то эти права стал осуществлять каждый приход, на основании предшествовавшей практики церковной жизни.

Между тем, обновленцы управлялись епископом Анатолием (Соколовым), забирали себе лучшие храмы, кремлевские соборы, хотя их храмы пустовали, и сами обновленцы испытывали на себе явную недоброжелательность верующих. Епископ Анатолий (Соколов), будучи викарием, восхвалял, как мы уже говорили, архиепископа Фаддея (Успенского), а теперь, став сам архиепископом Астраханским, не замедлил злословить своего бывшего начальника, называя его “тихоновцем”, “контрреволюционером”.

В конце 1922 года Астраханскую епархию приняли под свое окормление Православный епископ Сердобский Петр (Соколов), проживавший в Саратове. Конечно, епископ Петр (Соколов) мог управлять Астраханской Церковью также номинально, тем не менее это было большим плюсом для Православного сознания.

1. Теперь епархия имела епископа, который, если фактически и не управлял Церковью, то все-таки идейно объединял церковную жизнь самоуправляющихся приходов.

2. Всякий верующий знал, что на Руси продолжает преемственно существовать Православный епископат, отличный от обновленцев. Этим разоблачалась обновленческая ложь о передаче им церковной власти Патриархом Тихоном.

3. Борьба с обновленчеством, при таких условиях, принимала идеологически осмысленные формы и указывала правильные пути церковной действительности.

III.

В июне месяце 1923 года был освобожден из под ареста Патриарх Тихон, вернувшийся к своей деятельности. Это было величайшим событием в Русской Православной Церкви, это являлось победой над силами разрушения и уничтожения.

В ноябре месяце 1923 года возобновилось возношение Астраханской Церковью имени архиепископа Фаддея (Успенского). Астраханцы услышали радостную весть: владыка вернулся из заточения и вскоре придет в Астрахань. Теперь он жил в Волоколамске — под Москвой, служил в Московских храмах. В конце ноября к нему выехали: соборный ключарь — о. Димитрий Стефановский и настоятель церкви Воздвижения о. Василий Смирнов.

Вот что мне позже рассказал о. Д. Стефановский. Приехали они в Волоколамск поздно вечером, отыскали дом, где жил владыка. Это была большая рубленая крестьянская изба на окраине города. Внутри дом имел три перегородки, за одной из перегородок жил владыка. В комнате стояла железная кровать, у окна — стол. Единственный стул предназначался владыке, а для гостей принесли две табуретки. "Владыка принял нас, — говорит о. Д. Стефановский, — не то что любезно, а как-то по-монашески кротко. Говорил он тихо и мало. Мы рассказали ему о положении епархиальных дел, о трудностях, переживаемых епархией, об обновлениях. Владыка слушал нас внимательно, кое о чем переспросил. Нас поразила общая скудость обстановки и его бедной одежды, но зато привела в восторг аскетическая внешность, застенчивость и какая-то детская робость. Когда, в конце беседы, мы положили перед ним пакет с деньгами на предстоящие расходы по поездке в Астрахань, владыка густо покраснел, смутился и, отодвигая от себя пакет, сказал: "Что вы, что вы, зачем же деньги, нет, нет, не надо, я приеду, приеду". Нам стало неловко, как будто мы сделали что-то очень непристойное или обидное. После чая, поданного молодым келейником, батюшки

собрались уходить. При прощании владыка сказал им, чтобы они ехали домой одни, его не дожидались бы, и что он приедет 8(21?) или 9(22?) декабря. Особо владыка подчеркнул, чтобы о его приезде не оповещалось и не устраивалось каких-либо встреч или церемоний. “Вышли мы от него, — рассказывал почтенный ключарь, — и кое-как уговорили келейника взять пакет с деньгами, он долго отговаривался и, наконец, взял”.

IV.

Познакомился я с архиепископом Фаддеем (Успенским), если можно сказать, при драматических обстоятельствах. Было это 7(20) декабря 1923 года. Я держал путь в Астрахань, ожидая в Москве на Павелецком вокзале поезда — Петроград—Астрахань (так тогда курсировал Астраханский поезд). Из Москвы поезд отправлялся около 6 часов утра, поэтому я приехал на вокзал часом раньше. В залах и около касс толкались люди, сновали носильщики, предлагая услуги по приобретению билетов и переноске багажа. Было шумно, суетливо, как это бывает на всех вокзалах мира в часы ожиданий и отходов поездов. Носильщик ушел покупать мне билет, а я, выбрав отдаленный уголок зала, сел на скамейку. Недалеко от меня, в самом углу, сидел человек в рясе и монашеской скуфье. В руках у него был небольшой томик. Он читал, близко поднеся книжечку к глазам, как это делают близорукие. Рядом с ним на скамейке стоял небольшой саквояж, а на нем узелок, наподобие тех узелков, с какими пассажиры отправляются в дорогу, считая себя независимыми от станционных буфетов. Вскоре к читавшему подошел молодой человек, судя по рясе, скуфье и длинным, почти до пояса, волосам — монах. Он что-то говорил сидевшему. До меня долетело слово: “Астрахань”. Я понял — это мои попутчики. Затем по залу прошел станционный служитель с колоколом в руках, позвонил и объявил посадку на поезд. Я вышел на перрон. Ехал я в жестком вагоне,

тогда еще называвшемся вагоном третьего класса. Мое место было в последнем купе, в котором я был почти единственным пассажиром. Затем мое одинокое положение разделила пожилая женщина с огромным деревянным чемоданом, а после второго звонка в купе вошел, с саквояжем и узелком в руках, уже известный нам молодой монах, а вслед за ним и тот, который так сосредоточенно читал маленький томик. Он стал раздеваться, а молодой монах ушел. Вскоре поезд тронулся. Мой визави, сняв рясу и оставшись в одном подряснике, перехваченном на талии широким кожаным ремнем, сел и немедленно принялся за чтение того же самого томика. Для меня было несомненно, что это монах. Белое, аскетическое лицо, с ярким румянцем на щеках, большой лоб, умные глаза и гладко причесанные, с прямым пробором волосы, — определенно подчеркивали его принадлежность к черному духовенству. Он то читал, то дремал, прислонившись головою к стене. На какой-то станции я принес в своем дорожном чайнике кипяток, заварил чай и предложил ему разделить со мною чаепитие. Он поблагодарил меня, достал из узелка зеленую кружку, налил в нее чай, молча выпил и опять принялся за чтение. Словом, мой попутчик был удивительно молчалив — и это меня очень удивляло.

В Козлове (сейчас Мичуринск) наша третья пассажирка сошла с поезда, вместо нее Бог послал нам другого пассажира, шумливого озорника, омрачившего наше путешествие. Он был олицетворен молодым человеком лет 22-23, в военной форме, с рюкзаком за плечами. Он был пьян и сквернословил, сначала по адресу плохой погоды, перешел на железнодорожную администрацию, а затем, увидев духовное лицо, обрушил свою грязную ругань на моего молчаливого соседа. Долго бушевал наш новый пассажир, наконец, уснул. Рано утром, на другой день я был разбужен толчком в спину. Около меня стоял вчерашний сквернослов. “Вставай, — иди водку пить!” — услышал я его хриплый голос. Он еле держался на ногах, на его

койке стояли две фляги, отвратительно пахло самогоном. Я был взбешен бесцеремонностью пьяницы и почти отшвырнул его от постели. Это не смутило его: он принялся за моего соседа, который, по прежнему, сидел в углу и дремал. Пьяный подсел к нему и толкнул в бок. Монах открыл глаза и, мягко отстранив его руку, вежливо просил оставить его в покое. Пьяница разразился отборной руганью, схватил монаха за руку и с криками: “расшибу”, “уничтожу”, бросился на него. Я успел взять хулигана за плечи и оттолкнуть его. На шум сбежались пассажиры из других купе, и общими усилиями удалось унять буяна. Где-то, кажется, в Аткарске, хулигана, при содействии милиции, сняли с поезда.

Легко себе представить состояние моего соседа: его бледневшее лицо выражало испуг и беспокойство, руки дрожали. Он глядел на меня благодарными глазами и дважды сказал: “спасибо”. Вот именно с этого и началось наше знакомство. Драматическое событие утра сообщило нам тему для разговора. Каждый из нас стал припоминать подобные случаи из жизни, затем разговор перешел на другие темы. Короче говоря, я узнал, что мой попутчик — архиепископ Фаддей (Успенский) и едет в Астрахань на кафедру. Его сан преисполнил меня уважения к нему, а нетребовательность, по крайней мере дорожная, приятно дополняла мои представления о монахах-аскетах.

Я проснулся, когда поезд был недалеко от Астрахани. Владыка Фаддей (Успенский), судя по теплой рясе и клобуку, приготовился к выходу. Он стоял у окна и сосредоточенно вглядывался в белые валуны тумана. На последней остановке мы явственно услышали колокольный звон, доносившийся из города.

Вот и вокзал. Я взялся за свой небольшой чемодан и жестом показал соседу на его саквояж, — дескать, и его могу взять. Но моя услуга оказалась излишней: через какую-нибудь секунду наше купе наполнилось встречающим владыку духовенством. Они подходили

к нему под благословение, толпились и глазами искали его багаж¹, и кто знает, может быть были удивлены, увидев старенький, выдавший виды, саквояж и почти нетронутый узелок с съестным и зеленой эмалированной кружкой.

Однако было видно, что эта восторженная встреча смущала владыку. Он был явно встревожен и возбужден. Было ли это от неожиданности или от непривычности к таким сценам встречи, — я тогда не знал. Позже я узнал, что владыка просил не устраивать встречи и церемоний. При выходе из вагона он смутился еще больше, увидав на перроне толпу из духовенства и мирян, а далее за перроном, на вокзальной площади, волновалось людское море. Он растерялся, сунул мне уже знакомый нам узелок, вышел из вагона и сейчас же оказался в центре людского потока. У вокзала владыку ожидала пролетка, но сквозь толпу она не могла пробиться, — владыка пошел пешком, сопровождаемый толпою. Расстояние от вокзала до церкви Воздвижения — не более одного километра, но потребовалось около двух часов, чтобы дойти до нее. Моросил мелкий холодный дождь, было грязно, но это, по-видимому, мало смущало владыку. Он шел. В церкви Воздвижения звонили. Около 11 часов утра архиепископ Фаддей (Успенский) вошел в храм, началась литургия.

Я отчетливо помню этот воскресный день 9 (22) декабря — праздник иконы Божией Матери Нечаянной Радости. Старейший протоиерей города Н. Г. Пальмов встретил владыку в храме приветственной речью на тему нечаянной радости, выпавшей астраханцам именно в день этого праздника Богородицы. Литургия окончилась в 3 часа дня, но владыка отбыл из церкви около 5 часов вечера. Целых два часа благословлял он молящихся в храме и толпившихся вокруг храма.

Вспоминаю одну подробность из первого богослужения архиепископа. Знали, что владыка не везет своего облачения. Как быть? Где его достать? Кафедральный собор и его богатейшая ризница — в руках

обновленцев. Что делать? Кто-то вспомнил, что один комплект архиерейского облачения, принадлежавший отдаленному предшественнику архиепископа Фаддея (Успенского) — архиепископу Тихону (Малинину) находится в Покровоболдинском монастыре, там же есть и рипиды. Привезли это облачение с рипидами. Мантию, принадлежавшую покойному епископу Леонтию (фон-Вимпфену), отыскиали у одного из монахов Иоанно-Предтеченского монастыря, посох владыки Митрофана (Краснопольского) находился у протоиерея Н. Г. Пальмова. К первому богослужению архиепископа Фаддея (Успенского) не доставало трикирия и дикирия, — владыка служил без них.

V.

Первые три дня владыка жил у настоятеля Воздвиженской церкви о. В. Смирнова, а затем переселился на Республиканскую улицу в дом № 11.

По приезде в Астрахань, я целый месяц не виделся с владыкой, хотя еще в поезде обещал заглянуть к нему в скором времени. Но во все это время я не переставал живейшим образом интересоваться его жизнью на новом месте. Я успел узнать, что на другой день после приезда владыки в Астрахань портной Поляков начал шить для него архиерейское облачение, что какие-то сердобольные старушки принесли владыке чуть не дюжину только что сшитого белья; староста церкви князя Владимира Агафонов, заметил на ногах владыки старенькие с заплатками сапоги, принес ему хорошую теплую обувь. Но все это владыка немедленно раздал нищим. Из уст в уста ходила молва, что владыка очень мало ест, почти целый день проводит в церкви, по ночам что-то пишет, спит чуть ли не на голых досках. Словом, за этот месяц я получил десятки восторженных отзывов о новом архиерее.

Все эти рассказы вызывали у меня естественный интерес. Желание увидеть человека не от мира сего в домашней обстановке привело меня к нему. Был январь. Морозный полдень. Парадную дверь отперла

мне древняя старушка. По короткой скрипучей лестнице я поднялся наверх и в коридоре увидел владыку, который тоже вышел на мой звонок. Встретил он меня ласково и повел в комнату. Вот я и в жилище этого удивительного человека. На всем, что находится в комнате — печать простоты, вернее, убожества. Владыка занимает две комнатки. В первой комнате стоит простой сосновый стол, покрытый цветной клеенкой, три или четыре стула, на двух окнах — кисейные занавески, в углу образа с полотенцами на киотах. Во второй комнате железная кровать, покрытая серым байковым одеялом. Первая комната имеет назначение: столовой, приемной, кабинета, вторая — спальня.

Старушка принесла два стакана чая и несколько булочек. Владыка выпил свой чай и съел булочку. Второй стакан был около меня и, по-видимому, предназначался мне. Так как ни хозяин, ни его прислужница меня не угощали, я не знал, что делать с чаем. Выпил я полстакана, когда чай был почти холодным. Около часа я пробыл в доме владыки. Он рассказал мне о своих впечатлениях на новом месте, был очень доволен всем, спросил меня о моих делах. По дороге домой я не переставал думать о только что виденном. Для меня все было новым и неожиданным. Раньше я видел богатые архиерейские покои — дворцы, пышные выезды в дорогих каретах, сановных архиереев. А вот здесь — картина убожества, неприхотливости, какое-то непонятное отношение к гостю. Все необычно и странно. Я, конечно, догадывался об особых личных свойствах владыки, наблюдая его в поезде, но то было мелким, частным эпизодом. Мне казалось, что домашняя обстановка во многом изменит мои догадки. Мне понадобилось еще несколько недель, чтобы твердо узнать о нем все, что мне хотелось. Я увидел, что этот невзыскательный к жизни человек привлекал к себе людей именно этой невзыскательностью. Я присутствовал на его богослужениях в переполненных храмах, слышал его чудесные, вдохновенные пропо-

веди, видел его кротость и смирение, доходившие до детского незлобия, я видел толпы народа, провожавшего его домой и толпившегося у его дома, на улице и во дворе, с утра до вечера ожидавшего, когда владыка пойдет в церковь. Его жилище было недалеко от Покровской церкви, куда он ходил ежедневно утром и вечером одной и той же дорогой — через парк. Дорога стала привычной: здесь толпа ждала владыку, чтобы вместе идти в храм. И долго эта дорожка именовалась “Фаддеевской”. (Прошло несколько десятков лет с тех пор, а я помню эту аллею. Как мановением волшебного скипетра живо воскрешает она прошлое. Когда иду я через парк, обязательно пройду по ней, посмотрю на покосившийся дом, и трогательные воспоминания нахлынут на меня тревожной, но тихой задумчивостью. Здесь живая связь сливается с вечной памятью.)

Я понял все, когда собственными глазами увидел источник, из которого родится обаяние и любовь к служителю духа. Нет, не ищите этого чистого источника в роскошных покоях, раззолоченных каретах! Красивые перья делают птицу красивой. Вот он — этот источник — в старенькой, порыжевшей рясе; она как бы являлась олицетворением душевной красоты, возбуждающей все прекрасное в душе другого, открывающей глаза на правду жизни, на евангельскую любовь, на беспредельное богатство души. Истинное богатство человека — его внутреннее достоинство. Именно этим сокровищем владел приснопамятный владыка Фаддей (Успенский).

Среди бесчисленных добродетелей владыки была одна такая, которая, во-первых, отомстила мне за мой эгоизм, а во-вторых, сделала меня искренним поклонником его. Вспоминая мой первый визит владыке, я часто думал над тем, почему он не счел необходимым предложить мне чай. Это ничуть не обижало меня, а как-то шокировало относительно простого такта к гостю. Такая ничтожная подробность визита, конечно, ни о чем не говорила, и не стоило бы о ней думать и

вспоминать, если бы психологический эффект от такой мелочи не оказался таким неожиданным и огромным. Оказывается, владыка не имел ничего своего, собственного. Давали ему чай или обед — он пил, ел, а если не давали — не спрашивал. Что делалось в доме по хозяйству, он не знал, ни во что не вникал, всегда считая себя гостем и зависимым от того, кто ему прислуживал. Вот — причина, которую я эгоистично возводил в какую-то негостеприимность. Узнав об этой великолепной аскетической черте полнейшего жизненного самоотречения владыки, я часто упрекал себя в несправедливом суде над ним. Разумеется, это еще больше покорило меня. Я мысленно поклонился величию духа этого необыкновенного человека.

Через два-три месяца я был в доме владыки Фаддея (Успенского) своим человеком, — он почтил меня своей дружбой.

VI.

Так как архиепископ Фаддей (Успенский) приехал в Астрахань в самый разгар обновленчества, автор считает необходимым изложить историю астраханской обновленческой смуты и ход борьбы с ней.

Изучая историю обновленческого раскола, я особенно интересовался источником, из которого текли мутные потоки обновленческих реформ. Я находил этот источник не в той внешней, своего рода революционной акции, совершенной разрушителями Церкви 2(15) мая 1922 года, когда они обманно объявили свою ориентацию высшей церковной властью. Нет, конечно. Обновленчество началось не теперь. Сейчас оно только диалектически прошло через стадию завершения давно сформированных стремлений, а вообще силы разрушения питались старыми корнями. Желание узнать, не было ли чего-либо своего, предрасполагавшего к обновленчеству в Астрахани, привело меня к о. Вячеславу Соллертинскому — настоятелю церкви в Черкизове (Москва), ранее служившему

священником Николо-Гостинной церкви в Астрахани. Вот что я узнал от него. Еще за несколько лет до революции настоятель Николо-Гостинной церкви Ксенофонт Цендровский вел с о. Вячеславом разговор о русской церковной жизни. Он сетовал на архиерейский деспотизм, резко высказывался против монашества, возмущался воспрещением второбрачия духовенства. Цендровский сотрудничал в журнале “Звонарь”, издававшемся священником Белковым (Христофором. *Сост.*) и одобрял выступления журнала за обновление церковной жизни. Цендровский имел несколько экземпляров решений 4-го Всероссийского миссионерского съезда в Киеве в 1909 году. Известно, что этот съезд обновленцы пытались превратить в Поместный Собор без епископата. Цендровский, восхищаясь революционными лозунгами обновленцев, с которыми он выступал на этом съезде, распространял среди астраханского духовенства содержание этих лозунгов. “Мне, как молодому священнику, деятельность Цендровского казалась несовместимой с послушанием Церкви в силу нашего сана, — говорил о. Вячеслав. — Я думал тогда, не слишком ли крутой разрыв с традициями Церкви проектируют обновленческие идеологи, не поколеблет ли это устои Церкви? Иногда я возражал Цендровскому, но мои возражения приводили к осложнениям по службе”. О. Вячеслав иногда бывал у Цендровского дома и заставлял там священников: Михаила Боровкова, Александра Юрикаса. Они редактировали какие-то обращения к духовенству, сочиняли проекты церковных реформ. “Тогда я чувствовал себя участником какого-то заговора против Церкви и спешил уйти домой”. О. Вячеслав Соллертинский с протодиаконом Г. К. Антоненко (впоследствии патриарший архидиакон) выехали в Москву — в Черкизово, расставшись с Астраханью в первые же дни захвата обновленцами власти.

Такие сведения о существовании в Астрахани своего рода подпольного антицерковного кружка из духо-

венства вполне объяснили мне очень важный факт: обновленческую власть признало на первых порах все без исключения астраханское духовенство. Вероятно долголетняя агитация астраханских идеологов обновленчества сыграла свою подготовительную роль.

В начале июля месяца 1922 года епископ Анатолий (Соколов) собрал в Иоанно-Предтеченском монастыре все городское духовенство и уездных благочинных. Он зачитал документ об организации в центре ВЦУ, сообщил, что это вполне законная и преемственная церковная власть. На этом собрании он зачитал свое послание к духовенству и пастве, объяснив законное происхождение ВЦУ, которому и следует подчиняться. “Мы все подписались под этим посланием, ничего не подозревая и ни в чем не сомневаясь”, — говорил мне священник К (ныне — *Сост.*) Владимирской церкви о. Всеволод Виноградов.

Приблизительно через полмесяца епископ Анатолий (Соколов) вновь собрал все духовенство. Это собрание происходило в церковно-приходской школе при Троицкой церкви (сейчас ул. Псковская). На собрании выступил Цендровский с докладом о программе Живой Церкви. “Вот здесь мы и поняли, что значит ВЦУ. Едва докладчик окончил изложение живоцерковной программы, в зале поднялся шум, крики. Церковный староста Ильинской церкви Баринов зачитывает послание митрополита Агафангела (Преображенского), разоблачающее обновленческую ложь, а затем, обращаясь к присутствующим, призывает их не признавать ВЦУ и епископа Анатолия (Соколова). Миряне и часть духовенства рукоплещут Баринову, раздаются крики: “долой Анатолия (Соколова)”, “гоните Цендровского!” Собрание закончилось, епископ Анатолий (Соколов) укрылся в квартире настоятеля Троицкой церкви о. Г. Степанова (в верхнем этаже школы). Цендровского проводили площадной бранью. “Я вернулся домой и сейчас же написал епископу заявление, в котором отвергал законность власти ВЦУ, не соглашался с живоцерковной программой

и просил исключить мою подпись на послании”, — рассказывал мне о. Всеволод Виноградов. Это было первое заявление протеста — оно вполне соответствовало благородной, прямой и смелой натуре о. Всеволода. Вслед за о. Всеволодом Виноградовым такие же заявления подали: священник Христорождественской церкви о. В. Залесский, настоятель И(оанно — Сост.) Златоустовской церкви о. В. Наследышев, священник Казанской церкви о. И. Болтинский. Осталось неизвестным, кто еще из духовенства официально декларировал свой отход от обновленчества; известно лишь то, что в течение ближайших недель около епископа Анатолия (Соколова) группировалось небольшое число его приверженцев. Обновленцы забили тревогу и, по-видимому, потребовали из Москвы подкрепления своих позиций. Вот тогда на Астраханской церковной арене появился Михаил Постников — уполномоченный ВЦУ, известный церковный погромщик, ставший затем обновленческим архиереем, а потом, к сожалению, принятый в состав Православного епископата.

Постников пытался сговориться с непослушным духовенством, оправдать ВЦУ и обновленческое движение. Было созвано собрание духовенства и мирян опять в той же школе. Едва Постников, епископ Анатолий (Соколов), Цендровский и Боровков заняли места в президиуме, раздались крики: “долой их всех”, “гоните Мишку кривого, Мишку — рязанского гармониста!” (так почему-то “окрестили” Постникова). Бушевали, конечно, миряне. Собрание было сорвано. В дальнейшем Постников реализацию своей миссии перенес в резиденцию епископа Анатолия (Соколова), туда приглашалось по три-четыре человека из духовенства, с ними он вел переговоры. Кажется, никто из непризнающих обновленчество не откликнулся на его приглашение, кроме о. Всеволода Виноградова, который пошел затем, “чтобы сказать ему в лицо, что он негодяй”. Так мне говорил он сам.

19 июля (1 августа) Постников, вместе с еп. Анатолием (Соколовым) служил литургию в кафедральном соборе с водоосвящением, а накануне был вынесен Крест. После обедни он объяснил, что теперь служба будет по новому стилю. И действительно, в некоторых храмах служба стала совершаться по новому стилю. Не обошлось и без курьезов. — В церкви князя Владимира о. И. Великанов — настоятель — служил по новому стилю, а о. Виноградов — по старому. Произошел конфликт: верующие не пускали Великанова в церковь. У паперти дежурила толпа и всякий раз оттесняла Великанова за ограду. Впрочем, продолжалось это недолго. О. И. Великанов публично отрекся от обновленчества, и на этом окончилось богослужение по новому стилю. В церкви Троицы произошло нечто обратное. Там настоятель о. Г. Степанов остался верен старому стилю, а новостильником оказался священник Тихон Березин. При содействии гражданских властей, Троицкая церковь была зарегистрирована за обновленцами, и Березин стал настоятелем, а Степанов оказался на положении бесприходного священника.

Постников оставил по себе дурную славу своей наглостью и вероломством. О. Василий Смирнов рассказывал в 1958 году, что он сам видел у Постникова револьвер, которым он угрожал ему — Смирнову и о. Евгению Карасеву, если они не присоединятся к обновленцам. После отъезда Постникова из Астрахани, Смирнов и Карасев были арестованы — это были первые жертвы обновленческой смуты.

Теперь ясно определилось, кто остался на стороне Православия и кто — в лагере обновленцев. Обновленцы владели следующими храмами: кафедральным собором, Троицким собором (в Кремле), Николо-Гостинной церковью, Смоленской, Иоанно-Предтеченским, Благовещенским Спасо-Преображенским монастырями, Духосошестввенской, Троицкой, Михаило-Архангельской, Ильинской (Ильи Пророка) и Рождества Христова. Все остальные храмы находились в

руках Православных. Священники, несогласные с обновленцами, ушли из занятых последними храмов и были размещены по Православным приходам. Прихожане тоже ушли со своими священниками. Выявились и главные деятели обновленчества: Цендровский, Боровков (получившие от ВЦУ мандаты уполномоченных), Березин, Абрамов, Смиренномудров, Царевский (вскоре принесший покаяние), Остроумов, Юрикас, протодиакон Талдыкин, иеродиакон Гервасий — монах Покровского монастыря, миряне: братья Кочергины Николай и Евтропий, В. И. Двинянинов, Прозоров. Другие обновленческие священники не проявляли себя, активностью не отличались, довольствуясь своим положением генералов без армий. Настоятель церкви Петра и Павла Н. И. Орлов, оставаясь обновленцем, формально ушел за штат, но не переставал служить с епископом Анатолием (Соколовым) в других обновленческих храмах. Этим самым он сохранил Петропавловскую церковь за староцерковной ориентацией. Было ли это актом благородства с его стороны, или это случилось вопреки его намерениям — неизвестно.

Все эти деятели составили обновленческий штаб, названный Епархиальным Советом. Для черновой работы он использовал сельских священников. Из с. Хмелевки был вызван священник Н. И. Котов, из Икрянного — П. Калелейкин и еще кто-то. Какого рода черновую работу они вели, об этом будет рассказано дальше.

Цендровский и Боровков усиленно занимались агитационной работой: устраивали публичные собеседования, на которых доказывали благодетельность обновленчества, порицали монашество и обвиняли патриаршую Церковь во враждебности к новому политическому строю. Они оба предприняли поездки по уездам и очень скоро насадили обновленчество везде, за исключением Николаевской слободы. Метод, к которому они прибегали был несложен: приехав в село к священнику, они требовали показать им храм; при ос-

мотре храма они отбирали антиминос, который возвращался священнику после подписки о том, что он отвергает патриаршую Церковь и признает ВЦУ и Астраханский Епархиальный Совет. О. А. Луцкий рассказывал, что он, зная о таком методе обращения духовенства в обновленчество, организовал в Николаевской слободе группы сопротивления в каждой церкви. Приехавшего в слободу Боровкова ни в один храм не пустили, а он, Луцкий, как благочинный, не принял его у себя дома. Боровков в слободе успеха не имел.

На стороне староцерковников были маститые, образованные священники. Никто из авторитетных и почтенных священников в обновленчество не пошел. Достаточно вспомнить Н. Г. Пальмова, Г. Степанова, И. П. Болтинского, Е. И. Покровского, Н. И. Покровского, В. Григорьева, Б. Ветвицкого, известных своей высокой образованностью и религиозной принципиальностью; о. В. Залесского, о. Всеволода Виноградова, о. Д. Стефановского, о. А. Пospelова, о. Е. Фетисова, о. В. Наследышева, протодиакона Антония Позднякова — высоконравственных, богато одаренных благочестием. Это были столпы. Верующие шли за ними, находили в них опору и возлагали на них свои надежды. Было и еще очень много священников, преданных Православию. О них я не упоминаю не потому, что ни не достойны добрых, благодарных слов. Они также проводники правды. Мало ли таких людей, которые не выделяются из среды особыми свойствами, но обладают способностью зажигать других в стоянии за правду?

Итак, обновленцы заняли часть храмов. Верующие почти в полном составе покидали свои приходские храмы и вместе с духовенством, если оно не оставалось в обновленчестве, уходили в другие приходы. Прихожане церкви Михаила Архангела перешли в церковь Афанасия Афонского, туда же перешли прихожане и Предтеченского монастыря. Прихожане

Ильи Пророка перешли в Тихвинскую церковь, от Рождества Христова — в Покровскую, от Николы и Смоленской — к Воздвижению. Одним словом, обновленческие храмы пустовали, а Православные — пополнялись новыми прихожанами. Обычно с прихожанами приходило и все духовенство. Оно получало право совершать богослужения: поздние обедни, акафисты, молебны. Например, прихожане собора перешли в единоверческую церковь. Ключарь собора о. Д. Стефановский служил здесь для своих прихожан литургии, читал акафисты. Это, конечно, мало устраивало верующих: церкви были постоянно переполнены, а с другой стороны верующие видели, как пустовали их храмы, которыми завладели обновленцы. Покинутых верующими обновленцев также не устраивало благополучие непокорного стада. Обе стороны сошлись на одной и той же платформе, и каждая из сторон принимала меры к ликвидации затруднений. Православные обратились к гражданским властям с просьбой вернуть пустующие у обновленцев храмы; обновленцы просили гражданскую власть запретить комбинирование нескольких приходов в одном храме. Впрочем, вскоре по проискам обновленцев были арестованы: о. Д. Стефановский, о. В. Залесский, о. Г. Степанов, и «комбинирование само собою прекратилось. Просьба Православных не только не была удовлетворена, напротив, у них был отобран и передан обновленцам еще один храм — Введения во храм Пресвятой Богородицы. Верующие сопротивлялись, избили обновленческих уполномоченных и оставили храм вследствие милиционерских мер. Настоятель о. П. Дьяконов был арестован. Впрочем, вскоре все арестованное духовенство было освобождено.

В сентябре месяце в Москву выехала делегация, состоявшая из о. Всеволода Виноградова, о. В. Залесского и регента Князь-Владимирской церкви С. В. Андреева. Целью их поездки было ознакомление с церковной жизнью в столице. Они привезли полней-

шую информацию о захвате обновленцами церковной власти, о сущности и целях Живой Церкви, побывали у “возрожденцев” в Заиконоспасском монастыре. По возвращении в Астрахань о. В. Залесский выступал в Православных храмах с докладами, в которых разоблачал обновленцев и призывал верующих крепко держаться православия.

Другая делегация из духовенства выехала в октябре или ноябре в Саратов и добилась у Петра (Соколова), епископа Сердобского, согласия окормлять Астраханскую Церковь. Это был большой плюс в жизни Православных, доселе не имевших епископа.

Но как только обновленцам стало известно, что у Православных есть свой епископ, они предприняли ряд демаршей. На Николу епископ Анатолий (Соколов) решил служить на Трусове в Никольской церкви, не принадлежавшей обновленцам. Церковный совет уведомил епископа, чтобы он не приезжал к богослужению, так как прихожане, дескать, не состоят с ним в молитвенном общении. Настоятель церкви Серафим Аврорский поддерживал позицию церковного совета. По случаю престольного праздника, к богослужению было приглашено городское духовенство, с возглавлением о. Н. Г. Пальмова. К 9 часам утра все собрались в храме, и тут произошло неожиданное: Серафим Аврорский вышел с Крестом для встречи архиерея. Приехал епископ Анатолий (Соколов). Произошло замешательство. Староцерковное духовенство покинуло храм, церковный староста и прихожане разошлись. Епископ Анатолий (Соколов) служил литургию, а затем Серафим Аврорский запер храм, ключи унес с собой. Этот огромный, прекрасный храм стал обновленческим. Через неделю епископ Анатолий (Соколов) намеревался также поступить и с Преображенским храмом. Он назначил там богослужение; но к приезду епископа храм оказался запертым. В ограде стояли — церковный староста В. А. Лебедев и второй священник о. А. Руднев: они объявили Анато-

лию (Соколову), что в храм его не пустят. Епископ с позором уехал.

Летом 1923 года, в канун праздника Казанской, в Казанскую церковь явился Боровков с В. И. Двиняниновым. Они потребовали, чтобы храм был передан обновленцам. Церковный староста И. Ф. Осипов, с помощью прихожан, вытолкали из церкви и Боровкова, и Двинянинова. Целую неделю в храме не было службы из-за опасности налета на него со стороны обновленцев, дежуривших у ограды. Ключи от церкви были отобраны у Осипова заведующим адмотделом Е. Е. Терентьевым, и этот самый лучший из приходских храмов был передан обновленцам. Настоятель о. В. Григорьев перешел с прихожанами в Покровскую церковь, о. И. Болтинский — в Знаменскую, а священник Третьяков остался у обновленцев.

Наступление обновленцев на Православные храмы шло усиленным темпом. Вскоре епископ Сердобский Петр (Соколов) был арестован. Теперь астраханцы оказались в тяжелейшем положении: у них отбирались храмы, не было своего епископа. Обновленческий агитпроп действовал активно. Так как ВЦУ отменило богослужение по новому стилю, обновленцы этим воспользовались и в своих публичных выступлениях не переставали доказывать, что теперь между староцерковниками и обновленцами разницы нет. Приходите и убедитесь. Неустойчивая часть верующих была в раздумье. Вероятно, и тревожные сомнения, и смутные надежды попеременно овладевали их сознанием. Толпа легко переходит от зла к раскаянию и от поругания к обожанию. Именно в тот момент, когда волны сомнений могли увлечь своим мутным потоком многих, день 9 (22) декабря 1923 года, день Нечаянной Радости, вывел на вокзальную площадь многотысячную толпу, чтобы показать ей ее надежду.

VII.

Приезд владыки Фаддея (Успенского) в Астрахань вызвал естественную тревогу у обновленцев, тем бо-

лее нервировало обновленцев, что встреча архиепископа вылилась в такую небывалую демонстрацию, угрожавшую им потерей жалких остатков церковного стада. Первые службы архиепископа в церкви Воздвижения привлекли массу верующих. На Рождество (25 декабря 1923 г. — 7 января 1924 года) владыка Фаддей (Успенский) служил утреню и обедню в старом соборе Рождества Богородицы (в храме верхнего этажа — во имя Вознесения Господня). Несмотря на то, что богослужение началось в 3 часа утра, огромная масса верующих заполнила храм, внутренние лестницы, площадку нижнего храма, широкую паперть и часть улицы у Краеведческого музея. Другие Православные церкви тоже были переполнены молящимися. Зато Успенский кафедральный собор, в котором епископ Анатолий (Соколов) служил позднюю обедню, почти пустовал. В праздник Крещения Господня повторилось то же самое. Крестный ход на воду, начавшийся от старого собора, представлял собою грандиозное зрелище, масса верующих с иконами и Крестами заполнила всю Московскую (сейчас Советскую) улицу и протянулась через кремлевскую площадь до Волги. Обновленцы же вышли из Кремлевского собора с горсточкой своих приверженцев.

Легко себе представить, что думали обо всем этом в обновленческом лагере.

В то время много говорили о неуместности триумфальной встречи владыки Фаддея (Успенского), да и сам владыка неодобрительно относился к такой церемонии. Толковали о вреде от такого открытого, демонстративного вызова обновленцам, и нечего греха таить, боялись ответных мер со стороны гражданских властей, поддерживавших обновленчество, как разрушителей Церкви. Опасения такого рода, разумеется, были небеспочвенными. Но я рассуждал иначе. Я спрашивал себя, чего могли ожидать верующие от приехавшего к ним епископа: приостановления обновленческих притязаний на Православные храмы?

Прекращения обновленческой смуты? Нет, конечно, ни того, ни другого ожидать нельзя было, потому что эти процессы приостановить или прекратить было невозможно: развитие их было подчинено силам, стоявшим над обновленчеством. Приезд владыки Фаддея (Успенского), как и следовало ожидать, нанес ущерб самой обновленческой идеологии, подтвердил ее лживость и порочность. Православные церкви по прежнему переходили к обновленцам, обновленческие вожаки не переставали атаковать верующие массы и после приезда архиепископа, но доступ к сердцам верующих для них был закрыт. Именно поэтому триумфальная встреча владыки явилась определенной победой над обновленчеством, она укрепила Православное сознание. Мне казалось, что такая демонстрация была нужна.

Любопытно отметить, что сам владыка, за все время служения в Астрахани, ни одного слова против обновленчества публично не сказал. Но для верующих не нужны были слова обличения, они без слов понимали правду Церкви, воплощенную в этом божественном сосуде кротости, смирения, преданности и полного отречения от всего, что не есть Церковь. Хорошо это чувство выразил астраханский идеолог обновленчества Ксенофонт Цендровский, когда приносил покаяние в грехе раскола. Он сказал: “Долго я коснел в грехе обновленчества. Совесть моя была спокойна, потому что мне казалось, что я делаю какое-то нужное и правое дело. Но вот я увидел владыку Фаддея (Успенского), я смотрел на него и чувствовал, как в душе моей совершается какой-то переворот. Я не мог вынести чистого, проникновенного взгляда, который обличал меня в грехе и согревал всепрощающей любовью, и я поспешил уйти. Теперь я ясно сознавал, что я увидел человека, которому можно поклониться не только в душе, но и здесь на ваших глазах”.

VIII.

Замешательство в обновленческом лагере, вызванное приездом архиепископа Фаддея (Успенского), очень скоро повлекло за собою поредение его рядов. Из обновленческого штаба ушли и вернулись в лоно Православия священники: Царевский и Третьяков, архидиакон Гервасий, миряне братья Кочергины; Юрикас ушел из обновленчества и опубликовал в газетах свое отречение от сана и Церкви. И, наконец, обновленчество покинул его астраханский идеолог — Ксенофонт Цендровский. Почти все сельское духовенство покинуло обновленчество и устремилось под окормление владыки Фаддея (Успенского). Я присутствовал за богослужением в церкви Петра и Павла, когда братья Кочергины исповедали свой грех участия в обновленческой деятельности. Оба они, один за другим, обратились к верующим с покаянными словами, порицали деятельность обновленческих главарей, вскрыли их преступные способы, при помощи которых он овладевали храмами. Это было важным открытием, о котором я скажу ниже.

Но обновленцы своих позиций не сдавали. Генералы без армии напрягали свои силы и продолжали свое гнусное дело захвата храмов. В феврале месяце обновленцы заняли нижний храм старого собора Рождества Богородицы. Староста собора Ф. П. Гузик оказал сопротивление, не давал ключей, но был арестован, и ключи у него были отобраны и переданы обновленцам. Положение с богослужением в соборе осложнилось. В оба этажа ход в храм был через одну железную дверь. Православные попали в зависимость от обновленцев, владевших ключами от внешней двери. Чтобы попасть в верхний этаж собора нужно было выпрашивать ключи у обновленческого старосты — Двинянинова, который давал их неохотно. Жаловались на это местным властям, но безрезультатно. Но несмотря на всяческие рогатки, владыке Фаддею (Успенскому) удавалось служить в верхнем соборе, хотя обновленцы сопровождали его богослужения прово-

кационными выпадами. Помню такой случай. В верхнем этаже идет архиерейская служба при переполненном храме. На внутренних лестницах, ведущих в храм — толпы народа. Здесь же в коридоре, у входа в нижний собор, стоит Двинянинов и разглагольствует: “Эх, вы, бараны, чего толпитесь? Ведь вот храм — разве он не такой? Идите сюда. Привязались к Фаддею (Успенскому), а что он? Простой, без образования, монах, не чета нашему Анатолию (Соколову) — академику!” (слово “академик” он произносит “икадемик”). В молящемся народе возмущение, кто-то громко говорит: “Выбросите его вон!” Двинянинов скрывается в пустующем храме. Перед Пасхой верхний храм собора перешел в руки обновленцев. Сначала Двинянинов отказал в выдаче ключей, около месяца собор был закрыт, а затем местные власти его зарегистрировали за обновленцами целиком.

Владыка Фаддей (Успенский) перенес свою кафедральную резиденцию в Знаменскую церковь. Это была одна из красивых и богатых церквей города. Но и этот храм удержался за Православными одну неделю. Владыка Фаддей (Успенский) назначил в нем богослужение в одно из воскресений, а накануне явился к нему староста И. И. Козлов и сообщил, что храм перешел к обновленцам по распоряжению местных властей. Настоятель храма — престарелый Дмитрий Фаворский, остался у обновленцев, священники о. И. Орлов и о. И. Болтинский перешли: первый в Петропавловскую, а второй — в Покровскую церкви. Вместе с Знаменской, обновленцы овладели и Воздвиженской церковью. К началу мая 1924 года у староцерковной ориентации оставалось 10 храмов: Петра и Павла, И(оанна Сост.) Златоуста, кн(язя Сост.) Владимира, Тихвинская, Никольская (прокаженных), Покровская, Афанасия Афонского, Донская, Вознесения (единоверческая) и на Трусове — Преображенская.

Но уже в середине мая обновленцы начали вести подготовку к отобранию церкви Петра и Павла. На-

стоятель храма о. Б. Ветвицкий был вызван в Губисполком, и там ему было сказано, что церковь Знамения предположено обратить в производственное предприятие и что в связи с этим, обновленцы претендуют на церковь Петра и Павла. Это новое притязание обновленцев немедленно стало достоянием Православных верующих. Возмущению их не было предела. Старосты отобранных церквей: Киселев, Баринов, Гузик, Коновалов, Григорьев, Осипов и другие ворвались в кабинет председателя Губисполкома, с требованием прекратить поддержку обновленцев со стороны местных властей. Конечно, этой обструкцией они ничего не добились и поняли, что действовать нужно иначе, т. е. жаловаться в Москву.

Такая же мысль возникла у владыки Фаддея (Успенского). И вот 14 (27?) мая вечером я был в доме у владыки. Он взволнован и подавлен. Едва я переступил порог его комнаты, владыка сразу же заговорил.

“Вот хорошо, что вы пришли так скоро. Давайте подумаем, что делать с обновленцами. Заберут они все наши храмы. Я думаю, надо бы подать жалобу в Москву и поехать с ней вам и представителям от церквей. Вы слышали, что говорили Кочергины у Петра и Павла? А вот груды заявлений от верующих о мошеннических проделках обновленцев”. Я вспомнил, что говорили Кочергины. Чтобы завладеть храмами, надо было представить в местные органы власти списки верующих, число которых превосходило бы количество староцерковников. А где их взять? И вот священники Калелейкин, Котов и даже Березин “пошли в народ”, т. е. делали обход по домам. Войдя в дом, Котов так начинал свою речь: “Ты, бабушка, слыхала, как ругают живоцерковников, а ведь это несправедливо. Они лучше чем староцерковники. Чтобы помянуть родственников о здравии или за упокой, тебе надо идти в церковь, подавать записку, платить деньги, а вот мы будем поминать всех бесплатно. Говори, кого записать?” Следовал длинный перечень живых и умерших, узнавались фамилии. Уже известный нам Те-

рентьев показал эти списки старостам — жалобщикам. В одном из списков Баринов увидел себя. Так и было записано: “Баринов Федор Евдокимович”.

На столе у владыки лежали заявления верующих, разоблачавшие махинации обновленцев. Я не стал раздумывать и согласился написать жалобу и поехать с нею в Москву.

Негодование против обновленчества во мне было невыразимо велико. Я отчетливо сознавал разрушительные тенденции обновленчества и воодушевился предстоящей мне миссией — защитой Церкви. Вероятно высшая степень воодушевления затмила во мне чувства осмотрительности и предосторожности. Буквально на другой день моя квартира превратилась в какой-то штаб. Вечерами приходили экс-старосты, приносили заявления от верующих, в которых они разоблачали подлоги обновленцев при составлении списков. Приходили бесприходные священники и торопили с жалобой и отъездом. Когда жалоба с грудой приложения была готова, подписать ее собралось около 20 человек.

25 мая (7.6?) я, с Бариновым и Осиповым, выехали в Москву. Как проходила наша поездка, к кому мы обращались с жалобой и с чем мы вернулись в Астрахань, я подробно описал в записке, озаглавленной “Мои воспоминания о встречах с Патриархом Тихоном”. Вкратце дополню тот рассказ. При отъезде в Москву владыка Фаддей (Успенский) вручил мне письмо на имя Святейшего патриарха Тихона, к которому мы должны были зайти прежде, чем идти с жалобой в правительственные инстанции. Так мы и сделали. Патриарх принял нас, оставил жалобу и все приложения у себя для прочтения, а на другой день все это вернул с письмом на имя Орлеанского. Мы его разыскали и через него попали на прием во ВЦИК к Смидовичу, который с своей, благоприятной для нас резолюцией, направил нас в Наркомюст к Красикову. Он накричал на меня, назвал “тихоновцем, контрре-

волюционером”, но обещал прислать ответ на жалобу письмом.

Узнав о моем возвращении из Москвы, мои “доверители” нагрянули ко мне на квартиру. Я и мои товарищи по поездке сообщили им пока не совсем утешительные сведения, упомянув все-таки, что Смидович сделал ободряющую резолюцию в том смысле, что Красикову предлагалось расследовать факты подложности списков обновленцев и вообще принять меры к восстановлению законного порядка. Такая резолюция, конечно, ко многому обязывала Красикова, но судя по тому, как он принял нас, швырнув жалобу с резолюцией в сторону, мы не возлагали больших надежд на благоприятный исход дела. Будем ждать ответа.

Но ответа нет. Вот уже прошло несколько месяцев. В конце августа мы вместе с владыкой Фаддеем (Успенским) выехали в Москву. Об этой поездке я подробно писал в тех же “Воспоминаниях о встречах с Патриархом Тихоном”. Я был приглашен вместе с владыкой Фаддеем (Успенским) к обеду у Патриарха. Его Святейшество подарил владыке по случаю дня его Ангела дорогое облачение и бриллиантовый Крест на клобук, а мне собственную фотографию с трогательной надписью. Тогда же в канцелярии Красикова я узнал, что наша жалоба отправлена в Астрахань “для принятия мер”.

По приезде в Астрахань я раза два наведывался к Терентьеву за справками по поводу жалобы, но опять никакого определенного ответа. Дважды телеграфировали Красикову о положении дела, но увы, кругом молчание. По-видимому, я очень надоел властям придерживающим своими жалобами, и они решили от меня избавиться. В конце октября, утром в воскресный день, у меня дома был произведен обыск. Работники ГПУ Киселев и Мальцев изъяли у меня копии нашей жалобы со всеми приложениями и фотографию Патриарха, ту самую, которую Его Святейшество мне подарил с своей надписью. Мне было приказано явиться

в ГПУ на другой день. Вечером я был у владыки Фаддея (Успенского); он ободрил меня. “Завтра ничего с вами не произойдет, не бойтесь. Немножко побранят, прочтут вам лекцию, как опасно защищать Церковь и отпустят. Я помолюсь за вас”. Утром я явился к Киселеву. Он обрушился на меня, называл опасным сообщником врагов революции, которые “цепляются” за Церковь, указал мне статью уголовного кодекса, по которой я буду привлекаться. Но к концу беседы Киселев неожиданно изменился, стал вежлив и предложил мне дать подписку в том, что я больше не буду оказывать юридической помощи староцерковникам. Я дал такую подписку и был отпущен. Все, отобраченное при обыске, мне не вернули.

Теперь необходимо упомянуть о фактическом церковном положении в Астрахани к тому времени. После изъятия у православных Знаменской церкви (в марте 1924 года), положение как будто стабилизировалось. Обновленцы, покушавшиеся на Петропавловский храм, не давали о себе знать. Здесь, может быть, сыграла положительную роль жалоба в Москву. Хотя мы жаловались на незаконный и преступный характер захвата обновленцами храмов и просили вернуть их Православным, в Москве могли решить просто: захваченных церковей не отдавать, но и на оставшиеся в руках староцерковников храмы не посягать. Вероятно, этот так и было, если судить по притихшим обновленческим главарям.

Уже в марте 1924 года владыка Фаддей (Успенский) сделал собором Князь-Владимирскую церковь, вмещавшую многотысячное количество верующих, церковь Петра и Павла — для воскресных всенощных и чтения акафиста Николаю Чудотворцу, Покровскую церковь — нечто вроде Крестовой церкви, где он ежедневно бывал и почти ежедневно совершал литургию. Постом владыка любил служить в единовременной церкви, очень уютной, богато украшенной, снаружи увенчанной пятиглавой кровлей, со старинной пирамидальной колокольней. Впрочем, владыка

часто посещал и все другие храмы и по будням служил то у Афанасия Афонского, то у Тихвинской, то у Николы (прокаженных). Все знали, что в любой день владыка где-нибудь служит. Но были у него и постоянно заведенные богослужения. В Церкви Петра и Павла он служил каждую среду всенощную, а в четверг — акафист Николаю Чудотворцу, в пятницу он читал акафист Богородице в Покровской церкви, в воскресенье — акафист Спасителю — в Князь-Владимирском соборе. После акафистов владыка вел беседы. В церкви Петра и Павла он разъяснял Новый Завет. Начиная с первой главы Евангелия от Матфея и кончая Апокалипсисом, владыка останавливался на каждой строчке евангельского текста и разъяснял его смысл. Стоит, бывало, владыка на кафедре в мантии и омофоре и говорит, говорит. Его белое аскетическое лицо сосредоточено, глаза горят, румянец на щеках — кумач, а в церкви тишина и какой-то особый проникновенный покой. Любил я эти святые минуты. За акафистами в Покровской церкви — по пятницам — владыка изъяснял Ветхий Завет, а после воскресных акафистов — жития святых дня. Проповеди владыка говорил за каждой литургией, даже и тогда, когда бывал нездоров. Помню, это было 8(21) сентября 1924 года, в день Рождества Богородицы. Владыка служил обедню в Покровской церкви. Во время Херувимской он почувствовал себя плохо. Стоявший у престола по правую руку о. Димитрий Стефановский отвел владыку в кресло, принесли воду, нашатырный спирт. Все как будто обошлось, служба продолжалась, но при отпусте повторилось то же самое. Надо бы немедленно ехать домой в постель, но владыка, едва оправившись от приступа, вышел с проповедью.

В течение 1924-25 годов обновленцы искали примирения с Церковью. Епископ Анатолий (Соколов) дважды писал владыке Фаддею (Успенскому) о необходимости примирения. С этими письмами приходил священник Боровков. Владыка не принимал Боровкова, а, прочитав письма, передавал через келейника

о. Халева, что он примет в общение с Церковью каждого желающего покаяться, но не признает обновленчество за Церковь и не может говорить о примирении с ним. Епископ Анатолий (Соколов) сам приехал к нему, но владыка Фаддей (Успенский) уклонился от встречи с ним. Когда вопрос о примирении не получил желательного для обновленцев решения, обновленцы перенесли его на “народное” обсуждение. С этой целью в кафедральном соборе в Кремле обновленцы устроили торжественную вечерню, а после нее собеседование на тему о примирении. Об этом было объявлено машинописной афишей, расклеенной на кремлевских воротах и других местах. Собор наполнился людьми, вечерня шла в полном благочинии и тишине. После вечерни епископ Анатолий (Соколов) снял облачение и вышел на амвон в рясе. Он обратился к стоящим в соборе с речью. Едва он коснулся сущности обновленчества, неосторожно упомянув о том, что принадлежность к “тихоновщине” означает контрреволюцию, как раздались голоса протеста, кто-то из толпы двинулся вперед к амвону, епископ Анатолий (Соколов), побледневший, испуганно бросился в алтарь. Было слышно, как он запер за собою дверь. Толпа долго не расходилась. Будто бы посылали за милицией. Приходили кто из милиции, — не знаю, не видел.

В 1924-25 годах в Астрахани происходили публичные диспуты на тему: “Есть ли Бог?” В качестве оппонентов приглашались архиепископ Фаддей (Успенский) и епископ Анатолий (Соколов). Читал однажды лекцию ректор Московского Университета М. Н. Покровский. Диспут происходил в кинотеатре “Модерн”. Апологетическая речь владыки Фаддея (Успенского) вызвала шумные аплодисменты. Второй диспут, происходивший в театре “Аркадия”, был для владыки огорчителен. Доклад проректора Саратовского Университета Ильинского был содержательным, владыка Фаддей (Успенский) записывал некоторые места из доклада, собираясь выступить, но вслед за

Ильинским выступил с докладом “присяжный лектор” астраханских атеистов — Образцов, допустивший в речи хулиганское объяснение всемирного потопа. Владыка Фаддей (Успенский) встал и немедленно вышел из ложи, за ним последовали: о. Г. Степанов, И. Болтинский, о. А. Арнольдов. В президиуме диспута была оглашена записка владыки, что он не намерен участвовать в собрании, лишенном научного интереса и превращенного в арену антирелигиозных анекдотов.

Дважды приезжал обновленческий “благовестник” Александр Введенский с лекциями на тему: в первый раз — “Трагедия христианства” и второй раз — “Что такое Живая Церковь?” Несмотря на специальное приглашение владыка Фаддей (Успенский) оба раза уклонился от “удовольствия” присутствовать на лекциях “митрополита”. Приезды Введенского были пышными: его встречало все обновленческое духовенство. Первый раз он приехал в Смоленскую церковь, где настоятелем был Боровков. Состоялся молебен в пустующей церкви. Второй раз Введенский был встречен в Успенском кафедральном соборе. Около паперти какие-то женщины кричали: “Один приехал, гражданин митрополит, или с женой?” — “Который раз женат?”

IX.

Я взял на себя непосильный труд воспроизвести на бумаге облик архиепископа Фаддея (Успенского), заранее зная, что этого сделать не могу: не хватит писательского таланта. Перед мысленным взором того, кто прочтет эти записки, я должен воссоздать образ человека необычайной монашеской красоты: мистического склада души, аскетических подвигов, ревностного, до самоотверженности, отношения к Церкви, смирения, кротости, беспредельной доброты и любви к людям. Какая-то необычайная гармония царила во всем существе этого человека. Я чувствовал эту гармонию, соприкасаясь с ним, она явственно мне слышится и сейчас, когда я пишу эти строчки. Но как передать ее

тем, которые не видели его? Для этого нужно владеть огромным художественным воображением.

Не так много прошло (? *Сост.*) со времени его кончины, но обычное среди людей забвение вступает и по отношению к нему в свои права. Образ его тускнеет, расплывается в отрывочных воспоминаниях, хотя и рисуется в верных очертаниях тех, кто знал его лично и знает со слов других. И уходит, таким образом, из памяти верующего общества замечательный русский человек, которому был дорог родной народ и святая Церковь, которую он любил до самозабвения. Именно вот эти кусочки его жизни, из которых я решил воссоздать его образ, помогут задержать архиепископа Фаддея (Успенского) в памяти, не дадут ему уйти совсем и отдадут его под покровительство современного и будущего поколения верующих людей, которые не утратили и не утратят способности распознавать в людях прошлого их величайших нравственных качеств и уважения к ним.

Владыку Фаддея (Успенского) считали святым, — и эта репутация святости создавалась не только верующими-астраханцами, но и в кругах иерархических о нем отзывались точно так же. Я уже имел случай в “Воспоминаниях о встречах с Патриархом Тихоном” упомянуть о моей беседе с Патриархом. Едва я переступил порог его кабинета, Святейший спросил меня: “Вы от владыки Фаддея (Успенского)? Вы знаете, что он святой? И это не только мое мнение”. Чтобы усилить силу своих слов, Патриарх рассказал мне о письмах митрополита Кирилла (Смирнова), которые тот присылал Патриарху из тюрем и ссылки. Я уже раньше упоминал, что владыка Фаддей (Успенский) был арестован, заключен в тюрьму и отправлен в ссылку вместе с митрополитом Кириллом (Смирновым), а затем и епископом Афанасием (Сахаровым). Вот что рассказал мне Патриарх из писем митрополита Кирилла (Смирнова).

“Привезли нас во Владимирскую тюрьму с владыкой Фаддеем (Успенским) в один день и поместили в

большую камеру вместе с ворами. Свободных коек нет, нужно располагаться на полу, и мы поместились в углу. Страшная тюремная обстановка среди воров и убийц подействовала на меня удручающе, я волновался, переживал и не знал, что с собой делать. Владыка Фаддей (Успенский), напротив, был спокоен и, сидя в своем углу, на полу, все время о чем-то думал, по ночам молился. Как-то ночью, когда все спали, а я сидел в тоске и отчаянии, владыка взял меня за руку и сказал: “Для нас настало настоящее христианское время, — не печаль, а радость должна наполнять наши души. Сейчас наши души должны открыться для подвига и жертв. Не унывайте, Христос ведь с нами”. Моя рука была в его руке, и я почувствовал, как будто по моей руке бежит какой-то огненный поток. В какую-то минуту во мне изменилось все, я забыл о своей участи, на душе стало спокойно и радостно. Я дважды поцеловал его руку, благодаря Бога за дар утешения, которым владел этот праведник. Через несколько дней в нашей камере появился молодой епископ Афанасий (Сахаров), о нем было предсказание владыки Фаддея (Успенского). Владыке Фаддею (Успенскому) почти ежедневно приходили передачи. Получив очередную передачу, владыка Фаддей (Успенский) передавал ее старосте камеры, а тот делил ее на всех, самому владыке доставалась всегда ничтожная часть из присланных продуктов. Как-то поступила обычная передача, владыка отделил от нее небольшую часть и положил под подушку, а остальное передал старосте для дележа. Я увидел это и осторожно намекнул владыке, что, дескать, он сделал для себя запас. “Нет, нет, не для себя. Сегодня придет к нам наш собрат, его нужно покормить, а возьмут ли его сегодня на довольствие?” Вечером привели в камеру епископа Афанасия (Сахарова), и владыка Фаддей (Успенский) дал ему поесть из запаса. Я был ошеломлен предсказанием и рассказал о нем новичку. В камере его любили; один из почитателей уступил ему свою койку. Вечером 14 (27?) июля владыка Фаддей (Успенский) лег спать раньше

обычного. “Надо побольше поспать, а то завтра погонят нас дальше, — и придется ли уснуть?” — говорил он. И верно, утром на другой день нас погнали дальше”.

Все это тогда рассказал мне Святейший Патриарх Тихон. Я не ручаюсь за дословную передачу рассказа, но за истинность смыслового содержания беру на себя полную ответственность. Сам покойный Патриарх был хорошо осведомлен о святости жизни владыки Фаддея (Успенского). И не случайно он называл его святым, а на приеме 21 августа (3.9) 1924 года, в моем присутствии, Патриарх, обращаясь с речью к владыке, назвал его “Светочем Церкви”, “чудом нашего времени”.*

* Еще задолго до того времени, как были написаны А. И. Кузнецовым эти его воспоминания об астраханском архиепископе Фаддее (Успенском), пишущий эти строки при одной из встреч своих с А. И., обратился к нему с просьбой припомнить и рассказать содержимое писем митрополита Кирилла (Смирнова) к Патриарху, о чем последний (в связи с разговором об архиепископе Фаддее (Успенском)) передавал А. И. Кузнецову в свое время.

Далее помещаем (устный) ответ А. И. Кузнецова на эту просьбу.

Отметим заранее, что хотя факты, приводимые ниже, и отличаются от таковых же, приведенных в воспоминаниях об архиепископе Фаддее (Успенском), но по своему внутреннему характеру они совершенно таковы же, так что совершенно бесспорно могут быть приписаны одному и тому же лицу. То обстоятельство, что в одном случае А. И. вспоминает одни факты, а в другом — другие, на наш взгляд — не снижает их исторической достоверности...

— “Святейший мне поведал, — сказал автор ”Воспоминаний”, — что в одном из своих писем, присланных из ссылки, митрополит Кирилл (Смирнов) сообщил, между прочим, о следующих эпизодах тюремной жизни, характерных для владыки Фаддея (Успенского), приведших в полное умиление митрополита — его соузника.

В одной из камер Владимирской тюрьмы оказались вместе: митрополит Кирилл (Смирнов), архиепископ Фаддей (Успенский), епископ Афанасий (Сахаров) и ряд других духовных лиц из Москвы. Главный же контингент насельников камеры составляла, конечно, “шпана”.

Владыку Фаддея (Успенского) по всем тюрьмам и ссылкам, как правило, сопровождала родная сестра Вера Васильевна Успенская, чем возможно помогавшая своему брату; таскала с собою его постель и нек. др. необходимые предметы: медикаменты и под., а также по возможности организовывала на местах и передавала в тюрьму подсобное питание.

Здесь, во Владимире, на первых порах, ей удалось передать заключенному брату постель: маленький и жиденький тюфячок и две подушки-думочки. Как сказано выше — камера была переполнена, и нары, конечно, были заняты шпаной и старыми, засидевшимися, заключенными, так что вновь прибывшим пришлось располагаться на ночлег на асфальтовом полу.

В связи с этим, владыка Фаддей (Успенский) стал уговаривать митрополита взять полученную им постель и устроиваться на ней спать.

Митрополит категорически отказывался, резонно возражая: “А вы-то как же?!”

— А я лягу на полу, — ответил владыка Фаддей (Успенский). — Это пустяки, вы не беспокойтесь. Я привык. Я очень хорошо усну... Это ничего. Я ведь дома, у мамыши, всегда спал на мягких перинах, но — не любил... А так — очень хорошо...

И снова принялся уговаривать митрополита воспользоваться его постелью. Последний наотрез отказался. Тогда, из деликатности, владыка Фаддей (Успенский) сложил тюфячок и подушечки вместе и положил этот сверток в углу камеры, что же касается ночлега, то он устроился непосредственно на асфальтовом полу, положил под голову кулачек и — уснул.

Заснула и вся камера — тяжелым, нервным и удушливым сном, а утром, после проверки, сейчас же обнаружилось, что тюфячок и одна из двух подушечек-думочек владыки Фаддея (Успенского) — исчезли. Шпана, укравшая их, успела уже благополучно переправить похищенное в одну из соседних камер. Узнав все эти подробности, владыка Фаддей (Успенский), воспользовавшись тем, что днем камеры не запирались, взял оставшуюся вторую думочку, отправился разыскивать по камерам похитителей и, найдя их, подал им и вторую думочку с просьбой забрать и ее, так как на одной спать низко и неудобно, а на двух — в самый раз!

Шпана, конечно, посмеялась на чудного попа, но принесенную думку с удовольствием взяла.

В своей камере некоторые из заключенных набросились на владыку Фаддея (Успенского) с непрошенными советами: отобрать у воров похищенное; вызвать надзирателя, пожаловаться, потребовать наказания похитителей и т. д. При таком возбуждении окружающих владыка страшно смутился, как-то оробел и стал доказывать всем, что постель эта совершенно ему не нужна, что все это — пустяки, что без постели даже еще удобнее, чем с нею, и проч., т. под., так что все эти непрошенные советники под

конец стали просто, пожимая плечами и разводя руками, в недоумении расходиться по своим местам.

Что же касается владыки, то он продолжал спать на полу и чувствовал себя "прекрасно".

Через несколько дней неутомимая Вера Васильевна ухитрилась передать в камеру, для своего брата, целую гору только что испеченных, румяных, испускающих одуряюще-соблазнительный запах, домашних пирогов... У заключенных даже слюнки потекли! Владыка Фаддей (Успенский) приготовился было начать оделять пирогами своих сожителей по камере (как он и всегда делал с получаемыми им продуктами питания), но тут вошел дежурный по коридору и начал всех строить на прогулку.

Погуляли.

А по возвращении с прогулки в камеру обнаружилось, что пирогов и след простыл!

И опять зашумели непрощенные советники, возмущенные наглой покражей и ускользнувшей перспективой полакомиться давно не виданными домашними пирожками! Владыка же опять благодушно улыбался, смущался (как будто бы он сам похитил у всех этих людей пироги) и упрашивал Христом-Богом не поднимать скандала и не доводить происшедшего до сведения начальства. Для большей убедительности он заступался за шпану, доказывая, что кража ими пирогов — дело вполне естественное, т. к., по всей вероятности, им не приходилось раньше питаться пирогами, вот они и соблазнились. И ничего удивительного. Сам же он на своем веку часто и много ел пирогов, особенно когда бы семинаристом, так как печь их была особая мастерица его мамаша и т. д., и т. д...."

Вот, между прочим и об этом писал митрополит Кирилл (Смирнов) в своих письмах Святейшему Патриарху Тихону, рисуя облик владыки Фаддея (Успенского). Поэтому-то первым вопросом Святейшего к автору "Воспоминаний" и был: "Есть ли что-либо владыка Фаддей (Успенский)?"

О дальнейших испытаниях этих трех иерархов я узнал в октябре 1961 года, когда судьба меня свела с епископом Афанасием (Сахаровым), жившем на покое в аскетическом уединении в с. Петушки, Владимирской области. По рассказам епископа Афанасия (Сахарова), из Владимирской тюрьмы они долго странствовали по пересыльным пунктам. Едва они появлялись на том или ином пересыльном пункте, как архиепископу Фаддею (Успенскому) доставляли передачу: продукты, подушку, белье, обувь и т. д. Оказывается, по следам узников шли мать и сестра владыки Фаддея (Успенского) Вера Васильевна. Им как-

то удавалось узнавать о путях этапа, и они каждый раз опережали прибытие узников на новое место. Епископ Афанасий (Сахаров) так же, как и митрополит Кирилл (Смирнов) с любовью и благоговением отзывался о монашеских качествах владыки Фаддея (Успенского): полном собственном забвении, необычайной кротости и детском незлобии его. "Все, что получал он "с воли", делил на всех, а себе ничего не оставлял. Мне владыка почти насильно отдал подушечку, а сам спал на кулаках... Одному заключенному, когда тот в "котах" натер ноги, владыка отдал свои сапоги," — говорил епископ Афанасий (Сахаров). В связи с этими сапогами владыка Афанасий (Сахаров) припомнил следующий эпизод: "Владыка отдал сапоги, оставшись в шерстяных носках, а так как вскоре предстояла наша отправка дальше, ему нужна была обувь. С "воли" прислали ему большие рабочие ботинки с шнурками. Шли мы последним этапом, где-то недалеко от Усть-Сысольска, и надо же было развязаться шнурку на одном его ботинке. Владыка Фаддей (Успенский) остановился и, пока управлялся с шнурком, конечно, немного отстал от партии. Один из сопровождавших нас подбежал к нему и со всей силой ударил его кулаком в спину, владыка упал, а потом с трудом догонял нас".

Около полутора лет они пробыли вместе, за это время, по словам епископа Афанасия (Сахарова), владыка Фаддей (Успенский) не только не выражал словами, но и виду не подавал, что ему трудно; ни одного упрека, ни одной жалобы на свою тяжелую судьбу. Он утешал своих собратий, и они испытывали на себе дар утешения, каким обладал владыка.

Даже такой церковный либерал и вольнодумец, как митрополит (? *Сост.*) Антонин (Грановский) и тот преклонялся перед нравственным величием владыки Фаддея (Успенского). Я уже упоминал, что в самом начале обновленческой смуты из Астрахани отправилась делегация в Москву, чтобы получить верные сведения о церковных делах. Делегаты побывали у

митрополита (? *Сост.*) Антонина (Грановского). По словам делегата С. В. Андреева, Антонин (Грановский) принял их грубо, вышел к ним в старом, засаленном подряснике, но узнав, что они из Астрахани и что там правящий архиерей — Фаддей (Успенский) сразу смягчился и предложил стулья.

“Знаю, знаю владыку Фаддея (Успенского), очень хорошо знаю. Святой жизни человек. Это — уникам в нашем мире”, — говорил Антонин (Грановский). В конце беседы Антонин (Грановский) вновь вернулся к разговору о владыке Фаддее (Успенском): “Ведь он вылечил меня от болезни. Болел я белокровием. Было это во Владикавказе. Служить не мог, все лежал, и вдруг получаю указ Синода: во Владикавказ в помощь мне едет Волынский викарий Фаддей (Успенский). Был конец февраля 1917 года, кругом забастовки, поезда ходили с перебоями. Владыка Фаддей (Успенский) с трудом добрался до Владикавказа, и прямо в собор. Отслужил литургию, приехал ко мне, и здесь мы познакомились. Я лежал в кровати, а ему подали завтрак. Помню этот день очень хорошо, потому что тогда повесился священник и прямо в передней архиерейского дома. Остановился владыка в моем доме, каждый день служил, приносил из церкви просфоры, святой воды и всякий раз подолгу сидел у моей кровати. Я говорил о скорой смерти, а он утешал меня. “Вам бы, владыко, надо послужить литургию, причаститься и выздоровеете”. А мне, куда там идти в церковь, подняться не могу. И вот однажды взял он меня за руку и поднимает с кровати и поднял такого верзилу, как я. И что же? Ничего у меня не болит. Утром поехал в собор, служил, причастился. Это он меня поднял с одра болезни. Праведник, праведник!”

В декабре 1943 года в гостинице “Москва” я познакомился с архиепископом Симоном (Ивановским), управлявшим Черниговской епархией. Узнав о моем знакомстве с архиепископом Фаддеем (Успенским), владыка Симон (Ивановский) рассказал мне следую-

щее: “Что владыка Фаддей (Успенский) — святой человек — это известно всем, кто его знал и кто о нем слышал. Надо вам сказать, что я был преемником владыки Фаддея (Успенского) по его Владимиро-Волынской кафедре. Это было в начале двадцатых годов, когда Владимиро-Волынь, вследствие революционных событий в России, вошел в состав Польского государства. Владыка Фаддей (Успенский) находился у себя на родине — в России, а я остался за рубежом. Занял я Владимиро-Волынскую кафедру после двухлетнего вдовства и с первых же дней увидел, как крепко была спаяна паства с владыкой Фаддеем (Успенским). Духовенство, народ не только помнили о нем, но считали его как бы временно отсутствовавшим, молились о его здравии за каждым богослужением. В домах многих верующих находились его фотографии, помещенные в переднем углу вместе с иконами. Как-то я сказал ключарю собора, что так пользоваться фотографиями владыки нельзя, но ключарь только развел руками: “Что с ними делать? Они говорят, что он святой”.

Как-то мне пришлось быть во Львове у униатского митрополита Андрея Шептицкого. Он спросил меня, где теперь находится епископ Фаддей (Успенский)? “Мои униаты в былое время тайком ездили к нему и теперь спрашивают, где его можно разыскать, они считают его святым”.

Во Владимиро-Волыньске любили его за смирение, кротость, за простоту и постоянное общение с народом, за то, что он “ходил пешком” и “в нанковой рясе”. Кстати, на этой почве между ним и Волынским архиепископом Евлогием (Георгиевским) произошел конфликт, говорит владыка Симон (Ивановский). “Как-то архиепископ Евлогий (Георгиевский) решил побывать у своего викария — епископа Фаддея (Успенского) во Владимиро-Волыньске. О приезде была послана телеграмма. Подходит поезд, на перроне владыка Фаддей (Успенский) встречает высокого гостя со свитой, идет в вокзал, оттуда на площадь. Здесь ар-

хиепископ Евлогий (Георгиевский) ищет глазами карету, но увы, кареты нет. Оказывается, нужно идти пешком. Владыка Евлогий (Георгиевский), любивший помпу, в ужасе, однако идет за хозяином, а он, не признававший карет, чувствовал себя спокойно. Так и дошли до архиепископской резиденции. Рассказывают, что архиепископ Евлогий (Георгиевский) на другой же день уехал из Владимира-Волынска, считая себя обиженным и об этом написал Саблеру”.

Ныне здравствующий митрофорный протоиерей о. Павел Нечаев вспоминает такой необыкновенный случай в своей жизни, связанный с владыкой Фаддеем (Успенским).

“Было это в 1925 году. Жил я в г. Свяжске, Казанской епархии и служил священником в одной из свияжских церквей. Как-то получил я письмо из Астрахани от архиепископа Фаддея (Успенского). В этом письме астраханский владыка писал, что он меня знает со слов Казанского архиерея (по-видимому, митрополита Кирилла Смирнова) и предлагает мне переехать в Астрахань на должность настоятеля Преображенской церкви на Форпосте (сейчас Трусово). Предложение для меня было неожиданным, я не собирался покидать Свяжска, был хорошо устроен, отношения с верующими у меня были хорошими и я ответил владыке Фаддею (Успенскому), что его предложение для меня очень лестно, я весьма благодарю его за внимание ко мне, но предложения его принять не могу.

Прошло с год, как я послал такой ответ владыке Фаддею (Успенскому), и вот я получил от него второе письмо. В нем он напоминает мне о моем ответе на его предложение и пишет так: “Вы напрасно не согласились переехать в Астрахань. Храм Преображения хороший, впрочем, судьбы Господни неисповедимы, все может случиться, и вы еще послужите в этом храме”. В 1929-м году в Свяжске закрыли храмы, в том числе и тот, в котором я служил. Я принужден был выехать из Свяжска. Путь мой лежал по Волге. Я остановился в Астрахани и пошел к владыке

Филиппу (Ставицкому), не могу ли, дескать, получить место священника в каком-нибудь приходе. Владыка Филипп (Ставицкий) принял меня и на мою просьбу о предоставлении места священника сказал: "Вот идите, послужите у Преображения на Трусове, а там будет видно". Мгновенно я вспомнил владыку Фаддея (Успенского) и от неожиданности такого совпадения разволновался, и слезы потекли из глаз. Я рассказал об этом владыке Филиппу (Ставицкому). Служил я в Преображенской церкви более двух лет, вплоть до ее закрытия в конце 1931 года. Этот случай всегда напоминает мне о высочайших духовных дарах, которыми владел приснопамятный владыка Фаддей (Успенский).

Х.

Аскетический строй жизни, разумеется, сопутствовал владыке и во времена служения его в Астрахани. Может быть его духовные дарования здесь даже стали выше и глубже, если, рассуждая по-человечески, учесть, что покинув Владимиро-Волынскую кафедру, он на протяжении почти пяти лет, с небольшим перерывом, был лишен свободы. Сознание оторванности от жизни, от людей, которым он служил своими монашескими идеалами, житейская скорбь, естественно, должны были углубить в нем чувство самоотрешенности и проявиться в высшей форме. Во всяком случае астраханцы увидели в нем всю необычную красоту монашеского духа, созерцание и богомыслие. Именно таким предстает владыка Фаддей (Успенский) в памяти тех, кто его знал и видел.

В Астрахани владыка находился в окружении добрых людей; с ним вместе они трудились по управлению Церковью. О. Григорий Степанов, о. Василий Наследышев, о. Иоанн Болтинский, о. Всеволод Виноградов, о. Евгений Покровский, о. Евгений Карасев и другие лица являлись не только помощниками владыки, но и составляли передовой фланг по борьбе с обновленчеством. Среди этих лиц были и праведники,

такие как ключарь собора о. Димитрий Стефановский, о. Василий Залесский и незабываемый по кротости и смирению протодиакон о. Антоний Поздняков — общий любимец и духовенства и верующих.

Я упомянул об управлении Церковью. Административную часть управления владыка от себя отстранял. У него не было канцелярии. Была всего одна именная архиерейская печать для ставленнических грамот и указов о назначениях и перемещениях. Ставленнические грамоты и окружные (пасхальные и рождественские) послания печатала на машинке дочь ключаря — Елизавета Димитриевна, а указы о назначениях выводил от руки сам ключарь о. Д. Стефановский. Все делопроизводство находилось у ключаря в саквояже. Быть может в то время административные функции епархиального архиерея были очень незначительны. Приходами управляли церковные советы, с Москвой, если и была деловая переписка, то она заключалась в частных письмах, за исключением патриарших посланий. После кончины Патриарха и изоляции его Местоблюстителя. — митрополита Петра (Полянского), епархии вообще остались без централизованного управления. Что же делать канцелярии, тем более в понятиях владыки Фаддея (Успенского) дисциплинарных дел не было, потому что за всю свою архиерейскую деятельность владыка Фаддей (Успенский) ни на кого и ни одного взыскания не наложил, больше того, никто не слышал от него устного упрека или грубого слова, сказанного в повышенном тоне. Формуляров на духовенство не велось после того, как в дни революции была уничтожена Консистория, а вместе с нею и формуляры. По правде сказать, и не было времени у владыки для канцелярских дел. Ежедневное утром и вечером посещение церкви и служба, а днем прием посетителей, постоянно толпившихся на лестнице, в коридоре, во дворе, ввиду открытого доступа к владыке. Какой-то деревенский батюшка, узнав о простоте приема посетителей архиереем, явился к нему прямо с парохода в 6 часов утра. И ничего.

Был принят, только батюшке ждать пришлось минут десять, пока владыка умывался.*

Все это, разумеется, занимало много времени и уж некогда было вникать в дела административные, тем более владыка считал их третьестепенными.

Мне представлялось, что монашеский строй жизни выработал у владыки Фаддея (Успенского) сознание, что помимо чисто монашеского духа — созерцания и богомыслия, его внешняя миссия как епископа должна состоять в постоянной апостольской связи с народом, в назидании верующего сердца. Все остальное приложится. Именно такое чисто духовное управление душами верующих, составляющих тело Церкви, импонировало внутреннему убеждению владыки. И не случайно говорил он часовые проповеди за каждым богослужением, вел беседы за акафистами, в течение двух лет объяснял Священное Писание, предпринимал апостольские поездки по епархии.

И верующие люди, следовавшие за ним тысячами, видели в нем не только отрешенного от всего мирского святого человека, но и своего духовного вождя — внешний притягательный центр. Скажите такому верующему, что владыка не управляет Церковью, он не поймет, удивится и скажет: “Владыка Фаддей (Успенский) объединил нас вокруг себя, вдохнул в нас новые благодатные силы. Наша Церковь расцвела, живет полнокровной жизнью, а вы говорите, что владыка не управляет нами?”

* В частном письме на имя пишущего эти строки (в 1960 году) автор воспоминаний о владыке Фаддее (Успенском) А.И. Кузнецов, подтверждает этот — приведенный им здесь — эпизод следующими словами: “...Очень обидно за Церковь и за таких святых людей, вроде арх. Фаддея (Успенского), которые всего себя посвящали Церкви и Ее высочайшим идеалам и так мало заботились о себе. Величайший иерарх (т.е. архиепископ Фаддей (Успенский). (Сост.) не считал зазорным ходить в старенькой, заплатанной рясе, в стареньких чиненых сапогах и иметь всего одно облачение и одну митру. Но он считал для себя зазорным не сказать слово утешения другому, не оказать ему помощи, не выслушать его. Зная, что владыка Фаддей (Успенский) принимает во всякое время, некоторые бессовестные люди не считали неприличным явиться к нему рано утром. Бедняга вставал с постели, наскоро умывался и одевался и принимал посетителя, какого-нибудь сельского дьякона. И все это без всякого ропота и упрёка. Вот и думаешь, что же это был за человек? Разве это не церковный капитал? И вот сравните с современными его собратиями. Небо и земля...”.

Собственный пример — вот главная сила в управлении Церковью владыки Фаддея (Успенского).

Вот один из эпизодов, показывающих влияние собственного примера владыки на других. Дьякон церкви с. Никольского Димитрий Попов был уволен церковным советом из прихода за самогоноварение. Зная о моих близких отношениях к архиерею, он явился ко мне с просьбой, ссылаясь на бедственное положение его большой семьи, — не могу ли я замолвить за него слово перед архиереем. Есть место дьякона у Князя Владимира (у него отличный бас), но нужен архиерейский указ. Попов меня уверял, что обвинение его в самогоноварении — клевета. Так, дескать, “я и скажу архиерею”. Я согласился, и мы пошли к владыке. Оставив его ожидать в коридоре, я прошел в комнату и рассказал владыке, зачем я пришел. Оказывается, владыка знал об этом из письма старосты.

“А он не будет варить самогонку в городе?” — спросил меня владыка. Я ответил в том смысле, что это клевета, и что он здесь и собирается опровергнуть обвинение. Я позвал Попова. Едва переступив порог комнаты, дьякон сразу же бросился в ноги архиерею. Владыка смутился: “Что вы, что вы, зачем это?” И, наклонясь, стал поднимать его за руку. А дьякон вопил басом: “Простите меня, владыка святой... я недостойный, окаянный, дьявол меня попутал и завлек в этот грех...” Когда он успокоился, владыка спросил его: “Даете вы слово, что больше не будете заниматься самогонкой?” Обрадованный дьякон в слезах, крестным знамением дал обещание. Владыка преподал ему благословение и сказал: “Молитесь Божией Матери, чтобы Она помогла вам избавиться от этого соблазна”.

Попов повернулся ко мне лицом и повалился в ноги, прося у меня прощения в том, что мне солгал.

Вспоминая этот случай, о. Попов мне говорил: “История моего назначения к Князю Владимиру — есть история исцеления от моих недостатков. Я глгал вам, что не варил самогона, хотел это вранье продол-

жить и у архиерея. Но увидев его, я понял сразу, что такому человеку лгать нельзя. Его аскетический вид, большие глаза, кроткие и проникновенные, покоряли и звали к правде Божией. Беру на душу величайший грех, если скажу вам, что другому архиерею, особенно тому, кто меня рукополагал, я не солгал бы, зная, что за признание он оттаскал бы меня за волосы и другого места не дал... Данное обещание я твердо храню и со слезами вспоминаю милость ко мне этого чудесного человека”.

Дьякон Попов, по отзывам духовенства и церковного совета К. (ныне) -Владимирской церкви, был примерным человеком, отличался благочестием. Через год владыка Фаддей (Успенский) сделал его протодиакном, умер он от туберкулеза в 1933 году.

Этот случай мне также представлялся показательным, что касается управления Церковью, в иных условиях появилось бы дознание, канцелярская волокита, суд и приговор епископа. И кто знает, в каком случае исход дела был бы благодетельным? Мои симпатий на стороне владыки Фаддея (Успенского).

Понимая душу и мистический склад жизни владыки, его окружение старалось избавить его от всяческих административных и канцелярских дел. Под руководством о. Димитрия Стефановского духовенство занималось разными церковными вопросами. Я помню, что в коридоре архиерейской квартиры постоянно днем находилось духовенство. Что-то обсуждалось, перелистывались страницы книг. Иногда я слышал: “надо на завтра позвать о. Иоанна Великанова, ведь он уставщик и скажет, как быть”, или “почему нет Болтинского, ведь он обещал принести комментарии к апостольским правилам”. Иногда о. В. Наследышев доказывал какому-нибудь старосте, что “в это воскресенье владыка не может служить у вас, он уже утвердил расписание богослужений на этот месяц”. Появлялся о. Димитрий Стефановский и, обращаясь к о. Евгению Карасеву, спрашивал: “вы ответили в Харабали на запрос священника?”, или “вы говорили

Жимскому, какую херувимскую надо петь в пятницу?” Обращались и к о. Димитрию Стефановскому: “вы составили наряд духовенства на воскресенье?”

Одним словом, все эти вопросы стремились разрешить самостоятельно. План богослужений архиерея составлялся здесь же, ключарь показывал его владыке, обычно он с ним соглашался и один экземпляр прикреплял к стене у единственного стола. Часто владыка не знал, кто ему будет сослужить в том или ином богослужении, так как во все эти вопросы не вникал. Владыка любил церковное пение. Зная это, окружавшее его духовенство маневрировало певцами. Нужно сказать, что в Астрахани в те времена было несколько прекрасных хоров. У Петра и Павла руководил хором знаменитый Жимский, у И. (оанна. *Сост.*) Златоуста — Васильев (б. регент Успенского кафедрального собора), у Князя Владимира — Власов-Желудков. Одним словом, в каждой церкви, находившейся в окормлении владыки Фаддея (Успенского), был хороший хор. И вот, к тому или иному архиерейскому богослужению церковный хор усиливался за счет хоров других церквей. Иногда сам владыка говорил ключарю, чтобы он попросил регента спеть “Херувимскую” Рахманинова, Чайковского или еще какого-нибудь автора.

Иногда в этом же коридоре решались и хозяйственные вопросы. Вот из кухни выходит келейник о. Халев и обращается к собравшимся: “Отцы помогайте! Вчера приходил хозяин и просил деньги за квартиру, а где их я возьму, а у владыки никогда их не бывает”. Кто-то из присутствовавшего духовенства идет в Покровскую церковь, там достает деньги и улаживает квартирный вопрос. Или мать владыки просит у собравшихся немного денег на домашние нужды. Однажды едва я успел переступить порог этого дома, как ключарь спросил, нет ли у меня с собою денег. Понадобилась какая-то незначительная сумма, и вот весь дом в затруднении. Оказалось, что владыка собирается во Владимировку, поезд идет часа через два, а у

о. Халева нет денег на билет. Случайно подвернулся я, и дело с деньгами было улажено.

Вообще с деньгами и с продовольственным обиходом было сложно, драматично. Дело в том, что сам владыка плохо разбирался в деньгах, ни от кого денег не брал и о. Халеву запретил принимать всякие денежные подношения. Как же жить? Вскоре прибыло еще два иждивенца: мать и сестра владыки. Так как владыка о своем бюджете не думал, то о нем позаботились все те же отцы, окружавшие его. Они распределили между приходами расходы по содержанию архиерейского дома. Квартиру, освещение, отопление и все прочие расходы, связанные с квартирой, должен оплачивать приход Покровской церкви; за пользование выездной пролеткой, расчеты с ее хозяином Федором Федоровичем должен нести приход церкви Иоанна Златоуста. Приход церкви Петра и Павла обеспечивал ежемесячную выдачу денег на продовольствие, обувь, одежду и проч. Деньги выдавались сестре владыки Вере Васильевне. За церковью Кн. Владимира оставлена обязанность покупки материалов и пошивка из него облачений, иподиаконовских стихарей, расчеты с портными, хотя владыка предпочитал все время служить в своем ветхом, желтеньком облачении, а летом в белом полотняном, с голубой отделкой. Только под конец для него было шито зеленое бархатное облачение. Кажется, один раз служил он в нем.

Нетребовательность ко всему у владыки была необыкновенная. Питался он, как правило, каким-нибудь грибным или овощным супом, овощными котлетами, в скоромные дни ему подавали рыбную уху с кусочком рыбы и немного каши. Утром он пил один стакан густого, только что заваренного чая с булочкой, в скоромные дни булочку намазывал сливочным маслом.

О. Халев не вынес всей суровости жизни в доме владыки, отпросился в отпуск, уехал и больше не вернулся.

В пятидесятые годы я как-то рассказывал одному из архиереев о жизни владыки, коснувшись его рациона. Чувствовалось, что мой собеседник внутренне негодует на такой “плебейский” образ жизни маститого архиерея и, чтобы узнать, были ли у владыки Фаддея (Успенского) гости, устраивал ли он приемы, какая сервировка стола, он спросил меня: “То, что вы рассказываете, касалось келейной жизни владыки Фаддея (Успенского), ну а какие вина и какая посуда подавалась, когда у него были гости?” — Я рассмеялся до неприличия так же, как смеюсь в настоящую минуту, когда об этом пишу. Я ответил, что у владыки не было вилок, и он всегда пользовался только ложкой и ел из алюминиевых тарелок и гостей никогда не звал... Мой собеседник был явно шокирован и, может быть, даже усомнился в моем рассказе.*

Что пища для владыки была на последнем месте, я это знаю из личных наблюдений над многими случаями.

31 августа (ст. стиль) 1924 года владыка предпринял с астраханскими паломниками апостольскую поездку в с. Иванчуг — от Астрахани в 3-4 часах езды по Волге. Иванчуг знаменит был тем, что там в церкви хранилась чудотворная икона Феодоровской Божией Матери. Астраханцы свято чтит икону, с давних вре-

* Здесь имеется в виду один из последующих преемников архиепископа Фаддея (Успенского) на Астраханской кафедре, епископ Сергей (Ларин). Последний в прошлом злостнейший обновленец... По своему моральному и учено-богословскому уровню — полнейшая противоположность архиепископу Фаддею (Успенскому).

Не приводя здесь многословных справок ограничимся лишь упоминанием о том, что Пресвященный Сергей (Ларин), страстный любитель всяческой показухи и бутафории, был до крайности “шокирован”, узнав, что “резиденция” владыки Фаддея (Успенского) не ломилась от столового серебра и севрских сервизов, как это культивируется у него самого в болезненно-маниакальном стремлении прослыть за небывалого аристократа и большого барина.

На сообщение же А.И. Кузнецова сему иерарху о том, что блаженной памяти архиепископ Фаддей (Успенский) постоянно стремился как можно чаще совершать Божественную службу и радовался, если предоставлялась возможность литургисать ежедневно, — Пресвященный Сергей (Ларин), весьма брезгливо поморщившись, заметил, что совершать литургию ежедневно в конце-концов просто-напросто “банально” (!..) и что настоящий, уважающий себя “князь Церкви” должен появляться в своем кафедральном соборе не более трех-четырёх раз в год. (Чтобы народ “чувствовал, кого он лицезрет!”).

мен богомольцы совершали в Иванчуг паломничество пешком, чудотворную икону с почестями привозили почти каждый год в Астрахань, перед нею совершались молебны. Вот туда — в Иванчуг — и предпринял поездку владыка Фаддей (Успенский). Духовенство Иванчуга арендовало у пароходства пароход “Чугунов” для этой поездки. Уже с полудня паломники являлись на пароход, а к двум часам пароход был полностью загружен. Ждали архиерея. На пароходе не было пассажирских кают, а внизу был кубрик или салон. Вот в этот салон принесли несколько кресел под белыми чехлами, раздвинули стол и уставили его винами и яствами. В кубрике сновал повар, приглашенный из какого-то ресторана. Словом, и на палубе, и в салоне ожидали архиерея. Он приехал. На трапе встречает его духовенство и, конечно, ведет в салон, но владыка идет по палубе к корме, толпа дает ему дорогу. На корме между якорями, цепями и лебедкой владыка увидел канатную бухту и сел на нее. Так три с половиной часа владыка не сходил с своего места, был окружен народом и беседовал с ним о завтрашнем празднике Симеона Столпника. Я помню, подул ветер, стало прохладно и надо было укрыться в теплом месте. Из салона приходили, настойчиво звали его, но он беседовал и, по-видимому, не замечал холодного ветра.

В Иванчуге нас встретили с колокольным звоном, священники Иванчуга и окрестных сел, в светлых облачениях, стояли на берегу среди многотысячной толпы народа. На берегу стояла икона Феодоровской Божией Матери. Владыка приложился к иконе и направился с процессией в храм. Сейчас же началась всеобщая, с акафистом Феодоровской Божией Матери. Она окончилась в 11 часов вечера.

Я и ключарь были приглашены на ночь в настоящий дом, и поэтому ужинали вместе с владыкой. Владыка еле притронулся к пирогу, потом съел кусочек арбуза. Вот все, что он съел за целый день.

На этом же пароходе все вернулись на другой день в Астрахань.

Спустя несколько лет, сын настоятеля церкви с. Иванчуг отца Феодора Лушпаева — Василий Федорович Лушпаев, мой сотоварищ по профессии — рассказал мне со слов отца следующее: когда в тридцатых годах стали закрывать сельские церкви и очередь подходила к церкви Св. Троицы в Иванчуге, он, настоятель, ночью вывез икону Божией Матери из церкви, ночью же ее доставил в город, а оттуда отвезли в Киев. Лушпаев (сын) будто бы слышал от кого-то, что эта икона была вывезена за границу. Но как, кем и при каких обстоятельствах — неизвестно. Читая недавно книгу воспоминаний митрополита Евлогия (Георгиевского), я наткнулся на одно место, где рассказывается, как одна француженка привезла из России в Париж икону Феодоровской Божией Матери. Я подумал, не эта ли самая икона Богоматери украшает теперь русский храм в Париже?

Да, так вот, пища занимала в жизни владыки какое-то незначительное место. Вспоминаю вот какой случай. Великий Четверг 1924 года. Владыка служит в Покровской церкви. Идут часы, владыка стоит на кафедре среди церкви (он никогда не садился). Протодиакон о. Антоний и дьякон Голямин стоят на солее с кадилами.

“Благослови, Владыко, кадило”, — говорил о. Антоний. Владыка углубился, немного опустил голову и никакого движения. Протодиакон снова еще громче просит благословить кадило, и опять никакой реакции. Оба идут к кафедре, получают благословение, и начинается каждение. После омовения ног я узнал, что владыка с понедельника ничего не ел. И будет ли он что-либо есть до Св. Пасхи?

Зная, что владыка ест мало, о. ключарь всякий раз, когда приход после богослужения приглашал владыку на “чай”, предупреждал местное духовенство, ни о чем за чаем не поднимать разговора, если не заговорит сам владыка. Так это было и на праздник Преоб-

ражения в Трусове, когда собрались на “чай” в доме священника о. Руднева.

“Отцы, умоляю вас не начинать разговора за чаем. Владыка увлекается беседой и плохо ест”, — говорил о. ключарь при входе в дом Руднева. Сели за стол, принялись за еду, владыке подали чай. Едва он приотронулся к булочке, как священник А. Тихонов начал: “Меня тронуло ваше упоминание в проповеди, Владыко, когда вы привели слова апостола Павла: “Аще не воста Христос, тщетна вера наша”. О. ключарь мечет громы и молнии в сторону, где сидит Тихонов. Но владыка забыл и о чае, и о булочке и принялся говорить на эту тему. Все едят и слушают, а владыка, по милости упрямого совопросника, ведет беседу. Конечно, все напились, наелись; владыка увидел, что никто уж не прикасается к пище, встал, прочли молитву. На этом и окончился “чай”.

Владыка был удивительно молчалив, что касается вопросов, не имевших отношения к религиозной или научно-богословской темам. Здесь же он вдохновлялся и мог говорить часами. Но стоило коснуться каких-либо других тем, наступало молчание. Редко, редко он скажет какую-нибудь отрывочную фразу. Прихожу однажды к нему и говорю: “Какой ночью был ливень с громом, на улице лужи...” Владыка смотрит на меня и о чем-то думает. “...Да, да, ливень. Вот, в сегодняшней четьи-минее рассказывается о житии праведного, Христа-ради юродивого. Однажды застал его ливень в лесу...” Владыка воодушевляется рассказом. Воспользовавшись паузой, я говорю владыке: “У вас в доме крыша худая, на лестнице-то вода”. Молчание.

Прочитав его книгу “Единство книги пророка Исаии”, я спросил владыку в каком году он получил магистерскую степень. “А кто вам сказал, что я магистр богословия?” “То есть как? Я прочел об этом в 4 томе энциклопедии Брокгауза и Ефрона”, — ответил я. “Мало ли что они напишут ... Так на чем мы остановились? Да, я говорил о “Данииловых седьминах”...”

В Астрахани у владыки гостил епископ Феодор (Поздеевский). Кажется это было в 1924 году. Мы познакомились. Не помню, по какому случаю я завел разговор о литературных трудах владыки Фаддея (Успенского). “Оказывается, он магистр богословия”, — сказал я. “Что вы, что вы, он давно доктор богословия”, — возразил мне владыка Феодор (Поздеевский). Уж после отъезда епископа Феодора (Поздеевского) я попросил у владыки Фаддея (Успенского) его докторскую диссертацию.

“Вы узнали, что я доктор богословия? ... Это, конечно, владыка Феодор (Поздеевский) сказал ... не важно, ничего не значит ... в эту субботу начнут петь “Покаяния отверзи”, и мы окажемся в преддверии великого поста. Я соскучился по литургии Преждеосвященных даров. Когда писал ее Григорий Двоеслов...”

Несколько раз я просил владыку рассказать что-нибудь из его биографии. В ответ было молчание. Однажды я взял в руки его архиерейский чиновник. Я знал, что этот чиновник привез ему в подарок епископ Феодор (Поздеевский). Перелистывая чиновник, я увидел на передней и задней обложках и вставных листах мелко написанную епископом Феодором (Поздеевским) биографию владыки. Вот, что я узнал из нее.

Владыка Фаддей (Успенский) родился в г. Васильсурске Нижегородской губернии в 1874 году (у Брокгауза неправильно указан год рождения — 1872-й). Отец его — Василий Иванович Успенский был настоятелем Васильсурского собора. Мальчик учился в Нижегородском духовном училище, а затем и в духовной семинарии. По окончании семинарии, он поступил в Московскую Духовную Академию, на третьем курсе Академии принял монашество, на четвертом курсе — посвящен в сан иеродиакона. Академию окончил в 1898 году, со степенью кандидата. В 1901 году получил степень магистра богословия за капитальный труд “Единство книги пророка Исаии”, в 1902 году написал книгу “Записки по дидактике”,

ставшей теорией духовной педагогики. В 1908 году написал большое исследование под заголовком “Иегова”. В том же году Московская Духовная Академия присудила ему степень доктора богословия.

По окончании Академии, иеромонах Фаддей (Успенский) был назначен преподавателем догматического богословия в Уфимскую духовную семинарию. Затем там же был инспектором и, наконец, с 1908 года, в сане архимандрита, был ректором семинарии и настоятелем Уфимского Успенского монастыря. Владыка Феодор (Поздеевский) рассказывает в этой биографии о том, что они с владыкой Фаддеем (Успенским) — однокурсники по Академии, были в большой неразлучной дружбе, в один день были пострижены в монашество, а перед пострижением вместе проходили послушание на Валааме. Епископ Феодор (Поздеевский) отмечает особые благодатные дары, которыми владеет владыка. Кротость, смирение, аскетизм — основные черты пламенного монашеского духа — были присущи владыке Фаддею (Успенскому) с юных лет. “Он — прирожденный монах, и мы — студенты Академии это ясно видели”, — говорит епископ Феодор (Поздеевский). Владыка Фаддей (Успенский) был на особом положении в Академии: книга, церковь и постоянное созерцательное состояние — вот его постоянные занятия. Ни развлечений, ни шумных игр, тем более студенческих пирушек он не признавал и в них не участвовал.

В биографии рассказывается, почему ему дано имя “Фаддей”. В духовном училище, где учился Ваня Успенский, учитель словесности заставлял их разучивать басни Крылова в лицах. В одной из басен, которая начинается фразами “Здорово, кум Егор! Здорово, кум Фаддей!” Ване выпала роль Фаддея. С тех пор это имя и превратилось в своеобразную кличку среди учеников. Ваня был уже в семинарии, и там нет-нет, да кто-нибудь и крикнет: “Фаддей!” Кто-то даже из товарищей по Академии и тот звал его Фаддеем. Одним словом, шло за ним имя героя крыловской

басни. И вот Валлаам — послушание перед постригом. Идет студент Успенский по монастырскому двору и вдруг слышит сзади себя: “Фаддей, Фаддей!” Обернулся и видит у кельи старца-схимника. Схимник хочет отворить дверь и не может. Успенский подошел и помог ему. И долго думал он, что бы это могло значить, откуда старцу известно, что так его иногда кличут? Но вот и постриг в монашество, новый иннок слышит: “Брат наш Фаддей постригает власы главы своея”. Что же происходит, почему Фаддей? Эта мысль сразу же возникает у вновь постригаемого, и он ошеломлен. Мгновенно встает перед ним духовное училище, басни, разучиваемые в лицах, “кум Фаддей”, школьные товарищи, семинаристы, наконец, старец-схимник — все они невольные провозвестники нового имени, нового рождения.

Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) давно слышал о монашеских добродетелях ученого монаха Фаддея (Успенского). Сам пламенный до фанатизма монах, он давно хотел иметь рядом с собою таких же монахов, и вот Антоний (Храповицкий) в Уфе уговаривает архимандрита Фаддея (Успенского) перейти на службу в Волынь и обещает представить его к сану епископа. Но скромный и смиренный монах не ищет славы и отклоняет от себя епископскую честь. Целых два года владыка Антоний (Храповицкий) ведет с ним переписку и все по этому же вопросу, и все тот же отрицательный ответ.

“В Петербурге знали хорошо, что архимандрит Фаддей (Успенский) решительно не желает быть епископом, все-таки последовал указ о возведении его в архиерейский сан, с назначением викарием к архиепископу Антонию (Храповицкому) Волынскому. Это было в 1911 году”, — пишет епископ Феодор (Поздеевский) в биографии.

XI.

Владыка Фаддей (Успенский) подчинил меня своему нравственному влиянию. Я видел в нем человека исключительных дарований, красоты и высокой нрав-

ственности. Мне доставляло радость видеться с ним, меня тянуло к нему. Приду иногда к нему вечером, так просто, без дела, чтобы только посмотреть на него, а потом дорогою размышлять. И всякий раз я открывал в нем нечто новое для моих размышлений. Я думал: вот, живут в этом огромном человеческом хаосе люди, живут как случится, думают о чем случится, на что натолкнут их мысль внешние обстоятельства. Живут для того, чтобы удовлетворять свои низшие потребности, не отдавая себе отчета в смысле и цели жизни и не думая над тем, чем она окончится, увлекаясь непроизвольно и бессознательно приливом и отливом меняющихся видений и иллюзий, не имеющих ни реального смысла, ни внутренней связи. Человек живет с явным намерением поработить свой дух влиянию внешних обстоятельств. Говорят, что это и есть жизнь. Нет, это только бытие, существование. Человек не был бы человеком, если бы какое-то духовное организующее начало не вдохнуло в него жизнь. Часы имеют колесики, передаточное устройство, камни, стрелки. Но если чья-то мысль не организует взаимодействие этих механизмов, часы не станут часами. Точно так же и человеческая жизнь. Она прежде всего — произведение духа, созидающего личность. Духовная жизнь — высшее назначение человека, как самодовлеющей личности. Если жизнь человека искажает этот идеал, является поруганием идеала, то это — противоречие природы. Герои духа — это огромный духовный капитал, он приобретен трудным, но верным путем, путем отрицания всего, что порабощает дух. Герои духа стоят над противоречиями человеческой природы, указывают на него (на них? *Сост.*) людям, зовут к преодолению его (их? *Сост.*).

Соприкасаясь с владыкой, я находился во власти такого рода размышлений. Их возбудила во мне личность этого христианского подвижника, его аскетический дух, кротость до детского незлобия, самоотречение во имя жизненного подвига, до убожества в жилище, одежде, прикрывавшей величие духа.

Огромный религиозный подъем, вызванный в верующем народе таким необыкновенным подвижником веры, вызывал и во мне горячее религиозное чувство. Снова меня окружала атмосфера веры, я оказался в собственной стихии.

Я был воспитан в патриархальной, благочестивой семье. В детстве и отрочестве меня постоянно влекло в церковь. Здесь все мне казалось величественным и таинственным. Жизнь Церкви представлялась мне какой-то особенной, не похожей на жизнь дома, где всегда люди суетятся, спорят, кричат. Мне нравились длительные богослужения, толпы богомольцев, все люди какие-то богобоязненные, важные. Я испытывал наслаждение, находясь среди всех этих сосредоточенных в молитве людей: Годы юности, учебы, забот, увлечение театром, танцами сказались на мне: вопросы церковные становились на второй план. Вера во мне не оскудевала, Церковь всегда вызывала у меня чувство уважения, но дух индифферентизма бродил во мне и отвлекал от Церкви! И вот теперь огромный подъем, прилив благодатных сил. Все воскресло во мне, и я понял величайшую цену Церкви, как ценность единственную, вечную. Несомненно, поэтому, так яростно я восставал против обновленцев, разрушавших Церковь. Я догадывался, что дело не в самих обновленческих раскольниках: они — исполнители чужих идей и чужой воли, но тем омерзительнее и подлее казались мне эти наемники, рабы злой воли, и я повел с ними борьбу.

Владыка Фаддей (Успенский) привлек меня и как крупнейший ученый богослов, писатель. Вскоре после приезда, владыка перевез в Астрахань всю свою огромную библиотеку, хранившуюся в разных местах. Я прочитал его труды: “Единство книги пророка Исаии”, “Иегова”, “Записки по дидактике”. Все это — фундаментальные произведения, исследования глубокой, пытливой мысли. Вскоре владыка предложил мне изучать богословие... Я был рад почерпнуть и из этого кладезя мудрости. Я начала с нравственно-

го богословия, затем изучил догматическое богословие, основные начала христианской философии, основное богословие, литургику, гомилетику, церковную историю. Помню, я не расставался с богословскими науками, засиживался за ними все ночи. Каждая новая богословская тема открывала передо мною неведомые горизонты. Когда я возвращал владыке ту или иную книгу, он спрашивал меня: “Разумеешь ли, что чтеши?” Я отвечал, что все для меня понятно и кое-что усвоено. “Ну ка скажите, что такое грех с точки зрения нравственного богословия?” Я отвечал. “А как учили схоластики о грехе?” И еще ряд вопросов. Владыка хвалил меня за хорошее знание Священного писания Нового Завета.

В занятиях богословием прошел весь 1924 год и половина 1925 года. В начале июня произошло событие, разлучившее меня с владыкой.

Наша жалоба на обновленцев, с которой я ездил в Москву, не получала столь долго разрешения, а между тем пустующие обновленческие храмы гражданские власти стали закрывать: закрыты и сейчас же снесены храм И. (оанна. *Сост.*) Богослова в Благовещенском монастыре, храм Илариона Великого в Покровском монастыре, два храма в Иоанно-Предтеченском монастыре, храм Николая Черногорского на кладбище, Скорбященская церковь на Трусове. Все другие пустующие обновленческие храмы ожидает такая же участь. Тревога Православных за участь храмов вновь побудила их искать защиты от обновленческого насилия в Москве. Снова, как и в прошлом году, меня стали осаждать просьбами еще раз побывать в Москве. Чувство омерзения к обновленцам оказалось во мне сильнее данной подписки не заниматься церковными вопросами, я пренебрег ею и предосторожностью и поехал в Москву. Но до столицы я не доехал, в Саратове был задержан, отправлен в тюрьму и целых десять дней был в полной неизвестности, по какому поводу я оказался за решеткой. На

десятый день меня освободили с условием, что я не возвращусь в Астрахань.

Я переехал в Сталинград. Дома все-таки побывал, простился с владыкой, который нагрузил меня книгами для дальнейшего богословского образования. В Сталинграде обо мне стало скоро известно Православному духовенству. Епископ Иов (Рогожин) приходил ко мне за советами, кому и как подавать жалобы на обновленцев, забирающих у Православных храмы. Сменивший епископа (Рогожина) архиепископ Арсений (Смоленец) присылал ко мне келейника узнать, как я живу и не нуждаюсь ли в чем. В 1926 году меня навестил ключарь о. Димитрий Стефановский, привез мне письмо от владыки Фаддея (Успенского) и передал мне фотографию владыки с трогательной надписью. Вообще я вел с владыкой регулярную переписку.

27.11 (10 декабря) 1926 года* на владыку Фаддея (Успенского) были возложены обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, в связи с чем он выехал из Астрахани в Москву, но в Саратове был задержан и отправлен на жительство в г. Кузнецк, Саратовской губернии. В связи с этим обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя принял на себя

* В калейдоскопе быстро сменяющихся Глав нашей Церкви во второй половине двадцатых годов, когда по воле Е.А. Тучкова последовательно были посажены в тюрьмы все наши Первоиерархи, — дошла, наконец, печальная очередь возглавить Церковь и до Астраханского архиепископа Фаддея (Успенского).

Это произошло в силу завещательного распоряжения Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ростовского Иосифа (Петровых) от 25.11(8.12) 1926 года, когда он почувствовал, что дни его — как Заместителя — сочтены и призвал в преемники себе архиепископов: Корнилия (Соболева) Свердловского, Фаддея (Успенского) Астраханского и Серафима (Самойловича) Угличского.

Когда митрополит Иосиф (Петровых) был посажен в тюрьму, произошла рокировка, вызванная его вышеупомянутым завещательным распоряжением. Архиепископ Корнилий (Соболев) в обязанности Заместителя вступить не мог т.к. находился в ссылке; архиепископ Фаддей (Успенский) по указанию Е.А. Тучкова был арестован в пути (из Астрахани в Москву) и препровожден на сыльное жительство в Кузнецк, а Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, таким образом, стал архиепископ Угличский Серафим (Самойлович). Святитель сей возглавлял Церковь нашу до 30.3(12.4) 1927 года, когда из узилища был выпущен на свободу прежде бывший Заместитель, митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский).

16(29) декабря 1926 года Серафим (Самойлович), архиепископ Угличский.

Из Кузнецка я получил от владыки всего два письма. Я собрался было к нему, но он уговорил меня в письме, что ради безопасности ездить к нему не следует. В Кузнецке владыка пробыл до марта 1928 года, когда ему было разрешено сменить место жительства. Переехал он в Саратов, служил там, но продолжал именоваться Астраханским, а астраханской епархией управлял епископ-викарий Енотаевский — Стефан (Гнедовский). В сентябре месяце того же года владыка Фаддей (Успенский) переименован Саратовским, а в ноябре переведен в Тверь.

Вернулся я в Астрахань в августе 1929 года. Во главе епархии стоял архиепископ Филипп (Ставицкий). Благополучен был неизменный о. Димитрий Стефановский.

О. Василий Залесский, протодиакон о. Антоний Поздняков, о. Петр Дьяконов, о. Александр Кузьмин и другие были осуждены, находились в лагерях.

13(26) сентября 1929 года были арестованы: архиепископ Филипп (Ставицкий), о. Д. Стефановский, о. Василий Наследышев, о. Евгений Покровский, о. Димитрий Алимов, о. Феодор Семченко. Их обвиняли в контрреволюционном заговоре (газета “Коммунист” 18.9(1.10) 1929 года). В связи с их арестом на городских предприятиях и учреждениях собирались митинги с требованием для них смертной казни (хотя никто не знал в чем они обвиняются и как тяжелы их “преступления”. Времена и нравы!). Один из участников такого митинга рассказывает, что требования выступавших доходили до смешного: какой-то оратор потребовал для них “усекновения главы”. И странное дело — люди голосовали за это “усекновение”. Но так как арестованные в действительности были виновны только в том, что они — Православные священники, то их отправили 1(14?) марта 1930 года в ссылку — в Усть-Цыльму. В ссылке умерли: о. Д. Стефановский, о. Евгений Покровский, о. Д. Алимов и о. Ф.

Семченко. Вернулись: через 5 лет — о. В. Наследышев и через 11 лет — владыка Филипп (Ставицкий), который вновь управлял Астраханской Церковью с 1943 года и скончался в мире 29.11 (12 декабря) 1952 года.*

Тогда — в 1930 году — вместо владыки Филиппа (Ставицкого) в Астрахань был назначен епископ Андрей (Комаров), а во время его ареста, с сентября 1930 г. по февраль 1931 г., Церковью управлял епископ Алексей (Орлов). Епископа Алексея (Орлова) удалили из города за следующий “проступок”. Он купил почтовую бумагу, на каждом листке которой сбоку было напечатано: “религия — орудие угнетения трудящихся”. Используя эту бумагу для деловой церковной корреспонденции, епископ Алексей (Орлов) слово “угнетения” очень ловко переделывал в “утешения”. Кто-то обратил внимание на такую “недозволенную” переделку, и “справедливость восторжествовала”.

В 1930 году началось интенсивное уничтожение церквей. Снесены были: старый собор Рождества Богородицы, Воздвиженская, Смоленская, снесено несколько глав и колокольня Казанской церкви, Духосошестввенская, церковь Троицы, Афанасия Афонского, Единоверческая — Вознесения, церковь Спасо-Преображенского монастыря, величественная колокольня Благовещенского монастыря, Никольская церковь на Трусове, церковь Знамени превращена в хлебозавод, Николо-Гостинная использована под городской архив, в церковь Павла Исповедника переселился народный суд. Кафедральный собор и другие

* Архиепископ Астраханский и Саратовский Филипп (Ставицкий) скончался 29.11 (12.12) 1952 года от кровоизлияния в мозг, в Московской Боткинской больнице.

1 (14).12.1952 г. тело почившего, после заупокойной литургии в Успенском храме Новодевичьего монастыря (Москва), самолетом отправляется в Астрахань для отпевания и погребения.

4 (17).12.1952 г. “...после торжественной литургии и отпевания, совершенных владыкой Никоном (Петиным) с многочисленным духовенством, гроб с телом покойного архиепископа Филиппа (Ставицкого) был обнесен вокруг собора (б. Покровский приходской хр. *Сост.*) и погребен в особом склепе в стене собора, возле левого алтаря...” (“Журнал Московской Патриархии”, №1, 1953.)

кремлевские церкви закрыты, закрыта церковь Преображения на Трусове. Обновленцы овладели церковью Петра и Павла. К 1932 году в их обладании находились церковь Введения, Ильи пророка и Петра и Павла.

В 1934 году церковь Петра и Павла была закрыта.

Небезынтересно вспомнить судьбу церкви Петра и Павла. Целый год она стояла взаперти. Однажды ко мне, как к консультанту Госрыбтреста обратился директор Пролетарского рыбзавода с просьбой поставить визу на договоре. Договор заключался между Горкоммунхозом и рыбзаводом на продажу на слом церкви Петра и Павла (рыбзаводу понадобилась щебенка кирпича). Я постыдил директора: неужели ради щебня нужно ломать старинную прекрасную церковь? Визу на договор я не поставил. Конечно, обошлись и без меня, но на службе стали именовать меня “церковник”. Очень скоро церковь сломали, но кирпич и щебень несколько лет лежали неубранными.

В 1934 году церковная ситуация была следующая: хотя в обладании Православных находилось 3-4 храма и во главе Церкви стоял епископ Андрей (Комаров), но с духовенством дело обстояло плохо. Настоятель церкви Князя Владимира о. И. Великанов, по выходе из тюрьмы, не стал больше служить. Церковь недели две не имела священника. Приходской Совет отыскал в городе высланного из Сталинграда священника о. Павла Александровского — 72-х лет, он и стал служить без диакона. При отпевании моей матери — 17(?) (30) июня 1934 года, я читал апостол — не было псаломщика. Александровский к концу года был выслан из города, на его место вступил бесприходный единоверческий священник о. Евфимий Фетисов, затем Фетисова сменил о. Алексей Арнольдов. В начале 1936 года вернулся из ссылки о. Василий Залесский, ставший вторым священником в этой церкви.

В Тихвинской церкви служил о. Павел Нечаев. В церкви Иоанна Златоуста служили о. Григорий Степанов и о. В. Смирнов, в Покровской церкви пока ос-

тавались штатные священники: о. И. Болтинский, о. Викторин Тышко и о. Евгений Карасев. В 1936 году вернулся из заключения протодиакон о. Антоний Поздняков. Он стал служить в Покровской церкви.

Епископ Андрей (Комаров) с 1935 года фактически не управлял Церковью, потому что, будучи обложен большим подоходным налогом и не уплативши его, он был привлечен к ответственности за злостное уклонение от платежа налога. Дело окончилось в суде легким приговором, но, по-видимому, он опасался снова оказаться перед судом, как неоплатный должник и перестал служить. Впрочем, он по приглашениям верующих ходил по домам с требами, исповедывал, причащал и отпевал покойников. В начале 1936 года епископ Андрей (Комаров) выехал из Астрахани. В конце 1936 года обновленцами была отдана часть храма И. (оанна. *Сост.*) Златоуста. В двух приделах служили Православные, а в одном — обновленцы, чередуясь в службах. Парадокс времени ощущался каждым верующим, и все понимали, что это значит. Во избежание провокаций о. Григорий Степанов, о. В. Смирнов и дьякон Алексей Милашевский покинули храм. В 1936 году храм был закрыт и обращен в склад, и сейчас же была снесена колокольня. Теперь обновленцы потянулись к Князю Владимиру, и также, как и в церкви И. (оанна. *Сост.*) Златоуста, заняли часть храма. Здесь они начали свою деятельность с хулиганства: мешали Православным служить, приспособив время своих богослужений к богослужениям Православных. Однажды получилось так, что обновленцы, явившись в церковь раньше, чем Православные, завладели всеми церковными сосудами и сорвали у Православных литургию: как-то они служили всеобщую одновременно: пели в главном приделе, пели в левом. О. А. Арнольдов покинул храм, за ним ушли: о. Василий Залесский и В. Смирнов, и, таким образом, церковь Князя Владимира осталась в руках обновленцев. Вскоре и она была закрыта.

В 1937 году произошли аресты духовенства. Были арестованы: о. Василий Залесский, о. Викторин Тышко, о. Евгений Карасев, о. Петр Дьяконов, о. Александр Кузьмин, о. Василий Наследышев, о. Антоний Поздняков (эти трое уже раз отбывали заключение, вернулись, и вот теперь — снова), о. Александр Руднев, о. Николай Покровский, о. Феодор Степанов, о. Петр Цветков и целый ряд сельских священников. Через несколько месяцев вернулись домой только двое: Степанов и Цветков, остальные исчезли. Тридцать лет прошло с тех пор, и никто не знает, где и какую смертью окончили жизнь невинные страдальцы.

После ареста духовенства, ушли на покой: И. Болтинский — из Покровской церкви, Г. Иванов — из церкви Донской Божьей Матери, оба они стали работать малярами. В. Смирнов работал где-то кассиром. Вскоре там стал служить престарелый священник о. Феодор Извеков. Раньше он служил в церкви села Житного, а после закрытия сельского храма, питался подаванием возле городских храмов. Вот его-то и уговорили служить в Покровской церкви.

В церкви Донской Божьей Матери пока служил о. Г. Таптыков, а после его смерти, последовавшей в 1939 году, храм был закрыт, обращен в слесарную мастерскую, а затем был вообще снесен.

Священник Тихвинской церкви о. Павел Нечаев был привлечен к суду за неуплату крупной суммы подоходного налога, на его имущество был наложен арест, а затем оно было изъято финорганами. В связи с таким положением он был вынужден покинуть церковь. Ее закрыли и сейчас же снесли.

У обновленцев дело обстояло так: управлял ими “архиепископ” Александр (Шубин), ходивший в церковь с женой. На его глазах закрывали и сносили церкви. В 1937 году у обновленцев остались церкви: Введенская, Ильи Пророка и Рождества Христова. Справившись со своей задачей, которая состояла в ликвидации Православных храмов, Шубин в 1937 году уехал из Астрахани. Там, где-то подсчитали его трофеи — закрытые храмы, и дали ему сан “митропо-

лита". После его отъезда, в 1938 году была закрыта церковь Рождества Христова и снесена колокольня, затем в том же году гражданские власти обратили в склад деревянной тары церковь Ильи Пророка. У обновленцев осталась церковь Введения. Ее сдал под гараж обновленческий проходимец некто Рыбаков. Как-то ехал я на трамвае — в 1939 году. Ко мне подошел средних лет мужчина в хорошем пальто и шляпе и вдруг ни с того, ни с сего обратился ко мне с такими словами: "По одежде и портфелю вижу я, что вы человек с положением, не можете ли вы указать мне, где бы я мог найти работу по должности начальника снабжения, завхоза, агента. Я бывший поп, долго морочил людям голову, сам ни во что не верил. Надоело это мне, пошел я на днях в Горсовет и отдал ключи от церкви Введения, дескать никому церковь не нужна. Теперь там — гараж". Я спросил его фамилию, громко назвал его негодяем и подлецом и вышел из вагона.

ХII.

Я был у владыки Фаддея (Успенского) в Твери в 1931 г., затем в январе 1933 года. Об этой последней встрече я уже упоминал в других своих записках. Напомню только, что, едва увидев меня, владыка спросил: "Вы слыхали, что Александр Введенский получил степень доктора философии за работу «Динамика бытия»? Ведь такая же работа была у владыки Феодора (Поздеевского). Я грешу, уж не воспользовался ли Введенский его трудами?" Владыка был обеспокоен этим обстоятельством, высказывал разные догадки, и пока я был у него три дня, он неоднократно возвращался к этой теме разговора.

В Твери, как и в Астрахани, владыка окружен всеобщей любовью верующих. Зримо ощущал я эту любовь в несметной массе богомольцев за его богослужениями. И сам владыка отвечал народу любовью, единением с ним, каждодневным посещением храмов, постоянными проповедями и поучениями, самоотверженным служением Церкви. И приятно мне было

вспомнить чудесное прошлое. Давно я не испытывал такого светлого чувства, и вот снова эти три незабываемых дня.

***

Скорбью легло на мою душу известие о кончине владыки. Тем сильнее была эта скорбь, что владыка скончался в тяжелых условиях заключения. Верующие знают, что переселился этот подвижник веры в лучший мир, но время, место и обстоятельства его кончины остаются в области неоднородных сведений.

Я имел намерение поместить в этих записках имеющиеся у меня сведения о его кончине, но воздержался, случайно узнав, что в Калинин (б. Твери) есть рукописи, с наибольшей полнотой воспроизводящие печальную повесть о последних днях приснопамятного владыки. Это и понятно, кому как не калининцам, проводившим владыку в крестный путь, полагается знать, где и как окончился этот путь.

Будущее поможет нам устранить некоторые неточности в сведениях, и истина будет найдена.

Я закончил воспоминания кончиной владыки Фаддея (Успенского), то есть я повел разговор о смерти. Но, говоря о смерти, я не встречал человека более живого, чем владыка Фаддей (Успенский). Трудно представить, что его нет среди нас, среди верующих, окружавших его святой любовью. Он живой, потому что живет в памяти современников, как пламенный провозвестник Христовой Истины, как апостол, как человек, не знавший других интересов, кроме интересов Церкви. В унижении, гонениях, узах, но в величии духа и нестигаемой волей стоит он на Божественной страже в нашем живом сознании и указывает путь в жизнь лучшую, вечную.

Он живой в моем сознании, потому что его жизнь, его слова позволили мне понять то, что от меня было закрыто. Он дал мне глубину проникновения в тайны христианства. Все это живет во мне вместе с его живым образом.

В день Ангела владыки Фаддея (Успенского) — 21 августа (3.9) 1924 года, покойный Патриарх Тихон, в своем приветствии именинника, назвал его “чудом нашего времени”. Я всегда помню эти слова. Мне кажется, они имели глубокий смысл. “Наше время”, о котором говорил Святейший Патриарх, — XX век, — век переоценки ценностей, индифферентизма, богоскательства, стремления жить без христианства. Словом — это эпоха критицизма, вызвавшая упадок верующего чувства. Критический дух захватил и деятелей Церкви... Они устремились к реформам, будто бы религиозный подъем верующего народа без реформ невозможен. Но только эгоцентризмом и обновленческими нелепостями окончились пресловутые реформы.

Верующее чувство, между тем, ждало не реформ, не споров вокруг христианских идей, а подъема религиозного духа. И конечно, такое явление, как владыка Фаддей (Успенский), на все вопросы христианского духа отзывающийся и все собою примиряющий — есть чудо. Оно было даровано для того, чтобы все видели, как человек может воплотить в себе великие идеи христианства.

Он животворил в людях христианский дух — в этом его память и бессмертие.

Вечная память другу Божию!

Мы упоминали, что владыка Фаддей (Успенский) говорил проповеди и поучения за каждым богослужением (литургией, акафистом, иногда за всенощной). Все, что он произносил с амвона, он предварительно записывал или собственноручно, или диктовал переписчицам-любительницам, увлекавшимся его проповедями. Это были три молодые девушки: Андреева Ольга, Иванова Зоя и Мария Воробьева. Они старательно выполняли свои обязанности по переписке.

Каждая проповедь или поучение записывались на тоненькой тетрадошке, сшитой из бумаги размером в осьмушку. Такая тетрадошка всякий раз вкладывалась в пустую голубую обложечку такого же размера. При произнесении слова эта обложечка неизменно находилась в руках владыки; иногда он заглядывал в нее, чтобы прочесть какой-нибудь сложный текст.

В Астрахани владыка произнес более трехсот проповедей и поучений, за исключением многочисленных бесед на акафистах, на которых владыка разъяснял священное писание, но записей речей не хранил. Обычно их брал себе ключарь о. Д. Стефановский или те же переписчицы. Они снимали с них копии и передавали какому-нибудь почитателю владыки.

Ко мне попало двадцать собственноручных слов владыки; все, что было у ключаря — исчезло при его аресте, а все, что хранилось у переписчиц, уничтожено ими в страшные тридцатые годы.

Помещенные здесь две проповеди и одно акафистное поучение написаны рукою покойного владыки. Все остальные его речи, имеющиеся у автора, требуют восстановления поврежденных мест, после чего будут также отпечатаны.

За литургией, в церкви К. (нзя. *Сост.*) Владимира, гор. Астрахани, — в день Св. Духа 1925 г.

Причины, по которым чрезвычайные знамения “пришествия Духа”, бывшие в первые времена христианства, потом сменились действиями как бы обычными.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

“Пятидесятницу празднуем”, воспевала Св. Церковь, “и Духа пришествие” (стихира на “Госп. Воззв.” праздн.), который в сей пресветлый день должен был “излиться на всякую плоть” по пророчеству Иоля, засвидетельствовав Свое пришествие явственно чудными знаменьями, как говорится у того же пророка: “И будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут” (Иоил. 2, 28; Деян. 2, 17). И предреченное о пришествии Духа Святаго пророком Иоилем исполнилось в точности: мы видим, что действительно, по свидетельству книги Деяний апостольских, Дух Святой излился на апостолов в виде огненных языков, и они начали пророчествовать на иных, неведомых им дотоле языках, вещать чудные дела Божии. Видим, что не одни апостолы сподоблялись дара пророчества и иных чудных действий Духа, но весьма многие. Если еще в Ветхом Завете, когда не было обильного излияния Св. Духа, Господь “взяв от Духа”, Который почивал на Моисее, и сообщил дар пророчества семидесяти старейшинам, в том числе Елдаду и Модаду для пророчествования в стане. Это побудило даже Моисея сказать Иисусу Навину: “о, если бы все в народе Господнем были пророками!” (Числ. 11, 25—29), то что сказать о временах Нового Завета, когда “Дух излился на всякую плоть”?

Так излился Он на семь диаконов (Деян. 6, 3), особенно на Стефана, который, “исполненный Духа, совершал великие знамения и чудеса”, побеждал в споре книжников знаменитой синагоги, так что по-

следние, “не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил” (Деян. 6, 5, 8—10). С каким дерзновением обличал он членов синедриона, угрозы которых еще при жизни Христа заставляли народ говорить о нем лишь тайно (Иоан. 7, 13), а апостолов, по воскресении, побуждали держать двери дома закрытыми “страха ради иудейска” (Иоан. 20, 19)! Члены синедриона всячески заботились о том, чтобы имя Христа не упоминалось по смерти Его, запрещали накрепко апостолам “учить о имени Сем” (Деян. 5, 28), а св. Стефан не убоился со всею силою обличать вождей народа за убиение Христа и свидетельствовать о Нем открыто (Деян. 7, 51—56). Разве не исполнение слова пророка Иоиля “юноши ваши будут видеть видения”, в том, что Стефан, как свидетельствовал он в синедрионе, “видел небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога” (Деян. 7, 56)? Разве можно было без обильного излияния Св. Духа исполниться такой любви к врагам, чтобы молиться за своих убийц: “Господи! Не вмени им греха сего! (Деян. 7, 60), хотя закон, как его, впрочем, ложно понимали, допускал ненависть к врагам, требовал воздаяния “око за око и зуб за зуб”, призывал к проклятию врагов, а не благословению их и молитве за них (Матф. 5, 38—44)?

Разве не видением Христа обращен был к вере жестокий гонитель Савл и сделался великим “апостолом языков”, через которого доселе лучи света Христова обильно изливаются на нас? Видимым образом сошел Дух Святой на евнуха Ефиопской царицы Кандакии, крещенного диаконом Филиппом (Деян. 8, 39). Без великих чудес и знамений, совершающихся силою Духа Христова, не могло быть вообще столь успешным обращение ко Христу народов, поэтому знамения и чудеса были в первые времена христианства многочисленны и чрезвычайны. В самый день Пятидесятницы, после излияния Духа Святого на апостолов, по проповеди ап. Петра, обратилось ко Христу около трех тысяч, после исцеления хромого — еще пять ты-

сяч. Чудеса умножались настолько, что выносили больных на улицу в надежде на исцеление их самою тению проходящего Петра, и все более присоединялось к Церкви Христовой мужчин и женщин (Деян. 5, 14—16). В Церкви Коринфской, по словам св. ап. Павла, ссылающегося на опыт самих коринфян, не было “недостатка ни в каком даровании” Духа (1 Кор. 1, 14, 1—5, 21). Каждому, писал апостол, дается проявление Духа на пользу: одному дается Духом слово мудрости, другому — слово знания тем же духом, иному — вера... иному дары исцелений, чудотворения, пророчество, различение духов, разные языки, истолкование языков” (1 Кор. 12, 7—10). О том же пишет св. ап. Павел в послании к Ефесеянам (4, 7, 11), к Римлянам (12, 6—8), а апостолы Петр и Иоанн в соборных посланиях (1 Петр. 4, 10—11); (Иоан. 2, 20, 4, 1—2, 13).

Поэтому первые христиане хорошо знали о пришествии Духа (Иоан. 14, 17), явление Духа было для них не пустым звуком, а тем, что они видели, слышали, испытывали, переживали сами. И не напрасно, а как знающим, переживающим на деле, говорили им апостолы о Святом Духе, как слышали мы и ныне в апостольском чтении: “Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд, но паче исполняйтесь Духа, глаголюще себе во псалмах и пениях и песнях духовных” (Ефес. 5, 18—19), т. е. в песнях, составленных по вдохновению от Духа Святого, “поступайте, как чада света, потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине” (Ефес. 5, 8—9).

Но христиане нынешние о пришествии Духа как бы ничего не слышали, как бы ничего о Нем не знают (сравн. Деян. 19, 2). Правда, слышат о Нем в песнях церковных, торжественно празднуют сошествие Святого Духа, но все это как бы в каком-то полусне, полудремоте, и слышанное тотчас забывают, как забывают многое виденное во сне. Слова о Святом Духе остаются для многих христиан словами о чем-то

неведомом, совсем далеком от их жизни, — в собственной их жизни никогда не переживаемом.

“Где пришествие Духа? Как ощутить последнее, узнать, было ли оно, или нет?” — говорят они. Для них Дух Святой как бы не существует, а если существует, то действует лишь в душах иных людей, потому что в собственной душе они такого действия никогда не замечали, хотя в действительности “Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется Тройческим единством священнотайне”, без дыхания Святого Духа не может быть в душе человека духовной жизни, как тело замирает без дыхания.

Почему же христиане “не знают” Духа Христова (Иоан. 14, 17), пришедшего в мире по обетованию Христову, как бы Его и не было?

Потому, прежде всего, что многие из них стали “плотию”, живут по плоти, а не по духу, жизнь плотскую только и знают, ощущают, о духовной же не помышляют. Удивительно ли, что Дух Божий не может пребывать и в них, как не мог пребывать в людях перед потопом, сделавшихся “плотию” (Быт. 6, 3), думавших только о том, чтобы есть, пить, строить, покупать, продавать, жениться, выходить замуж (Матф. 24, 38; Лук. 17, 26—29), так что самый дух этих людей как бы растворился в плоти.

Если же иные продолжают помышлять и о жизни духовной, то не могут ощутить пришествия Духа потому, что хотят ощутить плотскими чувствами: “излияния духа” они готовы уподобить влитию воды внутрь тела, ощутимому тлению. Но, конечно, “излияние Духа” происходит духовно, подобно тому, например, как в душу “вливается” радость, или душа “изливается” в скорби (Псал. 41, 5). Это излияние ощутительно, но лишь для души. Хотя Дух Святой “излился на всякую плоть”, но действия Его, заметные иногда и на плоти, как например, при даре пророчества, языков, направляются всегда в глубины духа, совести (1 Кор. 2, 10—11).

Или не замечают многие действия Святого Духа потому, что ожидают непременно действий Его поразительно чудесных, например, чудесного действия Духа Святого воображаемым волшебным действиям колдунов, ворожей, которые заговорами могут будто бы без желания самого человека переменить его любовь в ненависть. На самом деле Дух Святой не действует в душе человека принудительно, Он не насилует нашего естества, нашего свободного хотения. Он незримо склоняет наш ум, сердце, волю в сторону добра, не насилуя их. Он просветляет ум, умиляет сердце, дает крепость воле, новое направление всей жизни человека, однако не без свободного согласия на то самого человека, так что человеку, находящемуся под незримым воздействием Св. Духа, кажется, что он действует сам от себя. Например, просветит Дух Святой ум человека, а ему при невнимательности думается, что он поступил умно, благодаря напряжению лишь собственного ума; умилит Дух Святой сердце, умягчит его, вызовет в нем спасительный порыв покаяния, а человеку кажется, что сердце само собою почему-то изменилось по собственному желанию человека. Отклонит Дух Святой человека от злого желания, направит на путь спасительный, а человек мнит, будто сделался лучше, добродетельнее, благодаря усилиям своей воли. И не хочет знать человек, что Дух Святой воздействует на него, скрывая Свои действия за собственными движениями души человека потому, что не хочет стеснять свободы человека, ищет от него любви свободной, а не насильственной, мнимой, продажной.

Если бы человек сам поступал всегда умно, то почему в порыве гнева, в увлечении страстью незаконной любви, приобретения, честолюбия и т. д., действует часто столь глупо, что сам называет свои страсти безумными? Почему вслед за умилением нередко вскоре же наступает в душе полное бесчувствие, за порывом раскаяния — порыв злобы, искусительного соблазна. Почему ставший под влиянием иногда како-

го-то бессознательного, непонятого порыва, на путь добра опять возвращается на прежний путь? Если бы все движения в душе человека были его собственными, то почему вскоре же и против желания так скоро изменяются? Очевидно, многие из добрых движений — плод незримых воздействий Духа, и, если захочет человек, эти движения могут удержаться в душе, не захочет, возвращаются к тому, чем был сам, без Духа Святого. Не замечает человек многих действий Духа и потому, что мало заглядывает в глубины совести, где действия Духа более всего происходят. Между тем, как совесть является “естественным законом” в духовной жизни человека; как в природе видимой за действиями “естественных законов” многие не хотят видеть действий силы Божественной, утверждая, что действует во всем сама природа с ее законами, так за действиями “естественного закона” совести не замечают действий Св. Духа. По определенным законам природы движется солнце, распространяет свет, живительную теплоту, течет вода, обращается в пар, проливается из облаков в виде дождя, дуют ветры, оставляя всюду громадные следы своего движения, произрастает земля растения и т. д. Но при внимательном наблюдении нельзя не видеть, что самая природа с своими законами исполняет лишь волю Творца, направляя действие сил и законов природы так, как требуется по Божественным промыслам о мире, — потому что лишь Существо премудрое, разумное, всеблагое, всемогущее, всеправедное может действовать с такою благодетельною, всеобъемлющею целесообразностью, а не слепые силы неразумной природы. Так и действия Духа Святого нужно примечать не тогда лишь, когда они явно чудодейственны, превышают действие естественных сил, как в даре языков, пророчества, но и тогда, когда Дух Святой действует незримо в совести, производя в ней как бы естественные, но в то же время необъяснимые движения и направляя последние куда “хочет” (Иоан. 3, 8).

Чрезвычайные действия Св. Духа необходимы были особенно в первое время христианства, когда нужно было со всею силою всколыхнуть море жизни человеческой и дать ей новое направление; потом море жизни должно было постепенно войти в свои берега, и действия Духа Святого в нем должны были сделаться как бы обычными, хотя это не значит, что они прекратились, как море вечно волнуется и без “дыхания бурна” (Деян. 2, 2) ветров. Притом, первые христиане гораздо более, чем последующие, открывали сердца для веяния Духа Христова, делаясь способными к восприятию по мере каждого (Римл. 12, 3; Ефес. 4, 7) великих и даже чрезвычайных Его дарований, к чрезвычайным, сильнейшим волнениям души, переменам в духовной жизни; позднейшие же, оскудевая в вере и любви (Лук. 18, 8; Матф. 24, 12), давая все более место себялюбию в сердце, делались все менее способными и к малым духовным волнениям. От всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут (Лук. 12, 48), и потому, с оскудением силы веры и любви Дух Святой как бы ограничивал Свои чрезвычайные действия, все более скрывая Себя для “немогущих вместить” (Матф. 19, 12) под собственными движениями души таковых, не насилуя последних, но незаметно направляя, куда хочет. Если бы не пришел Дух Святой в мир, и все в духовной жизни людей происходило бы само собой, то чем можно было бы объяснить чудную перемену в апостолах, которые, будучи простыми рыбаками, не чуждые общечеловеческих немощей, не только сами вполне преобразились духовно по сошествию Св. Духа, а с собою преобразили духовно и мир, поистине сделавшись “князьями по всей земле” в духовной жизни мира (Пс. 44, 17). Каким образом, без пришествия Духа люди, перед пришествием Христовым развратившиеся, как перед потопом, целыми тысячами обращались к святой духовной жизни (Римл. 2, 18—3, 26)? Что воодушевляло людей, бывших себялюбцами и миролюбцами (Тит. 3, 3—6) идти за Христа на страшные муки? Почему христиан-

ство среди страшных гонений не уничтожалось, а распространялось? Почему кровь мучеников делалась семенем христианства, а не побуждала совсем забыть имя Христово? Почему целые тысячи людей, ранее преданных нередко удовольствиям, утопавших даже в страстях, добровольно шли в пустыни, отказываясь от всяких утех земных и начиная жить, как бесплотные ангелы?

“Дух Святой бе убо присно, и есть, и будет” (Стих. хвалитн. утрен. Пятидесят.). Возжелаем искренно, от сердца, Его пришествия, и Он придет к нам, как явственно пришел к апостолам, ожидавшим Его пришествия, и приходил к первым христианам. Пусть придет Он незримо, но духовно ощутительно, или оставит явственные следы Своего посещения, произведши чудную перемену в душах, так что мы почувствуем в себе охоту и силу делать то, что еще час тому назад казалось нам совершенно невозможным (Матф. 19, 26); так, видя перемену обстановки в оставленной нами на время, запертой комнате, в которую никто не мог войти, мы говорим, что кто-нибудь там все-таки был. Незримо, постоянно посещает души людей и Дух Святой, производя в них необъяснимые перемены, и эти посещения тем чаще и заметнее, чем более сами мы будем их желать и о “пришествии Духа” к нам молить. Аминь.

В церкви К.(нязя. *Сост.*) Владимира г. Астрахани,
— 6 (19?) марта 1925 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

“Придет день Господень, как тать ночью, и тогда... стихии, разгоревшись, разрушатся... Если это все разрушится, то какими должно быть вам в святой жизни и благодетности” (2 Петра 3, 10--11).

Слышите, возлюбленные, о чем нас спрашивает святой апостол в своем соборном послании, чтенном сегодня?

В самом деле, что мы можем сказать о смысле нашей жизни?

Большинство из людей раз и навсегда решив для себя, что сокровенный смысл и высшая цель жизни недоступны для них, отказываются даже от попытки сколько-нибудь прояснить себе мрак жизни светом мысли или веры, а, чтобы лучше освободиться от тяжелого впечатления мрака, закрывают глаза, стараются заглушить в себе высшие вопросы и стремления духа, удовлетворяя низшие потребности своей натуры.

Но человеку нужно не только жить, но и давать отчет в смысле жизни. Между прочим, сколько бы человек ни старался заглушить в себе сознание и все высшие стремления духа, огрубеть, оплошеть, — это ему не удастся: человеческая натура сказывается по временам, беспокойные вопросы о цели жизни возмущают самодовольство, и тогда человек должен думать об этом, Эти вопросы особенно возникают в старости, т. е. когда их поздно задавать.

Говорят, что жизнь — наслаждение и пир, нечего искать каких-то других целей. Пользуйся жизнью, спеши захватить все, что она дает.

Но откуда в человеке такая сильная любовь к жизни, если в ней нет величайшего блага? Отчего люди стремятся к счастью, если счастье не есть цель жизни? Тогда где эта цель?

Есть ли, был ли за тысячи лет хоть один человек, который мог бы сказать о себе, что он достиг этой цели. Был ли человек, который узнал сам и передал другим, что такое счастье?

Правда, сначала человек идет на жизнь с бодростью и надеждами, но сама жизнь разбивает и разрушает светлое представление о ней. Кто испытывал в жизни одни радости без горя?

Много препятствий к достижению счастья извне, в противодействующих силах природы, во враждебных обстоятельствах среды, в недостатке собственных сил, но еще больше препятствий к достижению счастья со-

стоит в том, что человек не находит счастья даже в удовлетворении своих желаний и источник такого недовольства кроется внутри самого человека. Если бы жизнь со всех сторон улыбалась человеку, и у него не было бы предлогов к жалобам, человек стал бы их выдумывать.

Ведь жалуются все люди: и большие и малые, бедные и богатые, здоровые и больные, трудящиеся и тунеядцы, невежды и мудрецы. Вечное недоразумение, по-видимому, в том, что у человека нет определенно-го предмета для счастья, а силы ограничены. Тысячи людей борются за счастье, но, достигнув его, оказывается, что казавшийся венец счастья только дальнейшая ступень к новому идеалу.

И если бы жизнь была только сменой удовольствий, то разве одно уже представление о том, что через 30—40 лет все это кончится, разве это не виссет горечь в жизнь и не наполнит чашу неселья отравой?

Если вспомнить, что такая жизнь иногда строится на обидах и лишениях другого человека, то разве жизнь может быть пиром, а не аренной, где собрались животные, чтобы растерзать друг друга.

Другие утверждают, что жизнь является осуществлением идеалов добра, истины и красоты. Очень хороший и правильный взгляд. Но это стремление, в действительности же люди не могут найти средств к осуществлению этих идеалов. Покажите хоть одного человека (гения, мудреца), который был бы выражением этих идеалов, без упрека и пятна, чтобы ему можно было поклониться? Покажите хоть одно общество, где бы безмятежно царствовала истина, любовь, справедливость и мир, и чтобы оно было образцом для других?

Напротив, жизнь представляет поругание и искажение этих идеалов, — в этом противоречие человеческой природы.

Истина? Но что это такое — никто не знает, а крупицы ее, добываемые трудом поколений, теряются во тьме невежества и предрассудков.

Добродетель! Но в чистую добродетель люди не верят, потому что рядом с нею мы видим зло. Против зла общество устроило тюрьмы — печальные свидетели против добродетели.

Красота! Но это чувство в нас огрубело, и в жизни человеческой, при ее пороках, она не занимает больше места.

Справедливость! Но кругом жалобы на несправедливость, разъедающую человеческое общество. Иногда несправедливость искореняют новыми несправедливостями.

Любовь! Но вместо нее — господство эгоизма, отравляющего и помрачающего самые высокие человеческие чувства, источник зависти, ненависти и злобы. И едва ли проходит в истории человечества хоть год, хоть месяц или день, чтобы не проливалась кровь человеческая.

Кто-то сказал, что истина, ложь, добро и зло, правда и неправда — понятия относительные, что это так кажется ограниченному уму. В природе заблуждение необходимо для развития истины, зло способствует добру, ложь — правде и что эти элементы не противоположны, а только отрицательны. Нет, это не так. Добро не может быть источником зла, как и зло — источником добра. Нельзя свет назвать тьмою, белое — черным, горькое — сладким. Красота сияет лучше, если ее не безобразят.

До истины не надо доходить кривым путем. Логический путь есть путь от истины к истине. Говорят, что все-таки добродетель торжествует и что отрицательных явлений меньше, чем положительных, и что истина и добро имеют преимущество перед грубой силой. Однако в жизни мы наблюдаем обратные явления. Грубая сила повелевает и ругается над нравственной силой, ум преклоняется перед невежеством, тьма предрассудков гонит истину со света, унижает и преследует провозвестников истины. Всякий счастливый невежда и деспот готов уязвить мудреца, угнетенного поборника добродетели, с тем чтобы отнять у

него веру в истину и добродетель. Честный мудрец должен утешать себя тем, что ему при жизни не видеть своей истины и что после смерти к нему придет слава. Правда, в истории это иногда бывает, по вообще-то благодарность и слава в потомстве — высокие и жалкие слова. Как будто мученику много пользы в том, что потомки его мучителей воздвигнут ему памятник на том месте, где его мучили — свидетельство преступления и бесславия прежних поколений. Да и верно ли, что каждого мученика ждет слава. Суд потомства и суд истории такие же, как и суд современников. Да и откуда черпает история сведения, разве не от случайных и пристрастных летописцев?

Говорят еще, что личная жизнь человека не удовлетворяет идеальным требованиям счастья, добра, истины и справедливости, но что все эти идеалы предназначено осуществить всей жизни человечества. После долгих исканий и колебаний, после тяжелых трудов и жертв человечество придет к своим идеалам, найдет счастье, узнает истину и установит справедливость, тогда люди будут наслаждаться этим, и не будет в человечестве несчастий и зла. До этого жизнь человека — непрерывная и тяжелая работа над достижением идеалов и каждый век, каждый народ, каждое поколение и каждый человек вносит свою долю в эту сокровищницу труда. Работа идет безостановочно, люди живут, умирают, поколения меняются, народы исчезают, но каждый век, каждый народ передает своему преемнику, а этот дальнейшему.

Верно — жизнь непрерывный труд, прогресс и безостановочное движение. Но труд имеет цену, когда сознается его смысл. И движение имеет смысл, если сознается цель и верность его.

Итак работа идет из-за осуществления человеческого идеала.

Но что же это за слово “человечество”? Мы не знаем человечества как живого существа; мы знаем людей, поколения, народы. Миллионы людей живут, трудятся, борются для того, чтобы, наконец, явилось

какое-то нравственно совершенное поколение, не знающее пороков и несчастий. Но верно ли, что всякий труд принесет свою пользу и что в общечеловеческом прогрессе ни одна крупница истины и добра не пропадет?

История имеет массу противных примеров. Мы горды своими знаниями и успехами и думаем, что наши труды принесут пользу прогрессу человечества; но ведь жили и до нас люди, также трудились и имели успех. Обломки жизни свидетельствуют о блестящей цивилизации, процветавшей на Ниле, Ганге и Евфрате. А теперь памятниками этой цивилизации остались лишь несколько жалких обломков, несколько слов и намеков на рукописях. Кто знает, не произойдет ли и с нашей цивилизацией то же самое? Может быть нынешняя гордая и блестящая Европа некогда будет представлять из себя степь, вроде нынешних азиатских или африканских степей, и от блестящих городов останется столько же, сколько осталось от Ниневии и Вавилона?

Хотя говорят, что этого не произойдет, но кто знает, насколько современная цивилизация окажется способной обезопасить человечество от сокрушительной силы новых Аттил, Тамерланов и Чингизханов.

Итак, поколения вымирают, народы исчезают, цивилизации гибнут, и кто может поручиться, что они успевают передать новым поколениям все выработанные ими сокровища мысли и труда. Какое же будут иметь значение наши знания и труды, если ими не воспользуются последующие поколения? В ином месте собирались сокровища мысли и труда целые века, и вдруг в короткое время все это сокрушалось истребительными силами природы и людским невежеством.

Можно ли верить, что и это исторический прогресс, в котором не пропала ни одна крупница труда и мысли?

Каждая эпоха считает свои мысли и дела за истину, но так ли это?

Не кажется ли некоторым, что прогресс в человеческой жизни приведет человека к идеалу только тогда, когда человек поймет свое неидеальное состояние, зависящее от самой природы человека и прежде всего займется внутренним совершенствованием. Достаточно ли для человека одних знаний и образования, чтобы прогресс человеческой жизни приближался к идеалу?

Нет спора, что частные знания человека увеличиваются, но весьма спорно, ближе ли человек к истине и не открывает ли горизонт неизвестности каждое новое открытие. Средств к удовлетворению потребностей больше, но счастливее ли человек?

Знаний больше, но лучше ли стал человек и можно ли нравы современного человека передать потомкам?

Пороки, зло, остаются теми же, что и у дикарей, с той только разницей, что цивилизация дает этим порокам и злу более тонкую форму. Злоба развитого человека опаснее злобы дикаря. Умножаются орудия и средства к благосостоянию человека, но и сооружаются более сокрушительные средства, и изобретатели этих средств тоже ведь считают их человеческим прогрессом. Неужели и этот прогресс приведет к идеалу?

Не найдя ответа на вопрос о смысле жизни, многие называют человеческую жизнь несчастьем, страданием, вечным проклятьем и произволом судьбы. Жизнь — глупая шутка, дар случайный, дар напрасный. Скорее всего это сказано в минуты душевного угнетения или разочарования, потому что жизнь сама по себе и неистребимое чувство жизни, общее всем людям, сохраняющееся у человека в самые трудные минуты и не покидающее его до самой смерти, служит лучшим опровержением такого мрачного взгляда на жизнь.

Может быть человеческому уму и не нужно доискиваться смысла жизни, может быть жизнь — бессмыслица, призрак, сон, и существование человека только мечта?

Такая мысль о жизни развивалась во взглядах целых философских систем. Таков был эпикуреизм.

Были люди, которые утверждали, что мир является произведением собственного “я” и подвергали сомнению свое собственное существование, и познание о мире они называли иллюзией. Но ведь каждый человек живет, мыслит, ест, пьет и, следовательно, жизнь — реальная сущность, а не мечта, и что уж по одному этому в жизни имеется определенный смысл.

Жизнь, как они говорят, есть громадный, сложный механический процесс, неизвестно когда и кем и для чего приведенный в действие и действующий по одним и тем же законам. Личность человеческая занимает маленькое место в этом процессе и увлечена общим движением, подчиняясь общим законам. Человек, вне этого процесса, ничего себе представить не может. Поэтому, зачем же спрашивать, для чего пущена в ход эта машина, если человек знает о жизни только из изучения движения, отношения вещей между собой, не зная их внутренней сущности.

Но, однако, вопросы о начале, сущности и цели бытия так глубоки в человеческой природе, что от этих вопросов нельзя отделаться ссылками на опыт. Позитивизм называет бытие сложной машиной, никогда не останавливающимся механическим процессом. Но кто устроил эту машину, откуда взялся материал, как материал сложился в правильные формы, и как машина пришла в закономерное движение? Тогда имеет ли смысл движение или это бессмысленный хаос и путаница?

Если жизнь есть механический процесс, тогда надо отречься от души, мысли, воли и свободы. Тогда нет прогресса, не существует идеального стремления человека, и весь труд человека без смысла и цели?

Но христианство учит нас другому. Жизнь христианская есть путь для истины, добра и счастья. Именно поэтому в человеке заключено глубокое, неоспоримое стремление к идеалам правды. Нет на земле человека, который сознательно предпочел бы истине ложь, добру — зло, счастью — страданье. Зачем же тогда человек, любя правду — лжет, любит добро, а

делает зло. Это потому, что жизнь человеческая уклонилась от своего идеала. Когда-то этот нравственный кризис произошел в природе человека. Догмат о грехопадении объясняет нам эту тайну человеческого бытия. Он объясняет нам и другое — догмат Искупления, потому что душа человеческая хочет вернуться к прежнему идеальному состоянию, ищет путей к нему и в догмате Искупления находит этот путь. Именно в этих догматах открывается глубочайшая тайна человеческого бытия. Вера и свобода воли — основные начала для развития в человеке тайны жизни.

Какой же ответ дадим апостолу, вопрошавшему нас сегодня о смысле жизни?

.....
Жизнь — великое сокровище, скажем мы. Не будем унижать цену жизни, не будем легкомысленно требовать от нее многого, иначе нам будет казаться малым то, что она нам дает. Не будем требовать от жизни одних радостей, но благодарить Бога за всякий свой и чужой успех, за всякое добро, сделанное другому. Будем воспитывать в себе христианские добродетели и искоренять дурные помыслы, будем любить справедливость и беспрестанно молиться Богу, чтобы Он, создавший нас по Своему Образу и Подобию, вел нас по путям Своей премудрости и благодати. Аминь.

Примечание: Проповедь эта сохранилась в подлиннике, будучи написанной рукой самого владыки. Но текст ее испорчен, вылинял. Порче особенно подверглись начало и конец речи. Между фразами: “В самом деле, что мы можем сказать о смысле нашей жизни?” и “Большинство из людей...” несколько строк восстановить нельзя. Эта часть печатается с небольшим пробелом.

Фраза: “Жизнь — великое сокровище” — воспроизводится после пропуска трех строчек.

На утрени в день “Похвалы Богородицы” в Петропавловской церкви г. Астрахани. 21 марта (3.4) 1925 г.

Возвышенность акафистной “похвалы” Пресв. Богородице, как напоминание о том, что бедствия внешние должны вести не к угнетению, а к подъему духа христианина.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Вспоминая, как, при каких обстоятельствах начала свершаться “Похвала Богородице”, акафистное Ей пение в субботу 5-й седмицы Великого Поста, мы видим, что началась эта “Похвала” с восхваления Божией Матери за избавление от бед внешних, от врагов, облепивших город Константинополь, персов и скифов (в 626 году), потом сарацин (673, 716 г. г.).

Казалось бы, как могла бы душа быть способною к возвышенному славословию, когда сама она от сдавивших жизнь людей бедствий осады вместе с телом как бы пригнеталась к земле? Время ли тогда для высокого богословствования? Возможно ли тогда думать о чем ином, кроме сдавившей тесноты, гнетущей боли, способов избавиться от них? Однако в акафистном хвалении Богоматери мы видим лишь малую долю воспоминаний о бедствиях житейских; песнотворец, сказав о них немного, спешит перейти к самым возвышенным хвалам и восторженному богословствованию, как бы он забыл о бедствиях житейских, весь устремился на духовные высоты, высоты жизни не человеческой лишь, а и Божественной, на которые взошла Богоматерь, на которых во славе Она пребывает, с которых сияет миру, разгоняя дальний мрак греха и бед.

Едва воспев “Взбранной Воеводе победительная, благодарственная”, вознеси моление: “но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи” (конд. акаф. 1-й), творец акафиста обращает нашу мысль в даль веков минувших, к первоначальным Адаму и Еве, и видит, как и тогда сияла уже, как предрассветная заря, слава Богоматери во всем блеске: “радуйся, Ею же радость воссияет; радуйся, Ею же клятва исчезнет; радуйся падшего Адама воззвание; радуйся, слез Евиных избавление” (икос 1-й). Воз-

зрев на эту светлую славу Богоматери, песнопевец поражается ее неизмеримым величием: “радуйся высоте неудобовосходимая человеческими помыслы; радуйся, глубино неудобозримая и ангельскими очима” (икос 1-й). Откуда эта высота? Оттого, что Она — Матерь Самого Бога, глубины веков лучами спасения Своего озарявшего и в последние дни обновившего светом всю тварь: “радуйся, яко еси Царево седалище; радуйся, яко носиши Носящего вся; радуйся, звездо, являющая Солнце; радуйся, утробо Божественного воплощения; радуйся, Ею же обновляется тварь; радуйся, Ею же поклоняемся Творцу” (икос 1-й). Продолжая поражаться величием чудес, скрытых в Богоматери и Ее прославивших, певец Богоматери восклицает: “радуйся, совета неизреченного Таиннице; радуйся, молчание просящих веро; радуйся, чудес Христовых начало; радуйся, велений Его главизно”.

Затем начинается ряд ветхозаветных величественных образов, под которыми прежде скрывалась, потом открылась духовная слава Богоматери, послужившей таинству воплощения Бога Слова: “радуйся, лестнице небесная, ею же сниде Бог; радуйся, мосте, преводяй сущих от земли на небо” (икос 2-й); “радуйся, ниво, растящее многоплодие щедрот; радуйся, трапезо, носящая обилие очищений; радуйся, приятное молитвы кадило; радуйся, всего мира очищение” (икос 3-й); “радуйся, море, потопившее фараона мысленного; радуйся, камению, напоивший жаждущие жизни; радуйся, огненный столпе, наставляя сущия во тьме; радуйся, покрове миру, ширший облака; радуйся, пище манны преемнице; радуйся, сладосте святые Служительнице; радуйся, земле обетования; радуйся, из Нея же течет мед и млеко” (икос 6-й). К Ней стеклись как бы все великие спасительные образы Ветхого Завета, потому что Она, ведь, “Селение Бога и Слова, святая святых большая, Ковчег, позлащенный Духом, Сокровище живота не истощимое” (икос 12-й).

Оторвалась мысль песнотворца от житейских бед означенными ветхозаветными образами великого таинства, чрез Пречистую Деву совершившегося. И переходя к временам “последним” Нового Завета, творец акафиста останавливает взор свой прежде всего и более всего на спасении духовном, которому Пресвятая Дева послужила: “радуйся, Агнца и Пастыря мати; радуйся, дворе словесных овец; радуйся, невидимых врагов мучение; радуйся, райских дверей отвержение” (икос 4-й); “радуйся, во чреве носящая Избавителя плененным; радуйся, рождающая Наставника заблудшим; радуйся, древо светоплодовитое, от него же питаются вернии; радуйся, древо благосеннолиственное, имже покрываются мнози” (икос 7-й); “радуйся, столпе девства; радуйся, дверь спасения; радуйся, тлителя смыслов упражняющая; радуйся, Сеятеля чистоты рождающая” (икос 10-й); “радуйся, купели живописующая образ; радуйся, греховную очищающая скверну; радуйся, бане, омывающая совесть” (икос 11-й).

В этой возвышенности явлений Богоматери великий урок нам: Господь посылает беды житейские не для того, чтобы оне, пригнетая тело, пригнетали и дух, но чтобы, напротив, чем более пригнетается тело, тем более порывался дух на высоту, как пар или воздух, чем более они сперты, тем выше стремятся подняться. Здесь образное напоминание о Кресте Христовом, под бременем которого падал Сын Человеческий, но на котором, сохраняя “дух бодр” в немощи плоти (Матф. 26, 41) подъял безмерно тяжкое бремя согрешений человеческих, раздрал и пригвоздил их рукописание и затем легко возлетел на небесную высоту, взяв на рамо и заблудившуюся овцу, падшего человека. Человек хочет вознестись на высоту благополучия и славы, не неся креста своего, но его высота всегда оказывается мнимою, по слову еще древнего пророка: “поникнут гордые взгляды человека и высокое людское унижится, и один Господь будет

высок в тот день” (Исаии 2, 11). Если страдания житейские принимает человек без мысли о Кресте, они обращаются в бремя гнетущее, пригнетающее вместе с телом к земле и дух; если же человек принимает страдания, как Богом возлагаемый на него крест, то силою благодати возвышается чрез них сначала дух, а затем, когда плоть покорится духу, то дух прославляется и в теле.

Будем поэтому молить Божию Матерь об избавлении от бед жизни таком, которое помогало бы возвышению духа. Будем молить: “не ввери мя человеческому предстательству, Пресвятая Владычице, но прими моление раба Твоего, скорбь бо одержит мя: терпети не могу демонского стреляния, покрова не имам, ниже где прибегну окаянный, всегда побеждаем, и утешения не имам разве Тебе, Владычица мира, упование и предстательство верных, не презри моление мое, полезно сотвори”, т. е. исполняя моление об избавлении от бед и скорбей жизни земной, “полезно сотвори” и для души это моление. Чем более человек будет сосредоточивать моление свое на одних житейских скорбях, тем более будет замедляться помощь и скорби не будут прекращаться, пока не будет ими сколько-нибудь уловлена душа, и как бы удою закрепится самая совесть, чтобы извлечь человека из духовной гибели, более страшной, чем внешняя. Чем более молясь, человек будет обращать все внимание свое на душу гибнущую, тем скорее подаст Господь помощь и в бедах внешних, хотя бы человек о них как бы забыл и нарочито не просил. Аминь.

С восторгом и радостью прочитал я записки Аркадия Ильича о владыке Фаддее (Успенском). Образ этого необыкновенного человека, который был близок мне и моей семье, предстал передо мною во всем величии и красоте. Многие из того, что содержится в записках мне известно лично и особенно та часть, в которой упоминается о ежедневных богослужениях и страстных проповедях приснопамятного владыки. Не могу не вспомнить тысяч благоговейных богомольцев, неизменно присутствовавших на его богослужениях и огромной толпой сопровождавших его из церкви домой.

Верующие окружали его ореолом святости. В этой связи не могу забыть такого события. В единоверческом храме идет литургия. Владыка Фаддей (Успенский) стоит с чашей и преподает Св. Тайны. Верующие один за одним подходят к чаше. Но вот неожиданность: владыка отстраняет от чаши молодую девушку и с волнением что-то говорит ей. Девушка в слезах и в какой-то растерянности уходит с амвона, ее окружают, спрашивают о случившемся, и она рассказывает, что вчера держала пари с подружками, что может причаститься без исповеди, по вот сегодня, едва подошла к чаше, как неожиданно услышала от владыки: “отойдите в сторону и не делайте греха; по-исповедайтесь сначала...” Я помню и эту плачущую, растерявшуюся девушку и то огромное, потрясающее впечатление от ее рассказа.

Девушка эта впоследствии стала глубоко верующей и часто рассказывала людям об этом случае.

Помню я этого чудесного человека и молюсь об успокоении его святой души в обителях Отца Небесного.

---

* Престарелый автор этих воспоминаний об архиепископе Фаддее (Успенском), астраханец М. Смыслов является родным дедом кратковременного чемпиона мира по шахматам — Насилия Смыслова.

Из воспоминаний об архиепископе Фаддее (Успенском).

А. И. Кузнецов в своих воспоминаниях о высокопреосвященном владыке Фаддее (Успенском) воссоздал со всей добросовестностью и душевной теплотой образ этого самого замечательного из наших иерархов XX столетия, возбуждавшего всеобщее умиление личностью своей и всеобщую к себе любовь.

Воспоминания эти имеют, несомненно, значительную ценность для истории нашей Церкви и для истинного понимания Православного духа.

К этому славному памятнику хочется возложить свое скромное приношение — личные воспоминания об этом дивном человеке и архипастыре, оставившем у всех, знавших его, самую светлую о нем память.

Переехав из Саратова в Астрахань в начале 1924 года, я по роду моей тогдашней службы, был лишен возможности принимать активное участие в церковной жизни, но продолжал живо ею интересоваться, сохраняя то резко отрицательное отношение к “живоцерковникам”, которое я со всей активностью проявлял в Саратове. О том, что происходит в церковной жизни, мне постоянно сообщала моя квартирная хозяйка — Т. А. Матвеева, вдова настоятеля Никольской церкви, у которой я поселился по приезде в Астрахань.

Т. А. Матвеева имела широкий круг знакомых среди астраханского духовенства, знала обо всем том, что происходило в церковной жизни и сама принимала в ней некоторое активное участие. О владыке Фаддее (Успенском) она говорила с постоянным восторгом и умилением.

Иногда к ней заходили кое-кто из духовенства. Чаще других бывали священники Смирнов и Болтинский (всегда вместе). В то время им было лет по сорок. Это были священники образованные, интеллигентные, твердо противодействовавшие обновленцам.

Когда они говорили о владыке Фаддее (Успенском), то обычно ощущалась в их отношениях к нему некоторая двойственность: с одной стороны, они разделяли общее умиление его прекрасной личностью, его монашеской кротостью, смирением, чрезвычайной доступностью и простотой в обращении со всеми, с другой стороны, проглядывала добродушная ирония по поводу его метода управления епархией, состоявшего в полном самоустранении от всех административных дел. Правда, это не могло не казаться странным, совершенно необычным, противоречащим церковному порядку. Но ведь сам владыка-то был “необычный” во всех отношениях в ощущаемой всеми силе его глубокой молитвенности, в неутомимых беспрестанных богослужениях (владыка служил литургию ежедневно), в его таком же неутомимом постоянном проповедничестве (владыка говорил проповеди за каждым богослужением), в его подлинном аскетическом образе жизни. Такому архипастырю можно было устраниваться от всякого администрирования в обычном смысле, так как он осуществлял духовное руководство паствой, безмерно превосходящее всякое администрирование.

У Матвеевой я познакомился и с о. Димитрием Стефановским и протодиакон о. Антонием Поздняковым. О. Д. Стефановский своим обликом напоминал мне владыку Петра (Соколова), епископа Сердобского (викария Саратовской епархии. *Сост.*). Он и был, подобно владыке Петру (Соколову), таким же твердым, прямым, смелым человеком, беззаветно преданным Церкви. Протодиакон Антоний Поздняков был таким же “необычным” диаконом, каким “необычным” был и владыка Фаддей (Успенский). В детски-ясных глазах о. Антония светилась кротость, доброта и чистота его души. Он имел красивую внешность: чисто-русское правильное лицо, густые, длинные, кудрявые волосы золотисто-русого оттенка. Общий облик его был светлым и ясным, та же преданность Церкви.

В то время я ходил в церковь довольно редко, обычно на богослужения, совершавшиеся владыкой Фаддеем (Успенским). Они производили на меня глубокое впечатление. Особенно памятно мне, с какой умильной кротостью, с каким искренним глубоким религиозным чувством он возглашал: “Услыши ны, Боже, Спасителю наш, упование всех концов земли и сущих в море далече”. Когда я впервые это услышал, то был совершенно потрясен, ибо я совершенно ясно слышал не богослужебный возглас, но обращение владыки к Богу, как предстоящему перед ним живому Существо. И вообще все богослужение владыки производило впечатление живой, непосредственной его беседы с Богом. Это ощущалось не только мною, но и многими, а возможно и всеми.

В домашней обстановке мне пришлось видеть владыку Фаддея (Успенского) всего один раз у священника И. (оанно. *Сост.*) -Златоустовской церкви о. Феодора Лебедева. Не помню, о чем говорили за столом. Владыка казался спокойно сосредоточенным и как бы несколько отчужденным от всего окружающего, казалось, что он находится в ином плане бытия и это представлялось наиболее необычным для него, как архиерея и как человека. Это впечатление необычности владыки было таким же всеобщим, как и умиление перед его личностью, возбуждавшее всеобщую любовь к нему.

При таком епископе, каким был владыка Фаддей (Успенский), обновленцы не могли, конечно, иметь никакого внутреннего успеха, так как вся ложность их отношения к Церкви становилась совершенно очевидной при сопоставлении с отношением к Церкви такого истинного архипастыря, каким был приснопамятный владыка Фаддей (Успенский).

В этой связи мне вспоминается интересный факт. В 1925 году обновленческий “митрополит” Александр Введенский читал во всех городах по Волге свои лекции и вел диспуты. Одновременно на местах он проводил политику укрепления обновленчества. О своей

поездке Введенский поместил очерк в журнале "ВЦУ".* В нем он писал, что "в Астрахани ничего нельзя сделать полезного для церкви, пока там сидит епископом фанатик Фаддей (Успенский)". Конечно, правильнее было бы сказать, что в Астрахани нельзя было причинить вреда Церкви, пока там такой дивный епископ Фаддей (Успенский).

В 1928 году владыка Фаддей (Успенский) управлял Саратовской епархией и там в самое короткое время приобрел такую же всеобщую любовь.

Вечная память светлomu Ангелу нашей Святой Церкви!

О кончине владыки Фаддея (Успенского) мне стало известно в марте 1934 года. Тогда в Покровской церкви была совершена панихида по нем. Панихида носила интимный характер, совершалась без посторонних лиц, в присутствии только церковного причта и старосты.

Св. (ященик. *Сост.*) о. Болтинский, совершавший панихиду, доверительно сообщил мне, что известие о кончине архиепископа привез из Москвы епископ Андрей (Комаров), узнавший о кончине от близких к митрополиту Сергию (Страгородскому) (Патриаршему Местоблюстителю) кругов. Епископ Андрей (Комаров) так передавал об этом событии Болтинскому, что смерть владыки Фаддея (Успенского) является достоверным фактом и что в Москве в Дорогомиловском соборе была уже совершена панихида. Может быть и еще кое-что об этом знал о. Болтинский, но ничего другого мне он не сказал. Я понимаю его, потому, что в те времена на эту тему страшно было говорить.

Однако, интимность панихиды очень скоро стала достоянием широких кругов верующих. Их не удовлетворяла скудная информация о кончине дорогого человека, они хотели знать подробности. Вскоре по-

* Обновленческого журнала "ВЦУ" никогда не было. Следует полагать, что здесь имеется в виду журнал, издаваемый обновленческим Высшим Церковным Управлением (ВЦУ), так наз. "Вестник Священного Синода..."

брили по городу слухи, что кто-то куда-то ездил и будто бы с достоверностью узнал, что владыка Фаддей (Успенский) жив и находится в заключении. Слух этот стал всеобщим, люди порицали преждевременность панихиды и как бы в противовес ей массами подавали записки о его здравии. Церковь волновалась, были слышны обвинения епископа Андрея (Комарова) в том, что он преднамеренно распустил слух о кончине владыки. Для подозрений такого рода выдвигались основания. Дело в том, что епископ Андрей (Комаров) не пользовался авторитетом у верующих. Отсутствие авторитета объяснялось просто. Новый епископ был слишком бесцветен на фоне двух своих предшественников — архиепископов Фаддея (Успенского) и Филиппа (Ставицкого). И в самом деле, на протяжении одного десятилетия — две слишком колоритные, выдающиеся фигуры и одна слишком посредственная. Верующие это видели и, конечно, сравнивали. На первых порах епископ Андрей (Комаров) вел себя скромно, часто служил, верующие посещали его службы, но епископ Андрей (Комаров) не мог не видеть, что астраханская паства насыщена христианским энтузиазмом Филиппа (Ставицкого). Чтобы поддержать этот дух нужно обладать духовными дарованиями своих предшественников. Но как быть если таких дарований новый епископ не имел?

Вероятно это обстоятельство озадачивало еп. Андрея (Комарова), и он искал путей, если не к сближению с паствой, то, по крайней мере, к ослаблению влияния на верующих своих предшественников.

Но на этом пути он сделал неверный шаг, прекратив возношение за богослужениями имени архиепископа Филиппа (Ставицкого). Это оскорбило верующих, а архиепископ Филипп (Ставицкий) отозвался на это событие посланием к верующим (из тюрьмы), в котором резко осуждал еп. Андрея (Комарова) в самоуправстве и, как правящий епископ, запретил епископу Андрею (Комарову), как викарию Вольскому, служить в Астраханской епархии. Конечно, никакого

действия это послание на еп. Андрея (Комарова) не оказало, он продолжал служить и не думал об отступлении.

В апреле месяце епископ Андрей (Комаров) после высылки из Астраханской тюрьмы архиепископа Филиппа (Ставицкого) стал правящим и теперь объявил войну “фаддеевщине” и “филипповщине”. Мне однажды довелось слышать слово еп. Андрея (Комарова) с амвона: “фаддеевщину и филипповщину я вышибу. Ее надо выжечь каленым железом...” Нетрудно представить себе настроение верующих: оно было враждебным. Через несколько месяцев это настроение верующих вылилось в обструкцию. Вот как это произошло. Епископ Андрей (Комаров) находился под арестом с октября 1930 г. по февраль 1931 г. Епархией управлял Енотаевский vikарий еп. Алексей (Орлов), скромный, обаятельный человек, молитвенник. Его полюбили и приглашали служить по приходам. Так было и в канун Сретения Господня 1931 г. Его пригласили служить всенощную в Тихвинскую церковь. Он приехал, его встретили, служба началась. Вскоре сюда же в церковь прибыл епископ Андрей (Комаров), (утром освобожденный из тюрьмы). Епископ Андрей (Комаров), никем не встреченный, прошел в алтарь. Что произошло в алтаре — неизвестно, но только на литургию вышел епископ Андрей (Комаров). В церкви поднялся шум. Было слышно: “Где же владыка Алексей (Орлов)?” Верующие подступили к епископу Андрею (Комарову): “Владыка, вы нам не нужны, уходите отсюда... Мы не хотим вас... вы хотели всех нас каленым железом... Уходите!”

Служба была прервана. Епископ Андрей (Комаров) хотел что-то сказать, но во всеобщем гвалте слов его не было слышно.

В ближайшее воскресенье этот инцидент повторился в церкви И. (оанна. *Сост.*) Златоуста. Так епископа Андрея (Комарова) не пускали в церковь.

Епископа Алексея (Орлова) вскоре выслали из города, а епископ Андрей (Комаров), которому после

всего случившегося нужно было покинуть город, остался в Астрахани и не переставал твердить о “фаддеевщине” и “филипповщине”. Таков был епископ Андрей (Комаров). Легко понять, что такие отношения епископа с паствой не могли развиваться на основе взаимного доверия между ними. Именно в этом корень подозрения верующих в недостоверности известия о кончине владыки Фаддея (Успенского), поскольку это известие вышло от епископа Андрея (Комарова).

Отсутствие уважения к епископу Андрею (Комарову) объяснялось еще и тем, что он был необычайно простоватым в быту. Носил он широкую и очень длинную серую рубашку без пояса “нараспашку”, брюки были заправлены в рабочие сапоги, на голове старая помятая шляпа. В таком наряде он щеголял по городу с неизменной громадной кощелкой в руках. Его видели на рынках, торгующимся с бабами. На психологию верующих это действовало отрицательно. Все видели епископа как бы растворившимся в обычной житейской обстановке, погрязшим в суете жизни.

Разумеется, я был далек от такого рода подозрений. Мне казалось совершенно невероятным, чтобы архиерей, а не какой-нибудь искатель приключений, решился на такую авантюру. Скорее всего епископ Андрей (Комаров) сам мог заблуждаться, находясь во власти недостоверного источника. В нем могло недоставать чувства критического такта, кругозора, но такое вероломство, в котором его подозревали, для меня было исключено.

Личные отношения с владыкой возлагали на меня обязанность найти истину. Я разослал письма: матери и сестре владыки — в Васильсурск, по последнему месту жительства владыки — в Тверь. И никакого ответа. Я поехал в Тверь. Хозяин дома, где жил владыка (помнится, на ул. Крылова) любезно, но таинственно, как это было принято в то время, сообщил мне об аресте владыки, о смерти его матери и высылке из города его сестры. Арестован владыка был среди дня, был совершенно спокоен: ни тени волнения или испуга. Пе-

ред уходом поклонился в ноги матери и сестре, сказав: “Как я вас измучил”, — потом благословил их. Вот все, что я узнал от владельца дома, посоветовавшего мне обратиться за подробностями к настоятелю Троицкой церкви.

Церковь Троицы — за городом. Чтобы попасть туда нужно перейти деревянный мостик через узенькую речку. Было воскресенье, служба кончалась, я подождал о. Михаила у выхода из церкви. Вот какой диалог произошел между нами: — Известно ли о. Михаилу о кончине вл. (адыки. *Сост.*) Фаддея (Успенского)? Да, известно; я служил по нему панихиду. — Из каких источников это ему известно? — Подают нам заупокойные записки, вот мы и служим. — Я имею в виду официальные источники? — Лично я не располагаю официальными данными, архиерея у нас нет, спросить не у кого, а вообще слух о кончине владыки упорный.”

Мой собеседник говорил со мною неохотно. Я понял это и больше ни о чем его не спрашивал. Он уже повернулся, чтобы идти дальше, но что-то вспомнил и сказал: “Вон, смотрите, идет старичок — священник, он кое-что знает; спросите у него”. Я догнал батюшку, пошел с ним рядом, познакомился. Это был протоиерей Петр Авксентьевич Соколов из города Бузулука, недавно освободившийся из заключения и теперь проживавший в Твери у дочери. Он был глухой, на улице говорить с ним было невозможно, и я зашел к нему домой. Вот что я узнал от него. Какая-то старушка, почти ежедневно ходившая в ГПУ с передачками для владыки Фаддея (Успенского), однажды утром, по обычаю, принесла передачу. Постучав в окошечко к коменданту, она протянула туда узелок, но сидевший за окном человек передачи не взял и захлопнул окно, что-то пробормотав неясное. Через несколько минут окошечко вновь открылось и тот же человек подал старушке завернутые в бумагу вещи: подрясник, скуфью и белье. Это было неожиданно, старушка была озадачена, страшная догадка мелькнула в голове. Снова стала старушка стучать в окошечко

и с мольбой просила объяснить, что все это значит, дескать, не умер ли владыка? Из окна грубый, лаконичный ответ: “Да”, — и окно захлопнулось.

Слух этот стал немедленно достоянием всех верующих, и вот заупокойные панихиды. Сам о. Петр был уверен в совершенной бесспорности кончины владыки.

Вот такие сведения я добыл в Твери.

В Москве я побывал на Басманной* — в резиденции Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), который не мог меня принять, а его секретарь сообщил мне, что о кончине владыки известно только из частных сведений и что митрополит не располагает официальными сведениями.

Я был огорчен неудавшейся миссией, но что было делать в условиях того времени? Оставалось одно — примириться с тяжелой мыслью о кончине владыки. Конечно, тяжело было сознавать бессилие проникнуть в тайну этого события, но тогда я утешал себя мыслью, что обстоятельства кончины владыки Фаддея (Успенского) не могут пройти бесследно для истории; когда-то тайное станет явным. Сейчас наша Церковь измученная, израненная лежит в обломках, но ведь не вечен девятый вал?

...1938 год. Как-то я нашел в своем почтовом ящике плотно запечатанный конверт. В нем лежал любопытный документ. Это была копия безымянного письма на имя неизвестной Марии Васильевны. Письмо было написано через копировку, из чего можно было заключить, что оно распространялось среди многих лиц. В письме излагались обстоятельства кон-

* Заместитель Патриаршего Местоблюстителя (а позже: Патриарший Местоблюститель и Патриарх) митрополит Нижегородский Сергий (Страгородский) на Басманной улице никогда не проживал.

В описываемое время его резиденция находилась в Девкином переулке, переименованном впоследствии в “Баумановский”. После 1943 г., когда по указанию И.В.Сталина Московской Патриархии были предоставлены хоромы (кажется б. Протопопова) в Чистом переулке на Пречистенке (ул. Кропоткина), — в старом домике-особняке в Девкином переулке поселился митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич), который и прожил в нем до своей кончины (умер в Боткинской больнице).

В конце 60-х гг. говорили, что домик в Девкином переулке подвергся сносу.

чины владыки Фаддея (Успенского). Отлично помню, что письмо начиналось так: “У нас в Твери 20 декабря погиб владыка Фаддей (Успенский). Помолитесь за упокой его святой души там у себя в Астрахани...” Далее следует описание гибели. Владыка находился во внутренней тверской тюрьме. Как-то утром, по обычаю, пошел он в туалетную комнату, находившуюся в коридоре. Едва наступил он на пол, как пол обрушился, и он упал в глубокую выгребную яму, там и скончался. В письме не был указан год, когда произошла эта трагедия, т. е. относилось ли это к 1937 году или письмо имело свою историю, тянущуюся с 1934 года. Позже мне стало известно, что официальная панихида (заочная) по владыке Фаддее (Успенском) была совершена протоиереем Н. Ф. Колчицким в Елоховском соборе 2(15) января 1938 года. Если сопоставить две даты, т. е. 20 декабря и 2(15) января, то последовательность обоих событий приводит к выводу, что кончина владыки случилась 20 декабря 1937 года (2 января 1938 года? *Сост.*). В таком случае вернее предположить, что со времени его ареста в 1934 году и до кончины — в 1937 году, владыка находился в местах заключения, откуда, по обстоятельствам того времени, он не мог подать о себе вестей. Все могло быть в то время!*

Историю с возвратом его вещей тоже не трудно объяснить: пришла фантазия тюремной администрации нарядить его в тюремную “спецодежду”, чтобы он не выделялся из среды других, вот и сделали, а самый возврат вещей облекли в тайну. Как все это похоже на нравы того времени!

* К разговорам об обстоятельствах кончины архиепископа Фаддея (Успенского) прибавим нижеследующую выписку из частного письма одной древней старушки:

“...Очень близкий человек к владыке Фаддею (Успенскому), пожилая девушка, которая всюду за ним следовала (родная сестра его, Вера Васильевна Успенская? *Сост.*), приезжала в Москву из Калининна и сообщила, что владыка умер в тюрьме в Калининне под парами, но в каком году это было я не помню.

Архимандрит Георгий оптинский, живший в Даниловом монастыре (и 20-х гг.; известный старец. *Сост.*) в Москве, называл владыку Фаддея (Успенского) “всеблаженный архиерей”...”

6.5. В качестве примечания о кончине архиепископа Астраханского Митрофана (Краснопольского) приводим ниже рукописную брошюру А. Ильичева (Кузнецова А. И.) “Архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский) в последние годы жизни”. 1964 г.

“Архиепископ Астраханский Митрофан (Иван Васильевич Краснопольский) был назначен с 6(19).7.1916 года на Астраханскую кафедру с Минской кафедры, на которой был с 3(16).11.1912 г. Его назначение было встречено астраханцами с огромным восторгом и любовью. Дело в том, что владыка Митрофан (Краснопольский) принадлежал к числу лиц, о которых принято говорить, что они деятели первой величины. Он был известен всей России, как выдающийся церковный деятель: первоклассный проповедник, обладающий всеми качествами ораторской эрудиции, администратор, неутомимый, энергичный работник на ниве церковной и молитвенник. Россия знала архиепископа Митрофана (Краснопольского) и как члена Государственной Думы. Его страстные речи с думской трибуны были предметом всеобщего внимания.

На пятой сессии третьей Государственной Думы 16(29) апреля 1912 года владыка Митрофан (Краснопольский) произнес сильную речь в защиту Православной Церкви, а 13(26) мая вместе с другим членом Думы — епископом Евлогием (Георгиевским) защищал в Думе тезис о значении Православной Церкви в России, как первенствующий (об этом есть у В. И. Ленина, в собрании сочинений, т. 15, стр. 382, 390). Тогда обсуждалась смета Синода. Полной неожиданностью для депутатов Думы явилось заявление одного из членов Думы — представителя левого течения: “Ни одного гроша народных денег — этим кровавым врагам народа, затемняющим народное сознание”, “религия — опиум для народа”. И вот на долю архиепископа Митрофана (Краснопольского) выпало тя-

желое послушание парировать такой удар. Речь его была потрясающей, логика — непревзойденная.

Вот такая всесторонне эрудированная величина воссияла на старинной свешнице Астраханской Церкви, встречанная астраханцами с триумфом.

В первую же литургию, которую совершал вновь прибывший архиепископ в кафедральном Успенском соборе в Кремле, при огромном стечении верующих, он произнес проповедь, отметив в ней ужасы происходящей войны, призвал паству к упованию на покровительство Божие, к усилиям и жертвам. Мстительный протоиерей — Астраханский вития — Н. Г. Пальмов так отзывался о речи владыки Митрофана (Краснопольского): “Много на своем веку слышал я ораторов церковных и светских, многие вызывали у меня слезы, но такого оратора слышал я впервые: образность, темперамент, сила эмоции, глубочайшая вера в помощь Божию захватили меня до такой степени, что я был готов в благодарности пасть к его ногам”.

II.

Едва ознакомившись с состоянием епархиальных дел и наладив правильное их течение, владыка принялся за многотрудную работу, достойную его энергии и неиссякаемого энтузиазма. Это была подготовка к прославлению Астраханского митрополита Иосифа и проект восстановления патриаршества на Руси. Это два замечательных памятника, которые воздвиг себе приснопамятный владыка в сердцах верующих Руси. Он вошел в вечную историю Православной, и в первую очередь — Русской Церкви, как добрый воин, подвизавшийся добрым подвигом, как преданный, верный Церкви сын.

Канонизация святителя Иосифа была давно насущным вопросом. В Кафедральном соборе, где почивают мощи мученика, собирались сведения, составляющие описания чудесных исцелений лиц, прибегавший к молитвенной помощи святителя Иосифа. В 1912 году кафедральный протоиерей И. Саввинский выпустил

брошюру под названием “Святитель Иосиф, митрополит Астраханский”. Автор систематизировал эти сведения, подробно изложив, кто, когда и при каких обстоятельствах получил чудесную помощь по молитвам святителя Иосифа. Это были заявления, присланные в свое время в собор из разных населенных мест Астраханской губернии и других городов. Синодальная Комиссия, прибывшая в Астрахань после опубликования брошюры о Саввинского, подробно ознакомилась с положением дела и состоянием мошей святителя Иосифа. К началу 1913 года, при епископе Феофане (Быстрове) ясно определилось, что св. Иосиф занимает достойнейшее место в сонме святых, в России просиявших, и что прославление его справедливо и неотложно. Однако по неизвестным причинам канонизация его затянулась. Преемники епископа Феофана (Быстрова) — епископы Никодим (Боков) и Филарет (Никольский) отстраняли от себя этот важнейший для Церкви вопрос, и дело заглохло.

Архиепископ Митрофан (Краснопольский) с присутствием ему сознанием чрезвычайной важности такого события, как прославление новоявленного угодника Божия, взялся за дело.

М. Н. Капустин, бывший тогда псаломщиком в кафедральном соборе, так вспоминает тот момент в деятельности владыки Митрофана (Краснопольского): “Он воскресил дело о прославлении святителя Иосифа и со всей страстью предался этой идее. Все мы — соборный причет, чиновники Консистории и приглашенные со стороны лица — были заняты этим делом. Владыка всем нам давал поручения и настойчиво требовал точного исполнения. А дел было много. Нужно было произвести архивные разыскания, отыскивать, подбирать подлинные заявления. Каждое такое заявление владыка сам сличал с текстом брошюры Саввинского. Мы вызывали заявителей из разных уголков обширной губернии и производили опрос: принадлежит ли заявление самому заявителю, при каких обстоятельствах оно написано, в чем именно вы-

разилось чудо исцеления, не оказывал ли кто давления на заявителя, в смысле уговора подать заявление или прямой фальсификации фактов. Мы и сами ездили к заявителям, если они не являлись по нашим вызовам. Сам владыка неизменно принимал участие в таких опросах. “Судите сами, какая это была огромная, спешная работа”, — говорит М. Н. Капустин.

Когда эта подготовительная и проверочная работа была закончена, владыка создал комиссию и дал ее членам различные поручения. Один из членов этой комиссии, ныне здравствующий Н. Кочергин рассказывает: “Мне и моему брату Е. Кочергину владыка поручил составить житие св. Иосифа, тропарь и кондак, профессору А. А. Дмитриевскому — службу святителю, сам владыка взял на себя обязанность составить акафист, художнику Цветкову было поручено написать икону угодника. Все мы работали с большим усердием и успешно выполнили порученное архиепископом. Владыка составил доклад Св. Синоду, прочитал нам его, позволил предложить ему некоторые поправки и поблагодарил за работу”.

Работая над прославлением святителя Иосифа, владыка Митрофан (Краснопольский) одновременно и с такой же энергией готовил доклад Поместному Собору о восстановлении патриаршества на Руси.

Письмоводитель Консистории В. И. Кузнецов рассказывал: “Владыка Митрофан (Краснопольский) поручил мне переписывать на пишущей машинке обширные исторические исследования о патриаршестве, паломнические статьи в журналы и газеты, тезисы к докладу, справки, выписки из ученых трудов. Иногда поздно вечером я шел в архиерейские покои и нес ему то, что я успевал сделать за день. Я заставал владыку за письменным столом, буквально заваленным стопами книг и журналов. Владыка сидел, сосредоточенно думал, писал, а я и келейник стояли около стола — нас он не замечал”.

Вот какой гигантский труд ожидал Преосвященного Митрофана (Краснопольского) в Астрахани в первые же месяцы пребывания его на кафедре.

29 июня ст. стилия (12.7) 1917 года, в день престольного праздника, владыка совершал литургию в сослужении викария — епископа Царевского Иннокентия (Крементского) в церкви Петра и Павла (против тюрьмы) — ныне несуществующей. После проповеди он говорил народу: “Мы все приготовили к Поместному Собору, что касается восстановления патриаршества в Русской Церкви и прославления святителя Иосифа. Наконец, после многих трудов, нам удалось дело о прославлении дорогого нам всем мученика сдвинуть с мертвой точки. Веруем, что святитель Иосиф, украшенный мученическим венцом, займет в сонме святых достойное место. Слава Богу за посланную мне и моим соратникам великую помощь в этом святом деле. Святителю Отче Иосифе, моли Бога о нас!”

Будущий мученик, прославляя святителя Иосифа, не думал тогда, что эта любовь к святому готовит и ему мученический венец. Пройдет немного времени, и она поведет его по тому же крестному пути, который некогда изведal святитель Иосиф.

III.

С виду владыка Митрофан (Краснопольский) был строг. Может быть это была природная строгость, или может быть сосредоточенность, собранность, соединенные с огромной волей и требовательностью к себе и людям. Ключарь собора о. Димитрий Стефановский рассказывал автору: “Я сначала боялся его, — уж очень строгим он мне казался, а потом, узнав его ближе, убедился, что владыка ласков и добр. Бывая часто по долгу службы в архиерейском доме, я все ближе знакомился с личной жизнью владыки и все больше убеждался в том, что владыка прост и гостеприимен. Узнал и еще одну его черту: он много молился, каждый день был за литургией в крестовой церкви. Он

очень рано вставал и до литургии успевал заняться делами”.

Известный оперный певец — астраханец И. И. Великанов, вспоминал: “Нужно было мне представляться владыке по поводу избрания меня членом Поместного Собора. Иду к нему и дрожу: как владыка примет меня, какой-то он строгий. Но как мне было приятно разочароваться в моем ложном убеждении. Владыка ласково меня встретил, усадил в кресло и, благословляя, обнял меня, а затем несколько раз повторил: “Хорош, хорош избранник!” Второй раз пришлось мне быть у владыки за несколько дней до отъезда на заседания Собора. Теперь я шел к нему смело. Владыка беседовал со мною и с другим членом Собора — доктором Романовым о предстоящих наших обязанностях на Соборе, осведомился, как нас обеспечили на дорогу деньгами, сколько именно дали каждому, есть ли у нас в Москве знакомые, берем ли мы галоши и зонты на случай дождя. Одним словом, выпросил у нас все до мелочей и сам проводил нас до дверей, ласково прощаясь с нами”.

О. Димитрий Стефановский как-то провинился в чем-то, это вызвало замечание со стороны владыки, которое он сделал почтенному о. ключарю в несколько повышенном, раздраженном тоне. “Я обиделся, — говорит о. Димитрий, — владыка понял это и, переменяв тон, взял меня за руку, посадил в кресло, сел рядом со мною и с мягкой грустью заговорил: “Сам я знаю, что кажусь всем людям строгим и часто думаю, что это за отвратительная черта? Но всегда успокаиваю себя тем, что это вовсе не суровая строгость, а скорее строгая задумчивость. Если бы знали, как суровы и безрадостны были мои детские и отроческие годы! Сколько человеческой гадости мне пришлось узнать, сколько обид, унижений, огорчений перенести! И вот с ранних лет легла на мое лицо печать задумчивости и никак не могу справиться с нею”.

Автор этой рукописи интересовался историей детства и отрочества владыки Митрофана (Красно-

польского), но сведений об этом отыскать не мог. В письме из ссылки о. Димитрий Стефановский указывал, что интересующие автора сведения имеются у быв. соборного старосты Д. И. Пряхина, но где он живет, жив ли он, автору долго не удавалось установить, и вот, наконец, встреча с Д. И. Пряхиным состоялась.

В свое время, после кончины владыки Митрофана (Краснопольского), мать архиепископа Анастасия Семеновна рассказывала Димитрию Ивановичу Пряхину историю своей семейной жизни. “Она говорила, а я записывал слово в слово все, что слышал”, — вспоминает Пряхин. Вот, что он записал.

“Я была дочерью сельского причетника, бедного, но благочестивого. У отца были еще дети помимо меня, так что мне не пришлось, по недостатку в семье средств, много учиться. Окончила я сельскую школу — вот и все мое образование, а дальше надо было помогать матери по хозяйству и по уходу за другими детьми. Рано меня решили сбыть с рук — выдать замуж и прочили видеть меня замужем за духовным лицом. Я и сама, когда пришла пора, все думала, уж если выходить замуж, то чтобы муж был обязательно священником: все-таки нужды будет меньше, чем у сельского псаломщика, вроде моего отца. Но никто из кандидатов в священники не сватался ко мне, — кому нужна такая бедная невеста! Не сбылась моя мечта, и вышла я замуж за простого рабочего. В нашей местности был небольшой кирпичный заводик, вот мой муж и работал на нем, делал кирпич. При нашей бедности мне пришлось помогать ему, и я научилась этому ремеслу, делала кирпичи не хуже мужчин. Горько я думала о своей бедности, молясь Богу, просила Его, чтобы у меня родился сын. Ах, если бы сын! Непременно он стал бы духовным лицом, я посвятила бы его Богу. Однажды я была в своем уездном городе и зашла в собор. Припала я там к иконе Божией матери, прося Ее даровать мне сына, и так умилилась этой молитвой, что с тех пор была уверена, что у меня родится сын. И вот Бог дал мне сына Ваню. Разве я могла

думать тогда, что мой сын, сын бедной каменщицы, будет известным в России святителем и что людская вражда приведет его к такой страшной кончине.

Шли годы, мальчик рос, а затем пришло время отдавать его в школу. Здесь же в нашем селе он и учился в сельской школе. Учился он прилежно и окончил школу первым учеником. Повез его отец в город, чтобы определить в духовное училище, но это было не так просто. Училище — для детей духовенства, в него трудно было попасть деревенскому мальчику — сыну каменщика. Кроме того, его надо в городе кому-то содержать, а на какие средства? Нечаянно для Вани явился благодетель — его сельский учитель, любивший Ваню за прилежность в школе. Он вызвался определить его в духовное училище и оказывать ему содержание. Вот так с грехом пополам и стал наш сын учиться в духовном училище. Мы с отцом радовались, что сын наш будет духовным. Приезжал Ваня на каникулы, да и я иногда ездила к нему, когда очень скучала. Странное дело, я стала замечать в нем какую-то перемену. Он был задумчив, неразговорчив, избегал своих товарищей. Когда я спрашивала у него, что с ним случилось, он отмалчивался, а иногда с какой-то безнадежностью махал рукой. Может быть скучал мальчик среди чужих ему людей? — думала я. Только потом от товарищей узнала, что в училище его обижали сверстники, называли мужиком, били, избегали с ним разговаривать. Ваня чувствовал себя одиноким и, конечно, загрустил. Однажды, в год окончания духовного училища, над ним устроили грубую шутку. Во дворе училища ученики накатали ледяную гору и в одну из перемен затащили на нее Ваню и толкнули вниз. Он покатился кубарем и влетел в окно кабинета инспектора училища. Зазвенели стекла, в кабинете поднялась суматоха. Злые товарищи сумели всю вину возложить на Ваню, он был виновен в озорстве и исключен из числа учеников. Заступаться за него было некому, к несчастью, его благодетель только что умер. И вот я, низко кланяясь начальству, прошу его

не исключать. Спасло его от исключения то, что он был лучшим учеником и что до окончания курса оставалось всего несколько месяцев. Потом Ваня поступил в духовную семинарию и уже сам содержал себя, зарабатывая частными уроками. На мою долю, наконец, выпал счастливый день, о котором я так мечтала и которого так ждал покойный отец — мой сын стал священником. Это была необыкновенная радость — радость моей сбывшейся мечты.

Через несколько лет он овдовел, затем Академия, монашество, и вот Господь вознес его на высшую ступень священства — архиерейство. Перед хиротонией он просил меня привезти ему старинную семейную икону Богородицы “Умиление”, он очень любил ее и каждый день молится перед этой иконой”.

“Бедная мать рассказывала мне все это, прерывая рассказ рыданиями”, — говорит Д. И. Пряхин. В заключение она сказала мне: “Если придет время и вам представится возможность перенести прах моего сына в другое место, умоляю вас положить его рядом с могилой св. Иосифа и меня около него”.

Мать владыки, после его кончины, поселилась в Благовещенском женском монастыре. Игуменья Платонида отвела ей келью. Почти каждый день Анастасия Семеновна была на могиле сына, просиживала там целые часы. Умерла она в двадцатых годах и погребена на городском кладбище в склепе монастыря. Икону “Умиления” она передала о. Димитрию Стефановскому, дочь которого Елизавета Димитриевна отвезла ее в Михайловский монастырь — в Киев. При закрытии монастыря икона все еще находилась там, о чем Е. Д. Стефановская рассказывала автору. На обратной стороне иконы Е. Д. прочла надпись: “Смирный инок Митрофан”.

Вероятно, источник кажущейся внешней строгости приснопамятного владыки и следует искать в тяжелых обстоятельствах его раннего возраста, наложивших на него печать в действительности принадлежавшего ему облика.

В личной жизни он был прост и нетребователен. Иподиакон Иоанн Пупов, или, как его все звали — Ванюша, вспоминал, как часто владыка посылал его с деньгами в бедные семьи. Кстати сказать, Ванюша так любил владыку, что переживал его кончину страшно тяжело. Говорили, что на этой почве он заболел туберкулезом и на глазах у всех таял.

IV.

Итак 15(28) августа 1917 года в Москве открылся Поместный Собор Русской Православной Церкви. Владыка Митрофан (Краснопольский) выехал в Москву 1(14)-го августа (с ним вместе выехал и викарий Царевский — Иннокентий (Кременский), в связи с переводом его на другую епархию). Какую роль играл владыка Митрофан (Краснопольский) в решении соборных дел, видно из бюллетеней соборных деяний. Еще подробнее об этом рассказывали члены Собора — Великанов и Романов. Владыка был избран членом чуть ли не всех комиссий, к нему обращались за справками, он выступал с речами, предложениями и проектами решений. Будучи подвижным, он успевал везде. “Нам приходилось удивляться, как этот человек может столько и с таким знанием дела работать! Он мог сутками не спать и все работать, и работать”, — вспоминал доктор Романов. С большим чувством и благоговением сделал владыка Митрофан (Краснопольский) доклад Собору о необходимости канонизации святителя Иосифа и, когда этот вопрос был решен Собором, владыка немедленно отслужил молебен перед привезенной им из Астрахани иконой новоявленного святителя, не дожидаясь общесоборного молебна по этому случаю.

С 11(24) октября по 5(18) ноября 1917 года Собор обсуждал вопрос о восстановлении в России патриаршества. Как известно основным докладчиком по этому вопросу был владыка Митрофан (Краснопольский). Его доклад вызвал ожесточенную полемику. Известно, что на Соборе были оппозиционные си-

лы, противодействовавшие восстановлению патриаршества. Целых двадцать шесть дней шли ожесточенные дебаты. Титлинов, Рубцов, Кузнецов, Кашменский и ряд других участников Собора яростно нападали на идею патриаршества и, конечно, на докладчика — архиепископа Митрофана (Краснопольского). Владыке нужно было отбиваться от этих враждебных сил, он выступал против каждого из них. “Посмотрели бы вы на него в эти дни боевых схваток”, — говорил И. И. Великанов. — “Он почти не сходил с трибуны Собора и бесконечно выступал в защиту Патриаршества”. Наконец идея патриаршества победила, потому что имя Патриарха дорого русскому Православному сознанию, потому что подавляющее большинство церковных людей шло на Собор, чтобы отстоять свой искони сложившийся церковный строй, нарушенный два века назад Петровскими реформами. Как радовался владыка Митрофан (Краснопольский) победе истинно Православных сил на Соборе: “Он расцеловал каждого из нас”, — говорил И. И. Великанов.

Доклад и часть речей владыки Митрофана (Краснопольского) были напечатаны в газетах, в том числе и в Астраханских Епархиальных Ведомостях. Это был последний номер Ведомостей, вышедший в декабре 1917 года, после чего издательство Ведомостей прекратило свое существование (было закрыто).

Здесь необходимо остановиться и забежать вперед, чтобы согласовать решения Собора по вопросам прославления святителя Иосифа и восстановления Патриаршества с историческими данными, как они изложены в официальной печати.

В циркуляре Наркома Юстиции Курского № 73 от 14(27) августа 1920 года “О ликвидации мощей” содержится указание на то, что “церковники в целях политического воздействия на отсталые массы, канонизировали митрополита Иосифа Астраханского, одного из видных деятелей по подавлению восстания эпохи Степана Разина”. Этим, дескать, Церковь про-

должает дореволюционную практику лжи и обмана верующих.

Но прославление свят. Иосифа произошло не вдруг. Подготовка к нему длилась 12—15 лет, и самый факт канонизации его Собором явился лишь естественным развитием истории этого вопроса, было бы удивительным для русского Православного сознания, если бы прославление мученика Собор оставил без внимания и без соборного решения. Какая же здесь неожиданность или нарочитость, приуроченная к какой-то политической акции.

Такая же историческая неточность (а, говоря точнее: фальсификация. *Сост.*) содержится и в оценке второго соборного решения — восстановления Патриаршества. В обвинительном заключении по делу Патриарха Тихона, обвинявшегося тогда в сопротивлении изъятию церковных ценностей, Вышинский, вспоминая в 1923 году деятельность Поместного Собора, критикует архиепископа Митрофана (Краснопольского), как докладчика на Соборе по этому вопросу. “Основная мысль выступавшего по данному вопросу докладчика — епископа Астраханского Митрофана (Краснопольского) заключалась в утверждении, что русскому народу нужен духовный вождь и руководитель, который мог бы явиться представителем подвига и дерзновения и как стоятель за Русскую Церковь (читай: за интересы церковных и помещичьих землевладений и сохранения возможности прежней эксплуатации трудящихся, так как церковная фразеология была тут только формой)”. (О каких это “церковных землевладениях” провокационно болтает здесь Вышинский в 1923 году?! *Сост.*)

Чего здесь больше: неосведомленности или искусственных натяжек? Идея Патриаршества в России не принадлежит времени, совпадающему с эпохой Собора 1917 года. Она родилась одновременно с петровской церковной реформой, упразднившей патриаршество. Уже тогда истинное церковное сознание скорбело по поводу управления Церковью “Патриархами

в вицмундирах”, а позднее — “во фраках”. К началу нашего времени вопрос о Патриаршестве приобрел такую актуальную форму, что он стал ареной борьбы между разными течениями. В ходе этой полемики защитники идеи патриаршества давным давно выработали и формулу, на которой базировались их взгляды: Патриарх — это Отец, церковный вождь, стоятель за Церковь. Именно этих аспектов и держался на Соборе докладчик — архиепископ Митрофан (Краснопольский). Поэтому и в его фразах “представитель подвига и дерзновения” вовсе не содержалось каких-либо политических девизов или намеков, противоречащих современной политической действительности. Если бы Собор происходил в дореволюционную эпоху, то и тогда эти фразы прозвучали бы одинаково, и никому в голову не пришло бы истолковывать их в противоречии с их чисто церковным смыслом. Само собой разумеется, что квалификация Вышинским ясного и простого смысла доклада в виде какой-то фразеологии, скрывавшей в себе надежды на сохранение в стране дореволюционных помещичьих порядков, объяснялась знамением времени и попыткой выдать желаемое за действительность.

Нельзя насиловать историю!

В другом месте того же обвинительного заключения Вышинский, вновь коснувшись выступления архиепископа Митрофана (Краснопольского) на Соборе, говорит следующее: “В слове в день избрания Белавина в Патриархи епископ Митрофан (Краснопольский), резко обрушившись на русскую революционную современность, клеветнически им охарактеризованную как совокупность обмана, лжи, грабительства и клятвопреступления, заявил: “чего же мы ждем от нашего грядущего Патриарха, чем он должен явиться на Руси? По обстоятельствам переживаемого времени он, прежде всего, должен собрать все живые, верующие силы народа и вдохновить его на подвиг служения тем вековечным заветам, на каких строилась и жила Россия. Среди общего распада и разрухи

он должен идти впереди своего стада, воодушевляя его своим примером". И снова идет речь не о политических, а о живых церковных силах, т. е. силах, совокупность которых способна отстаивать интересы Церкви. Если к тому моменту создалась реальная угроза Церкви, то как же должен был поступить любой иерарх, любой сын Церкви, для которого небезразличны интересы Церкви? Он, естественно, ожидает от Патриарха мер, направленных к защите церковных интересов. Но ведь это не политические тенденции и не ориентация на какую-то враждебность. Неужели Вышинский рассчитывал на беспринципность?

V.

Затем наступил перерыв в работе Собора, Владыка Митрофан (Краснопольский) прибыл в Астрахань с членами Собора и в сопровождении нового викария, епископа Царевского Леонтия (барон фон-Вимпфен), резиденция которого была в Иоанно-Предтеченском монастыре.

Владыка Митрофан (Краснопольский) провел в Астрахани Рождественские службы, новогодние праздники и, совершив "Иорданский крестный ход" на Крещение, отбыл снова, вместе с другими членами Собора, в Москву по случаю возобновившихся заседаний Собора с 19 января ст./ст. (1.2) 1918 года.*

Вернулся владыка Митрофан (Краснопольский) в Астрахань великим постом. В его отсутствие, в период с 12 по 25 января ст. ст. (25.1 — 7.2) 1918 г. в Астрахани шел первый этап гражданской войны. Казачьи войска обстреливали город и пытались овладеть Кремлем, занятым большевистскими воинскими час-

* Вторая сессия Поместного Собора 1917-1918 гг. открылась в субботу 20.1 (2.2) 1918 г., под председательством Святейшего Патриарха Тихона, в присутствии 110 членов Собора (в том числе 24 епископов). По счету это было 66-е соборное Деяние.

Отметим здесь же, что прославление святителя Иосифа, по-видимому, состоялось в конце лета 1918 года, после закрытия III сессии Священного Собора. Не лишено некоторого интереса то обстоятельство, что не более как 40 лет спустя после прославления, именно в 1958-1959 гг., несмотря на длительные и тщательные розыски и расспросы на месте, точную дату этого крупнейшего местного церковного события установить не удалось.

тами. В результате боев войска отстояли Кремль, казаки были рассеяны. Однако владыку Митрофана (Краснопольского), соборный причт и верующих ожидал неприятный сюрприз: во время обороны Кремля все три проезда в Пречистенских воротах были заделаны железными дверями, запиравшимися изнутри и охраняющимся снаружи. Доступ в кремлевские храмы верующим был затруднен. В особо тяжелом положении оказалось духовенство, проживавшее в доме внутри Кремля (при входе — направо), и сам архиепископ. Архиерейские покои, архиерейский двор, Консистория находились также в Кремле — ни пройти туда, ни выйти оттуда. К приезду владыки из Москвы сложилась именно такая ситуация: сам архиерей попасть к себе в дом не мог, проживавшее во дворе Кремля духовенство пользовалось неохотно выдаваемыми пропусками, верующие проходили к богослужениям по пропускам. Ныне здравствующий почтенный М. И. Смыслов вспоминает, как он сам ходил к коменданту Кремля Казакову за пропуском, чтобы попасть в собор.

Приехавший владыка Митрофан (Краснопольский) до выяснения дела поселился в Покрово-Болдинском монастыре за городом; через несколько дней ему было разрешено поселиться в своих покоях. Все имущество архиерейского дома, находившееся под наблюдением келейника, было в целости, за исключением архиерейской кареты и трех лошадей, взятых воинской частью во время обороны Кремля.

Вскоре в левом проезде Пречистенских ворот был сделан деревянный забор, отделявший собор от остальной части Кремля, и верующие получили беспрепятственный доступ к Успенскому и Владимирскому соборам (Троицкий собор и Никольская церковь оставались на территории гарнизона).

Пока церковная жизнь шла нормально. Владыка Митрофан (Краснопольский) служил в соборе и в приходских церквах. Постом он служил пассивно, а за-

тем совершал все страстные и пасхальные богослужения в кафедральном соборе.

После Троицы владыка Митрофан (Краснопольский) снова отбыл в Москву, откуда вернулся 10 или 11 июля ст. ст. (23 или 24.7.1918), а 15(28) июля, совершая богослужение в храме князя Владимира по случаю храмового престольного праздника, объявил, что 19 июля (1.8) состоится крестный ход церквей вокруг Кремля.

Этот крестный ход был актом величайшего благочестия; он остался в памяти ныне здравствующих его участников как большое историческое событие. В тот год Астрахани угрожала опасность. С берегов Каспия на нее двигались войска белой армии и англичан. Над городом ежедневно появлялись английские самолеты, бомбардировавшие город с воздуха. Город жил тревожной жизнью, гражданские власти извещали население об опасности. Владыка Митрофан (Краснопольский), как он сам говорил 15(28) июля за богослужением, решил “едиными устами и единым сердцем” всех верующих горожан испросить помощь Божию в избавлении города от кровопролития.

Крестный ход начался после литургии в соборе и продолжался несколько часов. Верующие с крестами и иконами от всех многочисленных церквей города, в огромной процессии, под колокольный звон церквей, с пением медленно обходили Кремль. Шествие началось от Пречистенских ворот, обогнуло южную стену Кремля, вдоль Александровского бульвара (сейчас площадь Ленина), а затем мимо западной (Крымской) башни, двинулось по северной стороне Кремля и мимо Пыточной (Артиллерийской) башни последовало по улице Экспланадной (ныне Трусова), около нынешнего универмага повернуло в табачный ряд (ныне ул. Кирова). У восточной калитки губернаторского (ныне Братского) сада владыка Митрофан (Краснопольский) остановился и, взяв кадило, отправился с протодиаконом Севастиановым к братской могиле в середине сада и там на могиле недавно погребенных

воинов совершил краткую литию. Этот факт был известен многим, о нем тогда много говорили. Д. И. Пряхин, как соборный староста, шедший в крестном ходе рядом с владыкой, был очевидцем литии. Далее крестный ход направился вниз по этой же улице и, повернув на Белгородскую (ныне улицу Ленина), остановился у Знаменской церкви. Здесь владыка, подняв высоко над головою икону Богоматери, громко сказал: “Пресвятая Богородице, спаси нас!” После этого процессия окончилась. Участники крестного хода рассказывают о необычайной молитвенной настроенности и духовном подъеме, царивших среди верующих почти всего большого города.

В праздник Успения, 15(28) августа, владыка за службой в кафедральном соборе говорил: “Вот видите, как мы умолили Владычицу нашу. Недавнее восстание в городе обошлось без кровопролития. Веруем, что наша общая молитва в крестном ходе будет служить залогом нашего спокойствия” (владыка говорил об известном августовском однодневном мятеже в Астрахани).

VI.

В сентябре месяце 1918 года в Астрахани возник епархиальный союз церквей. Председателем его был епископ Царевский Леонтий (фон-Вимпфен). Это было движение за демократизацию Церкви, попытки ограничения архиерейской власти. Одним словом эта организация пила из того же источника, из которого почерпали свои идеи будущие обновленческие реформисты. Этот союз принес многие огорчения владыке Митрофану (Краснопольскому), из-за этого союза возникли разногласия между ним и его викарием — епископом Леонтием (фон-Вимпфен).

Архиепископ Митрофан (Краснопольский) находил ненужной эту организацию поскольку церковное управление принадлежит правящему епископу, и что приходская жизнь может быть устроена содействием и помощью епископа, а не путем разногласий с ним.

Владыка Леонтий (фон-Вимпфен), напротив, был вдохновителем такого союза и поддерживал его своим авторитетом. Архиепископ Митрофан (Краснопольский) был недоволен линией поведения своего викария и игнорировал этот союз; его деятельность и решения. Разногласия между архиереями росли на этой почве; владыка Леонтий (фон-Вимпфен) открыто осуждал линию поведения владыки Митрофана (Краснопольского). Д. И. Прякин вспоминает такой случай: “Пришел я как-то ко всеобщей в Иоанно-Предтеченский монастырь и вижу странное: вместо богослужения во дворе монастыря идет какое-то собрание. В середине стоит стол, недалеко от него ряд скамеек. За столом сидит епископ Леонтий (фон-Вимпфен), на скамьях сидят священники и миряне, у скамеек толпятся люди. Что же происходит? Но недолго я был в недоумении: епископ Леонтий (фон-Вимпфен) начал говорить. Говорил он о союзе церковей и о сопротивлении, которое оказывает союзу владыка Митрофан (Краснопольский). Закончил он свою речь так: “Нам не нужен такой правящий епископ, каким является архиепископ Митрофан (Краснопольский)”. Меня это поразило. Я быстро вскочил на стол и стал говорить к собравшимся, что владыка Митрофан (Краснопольский) достойный архиерей и что такие суждения о нем, какие я сейчас слышал из уст епископа Леонтия (фон-Вимпфен), неправильные. Я еще что-то говорил в этом же духе, а потом спрыгнул со стола, и мне казалось, что участники этого собрания согласны со мною.

На другой день я рассказал об этом собрании владыке Митрофану (Краснопольскому) и в ответ от него услышал: “Бог с ним, пусть говорит. А ведь как просил меня быть моим викарием”.

ВН.

Военные события в Астрахани к осени 1918 года приобретали все более актуальный характер. В Астрахань двигались с Кавказа остатки ослабевшей XI армии, город становился важным стратегическим

пунктом. Сюда перебазировались штабные организации XI армии, в том числе и Реввоенсовет фронта, разместившийся со своим большим аппаратом в Кремле. Сначала был занят дом, в котором жило духовенство собора: кафедральный протоиерей И. Саввинский, ключарь Д. Стефановский, протодиакон Севастианов быстро собрали свой домашний скарб и покинули Кремль. Затем здание Консистории было очищено от чиновников и было занято военными. Наконец дело дошло до архиерейского дома. Владыке Митрофану (Краснопольскому) через келейного иеромонаха, было передано требование освободить дом. Владыка начал оспаривать действия военных властей, пожаловался председателю Реввоенсовета Шляпникову, — но получил отрицательный ответ. Помощник коменданта кремля А. И. Иванов занял вещами коридор архиерейского дома. Коридор соединялся особым переходом с папертью собора. Теперь ход в собор для архиерея был закрыт. Со двора попасть в собор тоже нельзя, так как сооруженный забор изолировал помещение архиерейского дома и у него не было связи с кремлевским двором, за исключением архиерейского двора, остававшегося пока в распоряжении архиерейского дома, но не имевшего выхода на улицу. А между тем, помещениями архиерейского дома распоряжались военные люди, занимали комнату за комнатой. Близкие к владыке люди поняли так, что владыка стал узником.

“Когда мы узнали об этом, — говорит соборянка Александра Михайловна Попкова, — мы сейчас же всеми правдами и неправдами пробрались в архиерейские покои и стали уговаривать владыку покинуть Кремль. О. Димитрий доказывал владыке всю опасность его положения, что среди властей идут о нем угрожающие ему слухи. Владыка был непреклонен. Я не выдержала и бросилась ему в ноги и тут я допустила неосторожность, сказав владыке, что ночью к южной стене Кремля будет поставлена лестница, и он может спуститься по ней в Александровский сад, а там

мы будем ждать его. Владыка вскочил с кресла и, обращаясь к ключарю, гневно заговорил: "Это вы мне — архиерею — предлагаете позорный план бегства, будто я какой-то преступник. Легче часового уговорить бросить свой пост, чем русского архиерея, по крайней мере, меня. Вы хотите, чтобы я бросил собор, его святыню и стал бы нарушителем присяги? А что скажет моя паства, узнав, что архиерей бросил все и с позором бежал. Нет, нет! Я этого не сделаю. Уходите и не тревожьте меня!"

"Что делать? Назревал определенный конфликт. Мы уже собирались уходить от владыки, — продолжает Александра Михайловна, — как вдруг в дверях кабинета появился келейник и знаками стал вызывать к себе ключаря. О. Димитрий вышел и, вернувшись минут через пятнадцать, взволнованный и бледный, стал о чем-то шепотом говорить владыке. Владыка перекрестился и принялся одевать рясу и клобук; через несколько минут мы все вышли из архиерейских покоев через ранее закрытый, теперь открытый коридор. Владыка шел впереди, а мы все за ним. Когда поравнялись с нижним собором, владыка вошел в него, приказав ключарю и иподиакону Иоанну идти с ним, а остальным ждать у дверей. Там они были минут двадцать. При выходе из Кремля владыка благословил нас и в нанятом экипаже с ключарем поехал к ректору семинарии в Спасо-Преображенский монастырь. Там он и поселился".*

О. Димитрий, вспоминая это событие, рассказывал автору: "Пока мы уговаривали владыку покинуть

* По последнему устному разъяснению автора пишущему эти строки, покидая под давлением силы свой архиерейский дом, архиепископ Митрофан (Краснопольский), сопровождаемый указанными лицами, зашел в нижний храм кафедрального собора будто бы для того, чтобы там, на горнем месте алтаря, под седалищем, закопать в грунт свои драгоценные панагии, которые, по-видимому, и до сих пор лежат там, где они в то время были закопаны архипастырем-мучеником. Если до сих пор, при каком-либо случайном обнаружении, они еще не похищены кем-нибудь, хотя бы из многочисленного числа разного рода рабочих, многократно громивших и "переоборудовавших" для различных нужд алтари и храмы кафедрального Успенского собора, — то, можно предполагать, что эти спрятанные святыни и ценности в будущем могут быть обнаруженными...

Кремль, военные власти решили выселить его принудительно и приказали коменданту Кремля связать архиерея и в таком виде выселить. Мы с келейником увидели в коридоре А. И. Иванова, который объявил нам, что он вызвал четырех солдат и сейчас будет приводить в исполнение решение военного командования. Еле-еле мы уговорили его дать часовую отсрочку, чтобы еще раз попробовать уговорить владыку покинуть дом. Он согласился, а я поспешил к владыке, и дело было урегулировано мирным путем; владыка без единого возражения покинул свои покои”.

Рассказывая подробности этого события, о. ключарь так говорил о них: “Мы считали владыку узником, когда он был лишен возможности выхода из кремля и поэтому уговаривали его воспользоваться лестницей. К этому были большие основания. Вечером, перед этим, А. А. Жданов передал протоиерею Н. Г. Пальмову, что его, Жданова, дочь — Елена Андреевна Туманова, служившая секретарем у председателя Реввоенсовета Шляпникова, была свидетельницей следующего. В кабинет Шляпникова пришел комендант Кремля Казаков с каким-то докладом, в конце которого речь зашла об архиерейском доме. “И чего мы церемонимся с архиереем. Ведь это отъявленный монархист, делец царской Думы. Он устроил громадную демонстрацию в июле под видом крестного хода. Ведь это был смотр контрреволюционных сил, а мы как дураки, смотрим на это сквозь пальцы. Давно его надо к стенке”. Передавая отцу этот казаковский демарш, Елена Андреевна советовала убедить владыку в необходимости немедленно уехать из Астрахани. Вот мы тогда же и решили предложить владыке свой план”.

В доме ректора духовной семинарии владыке пришлось жить недолго: в самом конце декабря месяца 1918 года семинария и все монастырские помещения были заняты командными курсами. Владыка переселился к Н. Г. Пальмову — в дом Благовещенского монастыря, в котором Пальмов был духовником (сейчас

это угол улиц 3-й Интернациональной и Калинина № 2—10). Это было последнее жилище, последнее пристанище мученика.

Между тем, находящиеся в Кремле воинские части заняли не только архиерейский дом, но и соборы под складские помещения. 12 (25) февраля 1919 года в Астрахани был создан Революционно-военный Комитет, во главе с Кировым. Ревком разместился в доме Губина на Кутуме, архиерейский дом стал резиденцией коменданта Кремля Казакова; соборы по прежнему использовались для военных нужд (они были освобождены и переданы верующим в 1920 году).

Приезд в Астрахань Кирова и Атарбекова 6 (19) января 1919 года внес в жизнь города большие изменения. Тревожное состояние городской жизни перешло в напряженное положение, вследствие того, что началась встряска устоявшейся жизни. Оказывается, в городе таилось много противодействующих сил. В повестях, освещающих астраханские дела того времени ("Грозный год" Холопова, "Трилогия" Кремлева и др.) так и рассказывается, что Киров и Атарбеков считали своей главной задачей очистить город от контрреволюционных сил. Началась чистка партийных рядов, а затем и чистка советского аппарата. На первых порах были репрессированы рыбопромышленники: Агабабов, Беззубиков, Хлебников, Винников, владельцы магазинов: Шлеин, братья Фабрикантовы, хлебозаводчик Федоров, три брата — врачи Еллинские и многие другие ("Грозный год", стр. 155).

25—26 (февраля? — 10—11 марта) в Астрахани происходила гражданская война, после которой репрессии усилились: были расстреляны одиннадцать человек — причт и совет церкви села Карантинного. 2 (15) марта расстрелян староста Князь-Владимирской церкви Алексей Иванович Кочкарев — неграмотный конопатчик.

Владыка до сих пор сохранял внешнее спокойствие, совершал богослужения в приходских храмах, но после событий с репрессиями церковных работников,

стал нервничать и неоднократно повторял одну и ту же фразу: “Что же делать? Этак они уничтожат все духовенство. Как же быть?”

25 марта (7.4), в день Благовещения, владыка совершал литургию в Благовещенском монастыре и в проповеди коснулся “погибших в результате ненужных и бесполезных действий гражданских властей”, а после литургии совершил панихиду по убиенным. Тогда это расценивалось в Православных кругах как акт смелый, но влекущий за собой грозные последствия. Так это, конечно, и должно было случиться. После Благовещенской панихиды в воздухе запахло грозой... Все чаще до окружающих владыку Митрофана (Краснопольского) лиц стали доходить слухи об угрожающей ему опасности. Его имя все чаще и чаще упоминалось в кругах, настроенных против него. Тот же Казаков, теперь оказавшийся в составе ЧК, не переставал интересоваться владыкой. В конце марта, в самом конце страстной недели, к владыке Митрофану (Краснопольскому) явилась целая делегация и повела и ним разговор о необходимости немедленного выезда из города. “Я, — говорит о. Димитрий Стефановский, — и Пальмов стали доказывать ему крайнюю опасность дальнейшего пребывания его в городе. Я взял на себя смелость и сказал: Владыко, нам подлинно известно, что среди военных есть лица, требующие вас “к стенке”. Вам нужно немедленно, именно сейчас, оставить Астрахань. Мы приготовили вам дощаник, на него уже погружена семья Саввинского. Вас там ждут. Завтра может быть уже поздно будет. И снова владыка рассердился, как и в первый раз. “Вы предлагаете мне побег, и это в то самое время, когда у нас на глазах расстреливают невинных наших братьев. Нет, я никуда не уеду от своей паствы; на моей груди Крест Спасителя, и он будет мне укором в моем малодушии. Хочу спросить и вас: почему вы не бежите? Значит, вы дорожите своей честью больше, чем я должен дорожить своим апостольским саном? Знайте, я совершенно чист и ни в чем не виновен перед своей

Родиной и народом". Мы ушли от владыки, положась во всем на волю Божию".

Владыка Митрофан (Краснопольский) совершал пасхальные богослужения, был радостен. "Но в наших душах беспокойство за него росло все больше, потому что репрессии в городе не прекращались", - говорит почтенный отец ключарь.

Час, которого все боялись и со страхом предчувствовали его приближение, наступил. Это было 25 мая (7.6), канун праздника Святой Троицы. Владыка служил всю ночь в Троицкой церкви, ныне не существующей. После службы он остался ночевать у настоятеля — о. Григория Степанова, намереваясь утром, в день Троицы, служить здесь литургию. Он был арестован в первом часу ночи. Когда вошли вооруженные люди, владыка сидел в кабинете о. Григория и делал наброски к завтрашней проповеди. В доме завоновались, раздались женские плачущие голоса; владыка был спокоен. Он быстро одел рясу и скуфью о. Григория, перекрестился и, преподав благословение всем столпившимся около дверей людям, молча последовал впереди арестовавших его.

Эта ночь под Троицу открыла перед владыкой Митрофаном (Краснопольским) его крестный путь, который привел его на Голгофу.

В один и тот же час был арестован владыка Леонтий (фон-Вимпфен) в своей резиденции — Иоанно-Предтеченском монастыре.

Арест епископа Леонтия (фон-Вимпфен) кажется тем более удивительным. Если владыка Митрофан (Краснопольский) был деятелем большого масштаба, пользовался всероссийской известностью и мог быть в определенную полосу одиозен для некоторых кругов, то в противовес ему владыка Леонтий (фон-Вимпфен) был незаметен, скромен, за пределы чисто церковных дел не выходил. Больше того, в самом начале становления Советской власти он публично декларировал свою лояльность новому политическому строю, напечатав в местных газетах приветствие "возрожденному

будущему". И вообще никто бы не мог послать владыке Леонтию (фон-Вимпфен) упрека в какой-либо его политиканской деятельности.

Обоих узников поместили в камеры ЧК в доме купца Степанова. Это красивый особняк (цел и сейчас) выходит фасадом на Кутум (Красная набережная) под № 40, а все дворовые постройки сквозного двора выходят на Б. Демидовскую (ныне ул. Свердлова) № 45. В особняке со стороны Кутума, помещалась администрация ЧК, а со стороны Б. Демидовской, в бывших торговых и складских помещениях размещались тюремные камеры. Вход к ним с улицы был через узенький проход, с массивной железной дверью (все это сохранилось и теперь).

К утру население города уже знало об аресте архиереев. Днем иподиакон Алексей Милашевский передал через охрану небольшие постели и пищу арестованным, и ему даже удалось увидеть их обоих во дворе.

· VIII.

Так началась новая страница в жизни обоих узников.

Все были уверены в полной невинности арестованных и, конечно, отдавали себе отчет в том, что их арест был вызван только тем, что они архиереи и своим положением могут оказывать влияние на массы. Если при этом учесть, что один из них известен всей России и как иерарх, и как член Государственной Думы, а другой — барон, то ясно, конечно, что пребывание на свободе их в те времена было чудом. Логика вещей слишком проста, и вряд ли где было искать причин к их изоляции.

Между тем, соборяне сейчас же принялись за поиски путей к освобождению заключенных владык. Нашли доступ к М. Л. Аристову — командиру 156-го полка, видному представителю военного командования в Астрахани. Доктор Романов через своего товарища — доктора А. А. Каплина, встретился с Арис-

товым (шурином Каплина) и просил его о содействии через Кирова. Аристов обещал поговорить, но на другой же вечер дал отрицательный ответ. По словам Романова, Аристов не решился говорить с Кировым, а с Атарбековым считал разговоры бесполезными, зная его жестокую натуру и вероломство. Но он беседовал со следователем, и тот ему сказал, что архиереи ни в чем не виновны и что допрос их, по указанию Атарбекова, ведется лишь в области их церковной деятельности. Аристов упрекал обоих архиереев в том, что они не учли обстановки и пошли на определенный риск, оставаясь в почти осажденном городе. От Аристова соборяне узнали фамилию следователя и его адрес. В передаче ключаря и соборного старосты И. И. Ивлева — фамилия следователя — Цепляев, у Пряхина — Сопляев. Вскоре Ивлев и Пряхин встретились со следователем, который полностью подтвердил слова Аристова о невинности узников и советовал немедленно ходатайствовать за них. Эта была трудная задача идти к такому человеку, каким был в глазах астраханцев Атарбеков. Рассказывают, что когда он шел по улице, прохожие прятались в первые попавшиеся ворота. И все-таки соборный староста решил идти к нему. Вот как он передавал истречу с Атарбековым. «Пришел я в ЧК и после долгой процедуры получил пропуск к Атарбекову. Он сидел у себя в кабинете, худой, бледнолицый, меднобородый, с воспаленными глазами. Я рассказал ему о цели своего визита, он слушал не прерывая, и когда я кончил, он спросил меня, уверены ли верующие в невинности архиереев и ручаются ли они за то, что они будут вести себя по-церковному и не будут вмешиваться в политику. Я обрадовался такому спокойному тону и, конечно, поручился за архиереев. В ответ на это Атарбеков сказал, чтобы я принес ему письменное ходатайство. Я ушел от него вполне уверенный в том, что визит удался и скоро наши узники будут на свободе. При выходе из коридора я почти столкнулся с владыкой Митрофаном (Краснопольским); его вел от

следователя конвоир, оказавшийся славным малым. Я сказал владыке о своем визите и о содержании беседы с Атарбековым. Владыка ответил: “Хлопочите, я чист и ни в чем не виновен — вы за меня краснеть не будете...”

В тот же вечер, на квартире у о. Дмитрия, мы составили письменное ходатайство в духе требований Атарбекова, поставили на бумаге более десяти подписей и печать, а утром окрыленный надеждой, я поспешил к Атарбекову. Он прочитал мою бумагу и сказал, почему ходатайство от собора, а не от союза церквей, я ответил ему, что соборянам казалось так лучше, если же требуется иначе, я готов принести любую нужную бумагу. Атарбеков вдруг рассвирепел: “Почему ваш Митрофан (Краснопольский) не пошел в союз церквей? А теперь ты цепляешься за этот союз и хочешь принести мне бумагу от него. Вот что, друг, бери свою бумагу и уходи и не попадайся мне на глаза. Если еще придешь, то я расстреляю сначала Митрофана (Краснопольского), а потом тебя”. Я взял бумагу и быстро вышел на улицу. На Спужниковском мосту меня ожидал ключарь и, увидев меня бледного и дрожавшего, понял, что моя миссия оказалась безуспешной”.

Шли дни, узники находились в заключении. Почти каждый день им носили пиццу. Следователь ЧК А. П. Доктусов постоянно информировал соборян о состоянии заключенных. Так что все заинтересованные люди знали все, что происходит с ними. Но вот тот же Доктусов принес страшную вест: узники расстреляны. Это было 23 июня (6.7) в день праздника иконы Владимирской Божией Матери. Ночью Доктусов был на службе в ЧК и был свидетелем совершенного убийства. Это произошло на рассвете. Доктусов тут же поспешил домой, и от него стало известно о случившемся.

Между тем, иподиакон И. Пупов, не знавший о смерти заключенных, утром по обычаю отправился в ЧК с передачей; конвоир передачи не принял, взяв иподиакона за рукав и, приведя в караульное поме-

щение (существует и теперь — у ворот с правой стороны) подвел к окну. Пупов увидел повозку, сверху накрытую рогожей и понял все. Через час весь город знал о смерти архиереев. В это же день в газетах был напечатан список расстрелянных ночью. В числе 61 упоминались епископы Митрофан (Краснопольский) и Леонтий (фон-Вимпфен).

В слезах и страхе бросились соборяне в ЧК просить выдать им останки владыки. “Мать владыки Митрофана (Краснопольского) в истерике бросилась к ногам часового, чтобы ее пропустили к Атарбекову, — говорит Александра Михайловна Попкова, — но нас безжалостно прогнали и не допустили к Атарбекову. Единственно, что мы увидели, по милости часового, — это повозку, наполненную телами под рогожей и стоявшую во дворе на солнцепеке. И шли мы к своим убитые горем, уверенные в том, что и архиереев отвезут вместе с другими на свалку Собачьего бугра и там зароят. Что делать, как быть?” Но бедных женщин ждало неожиданное утешение: о. Димитрий с И. П. Ивлевым разыскали извозчиков, тех самых, на которых лежит печальная обязанность перевозки мертвых тел. Под большим секретом и за огромные деньги они согласились доставить прах убитых в условленное место, с строжайшим условием совершить погребение до наступления рассвета.

Около часа ночи, когда город засыпал, извозчики принялись за свою работу, потянулись повозки за город. Около Красного моста одна повозка на миг остановилась, с нее быстро сняли двух покойников и переложили в ожидавшую телегу.

Там, около Покров-Болдинского монастыря толпились люди у свежерытой могилы. Оба покойника были в ночном белье. Теперь, при замаскированном свете фонаря, можно было разглядеть их. Рубашка владыки Митрофана (Краснопольского) окровавлена на груди и у рукавов, правый висок раздроблен, левая часть бороды вырвана, вокруг рта рана, на сгибе правой руки синяк и кровоподтек. Окровавленную часть рубашки женщины вырезают. Владыка Леонтий

(фон-Вимпфен) убит залпом, судя по трем кровавым отверстиям в сердце и груди. Кровавое пятно на рубашке также вырезается. Обоих одевают в приготовленное новое белье, владыку Митрофана (Краснопольского) облачают в священнические одежды, о. ключарь снимает с себя наперстный Крест для владыки Митрофана (Краснопольского), к цепи прикрепляется железная коробка и в ней записка с изложением обстоятельств кончины и погребения. Для владыки Леонтия (фон-Вимпфен) нашлась эпитахия. (Ни гробов, ни облачений добыть было нельзя; ввиду спешности погребения.) О. Димитрий начал панихиду. Все собравшиеся пели погребальные напевы, плакали и трогательно прощались с новопреставленными. Вечную память пели, когда уже занялась заря. Первым в могилу положили владыку Леонтия (фон-Вимпфен), а сверху — владыку Митрофана (Краснопольского); обоих завернули в простыни, предали земле, на могиле сделали небольшой холм.

Могилу их отыскать не трудно. Если от западного входа в Покрово-Болдинский монастырь идти на юг вдоль внешней стороны каменной ограды, то надо дойти до самого южного угла; от угла повернуть на юго-запад и сделать 50 шагов в этом направлении. На их могиле был возведен небольшой кирпичный оштукатуренный памятник, на котором было написано: "Архиепископ Митрофан (Краснопольский) и епископ Леонтий (фон-Вимпфен) — убиенные 23 июня (6.7) 1919 г."

Автор вместе с архиепископом Фаддеем (Успенским) дважды в 1925 году был у этой могилы на панихидах. В 1930 году памятник был разрушен, ввиду непрерывных многочисленных паломничеств к могиле. Автор видел обломки памятника, старательно сложенные чьей-то благочестивой рукой в штабель. Теперь и обломки исчезли, и не осталось внешних примет.

Лишь под землей, на полуметровой глубине, заложены бутылки с вложенными в них записками, рассказывающими о страшной трагедии.

IX.

Наша печальная повесть была бы неполной, если бы в ней был пропущен главный пункт — момент смертной казни епископов. Тем более такое упущение было бы непростительным для автора, осведомленного вполне об этом обстоятельстве.

У почтенного о. ключаря в свое время было записано следующее: “Наконец мне удалось встретиться с очевидцем смертной казни архиереев. Это был средних лет человек по фамилии Терехов. Он рассказал мне, что в ночь их казни он, Терехов, был дежурным по камерам арестованных. Около трех часов ночи к камере, где содержались епископы, подошли комендант ЧК Волков и караульный начальник. Комендант вошел в помещение и Терехов видел, как он толкнул ногой спавшего на койке архиепископа Митрофана (Краснопольского), и услышал голос: “Вставай”. Терехов видел, как тот встал и начал одевать рясу, но комендант схватил его за воротник рясы и закричал: “Живее выходи, на том свете обойдешься и в...” (тут он назвал один из предметов нижнего белья). Вслед за этим комендант ухватил его за руку и потащил к двери, а, оказавшись во дворе, быстро, быстро зашагал и тянул за собой свою жертву. Архиепископ Митрофан (Краснопольский) был в одном белье и босиком; сделал несколько шагов, архиепископ споткнулся и упал. Терехов подбежал к нему, поднял и вместе с Волковым довел до закоулка, где происходили расстрелы. Здесь стояли трое с винтовками. Архиепископ Митрофан (Краснопольский), увидев их, благословил по-архиерейски двумя руками, за что Волков ударил его рукояткой револьвера по правой руке и сейчас же схватил его за левую часть бороды, с силой нагнув голову владыки вниз, и в таком положении выстрелил из револьвера в левый висок. Убитый упал. Уходя с этого места, Терехов услышал второй выстрел из револьвера. Через несколько минут те же лица вновь вошли в камеру и вывели оттуда епископа Леонтия (фон-Вимпфен). Терехов слышал голос: “Эй, выходи

скорее, клади своего приятеля в телегу". Епископ был также в нижнем белье. Едва он дошел до этого же места, как раздался ружейный залп. Утром Терехов видел, что у владыки Митрофана (Краснопольского) вырвана левая часть бороды и разорван рот".

Следователь ЧК А. П. Доктусов был в это время во дворе ЧК, видел самую казнь, и его рассказ совпадает с рассказом Терехова, с тем различием, что когда солдаты, после преподанного им владыкой Митрофаном (Краснопольским) благословения отказались стрелять, его убил выстрелом из револьвера сам Атарбеков, находившийся на террасе, рядом с местом казни. Может быть, это был второй выстрел, о котором говорит Терехов?

То же самое рассказывал и И. П. Ивлев, слышавший об обстоятельствах казни епископов из достоверных источников. Во всяком случае все это совпадает с тем, что видели погребавшие убитых: и вырванную часть бороды, и рану у рта, и перешибленную руку, и раздробленный висок.

Х.

В повестях, посвященных обороне Астрахани в период гражданской войны ("Крепость на Волге" — Кремлева, "Грозный ход" — Холопова и в трилогии Кремлева) упоминается о существовавшей в Астрахани контрреволюционной группе "цианистый калий". В брошюре Мушкатерова, посвященной борьбе за установление советской власти в Астрахани, утверждается, что среди участников этой группы находились архиепископ Митрофан (Краснопольский) и епископ Леонтий (фон-Вимпфен). Они, будто бы, как и другие члены группы, принимали участие в заговоре против военных руководителей и личного состава воинских частей. Заговор состоял в том, что группа из шестидесяти одного человека должна была отравить цианистым калием намеченных лиц из числа военных.

Но такое утверждение, касающееся епископов, вряд ли может претендовать на достоверность. Неве-

роятность подобной авантюры ясна сама по себе, если представить, как два человека в рясах и клобуках пробираются в расположение воинских частей и пускают в ход отравляющие средства. Представить себе такую картину может лишь человек с болезненным воображением. Но дело не только в психологическом подходе к этому вопросу. Мы располагаем данными фактически и логически опровергающими участие епископов в заговоре. Во-первых, мы имеем свидетельства двух следователей ЧК — Цепляева и Доктурсова, утверждавших полное отсутствие каких-либо обвинений против епископов. Во-вторых, Холопов трижды утверждает, что арест всех заговорщиков — 61 человека — произведен одновременно, в ночь с 18 на 19.6 (1 на 2 июня) 1919 года ("Грозный год", стр. 240, 254). У Холопова так говорит Атарбеков: "Особый отдел... узнал адреса и планы ее участников и в ночь с первого на второе июля (с 18 на 19.6 ст. ст. Сост.) арестовал одновременно всех заговорщиков" (там же, стр. 524). То же говорит и Мушкатеров в своей брошюре (стр. 123), хотя и неправильно передает это событие. По Мушкатерову выходит, что группа из 61 человека в ночь на 19.6 (2 июля) должна была "начать осуществление своего плана", но была в эту ночь арестована, однако из диалога Кирова с Атарбековым 17 (30) июня, т. е. за день до ареста ("Грозный год", стр. 240) видно, что эта группа существовала, но пока не действовала. Мушкатеров неизвестно для чего и в противоречие с взглядами самого Атарбекова активизировал группу.

Но дело, конечно, не в этом, а в том, что епископы были арестованы 25 мая (7 июня н. с.), а не в ночь на 19.6 (2 июля), когда была арестована вся группа. Этот факт, т. е. арест епископов за 24 дня до ареста всей группы "цианистый калий" прежде всего доказывает, что они не являлись и не могли быть участниками заговора, если заговорщики были арестованы все одновременно. В интересах следствия было, чтобы все участники подверглись аресту одновременно. Это и понятно, потому что аресты по одиночке означали бы

провал всей организации и кто бы из членов группы стал спокойно ждать своей очереди и не предпочел бы скрыться? Разве не значит, поэтому, что преждевременный арест двух “участников” группы — епископов испортил бы все дело, и ЧК вряд ли собрало бы к 18.6 (1 июля) всех подозреваемых. Это логически неоспоримо.

Что епископы были арестованы 25 мая (7 июня) — этот факт неоспоримый. Еще живы сотни богомольцев, собравшихся в день Троицы (26 мая — 8.6) на богослужение, но увы, услышавших страшную новость. Вчера владыка Митрофан (Краснопольский) служил всенощную, а вот сегодня осиротевшая паства, толпившаяся в ограде Троицкой церкви, переживала свое горе. Ключарь о. Димитрий тогда записал к себе в дневник: “26 мая (8.6) 1919 года. Сегодня ночью арестованы архиепископ Митрофан (Краснопольский) и епископ Леонтий (фон-Вимпфен). Что ждет нас дальше? Какая-то безнадежность и общее уныние”.

В-третьих, поведение архиепископа Митрофана (Краснопольского), пока он был на свободе, не вяжется с ролью “заговорщика”. Его предупреждают об опасности, настаивают на том, чтобы он покинул город, — он непреклонен. Он знает, что раздаются голоса: “к стенке”, и опять остается равнодушным ко всему. Неужели так может вести себя человек, замешанный в преступлении и уже почти обреченный? Не говорит ли этот факт за то, что он сознает себя лояльным и непричастным к каким-либо тайным политическим интригам и потому чужд опасений?

Какой же вывод может сделать объективный историк относительно причин гибели епископов? Причина одна — обстоятельство времени. Об этом очень красноречиво говорит Холопов в диалоге Кирова с Атарбековым: “Сколько всего человек подлежит аресту?” — спрашивает Киров. “Шестьдесят один”. Киров продолжает: “Особый отдел нам надо превратить в грозный меч по борьбе с контрреволюцией... Нам надо расширить рамки завтрашней операции... ликвиди-

ровать не только группу “цианистый калий”, но и всех других явных и тайных врагов” (“Грозный год”, стр. 241).

В начале этого диалога Атарбеков говорит Кирову, что группа состоит из 61 человека, но из них трое остались неразысканными. Значит на другой день, т. е. в ночь с 18 на 19.6 (1 на 2 июля) арестованных по этой группе могло быть только 58 человек. Чтобы список подлежавших расстрелу пополнить — в него и включили двух епископов, ранее арестованных без всякой вины. Это было так просто: следствия и суда не полагалось, достаточно было одного списка, содержание которого зависело всецело от Атарбекова. Поди там разбирайся, кто явный враг и кто тайный. Но интуиция Атарбекова* и в те времена не убедила верующую массу: она не поверила в заговорщическую деятельность епископов, и оплакивала своих мучеников. Церковь и теперь молится о них. Это лучшее доказательство исторической правды. Имя этих двух святителей Христовой Церкви “пронесли яко зло”, но “много скорбей у праведника” (Пс. 33, 20), именно потому “праведники наследят землю” (Пс. 36, 29).

Примечания (автора. *Сост.*).

1. Алексей Афанасьевич Дмитриевский — доктор богословия, проф. Киевской Духовной Академии. Будучи уроженцем Астрахани и окончивши астраханскую духовную семинарию, участвовал, по приглашению архиепископа Митрофана (Краснопольского), в составлении службы св. Иосифу.

с 1918 по 1923 г. жил в Астрахани, отправлял обязанности псаломщика в соборе. В 1922 году, вместе с епископом Анатолием (Соколовым) и ключарем о. Димитрием, Д. И. Пряхиным и другими лицами был осужден по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей.

* Весьма трагичная гибель Атарбекова произошла, кажется, в 1927 году; о ней — с предельным лаконизмом (как это полагается) — сообщалось в газетах. Рассказывали, что он летел в Москву. Над Каспием самолет загорелся и, облитый пламенем, низринутся в море. Пилот своевременно выбросился на парашюте и тем спасся.

2. О. Димитрий Стефановский — ключарь кафедрального собора — был маститый протоиерей, человек глубокой веры, бесстрашный, всегда находившийся в центре всех событий. Мы видим его, когда архиерею угрожает опасность. Это он вдохновляет людей, когда они идут в ЧК ходатайствовать за невинных; он никуда не бежит, узнав о казни архиереев, напротив, он добивается выдачи останков убитых и с огромным риском и бесстрашием совершает их погребение. Вообще бесстрашие отличительная черта покойного о. Димитрия. В годы борьбы с обновленчеством его решительность и смелость были необыкновенны. Он резко выступал против разрушителей Церкви, за что неоднократно (более 10 раз) подвергался арестам, решительно, ценой свободы, отвергнул предложение присоединиться к обновленцам.

О. Димитрий был осужден Астраханск. Губсудом по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Наказание отбыл.

1(14?) марта 1930 года вместе с архиепископом Филиппом (Ставицким) был выслан из Астрахани и скончался в Усть-Цильме.

Светлая личность этого исповедника ждет своего биографа.*

* Как один из многочисленных фактов характеризующих моральный облик о. Димитрия Стефановского, коим будет украшена его будущая биография, о которой справедливо хлопочет здесь автор, сообщаем здесь следующее (по устному рассказу автора же):

В самый разгул обновленческой вакханалии (по-видимому дело происходило в 1928 году), на очной ставке в местном ГПУ встретились архиепископ Филипп (Ставицкий) и ключарь, протоиерей о. Димитрий Стефановский. Того и другого безуспешно склоняли примкнуть к обновленчеству с требованием соответствующей подписи.

Когда, наконец, выявилась совершенная безнадежность склонить дух почтенных старцев на измену Православной, Церкви, взбешенный от злости мальчишка-следователь, в бессильном остервенении, забывшись, ударил по лицу о. Д. Стефановского, вполне подходящего по возрасту ему в деды.

Последний невозмутимо перенес гнусное оскорбление, сказав лишь недорослю-хулигану: — Как вам ни стыдно! Что вы делаете?... Ведь это для меня не только не оскорбительно, но радует меня до глубины души и нимало не огорчает... Ничего-то вы не понимаете!

Вспоминая впоследствии этот эпизод, архиепископ Филипп (Ставицкий) говорил, что весь тот день он был в радостном, возвышенном состоянии духа, внутренне преклоняясь пред красотой и величием морального облика своего почтенного о. ключаря.

3. Иван Иванович Великанов — сын настоятеля церкви князя Владимира; окончил астраханскую духовную семинарию, был псаломщиком в соборе г. Красного Яра, Астраханской губернии. Став певцом, — обладатель большого голоса, — он в 1923 году, одновременно с Максаковой, поступил в Большой театр. Потом пел за границей.

4. Михаил Петрович Романов — известный в Астрахани врач. Был членом Поместного Собора 1917—1918 гг. Он был исцелен по молитвам св. Иосифа от тяжелой и считавшейся неизлечимой болезни. По словам Романова, это исцеление привело его к глубокой вере. Церковный общественник.

5. Александра Михайловна Попкова, активная церковная общественница. Принимала участие в церковной жизни со времен архиепископа Афанасия (Дроздова).

6. А. А. Жданов — местный присяжный поверенный.

7. Е. А. Жданова — дочь А. А. Жданова, в замужестве княгиня Туманова. В истории гражданской войны ее именуют “княжна Туманова”, в действительности она княжной не была, будучи лишь замужем за князем.

8. И. П. Ивлев — рыбак из с. Камызяка, Д. И. Пряхин — церковный общественник.

9. А. П. Доктусов — родной брат Н. П. Доктусова, профессора Московской Духовной Академии (в 40—50-х гг. *Сост.*).

Церкви г. Астрахани при архиепископе Митрофане (Краснопольском).

В Кремле:

1. Успенский кафедральный собор (верхний храм).
2. Владимирский собор (нижний этаж).
3. Никольская церковь.
4. Нерукотворенного Спаса (крестовая).

В городе:

5. Николо-Гостинная (сейчас гор. архив).

6. Входа-Иерусалимская (в начале улицы Советской — снесена).
7. Знаменская (сейчас хлебозавод № 3).
8. Спасо-Преображенский монастырь (строится концертный зал).
9. Кирилло-Мефодиевская (миссионерская).
10. Рождества Богородицы (двухэтажная — снесена; на этом месте дом книги).
11. Смоленская (ул. Трусова; снесена).
12. Благовещенский монастырь с двумя храмами: Иоанна Богослова и Живоносного Источника (остались монастырские стены).
13. Воздвиженская (снесена; находилась против женского монастыря).
14. Иоанно-Предтеченский монастырь (осталась одна церковь как склад).
15. Введения во Храм (против Ив. монастыря, сейчас — гараж).
16. Никольская (в горобозе; уничтожена).
17. Афанасия Афонского (снесена).
18. Сошествия Св. Духа (снесена).
19. Николы Черногорского (снесена).
20. Покрово-Болдинский монастырь (остались некоторые здания).
21. Донской Божией Матери (на Казачьем бугре, снесена).
22. Казанская (на ул. Чехова; сейчас склад ящиков).
23. Покровская (пока, по милости Божией, существует).
24. Рождества Христова (отдана старообрядцам).
25. Петра и Павла (против тюрьмы, уничтожена).
26. Иоанна Златоуста (существует).
27. Князя Владимира (сейчас склад зерна). (В свое время освящена с участием о. И. И. Сергиева — Кронштадского. *Сост.*)
28. Тихвинская (на Паробичевом бугре, снесена).
29. Никольская (прокаженных, снесена).
30. Ильи Пророка (на Криуше, снесена).
31. Михаила Архангела (в Ямгурчеве; снесена).
32. Вознесенская (единоверческая, снесена).
33. Троицкая (на ул. Победы за каналом, снесена).
34. Петра и Павла (в Свободном; существует).

35. Преображенская (на Трусове; существует).
36. Никольская (на Трусове; снесена).
37. Скорбященская (на Трусове; снесена).
38. Никольская (на Заячьем острове; существует).
39. Георгия Победоносца (в Началове, снесена).
40. Рудневская (в Началове, снесена).
41. Павла Исповедника (на ул. Кирова, Нарсуд).

Домовые церкви (уничтожены):

1. Веры, Надежды, Любви (при женском епархиальном училище, сейчас школа Розы Люксембург).
2. Марии Магдалины (при Мариинской женской гимназии, сейчас школа имени Ленина).
3. Митрофана Воронежского (в архиерейском саду).
4. Утоли моя печали (не существует).

Иноверческие церкви:

а) Армянские: Успенский собор (в конце Советской улицы), Петра и Павла (против армянской семинарии, теперешнего Мединститута), Григория Великого (там же), Великомученицы Екатерины (на Криуше), Воскресения Христова (на Армянском кладбище). Все снесены.

б) Католический собор во имя Успения Божией Матери (на ул. Победы; под складом утиля).

в) Лютеранская кирка (против Мединститута, на углу, снесена).

г) Старообрядческое подворье с церковью Покрова Пресвятыя Богородицы (ул. Свердлова; церковь снесена).

Городские часовни (все снесены):

Никольская (рядом с церковью Николо-Гостинной).

Александровская (рядом с торговой школой).

Кирилловская часовня в Кремле (здание сохранено).

Благовещенская часовня при девичьем монастыре (здание сохранено).

6.6. Считаю, что автор “Воспоминаний” здесь ошибается; в описываемое им время митрополит Крутицкий Петр (Полянский) внешне выглядел как весь-

ма болезненный и даже дряхлый старец, хотя лет ему было и не так уж много (род. в 1863 г.). У него постоянно был нездоровый, серо-зеленоватый оттенок кожи лица и большие, коричневые круги под глазами; говорили, что результат какого-то почечного хронического недуга.

Густой “рыжей” бороды — как сообщает автор — у митрополита никогда не бывало: шевелюра на голове (довольно длинная) и борода были почти седыми, что, в сочетании с нездоровым лицом и постоянно утомленным выражением глаз, бывших когда-то голубовато-серыми, а теперь старчески-бесцветными, — делало вид его определенно дряхлым, немощно-усталым.

По-видимому, описывая события почти сорокалетней давности, автор в данном случае спутал облик митрополита Петра (Полянского) с внешностью епископа Сарапульского Алексия (Кузнецова), именно в то же самое время появившегося в Донском монастыре у Святейшего и некоторое время фигурировавшего там.

Этот, действительно, был обладателем “густой рыжей бороды”. (О нем см.: 6.10).

6.7. Совратившийся впоследствии в обновленческий раскол епископ Астраханский Анатолий (Соколов; б. Председатель Училищного Совета при Святейшем Синоде в предреволюционное время) первоначально зарекомендовал себя как прямой и стойкий Православный иерарх.

Поведение его на астраханском процессе по “делу” о сопротивлении изъятию церковных ценностей достаточно рельефно обрисовано тем же автором в другой его объемистой рукописи, носящей название “Записка адвоката” (Астрахань, 1961), — так и не увидевшей печати, так как содержит в себе слишком много “характерных особенностей” из юридического и правового мира, свойственных эпохе Сталина и Вышинского...

Относительно Анатолия (Соколова) в этой рукописи говорится:

“...Когда в конце 1922 года рассматривалось дело по обвинению группы лиц в сопротивлении изъятию церковных ценностей, то этот процесс не только был организован по всем правилам, но на нем возникали и обсуждались тонкие юридические вопросы.

Фабула дела такова: в 1921 году (ошибка, следует: в 1922 г. *Сост.*) Советское правительство издало закон об изъятии из церковных хранилищ всех ценностей в пользу голодающих. Церковные организации отказались сдать их, т. к. все они состояли из священных предметов (и были пожертвованы в храмы вкладчиками для строгоопределенных, религиознобогослужебных надобностей. *Сост.*). Церковные объединения увидели в этом акте наступление на чувства верующих и кощунство над предметами богослужения. Русский Патриарх усмотрел в этом вторжение власти “во святая святых верующего человека” и своим посланием указал “ценностей не сдавать”. На местах послание приняли к исполнению, и началось сопротивление мероприятиям власти. Конечно, ценности были отобраны, а люди, руководившие сопротивлением, были преданы суду.

Обвинялись местный епископ Анатолий (Соколов), профессор Киевского университета — астраханец, живший в Астрахани, А. А. Дмитриевский, соборный ключарь Д. А. Стефановский и ряд других лиц.

Я уже сказал, что процесс был организован по всем процессуальным правилам, с участием двоих обвинителей: Фокина и Макарова и 8 защитников (Червяк, Жданов, Осипов, Коханов и др.). Председательствовал Ф. А. Криворотов.

Правда, процесс был больше похож на диспут. Фокин с Библией в руках доказывал, что библейский Бог — злой. В этом плане он допрашивал подсудимых, особенно Дмитриевского, и затем на библейских текстах построил обвинительную речь.

В первый день процесса стороны спорили по такому вопросу: Фокин спросил епископа Анатолия (Соколова) о том, к какой партии он принадлежит? Обвиняемый ответил: “Аполитичен”. Фокин: “Аполитичных людей не бывает (! *Сост.*). Церковь находилась на службе у царского правительства — значит Ее деятели — монархисты”.

(Вопрос обвинителя явно провокационный, так как советский юрист не может не знать, что в нашей стране существует только одна партия — коммунистическая-атеистическая, к какой Православный епископ принадлежать не может, даже если бы разделял ее социально-политические установки. *Сост.*)

Епископ Анатолий (Соколов): “Нет, Религия и политика — понятия различные. Религия — вечный союз с Богом, законы религии непреходящи. Политика же — только люди, подобно перчаткам и пуговицам. Мое кредо — состоять в вечном союзе с Богом, а не с политикой”.

Фокин: “Вы эти басни пока бросьте и рассказывайте их старухам, а мне отвечайте на вопрос прямо”.

Епископ Анатолий (Соколов): “Если вы претендуете на остроумие, то в ваших словах его так немного. Я остаюсь при своем мнении”.

Защитник Черняк обращается с заявлением к суду об устранении вопроса обвинителя. Обвинитель Фокин настаивает на своем вопросе. Суд удаляется на совещание и определяет — считать вопрос Фокина устраненным.

Второй юридический вопрос возник в один из следующих дней, по такому поводу. Подсудимый епископ Анатолий (Соколов) жил в Ивановском монастыре и, будучи под подпиской о невыезде, ходил в судебное заседание пешком. Но уже с первого дня процесса его окружала многотысячная толпа, сопровождавшая в суд. Вся Советская улица была забита народом и, естественно, замедляла шаги епископа, и в здание, где происходил суд (Думской зал), он пробирался с большим трудом. Это, вероятно, была свособ-

разная демонстрация в защиту подсудимых. Фокин, сославшись на то, что епископ Анатолий (Соколов) “по неизвестным причинам” опаздывает на судебные заседания, обратился к суду с ходатайством об изменении ему меры пресечения, т. е. взятия под стражу на время суда.

Защитник Черняк энергично возражал, ссылаясь на то, что у суда нет права изменять принятую и утвержденную тем же судом меру пресечения, если обвиняемый ее не нарушил. Вопрос очень тонкий. Обвинитель еще дважды настаивал на своем заявлении. Защитник возражал. Суд удалился на совещание и отказал в домогательстве обвинителя, мотивировав тем, что если обвиняемый ничем не нарушил избранной меры пресечения, то у суда нет права ее изменять на худшую.

Процесс закончился небольшими сроками условного наказания...”

После наказания, понесенного по этому процессу, епископ Анатолий (Соколов) возвращается в Астрахань и, по-видимому, “страха ради иудейска”, свращается в обновленческий раскол, где, воленс-ноленс, уже в сане раскольнического “митрополита” громит Астраханскую Православную епархию. Эта война его против Церкви продолжается до 1930 года; именно этот период его деятельности (т. е. особенно ретивую борьбу с Православием на первых порах перехода в обновленчество) имел в виду Святейший Патриарх Тихон, когда беседовал об астраханских делах с посетившим его в Донском монастыре автором “Воспоминаний”.

Конечно, Астраханской епархии он причинил в свое время много бед и скорбей...

Скончался обновленческий “митрополит” Анатолий (Соколов) в 1942 году в Костроме, состоя “на покое”, — вне общения (конечно) с Православной Русской Церковью, Которой когда-то отдал значительную часть своей ученой пастырской жизни и деятельности...

Отметим как курьез отпевание тела почившего совершенно другим проживавшим там же обновленческим “митрополитом” быв. Воронежским и Задонским Корнилием (Поповым), состоявшим в то время в одном из костромских обновленческих приходов, на амплуа... приходского священника!

Напомним, что в самые первые годы текущего столетия этот “митрополит” будучи еще священником Константином Поповым состоял Ярославским епархиальным миссионером и пользовался любовью и доверием тогдашнего архиепископа Ярославского и Ростовского Тихона — впоследствии Святейшего Патриарха, которому так жестоко — злом на добро — отплатили впоследствии оба эти, с позволения сказать, иерарха!

6.8. Полагаем, что здесь автор “Воспоминаний” ошибается, и персонаж, фигурирующий у него под фамилией Орлянского, в действительности был Орлеанским, известным в 1918—1920 гг. погромщиком Православной Церкви в Костромской епархии (где еще в 1929 году жила о нем печальная слава; “славно бо прославися”!...).

Если замечание наше является справедливым, то пребывание его в ведомстве Смидовича-Красикова в середине 20-х гг., где и когда автор “Воспоминаний” имел незавидный случай с ним встретиться — явление вполне закономерное: заслуженный рост по работе.

6.9. П. А. Красиков (см. о нем ниже), о котором упоминает автор “Воспоминаний”, был в то время заведующим VIII Отделом (позже переименован в V Отдел) Наркомюста (или НКЮ, т. е. Народного Комиссариата Юстиции).

Что же это за Отдел Наркомюста и чем он занимался?

Возник он 26.4(9.5).1918 года при Народном Комиссариате Юстиции и назван: “...по предложению его заведующего и бессменного руководителя П. А.

Красикова... "Отделом по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства ("Отделение Церкви от государства и школы от Церкви", 1917—1919. Персиц М. М., Москва, 1958.)

Таким образом, судя по названию, казалось, что его единственной и естественной деятельностью, как Отдела Народного Комиссариата Юстиции — должны были быть: разъяснительная правово-юридическая работа по всем вопросам, связанным с воплощением декрета в жизнь и руководство по наиболее безболезненному практическому осуществлению этого декрета на местах.

Казалось, что Отдел с первых же шагов своей деятельности сумеет занять правильную позицию и во всяком случае взять под защиту нарождающейся законности многомиллионное Православно-русское население от незаконных наскоков на него со стороны "научно-атеистических" пришибевых, почувствовавших праздник на своей улице и прекрасно усвоивших факт полной безнаказанности за любые насилия и безобразия, чинимые над "попами" и иже с ними ради так называемого светлого будущего.

В действительности все пошло по совершенно иному пути. Ни о каком охранении чьего-либо права или законности никто в Отделе даже и не помышлял, как выяснилось с самых же первых дней его существования, он был задуман и создан только как ударный штаб по разгрому Православной Русской церкви и по борьбе "с религией", т. е. с тем многомиллионным населением России, которому была чужда и не приемлема новоявленная, нерусская идеология Красиковых...

Для видимости (в целях большего тактического эффекта) этому учреждению была придана законническая, правово-юридическая внешность.

Нисколько не удивительно, поэтому, что с самых первых своих шагов и во все дальнейшее время своего существования, этот Отдел не только не корректировал юридически возникавшие на местах конфликты и тяжелые недоразумения, порожденные отсутствием

законов, касающихся регламентированных декретом новых взаимоотношений Церкви и государства, но нередко, своим участием еще более усложнял тяжелые и запутанные отношения, сложившиеся на местах у гражданских властей с представителями церковных организаций. Отдел сразу же стал поучать и страдать апеллирующее к нему — по неведению — верующее население, так что последнее второй раз уже не рисковало искать “законности” в затруднительных случаях совершенно основательно опасаясь “как бы чего не вышло!...”

Поучая “несознательные” верующие массы и переругиваясь с “попами”, деятели VIII Отдела этой своей показной, декоративной “работой” на деле прикрывали более важную и сокровенную: постоянную организацию и консультацию всех антицерковных сил на местах и нацеливание их на “законную” борьбу с Церковью и “попами”. Таким образом все бесчисленные, последующие, тяжелые конфликты Церкви с новой государственностью не только никогда не находили своего “законного” разрешения при содействии этого специально-созданного учреждения, но, по-видимому, как раз наоборот, именно этим, так наз., VIII Отделом НКЮ всегда сознательно усложнялись и заострялись до последнего предела и неизменно решались не в пользу Церкви, которая с точки зрения этого Отдела, по-видимому, никогда и не могла быть принципиально правой постольку, поскольку Она является именно Святой Православной Церковью...

Поэтому, по всей справедливости (и как это теперь уже в достаточной степени выявлено исторически) этот пресловутый VIII Отдел следует рассматривать (при всей его внешней законнической замаскированности) как первоначальную государственную организацию по борьбе с Церковью на базе декрета об “отделении Церкви от государства”, целиком проникнутого — как известно — началами совершенной нетерпимости к религии и Церкви. И, конечно, декретом этим VIII Отдел воспользовался в полной мере, а

заданный им тон антирелигиозной “работы” оказался таковым, что два-три десятилетия спустя распустившись в своем махровом цветении, с одной стороны, стал (и совершенно законно!) “притчей во языцех” буквально у всего цивилизованного человечества, а с другой принес столь неисчислимые и невероятные страдания великому множеству лучших русских людей, “виновных” лишь в том, что мозги их затесаны не так как у тов. П. А. Красикова, а по иному и отсюда “вечные вопросы” решаются ими не совсем так, как приказывает начальство...

И, поскольку, “шила в мешке не утаишь” и народ наш не так уж глуп, как на это надеялся Красиков и иже с ним, то, несмотря ни на какую “косметику” истинная физиономия этого Отдела со страшной быстротой обнажилась во всей своей неприглядности на первых же порах его деятельности. И игра на два фронта выявилась во всем своем объеме.

Так, широковещательно “...в специальном циркуляре от 21.12.1918 (3 января 1919 г.), касающемся проведения декрета в жизнь, VIII Отдел Наркомюста указал на необходимость избегать действий, которые оскорбляли бы религиозное чувство...” Поэтому, например, “...при передаче богослужебного имущества группам верующих граждан (имущества, только что отобранного у последних же! *Сост.*) ... “совершенно недопустимо, — говорится в циркуляре, — отображение церковных облачений, мантий, платков с престолов, орлецов, других ковров и прочих богослужебных предметов и употребление их для революционных целей (перешивание на флаги и т. д.); недопустимо также снятие серебряных риз и украшений с икон, Крестов, Евангелий и престолов...”

“...Циркуляр предписывал ”избегать каких бы то ни было действий... могущих к а з а т ь с я (! — разрядка наша. *Сост.*) оскорбительными для того или иного культа”...” (“Отделение Церкви от государства и школы от Церкви”. 1917—1919. Персиц М. М. Москва, 1958.)

Это — одна сторона “деятельности” VIII Отдела; другая выглядит несколько иначе. Вот иллюстрация, заимствованная из антирелигиозной брошюры, изображающая ответ VIII Отдела “гражданам” деревни Поддубной, по наивности обратившимся сюда в 1918 году, в поисках своих юридических прав на организацию религиозного воспитания своих детей.

По первоначально многие прекраснородушные русские верующие люди принимали слова и положения декрета об отделении Церкви от государства за чистую монету!...

Вместо четкого и толкового ответа по существу заданного вопроса, просители получают лицемернейшее велеречивое послание-поучение, которое не только уж по форме, но главное того — по существу своему, является самым недвусмысленным “оскорблением религиозного чувства”, и стало быть (тем самым) и — нарушением декрета об отделении Церкви от государства.

“...В заключительной части письма говорится: “VIII Отдел предлагает гражданам деревни Поддубной, если у них имеется потребность (! *Сост.*) у самих по старой привычке искать разъяснение вопросов жизни и природы в религии (! *Сост.*), а не в науке, продолжать свободно (? *Сост.*) самим придерживаться религиозных обрядов и верований, поскольку они не нарушают интересов мировой борьбы трудящихся с капиталом (!!! лихо завернуто! *Сост.*), детям же своим о с т е р е г а т ь с я (разрядка наша. *Сост.*) навязывать (?! *Сост.*) устарелые сведения об устройстве мира как физического, так и общественного, ибо сведения эти не могут быть полезны им в их борьбе с природой и с эксплуататорами. Что касается нравственности, то надо помнить, что не религия заставляет быть добрым гражданином и нравственным человеком трудящегося, а его борьба за устройство общественной жизни на основании правильно понятых им классовых интересов и правильно понятых законов природы”.

“Этот и другие документы (продолжает автор брошюры. *Сост.*) показывают, что VIII Отдел не ограничивал свою деятельность чисто юридической областью (разрядка наша. *Сост.*). Он поставил перед собой цель — всесторонне разъяснять декрет, а также разоблачать антинаучную роль религии и контрреволюционную деятельность духовенства (I разрядка наша. *Сост.*).

Письменными ответами на запросы VIII Отдел не ограничивался. Почти каждое (!! *Сост.*) письмо его в местный Совет заканчивалось уведомлением о возможности посылки лекторов для разъяснительной работы.

(Нетрудно себе представить, что это были за “лекторы” и какого рода “разъяснительную работу” они проводили на местах! *Сост.*)

VIII Отдел издавал антирелигиозную литературу, призванную (? *Сост.*) разъяснять политику Советской власти в отношении религии и Церкви. С 1919 г. начал выходить под редакцией VIII Отдела НКЮ журнал “Революция и Церковь”, в котором печатались официальные материалы и статьи на научно-атеистические темы...” (“Отделение Церкви от государства и школы от Церкви”. 1917-1919. Персиц М.М. Москва, 1958.)

Полагая, что приведенная цитата, в силу своей колоритности никаких особых комментариев не требует, добавим лишь, что заключительное утверждение почтенного автора о “научно-атеистических” статьях печатавшихся в “Революции и Церкви” — совершенно фантастично, ибо, во-первых, сам уровень руководителей журнала был весьма невысоким по своему интеллектуальному содержанию, а во-вторых, строго говоря, как Деизм, так равно и атеизм, никогда не были и не могут быть ни “научными”, ни “ненаучными”, т. к. находятся совершенно в иной плоскости человеческого восприятия, чем сфера мыслительно-познавательная; один из них проповедует разумно-

недоказуемое положение, а другой лишь отрицает его, проповедуя взамен “ноль”.

Правда, так как ноль есть ноль, последний, т. е. атеизм, постоянно нагло цепляется за вульгарную псевдо-науку из чисто спекулятивных соображений, но, по крайней мере, уже в наше время, эти его беспомощные и жалкие потуги никакого эффекта на мыслящего человека не производят. Таким образом, монополизированная VIII Отделом НКЮ “научно-атеистическая” сфера, с первых же дней своего существования в открытой форме, оказалась не под покровительством какого-либо гуманитарного учреждения, где ей по всей справедливости и следовало бы быть, а в цепких руках псевдо-научных шарлатанов и под тяжелой пятой законников и полицейщины, где, впрочем, весьма уютно и, по-видимому, надолго устроилась.

Такого рода “научно-атеистической” деятельностью, на первых порах, с огромным азартом занялись следующие высокопоставленные лица: мадам А. М. Коллонтай, В. Д. Бонч-Бруевич, И. А. Шпицберг, П. А. Красиков, наконец, “сам” Емельян Ярославский (М. И. Губельман) и тутти кванти... Впоследствии, когда безнаказанность и доходность такого рода деятельности выявились со всей очевидностью, миссионеров безбожия появилось бесчисленное количество, причем в немалой степени пополняется оно (и впредь, конечно, будет пополняться) за счет отбросов Церкви в виде разного рода Осиповых, Дулуманов, Кубиных, Спасских и т. п., но следует зафиксировать то обстоятельство, что пальма первенства бесспорно принадлежит здесь “знаменитому” попу-безбожнику о. Михаилу Галкину (он же Горев М. В.) и некоему “недоучившемуся семинаристу” Ионе Брехнечеву.

Из первоначальных ожесточеннейших врагов Русской Церкви следует отметить следующих:

1. *Коллонтай А. М.* Эта мадам недолго, но блистательно подвизалась на поприще “научного атеизма” в самые первые дни революции 1917—1918 гг., а затем

вскоре переключилась на дипломатическую деятельность. Однако подготовка к национализации церковного имущества, насильственный захват Александро-Невской лавры и ряд других, подобных же мероприятий — теснейшим образом связаны с ее именем.

Пишущий эти строки прекрасно помнит эту даму по встречам с нею в Москве, когда — будучи еще подростком — многократно встречался с нею в саду, примыкавшем к особняку Вогау; на Воронцовом поле (ныне улица Обуха). Эта прекрасная усадьба была превращена в некий детский клуб, куда и жаловала частенько для оказания своего высокого и просвещенного внимания детям, именовавшаяся в те дни Народным Комиссаром Общественного Призрения, мадам Коллонтай.

Она держалась со всеми со снисходительной простотой царицы, а детей собирала в кучку вокруг себя и поучала с медоточивой улыбкой, но совершенно серьезно, немедленно доносить ей на своих родителей, буде последние осмелятся пороть своих чад или иными “устарелыми и отжившими” методами воздействовать на них в воспитательных целях, в то время как у нас провозглашены “высокие принципы братства, равенства и свободы”. Эта знаменитая тогда дама, тут же, в популярной форме, излагала окружавшим ее с разинутыми ртами малышам, основы советской морали, этики и тому подобного, после чего все мы стремглав разбежались по домам — поделиться с родителями своими новыми познаниями, которые впрочем их слишком мало радовали!

Вскоре, однако, феерическая антирелигиозная деятельность мадам А. М. Коллонтай, как-то померкла, затихла и всеми забылась...

2. “...Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955) — видный деятель Коммунистической партии и Сов. гос-ва... публицист и издатель, этнограф и историк-исследователь в области религ.-обществ. движений в России... С 1946 Ъ.-Ъ. руководил

музеем истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде и сектором истории религии и атеизма Ин-та истории АН СССР ... После Окт. революции Б.-Б. принимал участие в подготовке декрета об отделении Церкви от государства и состоял членом Комиссии ВЦИК по отделению Церкви от государства..." ("Краткий научно-атеистический словарь". Изд-во "Наука", Москва, 1964.)

В. Д. Бонч-Бруевич еще по дореволюционным временам известен как горячий покровитель всякого рода сектантства (особенно толстовского стиля) и ярый ненавистник Православной Русской Церкви. Последние 20—30 лет своей жизни на политической, государственной поверхности не фигурировал. Как говорили, будто бы занимался "научной" работой в домашней, кабинетной обстановке.

3. *Шницберг Иван Анитольевич* (1881—1933) — руководитель научного общества и изд-ва "Атеист", организованных в 1922 для издания атеистич. и антиклерик. работ сов. и зарубежных авторов. "...Под руководством Ш. об-во осуществило издание в 1923—1930 книг П. Гольбаха, А. Дрекса... и др., не всегда, однако, на достаточно научном уровне. Изданы также работы сов. Ученых по истории христианства и Русской Православной Церкви. Ш. был также редактором журн. "Атеист", выступал в качестве переводчика..." ("Краткий научно-атеистический словарь". Изд-во "Наука", Москва, 1964.)

О "научно-атеистической" деятельности этого персонажа сохранились в печати некоторые сообщения, весьма колоритные и характерные для той эпохи (1918—1920), когда он впервые появился и "прославился" на этом своем новом поприще.

Буквально не успели еще отгреметь громы октябрьского переворота, как в Петрограде, с антицерковными лекциями высунулся, главным образом среди солдат и матросов бежавших с фронтов, первый по времени из штатных антицерковных говорунов-демагогов, в прошлом чиновник Святейшего Правительст-

вующего Синода по бракоразводным делам (как утверждали тогда), присяжный поверенный, “адвокат” Иван Анатольевич Шпицберг, — в стилистическом и даже “эрудиционном” плане предтеча всех неисчислимых последующих “антирелигиозных” и “научно-атеистических” учителей, наставников, прорицателей, чревовещателей и пифий.

Так, образно выражаясь, тогдашняя печать, сообщала: “...Пришел адвокат Шпицберг и сказал: Бог-буржуй! И наступило атеистическое сумасшествие народа, представители которого в припадке религиозного помешательства стреляют в Причастие, иконы, духовенство...” (“Петроградский Церковно-Епархиальный Вестник”, 1918.)

И далее: “...вот одна из его “лекций”.

Публики немного... Преобладают “товарищи”... Они ведут себя во время лекций очень мило и непри-
нужденно: разговаривают, свертывают “цигарки”, раскуривают, сплевывают, аппетитно зевают... потягиваются, читают газеты, сидят, возлежат в живописных позах...

...Нечто новое все же есть и у Шпицберга...

Это невероятно хамский тон всей лекции.

Циничные, грязные выпады против Христа, Его Матери.

Нужно ли приводить эти мерзости?...

С непередаваемой злобой, в каком-то бешенстве, с пеной у рта говорит Шпицберг о “попах”...

Но... не станет попов, о ком же будет читать свои “лекции” Шпицберг?

Пусть же остаются попы...

Они еще нужны... Ими еще долго будет питаться Шпицберг...” (Там же.)

Или — в другом месте:

13(26).1.1918 г. в Петрограде, в Михайловском артиллерийском училище, присяжный поверенный (“товарищ народного комиссара”) И. А. Шпицберг, выступая на лекции на тему: “Современная Церковь и семья в освещении революции”, — громит Право-

славную Церковь и Святейшего Патриарха Тихона, называя последнего “самозванцем”. (“Церковные Ведомости”, № 5, 1918.)

Сохранились и подробности этой “лекции”, изложенные в соборных “Деяниях” со слов одного из очевидцев:

“...Мне пришлось быть на лекции товарища народного комиссара, как его рекомендовали, Шпицберга Ивана Анатольевича... Эта лекция была на тему: “Современная Церковь и семья в освещении революции”. Лекция эта в существенных чертах такова: учение Церкви совершенно несогласно с учением великого учителя морали, человека Иисуса Христа. Патриарх Тихон — самозванец. Как его сделали “святыней”, кто его сделал “святыней”, какие по этому поводу произносились контрреволюционные речи и почему иначе быть не могло? Судьба богатейшего имущества нестяжательной Церкви. Вымирание богов-царей — воскресение Человечества (с большой буквы). Вот, в моих руках пригласительный билет, на котором и напечатаны эти пункты. Когда я пришел в зал, он наполнен был по преимуществу солдатами и матросами. Лекция эта с точки зрения религиозного человека имела самый кощунственный характер. То, что здесь говорилось о лице Иисуса Христа и о Пресвятой Деве Марии, передано было языком, который употребляют солдаты, передавая друг другу анекдоты. Религиозное чувство не могло не возмущаться этим; но все-таки эта часть речи не могла так беспокоить, как те выводы, которые сделал товарищ комиссара. “Я, — заявил он, — автор декрета о разводе и браке, и я должен сообщить вам, что предстоит еще более сложный революционный процесс. Мы свергли земного царя, но нам предстоит свергнуть и небесного. Предстоит издание декрета о том, что запрещается совершение таинства Причащения, как колдовского действия, а затем, во-вторых, предстоит декрет о закрытии всех храмов. Это, — прибавил он, — жестоко, но мы должны к этому прибегнуть. Французская революция пришла к

этой мысли на 4-й год, а мы пришли к этому же на первый год революции. Будет запрещено богослужение и будут отобраны церковные сосуды, как средство для колдовства; духовенство будет объявлено подозрительным по революции. Все духовные учреждения должны быть реквизированы. Что касается школы, то она должна быть светская”.

Аудитория настроена была целиком в пользу лектора и принимала все положения с восторгом и рукоплесканиями. Когда лектор читал один синодальный указ, я громко крикнул: “Подтасовка!”, и когда сообщены были им ложные сведения о Соборе, я сказал: “Ложь!” За это меня едва не вывели. Сообщая о Соборе, автор сказал, что жребий при избрании Патриарха вынимал уклоняющийся от военной службы монах. “Он девяностолетний старец!” — сказал я. Лектор видимо сконфузился, но меня опять хотели вывести; лектор успокоил толпу и заявил: “Накажем его молчаливым презрением”.

Мне кажется, что лекция эта имеет чрезвычайное значение...” (Из выступления М. Ф. Глаголева на 67-м заседании Священного Собора.) (“Церковь и государство”. Прот. Введенский А. И. Москва, 1923; “Деяния”. Кн. VI, вып. I. Москва, 1918.)

А спустя две недели, 27.1(9.2).1918 г., в Петрограде же, в зале Армии и Флота, он читает очередную лекцию о новых декретах, касающихся Церкви.

Не утруждая внимания своей аудитории вопросами юридическими и правовыми, “...лектор перешел к пошло-балаганному кощунству над Православным богослужением, над литургией (с легкой руки графа Льва Николаевича Толстого! *Сост.*), над настолованием Патриарха. В отношении Патриарха он допустил фразу с прозрачным намеком: “Патриарх еще жив”. По мнению лектора нужно положить конец Собору и “другим затеям” духовенства...” (“Церковные Ведомости”, № 5, 1918.)

Приведенной справки, полагаем, вполне достаточно для того, чтобы читатель вполне смог представить

себе моральный облик и “научно-атеистическую” эрудицию этого характерного для своего времени персонажа.

Злобно-демагогические антицерковные выступления Шпицберга, несмотря на всю их гнусность, имели все же одно положительное свойство: они в значительной степени мобилизовали церковно-общественное мнение и довольно правильно ориентировали Церковь в смысле объема и содержания зол и бед, готовящихся на Ее голову. В мстительном недержании речи, адвокат Шпицберг раньше времени выболтал всю ту программу-максимум по разрушению Русской Церкви, которая тогда еще только вынашивалась в утробе нашей “научно-атеистической” мамы, только что сочетавшейся с VIII Отделом НКЮ и прочими “сурьезными” гражданскими инстанциями...

Замечательно (и это следует подчеркнуть), что все то, что выболтано было Шпицбергом в 1918 году, в той или иной (почти всегда предельной) степени, рано или поздно было осуществлено в ходе выполнения многолетней программы по уничтожению Русской Церкви...

4. *Красиков Петр Ананьевич (1870—1939).*

О нем имеем следующие отзывы:

“...Тов. Красиков — самый деятельный работник в области отделения Церкви от государства; декрет об отделении Церкви от государства и ряд позднейших законодательных актов связаны с его именем. В области антирелигиозной пропаганды т. Красиков является также большой силой...”

Он род. в 1870 г., старый большевик. “...Примкнул к с-д. движению в начале 90-х гг. Помощник присяжного поверенного...”

После Октябрьского переворота “...председатель комиссии по борьбе с контрреволюцией, член коллегии НКЮ СССР, прокурор и зам. Предс. Верх. Суда СССР...”

“...Проводит работу по отделению Церкви от государства...” Редактор журналов: “Революцию и Церковь” и “Воинствующий атеизм”.

В 1923 году издан сборник публицистических статей Красикова: “На церковном фронте” (“МСЭ”, т. 5, 1937; “Правда” № 176, 1923; “Краткий научно-атеистический словарь”. Москва, 1964).

“...Блестяще развернулись качества большевика-революционера Петра Ананьевича Красикова особенно в первый период Советской власти. Ему принадлежит в значительной степени разработка декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви... То, что было программой большевистской деятельности на протяжении десятилетий, надо было осуществить, когда большевики взяли власть. Надо было сломить власть Церкви, господство религии над массами. Надо было нанести Ей сокрушительный удар. Эту работу взял на себя Петр Ананьевич... Он участвовал во всех мероприятиях партии и правительства к тому, чтобы ослабить, парализовать, разбить влияние церковников, влияние религии...” (“О религии”. Емельян Ярославский-Губельман. Госуд. изд-во политич. лит-ры. Москва, 1957.)

“...Красиков — бывший присяжный повсереженный — пьяница фантастический, в прежнее время выступал по делам об увечьях...” (“Очерки...” Краснов. Рукопись. Москва, 1960.)

Добавим к этим отзывам еще одно впечатление современника. Причем, впечатление, так сказать, живое — сложившееся от непосредственного общения с П. А. Красиковым, в годы бурной “юридической” деятельности последнего, когда он неизменно пребывал (по свидетельству очевидцев), так сказать в трансе совершеннейшего “административного восторга”.

Так, один молодой юрист, в своих воспоминаниях о посещении (по церковному делу) Москвы в 1922 году, пишет:

“...Перед отъездом из Москвы я решил побывать в V Отделе НКЮ, ведающим вопросами по отделению

Церкви от государства. Этим отделом заведовал т. Красиков. У меня с собой был экземпляр напечатанного в Ярославской типографии послания митрополита Агафангела (Преображенского). Я решил показать его т. Красикову, интересуясь, что он скажет, ознакомившись с содержанием этого послания. (Послание это извещало Православное население страны об аресте и заключении под стражу Святейшего Патриарха Тихона, появлении обновленческого раскола и о вступлении в должность Заместителя Патриарха — подписавшего это послание, митрополита Ярославского. *Сост.*)

Прочитав его, т. Красиков сказал: “Что такое? Где это вы достали? Да ведь, это какая-то контрреволюция”. На мой вопрос, в чем он именно усматривает контрреволюционный характер этого послания, т. Красиков вместо ответа набросился на меня со словами: “Да кто вы такой, чем вы занимаетесь?” Я сказал, что окончивши Саратовский Университет, продолжаю заниматься правовыми науками. “Хорошо, — сказал Красиков, — мы напишем в Саратов, чтобы вас удалили из Университета (! *Сост.*). Как ваша фамилия?” Я назвал. Он вынул записную книжку и написал в ней, как я хорошо видел, “Синицын” вместо “Соловьев”. По-видимому, он лишь брал меня “на испуг”. Я откланялся. На прощанье он мне сказал: “Бросьте, молодой человек, бросьте заниматься этими делами...” (“Борьба с “Живой Церковью” в Саратовской епархии...” Соловьев А. А. Рукопись. Астрахань, 1963?)

5. *Ярославский Емельян Михайлович* (Губельман Миней Израилевич. 1878—1943).

Род. в Чите, в семье учителя. Работал аптекарским учеником. В молодости примкнул к революционному движению. До 1917 г. “...вел партийную работу в Сибири, Петербурге, Одессе, Москве, Туле...” и т. д.

В 1917 г. — член Московского Военно-Революционного Комитета. “...Неоднократно избирался в руководящие парт. и сов. органы... По поручению партии

Я. вел большую антирелиг. работу. Он возглавлял Союз воинствующих безбожников СССР в качестве председателя Центр. Совета этого Союза, был ответств. редактором газ. “Безбожник”, журн. “Антирелигиозник” и “Безбожник”. В парт. и атеистич. печати было опубликовано мн. статей Я. по самым разл. вопросам критики религии...

...Большое внимание уделял Я. подготовке кадров пропагандистов атеизма...” (“Краткий научно-атеистический словарь”. Москва, 1964) и пр.

Кончина Е. Ярославского (Губельмана), последовала в самый разгар Отечественной войны, в 1943 году и хронологическое совпадение смерти его с моментом резкого и неожиданно-положительного поворота курса государственной власти по отношению к Православной Русской Церкви (реставрация Патриаршества после двадцатилетнего перерыва; признание в законодательном порядке прав юридического лица за Церковью, в отмену одного из основных положений декрета об отделении Церкви от г-ва; открытие многих, до того закрытых, храмов и монастырей; восстановление учебно-духовных заведений: Академий, семинарий и мн. др.), — послужило основанием для упорного слуха о его казни, — слуха, распространявшегося как внутри страны, так равным образом (если не еще более), за рубежом.

В одном русском эмигрантском издании нам встретились следующие слова, написанные на полях его страниц:

“...Ныне ... исполнилось пророчество прозорливого старца о. Алексия Мечева ... что, когда придет время, — Бог пошлет нужных людей, которые спасут Россию. — Бог послал Иосифа Виссарионовича Сталина и его сподвижников, который закрыл ... Союз Безбожников и казнил его председателя...”

И. В. Сталин “...приказал открыть Православные храмы, учредил Комиссариат Православной Церкви ... установил для всех днем отдыха Воскресенье; восстановил Патриаршество в полном блеске и сказал

Патриарху...” Сергию (Страгородскому) “...что он желает укрепления Православия...” (Мемориальная надпись неизвестного автора на страницах книги “Отец Иоанн Кронштадский”. Т. II. Сурский И. К. Белград, 1941, из библиотеки епископа Сергия Ларина.)

Насколько правдоподобно это сообщение — сие покрыто (до времени) мраком неизвестности. Но то обстоятельство, что именно Е. Ярославский (Губельман) являлся наиболее лютым и непримиримым врагом Православной Русской Церкви (во всяком случае из числа явных), — это общеизвестно. И поэтому, кончина его, предварившая собою некоторое относительное улучшение положения Церкви в нашей стране, вполне способна была привести мысли даже совсем непредубежденного современника к вышеизложенным выводам. Как бы то ни было, но само совпадение этих двух моментов в нашей современной церковной истории — весьма знаменательно само по себе.

б. Что же касается такого столпа “научного атеизма” как пресловутый петроградский “батюшка” отец *Михаил Галкин*, то наиболее красноречивое свидетельство о его внутренней сущности, из встретившихся нам в печати, приводим здесь, для справки, несколько ниже.

В 1917—1918 гг., в целях развала изнутри с таким трудом налаженной соборной работы и для поддержания шатких позиций церковных леваков всех оттенков, в виде обновленчествующих соборных батюшек и маловерующей профессуры из б. Духовных Академий со всем их “прогрессивным” лагерем, — на период деятельности Собора, из Петрограда в Москву перекочевывает газетка под модно-бульварным названием “Свободная Церковь”, являющаяся, по свидетельству восточковской “Церковности”, “...еще бесстыднее Всероссийского Церковно-Общественного

Вестника...” (руководившегося тогда известным Б. В. Титлиновым; о нем см. 12, 1.)

Теперь приводим вышеупомянутую цитату:

“...Редактор-издатель газеты о. Галкин, помещающий в газете много пикантных историй об архиереях и монахах, не удосужится ли нам как-нибудь и при том поскорее рассказать, как он в своем Спасо-Колтовском храме в Петрограде, следуя основам “Свободной Церкви” униженно и подобострастно принимал приглашенных им митрополита Питирима (Окнова) и Распутина?...” (“Церковные Ведомости”, 1918.)

Само собою понятно, что для Емельяна Ярославского и иже с ним такой сотрудник в деле развала Церкви, как о. Галкин, явится совершенно ни с чем несравнимой величиной. Поэтому, никто особенно и не удивился, когда некоторое время спустя, перекрасившись из “попа” Галкина в “безбожника” Горева, он начал со страшным азартом крушить своих недавних собратьев по сану, выслуживаясь перед своими новыми “хозяевами”; особенно перед своим знаменитым шефом Е. Ярославским, к которому он устроился на ампула помощника редактора газеты “Безбожник”.

Об этой “идеологической” и “публицистической” работе батюшки Галкина-Горева приводим еще следующий отзыв:

“...На столбцах газет появилась серия громовых статей против церковников, начались аресты священников, — вся Церковь пришла в движение. Карьеристы и конъюнктурщики, как всегда, еще более накаляли атмосферу, подливая масла в огонь, стремясь во что бы то ни стало заработать политический капитал. Особо лез из кожи некий Мих. Горев, — статьи которого, наполненные призывом к расправе с духовенством, не сходили тогда со столбцов центральной прессы. Читатели его статей, злобных и хлестких, вероятно, очень удивились бы, если бы узнали, что всего 4 года назад антирелигиозный вития сам был

священником...” (“Очерки...” Краснов. Рукопись. Москва, 1960.)

Таким образом, первым, по времени и значению, попом-рenegатом, следует по всей справедливости признать отца М. В. Галкина-Горева.

Так, перечисленные выше (и некоторые др.) лица, в течение длительного периода времени составляли основное ядро или генеральный штаб по разработке “методов” и руководству не очень благородной работой по систематическому избиению, по сути дела, лежачей Церкви.

К этому штабу, как к остову, примазалась немедленно же самая различная “антирелигиозная” мелочь (впрочем, в несметном количестве, так как дело, прежде всего, оказалось чрезвычайно “не пыльным, но денежным”!). Некоторых из них, — наиболее назойливых, — назовем по именам. Это, прежде всего, некий “недоучившийся семинарист” (по рекомендации, кажется, о. И. Восторгова) Иона Брехничев (повидимому: “по имени твоему и житие твое”, как говорили монахи в старину), затем, печально окончивший дни свои генеральский сынок Борис Паплович Кандидов, подвизавшийся в качестве безбожнического “церковного историка” (попросту: вор церковных документов); какой-то Ф. Н. Олещук; хроникер многочисленнейших тогда антицерковных “открытых” и “закрытых” судебных процессов, некий М. М. Шейнман, затем наши доморожденные, многочисленные, как песок морской, разные бесконечные “Ивановы, Петровы, Сидоровы”...

Из художников, на этом злачном поприще особенно прославились Д. С. Моор, Мих. Черемных, некий Когтоут и мн. др.

Как назвать всю эту публику, которая всю свою жизнь питается и живет за счет той Церкви, которую она бесконечно жалит, грызет, кусает, истязает, оплевывает и третирует — затрудняемся; будущие русские люди может быть придумают ей соответствующее наименование...

6.10. Упомянутый автором епископ Алексей (Кузнецов), управляющий Сарапульской епархией, посещавший в это же время Донской монастырь и Святейшего Патриарха Тихона, — не принадлежал к числу популярных или чем-либо прославленных иерархов того периода.

В прошлом — миссионер Урмийской миссии (в Персии).

В своих “Воспоминаниях” ругатель “всех и вся”, прогрессивный и либеральный протопресвитер о.Г.И. Шавельский, именует (неизвестно: основательно ли?) и сего иерарха “распутинцем”. Говоря о епископе Алексие (Кузнецове) как об авторе вышедшей перед революцией книжки о юродствовании святых Русской Церкви, — написанной им, будто бы, в оправдание и защиту Распутина (что, впрочем, ничем не подтверждается!), — Г. И. Шавельский пишет:

“...Мне говорили, что книга эта составлена архимандр. Алексием (Кузнецовым), распутинцем, в оправдание Распутина. Может быть в награду за эту услугу архимандрит Алексей (Кузнецов), по протекции Распутина, в 1916 г. был сделан викарием Московской епархии...

...Архимандрит Алексей (Кузнецов), как мне сообщил проф. Н. Н. Глубоковский представлял эту книгу в СПб Духовную Академию для получения степени магистра богословия, но там ее, конечно (! *Сост.*), отвергли...” (“Воспоминания...” т. I, о. Г. Шавельский. Нью-Йорк, 1954.)

Как бы там ни было и что бы там ни думалось отцу протопресвитеру, но, побыв недолго московским викарием, епископ Алексей (Кузнецов), в 1917 году (и, стало быть, уже безо всякой “протекции” Распутина!) переводится на самостоятельную Сарапульскую кафедру. В разгар обновленческого мятежа, он, как один из многих, “поползнувших в настоящем веке лукавствия” иерархов (как выражался Святейший), примкнул к обновленцам. Вскоре, однако, одумался, покаялся и до самой кончины своей состоял в неиз-

менном общении с законным священноначалием нашей Церкви.

Пользуемся случаем, чтобы привести здесь два любопытных документа, изданных этим архиереем именно в это же самое время; тотчас же по возвращении из Москвы в свой епархиальный град Сарапул. В церковно-историческом отношении они интересны потому, что в них, до некоторой степени отражены те подпочвенные, замаскированные течения, царившие на Предсоборном обновленческом Совещании, --- о которых очень не любили говорить в печати и устно обновленческие деятели. Представители этих течений, хотя и различно, с некоторыми вариациями, но, в конце концов, требовали от своих “лидеров” одного и того же: примирения с Матерью-Церковью и Ее Главою Святейшим Патриархом Тихоном.

Как известно, “лидеры” до этого не допустили, резонно усмотрев в этом требовании, не более и не менее как совершенную капитуляцию “обновления Церкви”.

Итак: *1-й документ.*

“Циркулярно. Сарапульский епархиальный архиерей. 15(28).7.1924. № 301. Преосвященным викариям и о. о. благочинным Сарапульской епархии.

Считаю своей обязанностью осведомить духовенство Сарапульской епархии о следующем: в бытность мою в Москве, в начале июня месяца, я детально ознакомился с происходившим в Москве в то время обновленческим Предсоборным Совещанием, на которое обновленцы возлагали так много надежд и хочу осветить ход заседаний этого Совещания.

Сначала на Совещании рассматривался вопрос об управлении церковном и постановлено было ввести соборное управление с Синодом, а также и выборное начало при назначении на места священно-церковно-служителей, рассуждали о белом епископате, второбрачии духовенства, об отношении к сектантству по докладу В. З. Белоликова и др. На Совещании обра-

зовалась центральная группа большинства (во главе с профессором Б. В. Титлиновым), стоявшая за примирение с Патриархом Тихоном и требовавшая постановки этого вопроса на голосование Совещания для прекращения продолжающегося разделения в Русской Церкви и, если бы этот вопрос был проголосован, то пришлось бы согласиться с мнением большинства и раздору церковному положен был бы конец. Но, именующие себя митрополитами Евдоким (Мещерский) и Петр (Блинов) и меньшинство членов обновленческого Предсоборного Совещания не допустили голосования по данному вопросу и Совещание не пришло к единению. Таким образом мы видим усиленное тяготение большинства обновленцев к Патриарху Тихону как каноническому Первосвятителю Русской Церкви, и я сам видел у Его Святейшества депутацию членов Совещания, приходившую к Патриарху для переговоров о соединении с ним. В Москве я узнал, что сообщение именующего себя митрополитом Евдокима (Мещерского) о низложении Вселенской Патриархией Патриарха Тихона оказалось неправдоподобным, ибо Константинопольский Патриарх Григорий, с которым Патриарх Тихон находится в общении, так же как и с другими Патриархами: Фотием (Пероглу) Александрийским, Григорием (Аль-Хаддадом) Антиохийским, Дамианом (Касагос) Иерусалимским и Димитрием (Павловичем) Сербским, — канонически не может касаться дел Русской Церкви, не состоящей под его ведением, что на Предсоборном Совещании не было никаких трех восточных митрополитов, которых ждали в Москву, о чем оповещал именующий себя митрополитом Евдоким (Мещерский), что на Совещании не оглашалось никаких посланий Восточных Патриархов о признании ими и утверждении обновленческого Синода. Святейший поручил мне передать духовенству Сарапульской епархии о том, что переговоры об окончательном принятии в общение Красницкого ведутся и о возможности допущения его в состав Высшего Церковно-

го Управления при Патриархе, что Поместный Собор предполагается созвать им в 1924 г. или в следующем 1925 г., что в молитвенном общении с Красницким, принесшим покаяние Патриарху, последний пока не находится.

Именующий себя митрополитом Евдоким (Мещерский) освобожден от председательствования в обновленческом Синоде и получает трехмесячный отпуск — так о сем сообщали некоторые из членов Великого Предсоборного Сопещения...” (Архив Ижевской епархии.)

2-й документ.

“Божиею милостию, смиренный Алексей (Кузнецов), епископ Сарапульский, — всем верным чадам Святой Православной Церкви Сарапульской епархии, о Господе радоваться.

“Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь”, — говорит ап. Павел в 13 г. 9 ст. посл. к Евреям.

С этим апостольским наставлением я, по долгу своего архипастырства обращаюсь к вам, возлюбленные братие и сестры о Господе, прося вас не увлекаться распространяемыми различными учениями обновленцев, которые говорят, что нет обновления, что ничего нового у них не вводится в Церкви, что служат они по старому и что не нужно в Церкви допускать разделения. Давно ли они стали это проповедывать? С тех пор, как большинство верующих, поняв их сектантский дух в учении их, нетерпимость к мнениям других, их стремления к цели при отсутствии христианской любви и чувства доброжелательности, — отшатнулись от них, признав обновленцев раздорниками, схизматиками в церковном отношении. Кого они предостерегают от разделения? Ведь сами прекратили общение с законными, каноническими Православными архипастырями и пастырями, наставили, нарукополагали себе разных своих архиереев, не имеющих за собой никакой канонической основы, стали

назначать их на живые, не свободные архиерейские кафедры, начали вмешиваться в управление епархиями, объявили епископов старого поставления, не имеющих общения с обновленцами — чуждыми Православия, некоторых запретили в священнослужении и т. д., и т. д. Сами обновленцы внесли раздор в жизнь Церкви и сами же умоляют не производить разделения. Получается странное противоречие. Прекрати обновленцы свою раздорническую церковную деятельность, смута церковная сама собой уничтожится. Значит все дело умиротворения церковной жизни и прекращения церковных настроений зависит от самих обновленцев, которые сами должны оглянуться на себя и на свои деяния и сами к себе направить увещание св. Апостола Павла (1 Кор., 1, 10) и др.: “умоляю вас, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях”. Ведь обновленцы отлично видят и хорошо знают, что в среде их идут распри и происходят споры и разделения; единомыслия между обновленцами нет; замечается среди них вражда и недовольство взаимное; отношения их между собой чужды христианской любви и взаимной добросердечности: Евдоким (Мещерский), именующий себя митрополитом — отлучает Антонина (Грановского), Антонин (Грановский) громит Евдокима (Мещерского), Михаил (Бирюков) и Николай (Ашихмин), именующие себя епископами, разносят Михаила (Трубина), именующего себя епископом. Иоанникий (Соколовский), именующий себя епископом “Трудовой Церкви” — не имеет ничего общего с остальными обновленцами. Александр Введенский, именующий себя архиепископом, чувствует себя одиноким, а о. Красницкий совершенно откалывается от всех иных и приносит покаяние Патриарху. Где же правда и истина у обновленцев? Ведь они учат, что правда Божия на их стороне, они зовут к себе, даже насильно тащат, а между собою столкнуться, поладить не могут. “Разве разде-

лился Христос?” — спросим мы их вместе с Ап. Павлом (1 Кор. 1, 13), что среди них, обновленцев, нет единства, а происходят споры и разделения. Если они дерзают звать всех к миру, к прекращению церковных распрей, то значит у них пребывают мир и единение. Но видим совсем обратное — мира среди обновленцев нет, единомыслие среди них отсутствует. Как же они после этого осмеливаются звать к себе и учить о прекращении разделения церковного? “Вожди слепые”, — скажем мы словами Спасителя (Мф. XXIII, 21), — сначала примиритесь сами с собой, придите к церковному единению и поступите потом так, как поступают многие из вас — приносят покаяние и возвращаются к единству Православия, чтобы единым сердцем и едиными устами славить Господа и быть под духовным водительством Святейшего и законных архипастырей Церкви. Так, например, поступил недавно в Москве, после Великого Предсоборного обновленческого Совещания обновленческий архиепископ Александр Аккерманский, публично принесший в церкви покаяние и поведавший о своем разочаровании в обновленчестве, и особенно в неудовлетворенности от Предсоборного обновленческого Совещания, разбившего все его идеи и мечты и приведшего его к сознанию своего заблуждения в том, в чем он просил прощения и умолял о принятии его в церковное общество... Или не знают обновленцы, что первый обновленческий архиепископ Иван Иванович Альбинский, порвавший с обновлением, принес покаяние Святейшему, или им не ведомо о приносимых покаяниях другими обновленческими архиепископами: Артемием (Ильинским) Лужским, Иннокентием (Летяевым) Ставропольским и др. О, они хорошо знают об этом, но молчат. Или им не известно ничего о покаянии Красницкого, засвидетельствовавшего печатно о том, что Патриарх Тихон как Глава нашей Православной Церкви, сохраняя всегда строгое единение в области церковного вероучения, со всюю массою церковного народа стоял на страже веры во все время своего пат-

риаршего служения. Обновленцы хорошо осведомлены о том, что Красницкий печатно призывает к единению с Патриархом, с прекращением соблазна и разделения ради церковного мира и единения всех во единой вере Православной, сознавая допущенные им, о. Красницким, ошибки и разделения в церковном деле. Наконец, наши обновленцы отлично осведомлены о тяготении к Святейшему не только верующих масс, но большинства обновленцев, что особенно ярко вывилось на Великом Предсоборном обновленческом Совещании в Москве, где большинство членов требовало примирения с Патриархом Тихоном. Меньшинство этого не желало и скомкало все Совещание, не приведшее к единению, которого оно, значит, не желает. А потому, все уверения обновленцев о прекращении разделения, все призывы к этому, при наличии их нежелания идти по стопам в этом отношении большинства обновленцев, сознавших фальш обновления и раскаявшихся в своем заблуждении, — дышат лицемерием, неискренностью и вызывают в верующих осторожную опасливость и недоверчивость к сладким речам обновленцев, заговоривших теперь другим языком, которым они произносят медоточивые речи о церковном единении, а в сердце своем таят яд сектантства и церковного раздорничества.

“Блюдитесь, братие, да никто же вы прельщает тщетною лестию,” — скажу вам словами Ап. Павла — “и берегитесь от творящих церковные раздоры и соблазны. Имеяй уши слышати — да слышит”.

1 (14) 8. 1924

Епископ Алексей (Кузнецов).

“С подлинным верно. Благодичинный К. Овчинников.

Предлагается членам причтов храмов: Люкского, Никольского, Б.-Норьинского, Романовского и Ильинского для переписки и прочтения в храмах и возвращения обратно, а потому о. настоятель храма по снятии копии потрудится переслать настоящее послание по указанному расписанию.

15(28).8.1924

Благочинный, Свящ. К. Овчинников.

(Архив Ижевской епархии.)

В пояснение приведенных документов добавим: на открывшемся в Москве 10(23).6.1924 года обновленческом “Великом Предсоборном Сопещании” действительно, как сказано выше, выделяется некая “центральная группа большинства”, возглавляемая известным обновленцем, профессором Б. В. Титлиновым, стоящая за примирение со Святейшим Патриархом Тихоном, но конечно, на известных условиях.

Однако, под давлением злостных обновленческих “лидеров”, “митрополитов” Евдокима (Меццарского) и, главным образом, Петра (Блинова), вопрос о примирении всячески заминается и на голосование не ставится.

Тем не менее депутация членов “Великого Предсоборного Сопещания”, состоящая из представителей “центральной группы большинства”, является в Донской монастырь к Святейшему Патриарху для переговоров о способах своего воссоединения с Православной Церковью.

Тогда для спасения своего положения и в пику “группе большинства”, Сопещание в своем официальном приветственном обращении к Правительству, “между прочим” сообщает, что одной из главнейших его (Сопещания) задач, будто бы “...является полное и безусловное отмежевание от Тихона...”

Можно думать, что это заявление подсказано было со стороны ведомства Е. А. Тучкова, потребовавшего от обновленцев ясного и четкого ответа об их истинном тогдашнем отношении к вопросу о примирении с Патриархом.

Особенно нервирует “Великое Предсоборное Сопещание” полное игнорирование его со стороны Православной Церкви: Святейшего Патриарха Тихона и его Высшего Церковного Управления. За этой мертвой тишиной обновленцы со всей очевидностью усматривают спокойствие и величие силы и правды; молчаливое осуждение всей их минувшей и настоя-

щей деятельности. Наиболее чуткие из них со всей ясностью сознают, что обновленческая авантюра окончательно зашла в тупик.

Гражданская печать, весьма небезразличная и нервозно-ревнивая к судьбе обновленчества, старается подхлестнуть активность его “лидеров” едкими высказываниями на своих страницах:

“...К Тихону вернулось Совещание в последний день своей работы...

...И Совещание сыплет громы и молнии на голову ... Тихона.

Опять профессор Покровский (А. И., “знаменитый”. Сост.) с исторической точки зрения доказывает ненужность патриаршества. Опять президиум с затаенной надеждой ждет хоть маленького скандалчика и...

Опять ничего...”

“Безбожник” на своих страницах характеризует “Великое Предсоборное Совещание” как “живой труп”!

(“Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви”. № 3, 1925; то же № 6, 1926; “Известия”. № 86-2121, № 166-2201 1924.)

Приведенные нами выше акты, изданные Преосвященным Сарапульским Алексием (Кузнецовым) особенно ценны потому, что с исчерпывающей полнотой и искренностью отражают тот церковно-исторический момент, чрезвычайно острый и интересный сам по себе. Это получилось, очевидно, потому, что автор этих документов сам только что вырвался из-под обновленческого гнета, незадолго до того (в мае мес. 1924 г.) принесся Святейшему свое раскаяние в грехе отпадения в раскол, словом, извизался как мог в самой гуще тогдашних тяжелых событий.

При этих условиях отсиживаться в эмигрантской недосыгаемости, вне пределов “церковного землетрясения” и пописывать ядовитые мемуарчики, обозначая ярлыком “распутинца” всех несимпатичных лиц, как это проделывал протопресвитер Г. И. Шавельский и ему подобные, избравшие такую же “благуо часть”, — заслуга не велика!...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Владимир Николаевич Львов
Обер-прокурор Святейшего Синода
при Временном Правительстве Керенского
(Фото из "20-й Век" №12, 1917 г.)

Запрещенный в священнослужении
священник Александр Иванович Введенский:
“Блаженнейший и Святейший Первоиерарх
православных Церквей в СССР”.

“... Все стремления обновленцев, ценою разрыва с Православной Церковью и даже открытого восстания против Нее, свелись, в конце-концов, к одной цели: ”Брачный епископат и второбрачие священнослужителей”, со всеми, конечно, мирскими принадлежностями этого института: стрижка, бритье, завивка, модные костюмы, театр и т.под.

Больше этого обновленцы пока еще ничего не сделали...” (“Обновленцы...” Затворник А. Уфа. 1927)

Запрещенный в священнослужении,
петроградский священник Александр Иванович Введенский;
“столп и утверждение” обновленческого раскола
и “моральный убийца митрополита Вениамина (Казанского)”

(“Воскресн. Чтение” №43 1927). На фотографии — снят в облачении Святейшего Патриарха Тихона; кроме двух панагий и креста, возложил на себя еще: крест докторский и ромбовидный реликварий с частицей св. мощей Иоанна Златоустого, с которым впоследствии и погребен, — по его указанию.

Пленум "Собора" 1923 г.
(Фото Кузнецова. "Красная Нива" №20, 1923 г.)

Новый состав ВЦУ ("Высшего Церковного Управления" обновленцев) переименованного на "Соборе" 1923 г. в ВЦС ("Высший Церковный Совет"). Стоят (слева-направо): второй - протоиерей Павел Красотин; третий - протоиерей Боярский; четвертый - "мирянин" Новиков. Сидят (слева-направо): второй - "протопресвитер всея Руси" Красницкий В.Д.; третий - "митрополит всея Сибири" Петр Блинов; четвертый - "митрополит Московский" (без "всея Руси"! Сост.) Антонин (Грановский); пятый - "архиепископ" Воронежский Петр (Сергеев); седьмой - протодиакон Добров.
(Фото Кузнецова. "Красная Нива" №20, 1923 г.)

Блаженнейший Сергей,
Митрополит Московский и Коломенский.
Местоблюститель патриаршего престола. 1934 г.

**“Апостол Алтая”
Высокопреосвященный Макарий (Невский),
митрополит Московский и Коломенский.**

Снимок сделан в 20-х гг., в Николо-Угрешском монастыре, под Москвой, где митрополит, будучи на покое, проживал до закрытия этого монастыря. Затем не долгое время жил в с. Котельники, где вскоре и умер; погребен при церкви, а позже прах перенесен в Троице-Сергиевскую лавру, — под Успенский собор.

Митрополит Вениамин (Федченков)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Молитва Святителю Тихону, Патриарху Всероссийскому	3
Предисловие	6

1. Шавельский Г.И.

Архиепископ Виленский и Литовский Тихон в Синоде	13
Протопресвитер Шавельский в Вильне	19
Белогвардейский собор в Ставрополе и архиепископ Агафодор	19
<i>Примечания и дополнения . . . . .</i>	23

2. Неизвестный автор

Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси	71
От школьной скамьи до патриаршего престола	71
Святейший Тихон	77
Патриарх Московский и всея России	80
Обновленческий раскол	91
Любовь и ненависть	96
От патриаршего престола к Престолу Господню	101
“Земля еси — и в землю отыдеши”	105
<i>Примечания и дополнения . . . . .</i>	109

3. Монахиня Анфия

Без мыла	192
Исцеление расслабленного на Троицком подворье	193
Патриарх Тихон на Серафимо-Дивеевском подворье	197
<i>Примечания и дополнения . . . . .</i>	197

4. Митрополит Вениамин (Федченков)

Сон доктора М-на	205
----------------------------	-----

Несколько строк из “Записок епископа” 207

Примечания и дополнения 208

5. Василевский И.И.

О.Л. Книппер-Чехова в Соборной палате 230

Примечания и дополнения 233

6. Кузнецов А.И.

Мои воспоминания о встречах
с Патриархом Тихоном 246

Примечания и дополнения 265

О проповедях владыки Фаддея (Успенского) . . . 337

М.Смыслов 358

А.А.Соловьев 359

Примечания 402

Приложение 439

ISBN-5-7373-0013-7

**Патриарх Тихон и история русской церковной
смуты. Сост. М.Е. Губонин**

Отв. редактор А. Блинский
Редактор-составитель свящ. Д. Галкин
Редактор А. Корюшкин
Тех. редактор И. Пономарева
Корректор О. Казаков
Набор Е. Жданова
Художник С. Павлов

Сдано в набор 15.02.94. Подписано в печать 28.06.94.

Тираж 10000. 28 печ.л., заказ №3134.

Изд-во “САТИСЬ”, 199004, С-Петербург, В.О. 7 линия, д.36, кв.26.

Санкт-Петербургская типография №1, “Наука”, 199034, В.О. 9 линия, д.12.